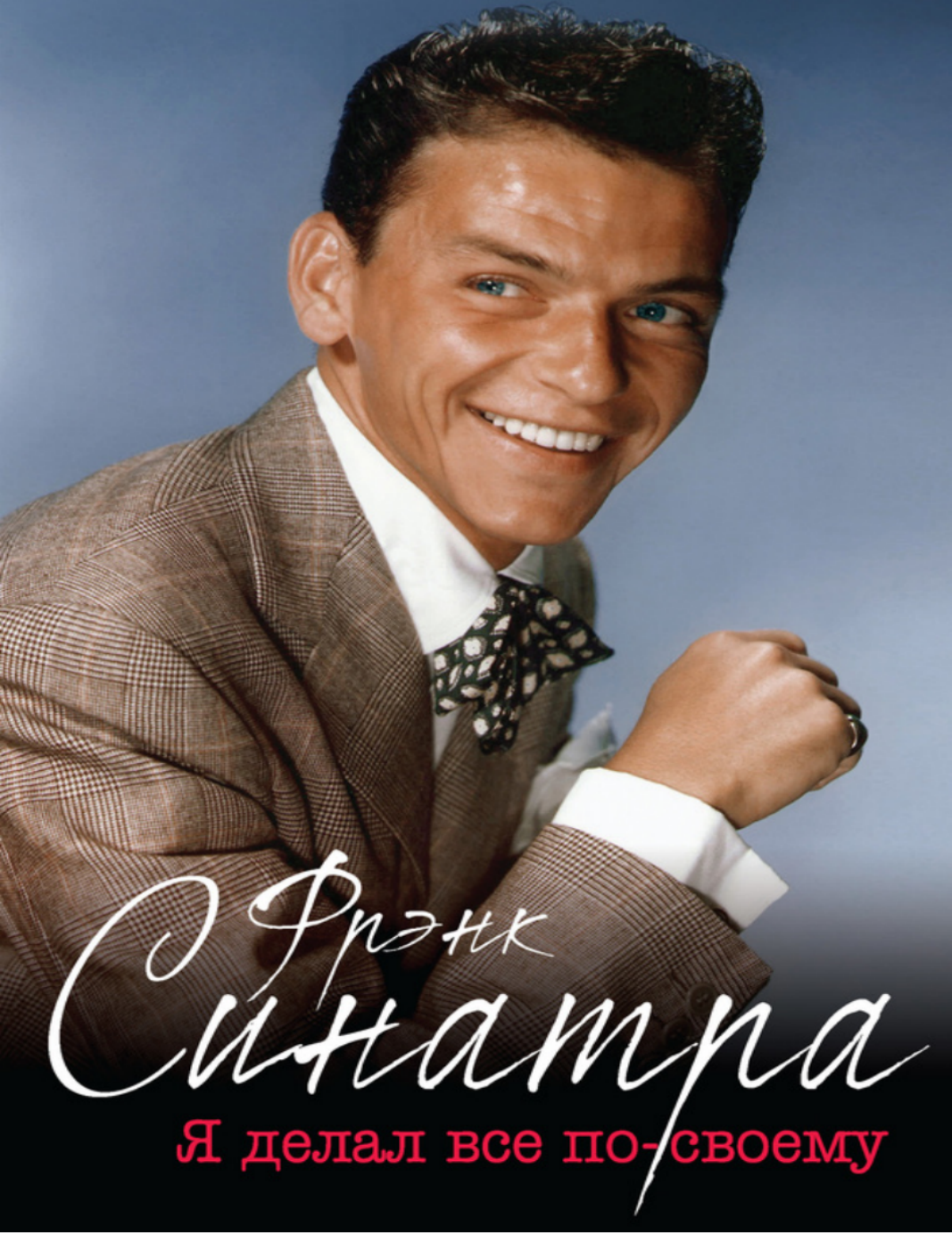

Фрэнк
Синатра
Я делал все по-своему

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Фрэнк Синатра – больше чем легенда. Это едва ли не единственный образ Америки, оставшийся безупречным, несмотря ни на что. Эта книга считается его лучшей биографией. И не только потому, что ее автор – Рэнди Тараборрелли, допущенный в «ближний круг» своего кумира, много лет собирал воспоминания и рассказы о Фрэнке с почти полутысячи его знакомых (включая ближайших родственников). Но и потому, что эту книгу в каком-то смысле «благословил» сам Синатра, почувствовав, что именно Тараборрелли удается глубже и точнее всех остальных биографов раскрыть сложную, противоречивую, мятущуюся, необыкновенно глубокую натуру «Мистера Голубые Глаза» – не столько Синатры-музыканта, сколько Синатры-человека. И еще потому, что со страниц этой книги звучит живой голос Синатры – его воспоминания о детских годах и юности, размышления о музыке, емкие и порой едкие комментарии о мире шоу-бизнеса и политике, теплые слова о друзьях позволяют читателю ощутить себя один на один с величайшим, единственным и неповторимым Фрэнком Синатрой.

- Рэнди Тараборрелли
  - ○
  - ○
  - ○ Авторское примечание к изданию 2015 года
  - ○ Предисловие
  - ○ Часть первая
    - ■ L’America
    - ■ Марти плюс Долли
    - ■ Фрэнк родился
    - ■ Детство Фрэнка
    - ■ Жизнь в Хобокене
    - ■ Первые порывы
    - ■ Нэнси
    - ■ Начало карьеры
    - ■ Повитуха
    - ■ «Впусти Фрэнки»
    - ■ Тони
    - ■ Фрэнк женится на Нэнси
  - ○ Часть вторая
    - ■ Гарри Джеймс
    - ■ Томми Дорси
    - ■ Брак дает трещину

- Разрыв с Дорси
- «Синатрамания»
- «А куда деваться?»
- 1943 год
- Разрыв контракта с Дорси
- «Поднять якоря!» Отчаливаем в Лос-Анджелес

○ Часть третья
- Голос: 1945–1946
- Дом, в котором он живет
- Мэрилин Максвелл
- Лана Тернер
- Вмешательство семьи
- Бриллиантовый браслет
- Фрэнк и мафия
- Нэнси принимает решение
- С «ребятами» на Кубе
- Сожаления

○ Часть четвертая
- Ава Гарднер
- 1948–1949
- Начало романа
- «Не дождется!»
- Чересчур предусмотрительная женщина
- Прибежище
- Ава: «Когда-нибудь Нэнси скажет мне спасибо»
- Фрэнк в клубе «Копакабана»
- Разборка
- На грани отчаяния
- Чем дальше, тем страшней
- Нэнси требует раздельного проживания
- 1951 год
- Попытки суицида
- Фрэнк и Ава женятся

○ Часть пятая
- Ему осталась только мечта
- «Могамбо»
- Беременности Авы
- Съемки фильма «Отныне и во веки веков»
- Контракт с «Кэпитол Рекордз»

○ Часть шестая
- Успех
- Последняя капля
- Капиталовложения в Вегас
- Мэрилин Монро: дубль один

- «Это после Фрэнка-то?»
- 1954 год. «Оскар»
- Золотой век
- Вожак Крысиной стаи
- Лорен Бэколл, она же Бетти
- «Который папа – настоящий?»
- 1957–1958
- Разбитое сердце Бетти

○ Часть седьмая
- Крысиная стая
- Джон Фицджеральд Кеннеди
- Дуализм
- «Одной ногой в Белом доме»
- Клан Кеннеди задумывает откреститься от Фрэнка и Сэмми

○ Часть восьмая
- «Реприза»
- Гала-концерт накануне инаугурации
- Сделка с дьяволом
- Возвращение Мэрилин Монро
- Синатра предает Сэма Джанкану
- Проблемы с Мэрилин
- Облом с визитом Джона Кеннеди
- Фрэнк планирует жениться на Мэрилин
- Воспоминания о Мэрилин
- Свинг-1963
- Синатра лишается лицензии на ведение игорного бизнеса

○ Часть девятая
- Как планировалось похищение
- Расстройство сознания
- Похищение Фрэнки
- «Похитить моего сына? Да как они могли?»
- На волосок от… спасения?
- «Убей меня – и увидишь, что будет»
- Требование выкупа
- «Ты ведь понимаешь, что ты – труп»
- Фрэнки в безопасности
- Поимка похитителей
- Дети Синатры взрослеют

○ Часть десятая
- Миа
- Первые признаки влюбленности
- Фрэнк и Миа в Палм-Спрингз

- «Познаю тебя»
- Первые тревожные звоночки
- Не в своей тарелке
- Обратная сторона Фрэнка
- Слово Синатре поперек
- Развод Нэнси-младшей
- Долли о Миа: «Нашел себе головную боль!»
- Как быть с Миа?
- Девчачий атрибут
- «Ботинки» и «Незнакомцы»
- Миа знакомится с семьей Фрэнка
- Фрэнк и Миа женятся
- Злой Синатра
- «Что-нибудь дурацкое»
- «Ребенок Розмари»
- Развод в стиле Синатры
- Боль
- Кода

○ Часть одиннадцатая
- Время перемен
- «По-моему»
- Марти Синатра: покойся с миром
- Новые вопросы о связях с мафией
- Пора на покой?

○ Часть двенадцатая
- Барбара Маркс
- Барбара: попытки вписаться
- По ЕЁ велению
- Фрэнк обручается с Барбарой
- Брачный контракт: не ждали?
- Фрэнк и Барбара женятся
- Гибель Долли
- «Кто она такая, чтоб распоряжаться бабушкиным добром?»
- Усыновление нового Синатры?
- Тайное аннулирование брака
- «Трилогия»
- «Кто сделал этот снимок?»
- Можно подумать, у нее был выбор!

○ Часть тринадцатая
- Фрэнк и Барбара расстаются
- Удручен своей биографией в исполнении Китти Келли
- «Папа был бы доволен»?

        - Крысиная стая возвращается?
        - Проблемы с Дином
        - Дочери Синатры протестуют
        - Ава: «Мне всегда казалось, что у нас еще будет… время»
        - Сэмми: покойся с миром
        - Отношения отца и сына улучшаются
        - Возвращение блудных дочерей
        - Альбом «Дуэты»
        - Напоследок
        - Барбара: «Восьмидесятый день рождения Фрэнк отметит по-моему!»
    - Часть четырнадцатая
        -
        - Семейные распри накануне восьмидесятилетия
        - «Прощай, папа»
        - Четвертая свадебная церемония
        - Окруженный любовью
        - Финал
    - Послесловие. Итоговые размышления
    - Мои источники для издания 2015 года
    - Благодарности
    - Фотографии
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17

Рэнди Тараборрелли
Фрэнк Синатра. «Я делал все по-своему»

Посвящается Розмари Тараборрелли

J. Randy Taraborrelly
SINATRA: BEHIND THE LEGEND
Copyright © 2015 by Rose Books, Inc.

© Фокина Ю., перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

* * *

Я не пытаюсь познать тайны жизни. Я просто живу, день за днем, и принимаю то, что дает жизнь… Я наслаждался ею, у меня были хорошие друзья, замечательная семья. Едва ли можно просить судьбу о чем-то большем. Того, что она мне дала, вполне достаточно.

Фрэнк Синатра

Он ошибался, был скор на суждения и осуждения, не в меру горяч – но он знал радость и страсть, а еще у него была музыка. Подобных Фрэнку Синатре не рождалось на свет – и не родится, по крайней мере, в обозримом будущем. Он был из особого теста, таких изготавливают в единственном экземпляре. И его, без сомнения, это устраивало.

Рэнди Тараборрелли

Авторское примечание к изданию 2015 года

Почти двадцать лет назад я завершил черновой вариант этой книги. Последняя точка в рукописи была поставлена мною в ноябре 1996 года. Через год, опять же в ноябре, рукопись увидела свет. Называлась она «Синатра: По ту сторону легенды».

С Фрэнком Синатрой я встречался четыре раза – в Лос-Анджелесе и Лас-Вегасе, в восьмидесятые годы. За кулисами, после его концертов. Конечно, подобные встречи со знаменитостями ограничиваются выражением восхищения, но и это не безделица. Как-никак, а целых четыре раза я имел возможность пожать руку великого человека и сказать ему, сколь много он и его творчество значат для меня – американца с итальянскими корнями – и моей семьи.

– Спасибо на добром слове, – ответил Синатра после концерта по случаю открытия амфитеатра «Юниверсал» в Лос-Анджелесе.

Это было 30 июля 1982 года. В концерте также участвовала дочь Синатры, Нэнси.

– Я очень ценю вашу похвалу. Всегда приятно встретить такого же макаронника, как ты сам, – добавил Синатра с улыбкой, а Нэнси воскликнула:

– Папа, ну разве можно так! А вдруг этот человек напишет, что ты назвал его макаронником?

Нэнси шутила; Фрэнк шутку понял.

– Не напишет, не бойся, дочка, – сказал он. – Настоящий макаронник вроде этого знает, чем такая писанина чревата.

И Синатра подмигнул мне. Я, конечно, знал, чем такая писанина чревата, потому и выждал тридцать два года и только сейчас привожу хохму.

Для этой книги я буквально закопался в материалах о жизни Фрэнка Синатры; выяснилось, что у нас с ним много общего. И всё-таки я жаждал взять у Синатры настоящее, полноценное интервью. Первую попытку я предпринял в 1996 году, вторую – в 1997-м. Оба раза я не угадывал со временем – Фрэнк был болен, интервью срывались.

– Не ждите – не дождетесь, – сказала его первая жена, Нэнси. – Вы, пожалуй, на несколько лет опоздали.

Я всё понял. Кроме Синатры, у меня было достаточно желанных персон для интервью. Например, я мечтал встретиться с Дином Мартином и Сэмми Дэвисом-младшим – и сделать это не

составляло труда. (Читатель, любящий подробности, может обнаружить таковые в списке источников в конце книги.)

Никогда не знаешь заранее, куда тебя, биографа, заведет погоня за информацией, что за люди встретятся в ходе приключения. Работая над данной книгой, я брал интервью у целого ряда ярких, неординарных персонажей, в том числе и у похитителя Фрэнка Синатры-младшего.

Мне было лет семь, когда я узнал, что похищен сын Фрэнка Синатры. Наверно, потому, что о Фрэнке и его связях с мафией я кое-что слыхал от своих деда и бабки – иммигрантов из Италии, – мне подумалось: «Какой идиот мог похитить сына самого Фрэнка Синатры?» В силу своего нежного возраста я не понимал, насколько серьезная сложилась ситуация. Возмужав, я решил во всем разобраться. Я отыскал Барри Кинана, который никогда раньше не рассказывал свою историю иначе как в форме признания на суде. Мне было полезно выслушать полный отчет об одном из самых нашумевших преступлений шестидесятых годов, притом из первых рук. На страницах данной книги эти подробности ждут и многоуважаемого читателя.

В мае 1998-го, примерно через полгода после публикации книги «Синатра: По ту сторону легенды», я всё еще рекламировал свое детище по телевидению. Тогда-то и скончался Синатра. Книга была тотчас же переиздана в твердом переплете под новым названием: «Синатра: Вся жизнь». После чего мне принялись звонить и писать все кому не лень. На меня сыпался град упреков: я-де не связался с А или с Б, в результате чего упустил важную информацию о Фрэнке Синатре. Понимаю: цель биографа – опросить как можно больше лиц, знавших объект исследований, но нельзя же (да и не надо) входить в контакт с каждым таким лицом. (Мы с моими помощниками и так нашли более четырехсот.)

Радуясь, что источников настолько прибавилось, в январе 1999 года я взялся за «издание второе, расширенное и дополненное». В частности, я общался с камердинером Фрэнка, Джорджем Джейкобсом (всего у нас с ним было три интервью).

Вдобавок я снова прокрутил записи прежних интервью и извлек из них дополнительный материал. Однако, прежде чем новая книга (которая должна была появиться в бумажной обложке) получила возможность увидеть свет, мой издатель вышел из бизнеса. Таким образом, на сегодняшний день доступно только издание 1998 года в твердом переплете. Теперь, спустя восемнадцать лет, к столетию со дня рождения Фрэнка Синатры, я с гордостью представляю дополненную версию книги «Синатра: Вся жизнь». Вот эту самую книгу – «Синатра: Я делал всё по-

своему».

Дж. Рэнди Тараборрелли

Лето 2015

Предисловие

Пожалуй, я бы хотел, чтобы меня запомнили как исполнителя-новатора, чтобы оценили мою особенную манеру исполнения песен. Надеюсь, другие певцы станут учиться петь, как я, и мое искусство меня переживет. А еще я хочу, чтобы обо мне говорили: этот человек наслаждался жизнью, у него были хорошие друзья, замечательная семья. Едва ли можно просить судьбу о чем-то большем. Того, что она мне дала, вполне достаточно.

Фрэнк Синатра в интервью Уолтеру Кронкайту,[1] 16 ноября 1965 г.

Фрэнк Синатра – как дефектный алмаз: поверхность сияет, а внутри – так называемые включения, портящие качество. Разумеется, именно они, включения, или скрытые пороки, и делали Фрэнка живым; именно они во многом определяли его характер. Всякому, кто хочет до конца понять Фрэнка Синатру, следует пересечь реку Гудзон в районе нижнего Манхэттена и попасть в городок под названием Хобокен штата Нью-Джерси, где Синатра еще при жизни стал легендой.

К какому жителю Хобокена ни подступи – он непременно водит дружбу с человеком, у которого приятель или родственник знавал либо самого Фрэнка, либо его близких. Любой бармен итальянского происхождения, любой владелец кондитерской, химчистки или комиссионки, любой работник пиццерии старше пятидесяти лет готов поделиться с вами случаем из жизни Синатры, пикантной подробностью о Синатре или анекдотом про Синатру. Каждый жаждет сообщить о том, как он соприкоснулся со знаменитостью. Короче, Синатра давно уже стал персонажем местной хобокенской мифологии.

Неудивительно, ведь Синатра – самый знаменитый уроженец Хобокена. Хобокенцы его обожают и гордятся им. Это видно по лицу всякого, кто говорит о Синатре, вытаскивая из бумажника потертую фотографию, сделанную во время концерта «Фрэнки» в «Латин казино» в Черри-Хиллз. Тем же огнем горят глаза

истинного хобокенца, когда он ставит в музыкальном автомате «ту самую» композицию Синатры, под которую танцевал на собственной свадьбе и под которую, без сомнения, будут танцевать его брачующиеся дети, а то и внуки. «Ту самую» композицию, от которой до сих пор слезы наворачиваются.

Поэтому-то в Хобокене – городе, где застекленный второй этаж публичной библиотеки превращен в этакий мемориал – биографу нужно особенно тщательно фильтровать информацию, чтобы не намешать в свое произведение наряду с проверенными фактами и местных мифов. Легендам нет конца, они, обрастая подробностями, передаются из поколения в поколение, – и в результате никто уже и не помнит, откуда взялась информация, и тем более не задумывается о ее достоверности.

Впрочем, и правда, и вымыслы о Синатре доказывают, насколько масштабно его влияние не только на население Хобокена, но и на всю нашу культуру. Одно бесспорно: нет человека более популярного, уважаемого и обожаемого, чем тот, кого хобокенцы запросто называют «Фрэнки».

Часть первая
Начало

L’America

В конце девятнадцатого века Хобокен являлся бедным, захудалым городишкой. Некогда – курорт, излюбленное место отдыха богатых ньюйоркцев – он явно пережил свою славу. В то же время многочисленным амбициозным иммигрантам Хобокен казался городом больших возможностей. С надеждой в сердце, зачастую без гроша, прибывали они в Новый Свет на переполненных, кишащих крысами пассажирских пароходах, а то и добирались кое-как на грузовых судах в антисанитарных условиях. Голландцы, шведы, финны, англичане, ирландцы и шотландцы успели в Америку до 1700 г. Немцы и французские гугеноты – до 1750 г. Ирландцы, бежавшие с родины из-за Великого картофельного голода, управились с переселением к 1845 году. Многие из них пошли работать на фабрики, вместо того чтобы, как в Ирландии, заняться фермерством. Немцы прихлынули в 1848-м, после революции, не оправдавшей надежд на демократию. Именно немцы оказались самыми образованными из иммигрантов; именно они быстро составили городскую аристократию. К тому времени Нью-Джерси – его еще называли «Иностранным штатом» из-за обилия иммигрантов – ударными темпами индустриализировался. Процесс пошел в 1830 году, когда в штате начала развиваться сеть каналов и железных дорог. Даром что в Нью-Джерси оставалось немало фермерских хозяйств, многочисленные фабрики производили стекло, железо, бензин, обрабатывали кожи, шили военную форму. (Кольт выпускал свои знаменитые револьверы, пока не обанкротился и не перебрался из Нью-Джерси в Коннектикут.) Также в Нью-Джерси делали одежду, шляпы, кареты, мебель и еще уйму товаров повседневного спроса. Рабочие для фабрик целыми партиями регулярно поступали из Нью-Йорка, расположенного на противоположном берегу.

Производство было выгодно для развития штата, но в результате стирались границы между районами. В 1861 году один из бизнесменов, Чарльз К. Лэндис, решил, что хорошо было бы построить Вайнленд – деловой и промышленный центр, которым управляли бы жители Новой Англии. Легко сказать – построить! Нужны рабочие для вырубки лесов, а впоследствии – для выращивания сельхозпродукции, чтобы кормить местных жителей. Лэндис решил, что на эту роль отлично подойдут выносливые и работящие итальянцы. Поэтому Лэндис разослал по итальянским городам рекламки, которые расхваливали широкие тенистые улицы и средиземноморский климат несуществующего

Вайнленда. Неудивительно, что итальянцы с огромным энтузиазмом ринулись в новые земли, которые называли «l'America». Пожалуй, это была первая партия иммигрантов, ехавших не от плохой жизни, а с расчетом на жизнь лучшую. Среди прочих снялись с места супруги Синатра, Джон и Роза, уроженцы сицилийского города Агридженто. Они отправились в Америку вскоре после рождения сына, Энтони Мартина, сокращенно – Марти (которому суждено было стать отцом Фрэнка). Прибыв в Хобокен, Синатры влились в ряды местного рабочего класса.

Этот город сулил кардинальное изменение жизни, удачу, возможность заработать невообразимое количество денег. Ключевое слово – «сулил».

На деле оказалось другое. Мечту, конечно, никто не отменял, но иммигрантская жизнь в Америке предполагала бесконечную борьбу. Приемные дети Америки ежедневно сталкивались с новыми вызовами своему мужеству и стойкости, а часто – и гордости. Труд был непомерно тяжел; вновь прибывших определяли на скверно оборудованные фабрики или на грязную и унизительную работу вроде уборки мусора. Везеньем считалось – причем на протяжении многих поколений американцев итальянского происхождения, – если иммигрант устраивался парикмахером. Что касается Джона Синатры, не умевшего ни читать, ни писать, он кормил семью, изготовляя карандаши для компании-производителя канцтоваров. Ему платили одиннадцать долларов в неделю.

Некоторые иммигранты очень скоро пришли к выводу, что на родине им было бы куда лучше; пав духом, они возвращались в Италию. Другие продолжали влачить жалкую жизнь в Штатах, проклиная тот день, когда им взбрело в голову покинуть родные края.

Но были и такие, кто сумел выбиться. Такие, кому, как Джону и Розе, удалось добиться успеха. Сами себя они считали счастливцами и радовались, что обеспечили будущее своим детям.

К 1910 году Нью-Джерси стал штатом с самым высоким процентом иммигрантов. Перепись населения показала, что похвастаться родителями – уроженцами этого штата – могут менее сорока процентов местных жителей. Хобокен не являлся исключением. В частности, в западном районе Хобокена, состоявшем из пяти кварталов, соседствовали армяне, англичане, французы, немцы, греки, итальянцы, испанцы, турки, сирийцы, румыны, поляки, русские, китайцы, японцы, австрийцы, швейцарцы, евреи, бельгийцы и голландцы. На каждую партию

вновь прибывших старожилы смотрели свысока. Зачастую новички не находили ни поддержки, ни понимания даже у своих земляков, которые успели закрепиться в Америке. Что касается Хобокена, здесь, как и во всем штате, социальной элитой были немцы. Они даже издавали несколько газет на немецком языке, например, «Biergarten»,[2] и имели свой ансамбль духовых инструментов. Их власть в Хобокене длилась до 1914 года. Когда началась Первая мировая война, прогерманские симпатии этнических немцев привели к тому, что их стали арестовывать по подозрению в шпионаже. Многих держали под надзором до самого конца войны. Место элиты заняли ирландцы.

Даром что многие из ирландцев были бедны и имели репутацию хулиганов и бузотеров – им удалось прийти к пониманию внутри своей этнической группы, установить свои правила на официальном уровне.

Итальянцы занимали третью ступень социальной лестницы – после немцев и ирландцев. В то время как немцы и ирландцы жили в просторных домах с удобствами, итальянцы ютились в съемных лачугах. На них смотрели свысока; над ними смеялись; их считали простаками. Район под названием «Маленькая Италия», в котором они обитали, имел репутацию гетто. Но, подобно всем народам и этническим группам, итальянские иммигранты были людьми гордыми и нацеленными на достижение лучшей доли для себя и своих детей. Ощущая себя частью нации, подарившей миру множество великих людей, итальянские иммигранты усвоили соответствующий образ мыслей и линию поведения. Несмотря на свой тогдашний статус, они сохраняли чувство собственного достоинства и соответствующим образом воспитывали детей.

Родитель-итальянец уделял дисциплине массу времени. Дать расшалившемуся малышу подзатыльник имел право даже сосед, а то и вовсе незнакомый человек. Это считалось нормой. Из некоторых книг о Синатре может сложиться впечатление, будто Хобокен был сущим адом. На самом деле для всех иммигрантов он сделался домом. Ведь, как бы трудно им ни жилось, всё равно здесь, в Штатах, оказалось лучше, чем на родине. Здесь их дети могли мечтать. Пусть у них не было денег, зато у них было нечто большее – свобода и надежда.

Юные американцы итальянского происхождения, даром что учились уважать себя и старших, оставались в душе бойцами. Бунтарство было у них в крови. Как и стойкость, выдержка, цепкость. Напористость, самоуверенность, а порой и агрессивность, казалось, от рождения свойственны иммигрантскому сыну или внуку. Как всегда бывает в районах,

населенных беднотой, подростки сбивались в стаи.

«С такими соседями надо держать ухо востро, – признавалась Тина Донато, внучка хобокенских иммигрантов. – Улица не прощает ни трусости, ни наивности, ни беззаботности. В Хобокене царил особый дух. Без сомнения, Фрэнк Синатра родился в городе, где кипели самые настоящие страсти».

Марти плюс Долли

Родители Фрэнка Синатры росли в несхожих условиях как экономических, так и культурных. Неудивительно, что их характеры формировались по-разному.

Марти Синатра (настоящее имя Антонио Мартино Синатра) родился 4 мая 1892 года в Леркара-Фридди, провинция Палермо, что, как известно, на Сицилии. У Марти были голубые глаза, густой румянец и энное количество татуировок. А еще у Марти была астма – результат работы на компанию-производителя канцтоваров.

– Отец с ранних лет вдыхал карандашную пыль – она-то и сгубила его легкие, – говорил Фрэнк. – А куда было деваться? Где бы он взял учителя английского языка?

В результате Марти Синатра стал боксером и выступал под именем Марти О'Брайан. Он сам и его родители сочли, что в Хобокене как на неофициальном, так и на официальном уровне, контролируемом по большей части ирландцами, легче будет добиться успеха под ирландской фамилией. О'Брайаном звался импресарио Марти. Позднее, в 1926 году, после перелома запястья, Марти стал работать котельщиком в доке.

– Папа был человек тихий и обходительный, – вспоминал Фрэнк. – И ужасно одинокий. И застенчивый. Мучился от болезни легких. Когда его начинал бить кашель, он тотчас исчезал. Казалось, он через стену может пройти, лишь бы никого не обеспокоить своими хрипами. Я в нем души не чаял.

Марти влюбился в белокурую и синеглазую Натали Кэтрин Гаравенте (по-домашнему ее называли Долли – то есть Куколка). Дочь иммигрантов из Генуи, Долли родилась в Италии 26 декабря 1896 года и в двухлетнем возрасте была увезена родителями в Штаты. Из-за белой кожи ее часто принимали за ирландку (позднее Долли умело и часто пользовалась этим всеобщим заблуждением).

Несмотря на несходство характеров и происхождения, роман развивался бурно. Тихий, склонный к размышлениям и сомнениям Марти – и шумная, импульсивная, страстная, вспыльчивая Долли! Решительность и энергичность обыкновенно делали ее победительницей в спорах и ссорах с возлюбленным. Марти был амбициозен – в противном случае Долли бы на него и не взглянула, ведь она презирала инертных мужчин – и в то же время обладал нравом куда более мягким, чем его подруга. Имел место и другой фактор. Предки Марти были виноградарями; предки Долли испокон занимались печатанием литографий и все

как один получали образование. Марти в отличие от Долли грамотой не владел. Его родители крайне скептически отнеслись к увлечению сына. Во-первых, они сильно недолюбливали генуэзцев, чувствуя их презрение к «не-элите». А во-вторых, они хотели, чтобы Марти женился на «ровне» – какой-нибудь милой сицилийской девушке. Понятно, что и родители Долли были далеко не в восторге от выбора дочери. И речи не шло о том, чтобы ставить каких-то там сицилийцев на одну доску с ними, с генуэзцами. Вдобавок чета Гаравенте справедливо полагала, что их Куколка без труда отыщет куда более перспективного жениха.

Неодобрение четы Синатра и четы Гаравенте поначалу бросало тень на отношения Марти и Долли. Послушайся они родителей, их любовь завяла бы, не успев расцвести. Но они родителей не слушались. И впрямь, с какой стати им подавлять свои чувства? С какой стати зацикливаться на различиях, когда между ними столько общего? Они молоды, им хорошо вдвоем, они влюблены. И Марти, и Долли в душе верили: жизнь – это то, чем человек ее делает. Оба они стремились к лучшему.

И всё-таки Марти сильно колебался насчет того, как следует поступить. Он хотел выждать время, попытаться уломать родителей – вдруг да получится? Долли, по обыкновению, страстно возражала.

– Зачем ждать, Марти? Нужно жить сегодняшним днем. Жизнь так коротка. Я замуж хочу! Сейчас!

Долли была из тех, кого отрицательный ответ лишь подвигает еще яростнее добиваться своего. Например, в 1919 году она приковала себя наручниками в здании мэрии в знак протеста, как суфражистка. Вот какой независимостью суждений обладала Долли Гаравенте! Неодобрение родителями ее выбора само по себе уже являлось дополнительным стимулом продолжать отношения с Марти, к тому же вносило в эти отношения романтику и элемент авантюры. В итоге Долли убедила Марти сбежать и пожениться тайно.

Марти – благонравному и послушному сыну – решение о побеге далось нелегко. Ведь он любил своих родителей и хотел доставлять им радость, а не огорчения. Долли чувствовала примерно то же самое. Однако, обладая более независимым характером, чем ее жених, она была настроена жить по-своему и надеяться, что со временем отец и мать поймут ее.

Итак, Долли и Марти сбежали 14 февраля 1913 года, в день Святого Валентина, и сочетались браком в мэрии Джерси-Сити.

К чести их родителей, надо сказать, что они, хоть и крайне возмутились поступком детей, вскоре изменили мнение об этом союзе. Годом позже, когда Долли уже носила под сердцем

Фрэнка, обе семьи смирились с выбором своих отпрысков и даже сдружились. Гаравенте считали, что их дочь «живет во грехе», поскольку ее брак с Марти не был освящен Церковью; их переживания по этому поводу усилились, когда Долли забеременела. Чтобы не мучить родителей, Долли согласилась на венчание, после которого они с Марти перебрались в обшарпанную четырехэтажку, что стояла в самом сердце Маленькой Италии, по адресу: Монро-стрит, 415. Кроме них, в этом доме обитало еще восемь семей.

Фрэнк родился

Первого декабря 1915 года члены Ассоциации суфражисток собрались на сорок седьмую конференцию в отеле «Астор». Женщины надеялись, что в следующем, 1916 году они наконец получат право голоса. (На самом деле право голоса женщинам было предоставлено лишь в 1920 году.) В это время в Метрополитен-опера давали «Волшебную флейту»; в это время Этель Берримор репетировала главную роль в «Нашей миссис Макчесни»; в это время под слоганом «Самое впечатляющее действо, когда-либо измышленное человеческим разумом» шла рекламная кампания эпического фильма «Рождение нации», снятого В. У. Гриффитом. И всего за пять долларов (платишь сразу) и еще за пять каждый месяц можно было взять напрокат граммофон марки «Виктрола» и к нему целую пачку пластинок. Очень кстати – ведь приближалось Рождество.

Осенью 1915 года на Новую Англию обрушился небывалый снегопад. Он всё еще свирепствовал 12 декабря, когда в квартире на Монро-стрит Долли Синатра разрешилась от бремени мальчиком. Дом, где появился на свет Фрэнк Синатра, давным-давно снесли. Сегодня это историческое место отмечено кирпичной аркой и сине-золотой звездой на тротуаре – весьма странными атрибутами, если учесть общую запущенность этой части Хобокена. В центре звезды написано: «Здесь, на Монро-стрит, 415, 12 декабря 1915 года родился Фрэнсис Альберт Синатра по прозвищу Голос».

Роды были сложнейшие. Акушеру пришлось применить щипцы, чтобы извлечь младенца весом тринадцать с половиной фунтов [почти шесть килограммов] из тела матери, которая весила всего девяносто два фунта [менее сорока двух килограммов]. Младенец едва не умер в процессе; врач, успевший отчаяться, удивился, увидев, что он всё-таки жив. Однако у ребенка имелись серьезные повреждения уха, шеи и щеки, разрыв барабанной перепонки – всё оттого, что паникующий врач неумело и грубо орудовал щипцами. К несчастью, молодая мать тоже получила серьезные травмы и больше не могла иметь детей.

Чтобы заставить новорожденного дышать, его бабушка, миссис Гаравенте, имевшая большой опыт родовспоможения, держала внука под струей холодной воды до тех пор, пока не заработали слабые легкие. Наконец ребенок засучил ножками и закричал. Стало понятно, что он выживет.

– А потом все занялись спасением моей матери, буквально отложив меня в сторону, – как-то сказал Фрэнк Синатра. –

Насколько я понимаю, жизнью я целиком и полностью обязан бабушке, ведь она единственная сохранила присутствие духа и способность действовать рационально. Если бы не бабушка, благослови ее господь, я бы просто не существовал.

Юной матери было всего девятнадцать лет, отцу – двадцать три. Ребенка назвали Фрэнсисом. (Второе имя, Альберт, не указано в метрике.) Крещение состоялось 2 апреля 1916 года по римско-католическому обряду в церкви Святого Франциска. Если верить бумагам из хобокенской библиотеки, Фрэнк получил свое имя по воле случая. В крестные отцы Долли и Марти выбрали сотрудника «Джерси обзервер», некоего Фрэнка Гэррика. Крестной матерью стала Анна Гатто. Во время таинства крещения священник спросил Гэррика, как его имя. Тот ответил: «Фрэнк». Рассеянный священник так и окрестил ребенка, хотя родители собирались назвать его Мартином.

Долли на крещении не присутствовала, поскольку еще не оправилась после тяжелых родов, и некому было вразумить невнимательного священника. Марти предпочел не устраивать скандал в церкви. Таким образом, малыш вступил в жизнь под именем Фрэнсис Синатра. Долли, когда узнала об этом, тоже не стала возражать. Она сочла, что имя Фрэнсис обеспечит мальчику полезную связь с крестным отцом-ирландцем (читатель помнит, что ирландцы в то время были «сливками» иммигрантского общества).

История хороша, ничего не скажешь. Долгое время она считалась правдивой. Однако это не так, и подтверждение тому – метрика, заполненная через пять дней после рождения Фрэнка, т. е. за несколько месяцев до крещения. В метрике написано «Фрэнсис Сенестро». Вообще имя Фрэнсис – единственное, что не перепутал клерк (явно не итальянец по происхождению). Во-первых, он исказил фамилию Синатра, во-вторых, фамилию Гаравенте, в-третьих, страной рождения отца ребенка поставил США, а не Италию.

Второе имя, Альберт, родители дали сыну неофициально. Таким образом, в исправленной метрике, появившейся двадцать три года спустя, написано «Фрэнсис А. Синастре». Опять ошибка!

Детство Фрэнка

Соединенные Штаты Америки официально вступили в Первую мировую войну 6 апреля 1917 года. Вскоре после этого в Хобокен стали прибывать солдаты, чтобы отплыть во Францию. Наряду с виргинским городом Ньюпорт-Ньюс Хобокен превратился в главный пункт отправки на всё время войны. До самого перемирия город находился под военным контролем. Солдаты стояли в карауле на пирсах, патрулировали улицы, выискивали сочувствующих немцам.

В это же время власти закрыли двести тридцать семь баров, находившихся более-менее близко от порта, и ввели сухой закон, сделав Хобокен первым городом в Штатах, испытавшим на себе все прелести запрета на спиртное. Правда, здесь правительство столкнулось с тотальным нежеланием местных властей сотрудничать. Люди хотели, как и раньше, употреблять крепкие напитки; наиболее сообразительные недурно зарабатывали на продаже коктейлей и пива. Таким образом, Нью-Джерси сделался неофициальным центром для всех несогласных с политикой правительства. Вскоре так называемые уважаемые люди, попросту – гангстеры, принялись искать – и находить – лазейки, производить и распространять алкогольные напитки, а подкупленные представители власти смотрели на это сквозь пальцы. Благодаря деньгам и связям гангстеры не знали страха и орудовали не только в Хобокене, но и на всём восточном побережье.

Марти и Долли Синатра – люди предприимчивые, инициативные – воспользовались ситуацией и сумели извлечь пользу из принципа невмешательства, которым руководствовалось правительство США. Иными словами, чета Синатра открыла собственный салун на перекрестке Четвертой улицы и улицы Джефферсона. Салун назывался «В гостях у Марти О'Брайана» и был зарегистрирован на имя Долли, поскольку Марти в то время работал в пожарной части Хобокена и не имел права держать свой бизнес. По воспоминаниям Фрэнка, Марти нередко помогал бутлегерам.

– Он был отважным человеком, – рассказывал Фрэнк во время выступления в Йельской школе права в 1986 году. – Ему платили за сопровождение грузовиков со спиртным. Работа не для слабаков – каждый такой грузовик норовили перехватить конкуренты. Мне тогда было года три, от силы четыре, но я хорошо помню, как однажды ночью в нашей квартире раздались странные звуки, стоны и крики. Наверное, отец сплоховал, вот и

получил ранение в голову. Ему, что называется, раскроили череп, он всю кухню кровищей залил. Мама закатила истерику, после которой отец вышел из бутлегерского бизнеса. Вскоре они с мамой и открыли салун.

Как владелица бара, Долли свела знакомство с целым рядом «уважаемых людей», в частности, с сицилийцем Уокси Гордоном – крупной фигурой в криминальном мире, обитавшей по соседству.

– У них [четы Синатра] имелась необходимая поддержка, благодаря которой существовал их бар, – вспоминал один из друзей семьи. – Сами подумайте, что значит владеть баром во времена «сухого закона». Не стоит обманывать себя – без влиятельных знакомых в соответствующих кругах такое заведение не продержалось бы. А Долли – та за словом в карман не лезла. Неустрашимая была женщина!

Долли сама работала барменшей, и действительно, остроумия и сарказма ей было не занимать. В то же время к ней шли за советом. И за помощью в поисках работы – имея связи, она могла в этом посодействовать.

Долли знала в Хобокене буквально каждую собаку и охотно бралась за трудоустройство знакомых. Предприимчивая, амбициозная, державшая нос по ветру, Долли уже через несколько лет стала членом Демократического комитета. Благодаря своей общительности и уверенности она добилась соответствующей репутации в Хобокене. Например, к ней обращались политики из числа ирландских иммигрантов, если им нужны были голоса обитателей Маленькой Италии на выборах. Долли организовала не менее шестисот голосований в своем районе – немногие могли похвастаться такой степенью влияния. Словом, власть у Долли была – и она ею активно пользовалась.

Она неплохо владела английским языком, а также несколькими диалектами итальянского. В те времена и в той обстановке это было редкостью. Однако ладить с Долли удавалось не всем. Она грешила предвзятостью суждений и свысока смотрела на представителей «низших классов». Если уж вобьет себе что-то в голову – попробуй переубеди! Как-то Долли надумала баллотироваться на пост мэра Хобокена. Марти восстал против этой затеи. Он был уверен, что высокий пост окончательно испортит характер жены, а с такой властью ей просто не справиться. В итоге Долли так и не выдвинула свою кандидатуру.

Читатель видит: в Хобокене для слабаков места не было, а все иммигрантки из Италии сталкивались с практически одинаковыми вызовами. Лишь сильная и волевая женщина, наделенная здравым рассудком, предприимчивостью и

воображением, могла в полной мере ассимилироваться в этой среде. Создания деликатные, осторожные, хрупкие оставались в Италии, где вели жизнь спокойную, расписанную по часам от рождения до смерти. Сильные, амбициозные женщины вроде Розы Гаравенте, матери Долли, и самой Долли жаждали большего. И чувствовали, что *заслуживают* большего. Неудивительно, что в их орбиты попадали такие же сильные и амбициозные мужчины.

– Никогда ни от одной женщины я не слышала столь грязных ругательств, как от Долли Синатры, – вспоминает Дорис Коррадо, библиотекарь из Хобокена. – Однажды мы веселились на вечеринке, а за окном шел дождь. И вдруг Долли врывается и кричит: «Господи Иисусе, Пресвятая Дева! Что за дерьмовая погода! Будто мерин с неба сс. т, так его и так!» Долли всегда то медоточивое что-нибудь поет, а в следующую минуту возьмет да и выдаст «твою мать» или «такой-разэтакий».

Американки итальянского происхождения действительно могли со стороны показаться очень грубыми. Достаточно было послушать, как они загоняли своих «ублюдков», «спиногрызов» и «неслухов» на кухню, чтобы накормить их домашними маникотти или мясными тефтельками, покуда не простыл соус (который Долли неизменно называла подливой). Но следует понимать: именно так эти женщины проявляли себя, именно так – по-другому они не умели – выражали любовь к близким. Так – идя напролом, ошибаясь, падая и поднимаясь вновь, порой богохульствуя и отчаянно любя свою семью, – они жили. Долли Синатра не имела времени на телячьи нежности – у нее хватало других занятий. Ее обожали друзья и родные, она обожала их – и этого было ей достаточно. Во всех аспектах она была выдающейся женщиной, и ее влияние на сына трудно переоценить. Конечно, Долли подавляла каждого, кто попадал в ее окружение; однако то же самое можно сказать о взрослом Фрэнке. А Фрэнку-малолетнему ничего не оставалось, кроме как подчиняться своей авторитарной мамочке. Таков был удел всех детей из итальянской диаспоры Хобокена.

Долли почти всецело посвящала себя разнообразной деятельности, не связанной непосредственно с семьей, поэтому Фрэнк с шести и до двенадцати лет находился на попечении бабушки, Розы Гаравенте, и тетушек. Он говаривал, что много времени проводил с «одной чудесной еврейской старушкой». Теперь известно имя этой старушки – миссис Голден. Ее Фрэнк регулярно навещал до самой смерти, до начала пятидесятых годов.

Родственник Фрэнка, Джон Трейди, вспоминает:

– Долли с Марти почти не занимались сыном. Наверное,

Фрэнк чувствовал себя «задвинутым». Он был предоставлен сам себе. Уроки не учил, что хотел, то и делал. Школу игнорировал. Он целый год на занятия не ходил, а родители об этом и не догадывались.

Но есть и другие свидетельства. Фрэнка описывают как робкого, ранимого мальчика. Говорят, в детстве он очень походил характером на своего отца. Тот же Джон Трейди сообщает:

– Фрэнк был чувствителен и застенчив. Как и Марти. В жизни не видел таких тихонь.

А подруга детства Синатры, Элен Фьоре Монтефорте, так описывает юного Фрэнка:

– Он всегда безупречно одевался, растрепой не ходил. Носил фетровую шляпу. Этакий шкет, а уже в шляпе. Даже летом.

Задумчивый и ранимый, Фрэнк часто становился объектом насмешек.

– Что такое предвзятость, мне отлично известно, – говорил он. – Мое детство прошло среди хулиганов. Но всякий, кто обзывал меня грязным итальяшкой, немедленно получал в лоб.

Фрэнка дразнили не только по причине происхождения. Насмехались также и над его внешним видом. Ему прицепили кличку «Меченый» – из-за шрамов, оставленных щипцами неловкого акушера. Случалось Фрэнку и быть битым. Рядом с другими хобокенскими мальчишками он выглядел белой вороной уже в 1928 году, когда пошел в школу «Дэвид Э. Ру Джуниор Хай». Долли усугубляла ситуацию, наряжая сына в костюмчики а-ля маленький лорд Фаунтлерой, пошитые ее матерью. У Фрэнка было столько одежды, в частности штанишек, что его прозвали «Ряженый О'Брайан».

– Шли мы как-то с Фрэнком по улице, – рассказывает один из друзей Синатры, – и вдруг какой-то тип крикнул ему: «Привет, макаронник!» Я говорю: «Фрэнк, оставь. Спусти на тормозах». А он: «Нет уж, если я что и спущу, так это спесь с этого пижона». И он начал драться, и ему здорово попало. Фрэнк был не из тех, кому в драках победа достается. Нет, не подумайте – отваги ему было не занимать, а вот силенок не хватало. Потом я его спросил: «Ну и что, стоило связываться?» А он ответил: «Стоило! Больше он меня макаронником не назовет». Через пару дней идем мы по той же улице, и снова этот пацан орет: «Привет, макаронник!» И снова Фрэнк на него с кулаками, и снова бит.

– Никогда не забуду, как меня итальяшкой обзывали, – говорил позднее Фрэнк. – Это травма на всю жизнь. Нет, я этих ребят не виню. Дети, что с них взять. Виноваты родители. Где, как не дома, могли мальчишки наслушаться разговоров про неполноценность представителей других национальностей и

конфессий?

Вероятно, именно благодаря детским впечатлениям Фрэнк впоследствии открыто выражал свои взгляды на подобную вражду, если его друзей оскорбляли на почве национальности, происхождения или внешности. Фрэнк публично выступал за расовую терпимость, особенно часто – в те времена, когда эти идеи не пользовались популярностью.

Неожиданными чертами характера Фрэнк был обязан своему отцу, Марти. Именно от отца он унаследовал и приступы тяжелой задумчивости, и доброту, и преданность друзьям. Зато его маниакальная чистоплотность, непробиваемое упрямство и вошедшая в легенды вспыльчивость, уж конечно, привалили от мамочки. Порой маленький Фрэнк до того злился, что полностью терял над собой контроль. Например, он был зациклен на своих шрамах. Ярость на неловкого акушера копилась в нем, дозревала, пока в один прекрасный день Фрэнк не умудрился выяснить, кто именно принимал роды у его матери. Синатра отправился прямо по адресу, намереваясь, видимо, изуродовать недотепу-врача так же, как тот одиннадцать лет назад изуродовал его. К счастью, врача не оказалось дома.

– Он был маленьким макаронником. Говорю так с любовью, потому что сам я – старый макаронник. Подобно всем прочим детям итальянских иммигрантов, он обладал кошмарным характером, – вспоминает Джои Д'Оразио, приятель Фрэнка, моложе его на два года. В детстве Джои жил «по соседству с Долли», чем до сих пор гордится. – Да, нрав у Фрэнки был – жуть. К примеру, играешь с ним в шарики, и он продует. Так тебе же, победителю, не поздоровится, и он все твои шарики заберет. Я, говорит, вообще не проигрываю. А если вдруг и проиграю, вот это будет день так день. Только он никогда не настанет.

Фрэнк рос в атмосфере соперничества и борьбы. Враждовали не только этнические группы за контроль над территорией. В промышленном городе вроде Хобокена каждый спад в экономике оказывал влияние абсолютно на всех. Ни на час не утихала борьба за рабочие места. Важно было иметь влиятельных знакомых, связи – без них на работу не устроиться, тем более – на выгодную. Все рабочие места контролировались политиками. Но был еще один вид соперничества: подросшие хобокенцы конкурировали из-за девчонок. Тут значение имели два фактора – насколько быстро удавалось уломать девчонку, и насколько она была хороша собой. К этому виду конкуренции юный Фрэнк подходил со всей серьезностью.

– Однажды они с моим отцом подрались из-за девчонки. Как Фрэнк ругался! Отец таких слов и не слыхивал, хотя жил в том же

районе! – говорит Том Джьянетти, сын приятеля Фрэнка Синатры, Рокки Джьянетти.

Джьянетти-старший рассказывал сыну, что Фрэнк начал волочиться за девчонками лет с тринадцати. Заманивал в переулок и там перепихивался. Язык у Фрэнка был подвешен, он девчонку без труда мог уломать. А раз уломав, держал при себе. Девчонки его не бросали – он сам их бросал. Действительно, Синатра, кажется, всю жизнь был уверен, что может заполучить любую женщину, какая ему приглянется. И эта уверенность с возрастом только крепла. В дальнейшем читатель увидит, что у Синатры хватало и комплексов, однако он никогда не сомневался в своей власти над противоположным полом, в способности кружить головы и разбивать сердца. Уже будучи знаменитым, он вовсю пользовался своим обаянием. Вдобавок Синатра был ужасно ревнив, всех женщин, с которыми имел романы, считал своей собственностью во веки веков. Друзья об этом знали и за милю обходили всех его бывших пассий, независимо от того, сколько лет минуло после окончания романа.

С раннего возраста – задолго до того, как стал знаменитым, – Синатра покорялся своему вздорному характеру. Нечто в сознании диктовало ему: если не можешь победить в игре – вовсе выходи из этой игры и ни секунды лишней не якшайся с другими игроками. Тут виновен следующий фактор: Фрэнк Синатра рос единственным ребенком в семье итальянских иммигрантов – что нетипично ни для этой нации, ни для эпохи в целом. В те времена преобладали многодетные семьи. Каждый ребенок, имея братьев и сестер, быстро учился жить в коллективе, учитывать интересы ближних, довольствоваться своей долей пищи, одежды, родительского внимания и т. п. Если с мнением такого ребенка не считались, он реагировал спокойно. К Фрэнку это не относилось. Он всегда хотел всё делать по-своему, – и, как правило, у него получалось. А если не получалось, если его опережали или задвигали, он просто исчезал из жизни «обидчика».

Постепенно читатель увидит, как год за годом уже взрослый Фрэнк Синатра методично исключал из своей жизни людей, которые, по его мнению, перешли ему дорогу. Можно, конечно, считать такое поведение побочным эффектом славы – дескать, все знаменитости отличаются нетерпимостью и эгоизмом, – но Синатра чуть ли не с рождения обрывал связи с людьми, хоть в чем-то его превзошедшими. Подобно Долли, он вмиг остывал к недавнему другу и навсегда прекращал с ним общение, едва лишь почувствовав намек на обиду.

– Мой сын – совсем как я, – сказала однажды Долли Синатра. – Если мне перейти дорогу, я этого вовек не прощу. Если

ему перейти дорогу, он этого вовек не простит.

Жизнь в Хобокене

Желание стать профессиональным певцом возникло у Фрэнка еще в подростковом возрасте. К 1930 году, когда он поступил в старшую школу Демареста, Фрэнк жизни не мыслил без радио. С 1922 года радио было главным развлечением в Америке, знакомило слушателей со знаменитыми оркестровыми композициями и творчеством вокалистов вроде Бинга Кросби и Расса Колумбо. Пятнадцатилетний Фрэнк слушал и подпевал, и наслаждался звуками своего голоса, подумывая о том, чтобы зарабатывать пением на жизнь – если, конечно, не подвернется что-нибудь более выгодное. А для начала Фрэнк записался в школьный ансамбль, пел на вечеринках, для друзей, участвовал в конкурсах и тому подобное. Его пение нравилось, у него появились поклонники – и это было здорово.

К тому времени семья Синатры перебралась в квартиру аж с тремя спальнями. Дом номер 703 стоял в почти престижном районе – на Парк-авеню. Он цел и сейчас. До старого дома, на перекрестке Монро и Гарден, было всего полмили, но в тогдашнем Хобокене даже это смешное расстояние значило очень много. Семья Синатра поселилась в самом большом доме квартала – пятиэтажном. На фасаде имелись два эркера, а в них – окна почти в метр шириной, в деревянных рамах. Дом и до сих пор выглядит внушительно, выделяется среди остальных, трехэтажных; а уж в 1913 году он, наверное, казался настоящим дворцом.

– Эти Синатры всё время шли в гору, – вспоминает Стив Капьелло. – Остальным хобокенцам было за ними не угнаться. Они вели себя иначе, делали деньги, жили припеваючи. Когда Фрэнки стал звездой, его агент всё пытался создать впечатление, будто Фрэнки рос чуть ли не в трущобах. Помню, я подумал: хороши трущобы! А я тогда где жил? В аду? У моих родителей денег вовсе не водилось, нас было двенадцать человек детей, мы ютились в трех конурках. Да, нам жизнь не улыбалась – не то, что Синатрам.

Другой приятель детства, Джо Лисса, говорит:

– Тут что важно? Быть единственным ребенком в семье. Разница огромная! Фрэнку ни разу не пришлось делиться. Ни брата, ни сестры – всё ему одному доставалось. У него даже своя комната была. Никто из нас и половины того не имел, что имел Фрэнк. Не припомню, чтобы у кого-то из моих приятелей, как у Фрэнка, не было ни братьев, ни сестер. Фрэнк всегда носил новехонькие ботинки – мать ему покупала. У него имелась даже

собственная кредитка в магазине готовой одежды! Да чего у него только не было!

Синатры и их соседи в Хобокене не скучали. Жаркими летними вечерами они устраивали посиделки с угощением. «На ура» шли отбивные котлеты, приготовленные Долли. Фрэнку нравилось играть в мяч, а уж когда дело касалось игры в шарики или тасовки бейсбольных карточек, равных ему не было. Чтобы развеяться, Фрэнк с приятелями отправлялся на поезде в «Филуху» (Филадельфию), где ел сандвичи, хотя точно такие же продавались в Хобокене. «Мне сандвич, только без лука», – говорил Фрэнк продавцу, опасаясь, что луковый запах изо рта помешает закадрить девчонку. Домой возвращались опять же на поезде, до отвала наевшись кексов, которые в те времена пекли и продавали только в Филадельфии.

Иногда Фрэнк катал приятелей на отцовском красном «Крайслере». Больше ни одна семья в округе машины не имела. Ребята отправлялись «на пляж» (в курортную зону на восточном побережье), в «Ланик-Сиди» (Атлантик-Сити) чтобы «прошвырнуться» (прогуляться по променаду).

Среди биографов почему-то принято рисовать отрочество Фрэнка Синатры мрачными красками, писать о Фрэнке как об одиноком, печальном мальчике. Это не совсем так. Правда, в старших классах Фрэнку не нравилось, учился он плохо, занятия прогуливал. Говорят, его исключили уже на сорок восьмой день обучения. Сомнительная информация. Сам Фрэнк утверждал, что продержался чуть дольше; школьные архивы точной даты не дают. (По словам дочери Фрэнка, Нэнси, его исключили из школы в выпускном классе.) В любом случае Фрэнк в один прекрасный день школу покинул – и наотрез отказался возвращаться. Марти и Долли были безутешны, но Фрэнк – истинный сын своих родителей – уже всё решил насчет своей жизни.

– Отца в семисотый раз вызвали к директору, – шутил впоследствии Фрэнк. – Директор и говорит: «Вот вам диплом, и чтоб это ваше исчадие ада больше не переступало порог нашей школы!»

Один семестр Фрэнк с грехом пополам проторчал в бизнес-школе Дрейка, а потом надумал поступить в Технологический колледж Стивенса – старейшее профессионально-техническое училище в США, крайне удачно расположенное в Хобокене. Тогда Фрэнком уже владела жажда петь профессионально. Обнаружив в комнате сына фотографии Бинга Кросби, Долли с ужасом узнала, что мальчик намерен стать артистом, а не инженером.

– И думать забудь, – заявила Долли.

Фрэнк принялся возражать:

– Мама, а вдруг пение – как раз то занятие, которое мне дается лучше всего?

– Откуда ты, сукин сын, знаешь, что тебе дается, а что не дается? – вскипела Долли. – Это тебе знать не положено. Это знаю я – твоя мать! Работать пойдешь как миленький. И больше чтоб я ни про какое пение не слышала!

Марти тоже не поддержал сына. Он всю жизнь зарабатывал тяжелым трудом, чтобы закрепиться в земле обетованной – *la terra promessa* – и достичь американской мечты. В пожарной части Марти Синатра, конечно, состояния не сколотил, но в целом был доволен. Как истинному сицилийцу, ему достаточно было отведать хорошей жизни, а потом уж от этого знания плясать. У сицилийцев есть выражение: «Fari vagnari u puzzi» – «обмакнуть клюв»; так еще отец Марти говаривал. Что-что, а эту малость наша свободная страна им позволить могла.

В 1932 году благодаря доходам от бара Долли и тому факту, что она давным-давно начала копить деньги «на черный день», Синатры смогли приобрести целый трехэтажный (плюс мансарда!) дом с четырьмя спальнями. Помещалось это чудо там же, в Хобокене, на Гарден-стрит, 841, и стоило тринадцать тысяч четыреста долларов – изрядную сумму по тем временам. Такие дома из-за трех этажей носили прозвище «Отец, Сын и Дух Святой». Словом, Синатры в очередной раз подняли свой жизненный уровень. Надо сказать, что их дом был одним из самых дорогих в графстве и соседствовал с себе подобными. К каждой парадной двери вели от боковой дорожки семь – десять цементных ступеней, имелся дополнительный вход – в погреб, где держали вино и уголь, а часто еще и оборудовали вторую кухню. Напротив дома находилась средняя школа Джозефа Ф. Брандта.

Первые порывы

Долли и Марти, даром что не получили толкового образования, сумели хорошо устроиться в Америке и обеспечить сыну безбедную жизнь. Обоих прямо-таки распирало от гордости при мысли, что, пожалуй, они и на колледж мальчику наскребут. Конечно, придется затянуть пояса. Супруги Синатра начали копить деньги загодя. Пусть я сам неграмотный, думал Марти Синатра, зато мой сын будет учиться в колледже. Стоит ли говорить, каким ударом стало для Марти исключение Фрэнка из школы и его категорический отказ поступать в колледж! Марти ушам своим не верил; ему и не снилось, что сын так сглупит! И Марти Синатру можно понять. В те времена миллионы свежеиспеченных американцев только мечтали о высшем образовании для своих детей, а юный Фрэнк такую возможность упускал. У Марти это в голове не укладывалось. Не желает он, Марти Синатра, чтобы сын повторил его судьбу! Не желает, и точка!

Вообще-то судьба Марти сложилась совсем не плохо. Конечно, он не умел ни читать, ни писать по-английски (Фрэнк никогда ему об этом не напоминал), но Марти был настоящим трудягой и семью свою любил. Как и всякий отец, он желал сыну только добра; мечтал, чтобы парень превзошел его, достиг большего, чем он сам. У сицилийцев, правда, есть пословица: «Не превозноси чадо свое»; однако Марти придерживался другого мнения на данный счет. У него своя пословица имелась: «Сын так должен жить, чтобы отцовская судьба жалкой казалась». Возмущенный перспективой того, что Фрэнк сядет родителям на шею, Марти обозвал сына раздолбаем.

– Пап, я ни разу не раздолбай, – пытался защищаться юный Фрэнк.

– Как же не раздолбай? В школу не ходишь, работать не желаешь. Раздолбай и бездельник, вот ты кто, – горячился Марти. – Всё, разговор окончен!

Впоследствии, когда бы Фрэнк ни вздумал изменить что-то в жизни, отец неизменно называл его раздолбаем. Возможно, Марти надеялся с помощью клички воззвать к здравому смыслу сына. Фрэнк очень обижался. Он так и не простил Марти «раздолбая».

– Я не раздолбай! – вопил он в ответ.

– Не смей на отца голос повышать! – встревала Долли, в обязательном порядке отвешивая сыну подзатыльник.

Впрочем, эффект от клички был, притом почти такой, как и

хотелось Марти Синатре. Иными словами, кличка «раздолбай» изрядно мотивировала Фрэнка.

– У него стимул появился благодаря этой кличке, – вспоминал один из родственников Синатры. – Фрэнку хотелось доказать, что отец не прав. Обычная история, ничего особенного.

В начале 1932 года Фрэнк, которому минуло шестнадцать, устроился на работу, чтобы успокоить отца. Фрэнка взяли в порт, принадлежавший кланам Тьетьен и Ланг. Потом он работал на издательство «Лайонс и Карнахан» – распаковывал книги. Впоследствии Фрэнк шутил:

– Отличная работенка. Шестьдесят два доллара пятьдесят центов и грыжа в придачу, а делать всего-ничего – знай себе с напарником тягай ящики по шестьсот фунтов [двести семьдесят два килограмма] да на ручную тележку грузи.

Вскоре ему надоело наживать грыжу, и он перешел в «Юнайтед фрут лайнз», где имел дело с разгрузкой фруктов в порту. Когда же Фрэнк, устав, и эту работу бросил, Марти не замедлил вновь обозвать сына «раздолбаем».

– Раз ты работать не намерен, – пилил он Фрэнка однажды за завтраком, – значит, давай выметайся отсюда. Хочешь висеть балластом – найди кого другого и на нем виси.

А дед с бабкой, добавил Марти, не для того из Италии в Штаты приплыли, чтобы их внучок распрекрасный дармоедом стал.

– Я был в шоке, – рассказывал Фрэнк. – Эти слова до сих пор у меня в ушах звучат. Родной отец меня спросил: «Почему бы тебе самостоятельно не пожить?» На самом деле он имел в виду: убирайся с глаз моих. Помню, я ел яйцо – так оно у меня в глотке застряло, я минут двадцать проглотить его не мог. Мама, как всегда, чуть не разрыдалась, но в конце концов мы договорились. Решили, что мне действительно не повредит пожить самостоятельно. И вот я упаковал вещички и отправился в Нью-Йорк.

Фрэнк снял комнату в Нью-Йорке, однако дело у него не заладилось. За пение никто платить не хотел, другую работу он найти не смог. В итоге Фрэнк вернулся в Хобокен.

– Ну что, теперь работать пойдешь, мистер Моднючие Штаны? – съязвила Долли. – Или тебя надо величать мистер Великий Певец? – И сразу добавила, улыбнувшись и щелкнув сына по лбу: – Ну так что – ты у нас звезда или пока нет?

А дело в том, что Долли и Марти, хоть и противились желанию Фрэнка стать певцом, всё же не могли, как и всякие обожающие родители, удержаться от того, чтобы не толкать его исподволь на это поприще. К тому времени как Фрэнк вернулся

из Нью-Йорка в Хобокен, Долли, как и он сам, уже видела в мечтах сына поющим на сцене. Она сообразила: если Фрэнк решился покинуть дом и уехать один в Нью-Йорк – значит, у него есть цель. Ну, или по крайней мере какие-то соображения насчет того, чем заниматься. Однако они жили в Хобокене, а отнюдь не в Голливуде. Долли не представляла, как помочь сыну.

– Долли определенно хлопотала за Фрэнка, – вспоминает Дорис Севанто, близко знавшая Долли и Марти. – Моя мама сказала мне, что Долли ходит по клубам и упрашивает владельцев взять ее сына на работу. Фрэнки одно время действительно пел в хобокенском клубе. Правда, недолго – пока не подрался с боссом. Долли однажды высказалась так: «Понимаете, этот паршивец, в смысле, сын мой – он хочет петь. И голос у него не хуже, чем у других. По-моему, он мог бы карьеру сделать. Только ему моих слов не передавайте, а то он и без того слишком нос задирает».

– Просто в те времена родители-итальянцы помогали своим детям, рожденным в Америке, строить карьеру, даже если сами не одобряли их устремлений, – говорит певец Тони Мартин. – Конечно, поначалу они пытались отговорить отпрыска, наставляли его на путь – зачастую поколачивая, – но, если отпрыск не внимал и продолжал стоять на своем, тогда уж родители сдавались и только спрашивали: «Чем тебе помочь, деточка?»

Родителям Фрэнка было понятно его бунтарство. В конце концов их собственные родители иммигрировали в Америку, ведомые именно этим чувством.

– Ну как они могли не посодействовать ребенку в исполнении его мечты? – рассуждает Тина Донато, которая хорошо знала семью Синатра, поскольку каждое лето в детстве проводила с бабушкой и дедушкой в Маленькой Италии. – Всякий, кто скажет: нет, родители детям препятствовали, просто не понимает главного насчет итальянских иммигрантов. Они детей не задвигали, а продвигали. В крайних случаях – пилили всячески, но на самом-то деле такое пиление только заставляло сына или дочь крепче держаться за свою мечту. В моей семье происходило то же самое, что и в семье Фрэнки. Марти, конечно, хотел для сына другой карьеры. Но, узнав, что Фрэнки мечтает стать певцом, Марти сразу встал на его сторону, хоть и втайне.

Долли и Марти дали сыну шестьдесят пять долларов на покупку микрофона, нот и прочего оборудования, чтобы Фрэнк мог петь в хобокенском ночном клубе. Если уж взбрело ему в голову заняться «этой гадостью» – пением, – пусть у него будет фора перед остальными юнцами, которые того же самого хотят. У

кого еще есть такие прибамбасы, а? То-то же. А у Фрэнка они будут – значит, будет и преимущество. Так рассуждала Долли Синатра, и Марти ее поддерживал.

Семнадцатилетний Фрэнк, оснащенный собственным микрофоном, начал по выходным петь с небольшими ансамблями в клубах. Мать даже организовала ему концерт в местной штаб-квартире демократической партии. Пел Фрэнк и на школьных танцульках. Постепенно родители и друзья признали, что амбиции Фрэнка цветут пышным цветом не на пустом месте. А пропорционально этому признанию конкретизировались планы юного Синатры, и вскоре в его голове вполне оформилась цель – стать профессиональным исполнителем. Фрэнк теперь верил, что у него получится.

Он постоянно слушал Бинга Кросби и пытался ему подражать, когда принимал душ. Впрочем, Фрэнк быстро понял: необходимо выработать свой особенный стиль хотя бы потому, что в те времена слишком многие юноши копировали манеру исполнения Кросби или, как выражался Фрэнк, «мурлыкали под Бинга», исполняя такие хиты, как «Еще один шанс» и «Я нашел малышку на миллион в магазине “Всё по пять и по десять центов”». У самого Синатры голос был на целый регистр выше, чем у Бинга Кросби. Он вспоминал, что хотел стать «совсем не таким, как Бинг».

– Бинг был первым, а мы, молодежь – Дик Тодд, Боб Эберли, Перри Комо, Дин Мартин – пытались отвоевать себе место. Я сообразил, что миру едва ли нужен Кросби № 2. Я решил немножко поэкспериментировать, придумать нечто новое. В итоге я принял манеру, больше похожую на бельканто. И должен сказать, что петь так было труднее, чем петь «под Бинга». Гораздо труднее.

Энтузиазм Фрэнка повлиял на родителей – они стали восхищаться талантом отпрыска.

– Фрэнк часто пел дома, причем до того хорошо у него выходило, что мы только диву давались, – однажды призналась Долли.

А еще она и Марти были рады, что сын наконец-то определился.

Нэнси

Летом 1934 года восемнадцатилетний Фрэнк Синатра стал встречаться с семнадцатилетней Нэнси Кэрол Барбато, дочерью Майка Барбато, штукатура из города Джерси. (Некоторые источники приводят имя «Нэнси Роза Барбато», хотя дочь Фрэнка, тоже Нэнси, утверждает, что второе имя ее матери – Кэрол.)

– Моя мама вышла из бедной семьи, – вспоминает Фрэнк Синатра-младший. – Однажды я спросил: «Мам, как вы жили, ведь у тебя было восемь сестер?» Мама ответила: «Так вот и жили. Когда удастся поесть, а в другой раз и на голодный желудок спать ложишься». Денег у них не было. Вообще. «Получается, мама, тебе родители ничего не покупали?» – говорю. А она: «Ну да, конечно. Я чуть ли не с пеленок усвоила: хочешь какую-то вещь – магнитофон или велосипед, – ищи работу. Заработаешь денег – тогда и купишь. Зато это будет только твоя вещь, никому ты за нее ничем не обязана. А подарков нам с сестрами никто не дарил». Да, мама всегда работала. И меня воспитывала по принципу: заработай – тогда и пользуйся.

Юный Фрэнк, как правило, проводил летние каникулы у любимой тетушки, миссис Джозефины Гаравенте Монако, которая имела домик в Джерси, на океанском побережье. Фрэнк звал ее «тетя Джози». Джозефина, родная сестра Долли, вспоминает:

– Фрэнк нас с ума сводил игрой на укулеле. Сидит, бывало, на крыльце и знай наяривает. И лицо такое отрешенное, будто он один-одинешенек во всем мире. А один раз я заметила, что он болтает с хорошенькой чернявенькой девчушкой. Она тоже жила летом у родни, в доме напротив. Звали ее Нэнси.

Нэнси пилила ногти на крыльце дома своих дяди и тети, у которых вместе с отцом и сестрами проводила каникулы. Фрэнк приблизился, помахивая укулеле, подмигнул Нэнси и сказал:

– Мне бы тоже маникюрчик не повредил. Организуешь?

Он сам не заметил, как увлекся Нэнси.

– Мы чудесно провели то лето. Когда наступила осень, я подумал: что ж, развлеклись – ну и хватит.

Нэнси была смазливенькая, живая, веселая, с соблазнительной фигуркой. И находила Фрэнка ужасно привлекательным. Чего еще требовать от девушки восемнадцатилетнему парню?

Итак, каникулы кончились, и влюбленные разъехались по домам: Фрэнк – в Хобокен, Нэнси – в Джерси. Впрочем, отношения их продолжались. Фрэнк ездил на свидания к Нэнси, а когда у него не хватало денег на автобусный билет, платила

Нэнси. Однажды – Фрэнк был совсем на мели, – Нэнси прислала ему свою перчатку с долларовой купюрой в каждом пальце.

Пожалуй, эти четыре года были самыми романтическими за всё время длительных и непростых отношений Фрэнка и Нэнси. Фрэнк посвящал Нэнси стихи, вместе с ней слушал оперы на пластинках. Они ходили гулять на набережную и поглощали крайне популярное лакомство под маркой «Кримсикл» – ванильное мороженое с апельсиновым шербетом – до тех пор, пока обоих не начинало мутить. Фрэнк учил Нэнси канасте – сложной карточной игре, где участники предъявляют комбинацию из семи и более карт. Правда, Фрэнк сам путался в правилах, и поэтому влюбленные не столько играли, сколько хихикали. Фрэнк инстинктивно чувствовал: если он свяжет жизнь с Нэнси, никакие препятствия к тому, чтобы ломиться в закрытые двери, пробовать себя то на одном поприще, то на другом, ему не грозят. Нэнси одобрит любое его начинание, всегда поддержит. Он даже обсудил с ней такие перспективы, заметил, что подобная жизнь не сулит ни быстрых денег, ни даже более-менее сносных гарантий, – и ему показалось, что Нэнси всё поняла. Что-то было в этой девушке особенное, что-то подсказывало: на нее можно положиться.

– Я намерен добраться до самой вершины, – честно предупредил Фрэнк. – И не потерплю хомута на шее.

– Я не стану хомутом, – пообещала Нэнси.

– Я серьезно говорю, – продолжал Фрэнк. – Так ты со мной, да?

– Да, я с тобой, Фрэнки. Я всегда с тобой и за тебя, – пообещала Нэнси.

Начало карьеры

Первое выступление девятнадцатилетнего Фрэнка перед большой аудиторией состоялось восьмого сентября 1935 года. Бешеной популярностью пользовалась в то время радиопрограмма Эдварда Боуза (больше известного как Майор Боуз), в которой он давал возможность простым ребятам продемонстрировать свои таланты. Транслировалась эта передача в прямом эфире из нью-йоркского театра «Кэпитол»; лишь годом ранее передачу включили в сетку вещания радио «Эн-би-си», а годом позже трансляции стали вести на всю страну. Фрэнк со смехом вспоминал:

– Всякий раз, когда в руках у Боуза оказывался микрофон, он говорил: «Колесо Фортуны вращается – поди знай, когда остановится». По-моему, самое идиотское начало для радиопередачи. Во всяком случае, хуже я не слыхал.

Параллельно с Фрэнком пыталась пробиться группа «Три вспышки», в которой состояли Фред Тамбурро (Тамби), Пэт Принсайп (Принц) и Джеймс Петроцелли (Скелли). Теперь трудно сказать, чья это была светлая мысль – Боуза или Долли – присоединить к ним Фрэнка и сделать из трио «Хобокенскую четверку». Впрочем, это не так уж важно. Главное, что «Хобокенская четверка» сорвала изрядно аплодисментов, скопировав исполнение композиции «Лоск» («Shine»), записанной знаменитыми «Миллз Бразерз» совместно с Бингом Кросби.

По правилам радиошоу Майора Боуза слушатели должны были звонить по спецномеру и голосовать за понравившихся исполнителей. «Хобокенская четверка» набрала огромное количество голосов. Но самое удивительное вот что: уже при первом выступлении Фрэнка перед большой аудиторией стало ясно, что его голос не нуждается в дальнейшей обработке. Пусть Фрэнку недоставало образования и воспитания, пусть он понятия не имел о том, что его ждет – голос у него уже был, и превосходный. «Хобокенская четверка» во главе с Фрэнком выступила еще несколько раз, а вскоре у Фрэнка появилась возможность отправиться в турне с гонораром шестьдесят пять долларов в неделю. Вместе с «Хобокенской четверкой» выступали и многие открытые Боузом талантливые ребята – чечеточники, жонглеры, исполнители на губной гармонике. Всего шоу включало шестнадцать номеров. Фрэнк наслаждался вниманием публики и оттачивал сценическое мастерство.

В составе «Хобокенской четверки» он пел три месяца, до конца 1935 года. Разрыв произошел по банальнейшей причине –

Фрэнк во время выступлений отчаянно «перетягивал одеяло на себя». Подмигивал женщинам из зрительного зала, всячески привлекал внимание. Понятно, что это не нравилось его товарищам.

Недовольство подчас выливалось в самые вульгарные драки, и вот Фрэнк, который изначально был не в восторге от перспективы выступать в составе группы, решил завязать с турне.

– Я всегда хотел петь соло. Чтобы на сцене – я один, и всё внимание – только мне, – признавался он много позже.

Впрочем, из этого турне Фрэнк успел выжать максимум. Продолжать выступления с «Хобокенской четверкой» означало топтаться на одном месте. Вдобавок он ужасно скучал по родителям (известно, что Фрэнк посылал матери длинные письма и фотографии) и, конечно, по своей Нэнси.

Правда, возвращение домой не было счастливым. По мнению Марти Синатры, его сын в очередной раз «свалил» с хорошей работы.

Последовала бурная сцена. Марти выступал в своем репертуаре: Фрэнк никогда ничего не добьется, если будет так разбрасываться, и вообще он – раздолбай. Фрэнк, в свою очередь, приводил привычный аргумент: отец просто не понимает его стремлений. И не пытается поддержать его. В тот раз Фрэнк не просто обиделся на отца – он разозлился. Кажется, никогда еще желание доказать, что отец глубоко не прав, не разбирало Фрэнка с такой силой. Долли давно устала от ссор между мужем и сыном. В собственном доме – ни минуты покоя, одни разборки.

– Вы двое меня с ума сведете! – кричала она. – Фрэнки хочет петь, Марти. Так пусть поет, не мешай ему, ради всего святого!

Волевая и напористая, Долли давно определила, кто из них с Марти главный. Во времена, когда мужчина, независимо от личных качеств, считался главой семьи, Долли управляла мужем по своему хотению, даже на людях не пытаясь делать вид, будто мнение Марти что-то значит. Марти смирился.

– Ладно, Долли, будь по-твоему, – говорил он.

Сдался Марти и на этот раз.

– Всё, молчу. – Такой фразой (и смущенной улыбкой) завершился спор с Фрэнком.

Фрэнк начал петь – разумеется, один! – в придорожном кафе неподалеку от городка Инглвуд-Клиффс, в двух милях к северу от моста Джорджа Вашингтона.

Вскоре он познакомился с Хэнком Саниколой – очень пробивным антрепренером. Они быстро сошлись, и Хэнк начал «по-дружески» продвигать Фрэнка. На долгие годы Саникола, тоже сицилиец по происхождению, стал правой рукой Синатры.

Он даже время от времени аккомпанировал ему на фортепьяно во время концертов.

– Силы мне было не занимать, – однажды признался Саникола, имевший опыт на боксерском ринге. – Драться я умел. Я выходил вперед и защищал Фрэнка от всяких агрессивных молодчиков в барах.

– Хэнк был отличным парнем, настоящим дагом, – говорил Синатра. Своих друзей он называл «дагами», на английский манер переделывая ругательное, в общем-то слово «даго», то есть «итальяшка», «макаронник». Впрочем, говоря «даг», Фрэнк имел в виду «земляк».

Саникола выбил Фрэнку постоянную работу – устроил в бар «Рустик кэбин». Фрэнк получал там от пятнадцати до тридцати долларов в неделю – обслуживал столики в качестве официанта и пел с группой Гарольда Ардена.

– У нас был слепой пианист, – рассказывал Фрэнк. – Абсолютно слепой и абсолютно лысый. Помню, мы с ним ходили от столика к столику, я таскал его инструмент, он играл, я пел. На крышке стояло блюдце для монет от добрых слушателей.

А ведь эта работа могла и выскользнуть из рук Фрэнка. Дело в том, что Гарольд Арден ему отнюдь не симпатизировал. Между тем Фрэнк жаждал петь.

– Я не по душе лидеру группы, – посетовал он, а Долли сказала:

– Нечего тебе делать в этой забегаловке, да еще по ночам.

– Фрэнк взглянул на меня с тоской, взял на руки свою собаку, Гирли, и заперся у себя в комнате, – вспоминала Долли. – Вскоре из-за двери стали доноситься рыдания, и длилось это добрых два часа. Наверное, тогда я впервые поняла, что значит для Фрэнки пение. Я подошла к телефону и принялась звонить Гарри Стиперу, мэру Норт-Бергена и президенту Союза музыкантов Нью-Джерси. Гарри был также помощником Джеймса Петрильо – его еще называли Мини-Цезарем. А Петрильо, в свою очередь, возглавлял Американскую федерацию музыкантов. Мы с Гарри вместе занимались политической деятельностью и по мере возможности помогали друг другу. Я сказала Гарри: «Что делать? Фрэнки хочет петь в “Рустик кэбин”, а лидер группы его недолюбливает». Я просила дать Фрэнки второй шанс и проследить, чтобы его приняли на работу.

Гарри заверил, что работа уже у Фрэнка в кармане. И сдержал обещание.

Элен Фьоре Монтефорте вспоминает: Долли так боялась, что Фрэнки не встретит в клубе теплый прием, что напригласила на его выступление друзей и знакомых. В частности, бесплатные

(оплаченные Долли Синатрой) билеты получила вся семья Элен.

– Долли не пожалела денег, чтобы обеспечить сыну комфортное первое выступление.

– Пожалуй, тогда-то для Фрэнки всё и началось, – считает Джои Д'Оразио, хобокенский приятель Синатры. – Он знал, что станет звездой. Мы все набились в «Рустик кэбин», чтобы его послушать. Фрэнки хорошо пел. Он пока не был Синатрой, о нет. Я ему сказал: «Знаешь, Фрэнки, голос у тебя что надо, только над ним еще работать и работать». Он оскорбился и говорит: «Заткнись, Джои. Чтоб я больше ни от тебя, ни от родичей твоих ни слова не слышал. Сперва научитесь по-настоящему хвалить, а уж потом рот раскрывайте. По-твоему, мне приятно, когда меня критикуют?» Таков был Фрэнки: либо вы целиком и полностью с ним, либо он вас ненавидит.

В свободное от работы время Фрэнк мотался в Нью-Йорк – ему хотелось держать руку на пульсе большого города, знать, какова там ночная жизнь. Он ходил по ночным клубам, смотрел выступления популярных артистов, учился у них. Использовал все возможности поучаствовать в радиошоу, понять, каков шоу-бизнес с изнанки. Фрэнк даже потратил часть своих кровных на уроки дикции, очень старался избавиться от акцента, который выдавал в нем уроженца Нью-Джерси.

Отношения с Нэнси Барбато продолжались. Немало часов Нэнси потратила на то, чтобы укрепить во Фрэнке веру в собственные силы.

– Ты справишься, ты всего добьешься, – внушала Нэнси своему возлюбленному.

– Откуда такая уверенность? – спрашивал Фрэнк, обнимая ее.

– Просто ты самый талантливый и самый красивый парень из всех, кого я встречала, – говорила Нэнси. Конечно, она пыталась польстить Фрэнку – но и душой не кривила, по ее собственному признанию.

– И много их у тебя было, талантливых да красивых? – спрашивал ревнивый Фрэнк.

– Всего один, – мурлыкала Нэнси.

В начале 1937 года ее родственник устроил Фрэнка на «Эн-би-си», в пятнадцатиминутную программу за семьдесят центов в неделю – большая удача для начинающего певца. Другой родственник Нэнси говорил:

– Фрэнк был готов петь на любых условиях. Не важно, где, почем и как долго. И знаете что? К двадцати одному году он уже был чертовски хорош. Великолепен. Я ему сказал: «Слышь, Фрэнки, у тебя есть голос». А он отвечает: «Конечно, есть. Я вам всем эту мысль уже несколько лет внушить пытаюсь, а до вас

доходит, как до жирафов».

Одно время Фрэнк тешился идеей сменить фамилию на Трент в честь своего родственника Джона Трейди, который умер от туберкулеза в возрасте двадцати восьми лет. Этот Трейди был первым в семье артистом – играл на банджо в ансамбле и пел. Фрэнку казалось, что для карьеры полезно будет избавиться от итальянской фамилии «Синатра». Он даже заказал афиши с фамилией «Трент». Вообразите, сколько бы они сейчас стоили! Но Долли предупредила: если Фрэнк откажется от фамилии Синатра, Марти ему задницу надерет. Позднее Фрэнк признавался:

– Лучшее, чего я в жизни НЕ СДЕЛАЛ, – это фамилию не сменил.

Повитуха

Во времена детства, отрочества и юности Фрэнка его мать, в числе прочего, выполняла функции повитухи. В Хобокене да и в других городах это было обычное дело. Большинство младенцев появлялись на свет не в больницах и не под наблюдением профессиональных акушеров, а при помощи повитух-соседок, прошедших минимальную подготовку. Кроме того, Долли частенько призывали, когда требовалось прервать беременность. Будучи прагматиком, она считала, что оказывает услугу обществу. Некоторые основания так думать у Долли имелись: ведь любая итальянка-католичка, родив внебрачного ребенка, становилась парией. Во многих семьях было по семеро и больше детей – и получить незаконнорожденного внука им совершенно не улыбалось. Таким-то семьям Долли и помогала в полной уверенности, что с нежелательной беременностью можно справиться, как и с любой другой бедой. Разумеется, Долли, сама католичка, нарушала «божий закон» – по крайней мере в глазах очень многих католиков-итальянцев. С другой стороны, семья Синатра не отличалась набожностью и даже в церковь ходила крайне редко. «У меня своя религия, – говаривала Долли. – Я знаю, что делаю. Бог тоже знает, что я делаю. Если бы бог не хотел, чтобы я этим занималась, уж он бы проследил, чтоб эта мысль мне и в голову не пришла». (Кстати, число родов, которые Долли приняла, изрядно превышает число сделанных ею абортов.)

– Моя мать забеременела в тринадцать лет, – рассказывает Дебра Страделла, дочь жительницы Хобокена. – Помню, она мне говорила, что совсем растерялась. Что боялась общественного осуждения. Тогда бабушка позвала Долли Синатру и сказала: моей дочке нужна помощь, а заплатить нечем. Аборт стоил двадцать пять долларов. Долли разрешила платить в рассрочку – по три доллара каждый месяц, и обещала следить за здоровьем своей пациентки. Бабушка сама повела маму к Долли на Гарден-стрит. В подвале у Долли был оборудован абортарий. Долли вошла с черным докторским чемоданчиком, уложила маму на специальный стол, всю операцию проделала собственноручно. Заняло это минут пятнадцать. Мама эту историю часто в подробностях рассказывала, у нас аж мурашки по спинам бегали. А Долли и правда потом навещала маму раз в неделю, лекарства приносила. Конечно, она ее спасла, но всё равно, подпольные аборты делать – это гадко.

С Деброй Страделлой были согласны многие в Хобокене.

Действительно, Долли занималась незаконной деятельностью.

– Преступница, вот она кто, – открытым текстом заявляет один из жителей Хобокена. – Тут и рассуждать нечего. Дело незаконное и богопротивное. Кто такую женщину хвалит – сам от нее недалеко ушел.

В 1937 году Долли попалась. После сделанного ею аборта пациентке стало плохо, ее доставили в больницу. Женщина чудом выжила. Долли арестовали, признали виновной в совершении преступления. Тяжба закончилась пятью годами условно. Долли условный срок не приструнил, она все пять лет продолжала свою деятельность в подвале собственного дома. Еще несколько раз ее арестовывали, но всегда отпускали – вероятно, играли свою роль связи в политике. Уж наверное, Долли пользовалась огромным влиянием, если столько раз ее буквально за руку ловили, а до суда дело не доходило. Сейчас хобокенцы, знавшие Долли, а также их потомки говорят о ней со смешанным чувством трепета и восхищения. Мало того что ей удавалось торговать спиртным во время «сухого закона», так она еще и подпольные аборты делала безнаказанно! Поистине не каждая женщина на такое способна.

Перед Долли трепетал весь Хобокен. Политические связи позволяли ей плевать на закон – как человечий, так и божий, – что она и демонстрировала неустанно семидесяти тысячам хобокенцев. Долли считалась одной из самых могущественных женщин и едва ли не самой влиятельной итальянкой в городе. Годы спустя ее сын стал *падроне*, а пока он не вошел в возраст, этот титул неофициально носила сама Долли.

– Ее боялись до смерти, – вспоминает уроженец Хобокена. – Как ей удавалось весь город в страхе держать – одному богу ведомо. Началось всё с любви и уважения, которые постепенно трансформировались в ужас. Люди на нее пальцами показывали и шептались. А Долли Синатра только радовалась. Для нее это одно значило – на нее внимание обращают. То есть считаются с ней. Она еще гордилась этим. «Меня героиней называют, – говорила. – Может, я и есть героиня». Долли даже в голову не приходило, что для многих она не героиня, а преступница. Поразительная самоуверенность. Впрочем, от последствий страдал Фрэнк.

Тогдашняя подружка Фрэнка, Марион Браш Шрейбер, попыталась было устроить его на работу в школу при храме Святой Девы – предполагалось, что Фрэнк будет выступать по пятницам на танцевальных вечерах. Однако выходцы из Ирландии, которым принадлежала школа, буквально встали на дыбы. Кандидатура Фрэнка даже не обсуждалась из-за того, что его мать делала подпольные аборты. Узнав об этом, Фрэнк впал в свойственную ему и невыносимую для окружающих мрачную

задумчивость. Марион вспоминает:

– Он молчал часами. Сидел и наливался тяжелым гневом. Ни слова из него было не вытянуть. Никаких вспышек – только кошмарное молчание.

Другая жительница Хобокена говорит:

– Фрэнки любил свою мать и очень страдал. Но любовь пересиливала общественное мнение. Для Фрэнки мать всегда была права, что бы ни делала. Однажды в баре какой-то парень дурно отозвался о Долли. Парень был пьян – трезвому ему бы это и в голову не пришло. О Долли только перешептывались по углам, а чтобы вслух осудить – ни-ни. Фрэнки этого парня чуть не порвал. Разнимать пришлось. Помню, кровищей весь пол был залит. Когда Фрэнки оттащили от бедняги, он сказал: «Обо мне можешь сколько угодно злословить, мне параллельно. Но имя моей матери трепать не смей, слышишь? Никогда!»

«Впусти Фрэнки»

1938 год, Фрэнку двадцать два. Он очень хорош собой, обаятелен и самоуверен – последнее обстоятельство помогало укладывать в постель практически любую приглянувшуюся ему девушку. Нет, Нэнси Барбато никуда не делась, отношения продолжались, а связи на стороне никак невесты не касались. Фрэнк умел разделять в жизни духовное и плотское. Он изменял Нэнси исключительно с теми женщинами, с которыми она ну никак не могла пересечься – по крайней мере в обозримом будущем.

– Фрэнки мог заполучить любую, – вспоминает член «Хобокенской четверки» Фред Тамбурро. – Отчасти потому, что хорошо пел. Девушки – они певцов и артистов любят. А что до секса, так я больше таких озабоченных не знаю. Кажется, Фрэнки и змею бы трахнул, если бы девчонки поблизости не оказалось.

– Вполне можно сказать, что Фрэнки постоянно думал о сексе, – вспоминает Нэнси Вентури, одна из тогдашних подруг Синатры. – Он готов был прыгнуть на всё, что шевелится. Он и в постели был особенный. По крайней мере со мной. Очень сексуальный, очень требовательный любовник. А целовался как!.. Я уже старая, а до сих пор всё помню, каждую подробность.

– Господи, Фрэнки, да ты на сексе помешан! – воскликнула Нэнси во время первого свидания, когда они с Фрэнком обжимались на диване у нее дома.

Фрэнк стал возражать:

– Сексом я и сам с собой могу заняться, детка. И занимаюсь, притом каждый день. Ну, ты понимаешь. А сейчас я хочу заняться любовью, да так, чтоб ты вовек не забыла. Давай же, впусти Фрэнки, – мурлыкал он, расстегивая платье Нэнси. – Я покажу тебе, что такое любовь. Впусти большого Фрэнки.

– Я тогда совсем голову потеряла, – продолжает Нэнси Вентури. – Я ему отдалась. Это было в 1938 году. Местные парни и слов таких не знали, не умели девушку увлечь. А Фрэнки говорил – будто уши медом мазал. И он был не из тех, кто дело сделал – и бежать. Нет, Фрэнки оставался на всю ночь, ну или по крайней мере выскальзывал из дома ранним утром, пока мои родители не проснулись. Я чувствовала себя любимой. Но мне было всего тринадцать, даром что выглядела я на все восемнадцать. Что с меня взять? Что я в любви понимала? Однажды ночью, перед этим самым моментом, Фрэнки прошептал мне на ухо: «Я люблю тебя, Нэнси». У меня аж дыхание сперло. Думала, сердце из груди выскочит от восторга. На следующий

день я об этом подружке рассказала, а она и говорит: «Ну и дура. У него невеста есть, тоже Нэнси». Тут я и поняла, что Фрэнки не мне, а ей в любви признавался. Я ему позвонила и сказала, что больше мы не увидимся. Ужасно боялась влюбиться. Боли боялась.

А как же отреагировал Фрэнк? Вот как:

– Ладно, детка, будь по-твоему. Может, еще пересечемся. В следующий раз, когда у тебя будет *такой* секс, вспомни обо мне.

Через три месяца Нэнси Вентури решила, что беременна.

– Я чуть с ума не сошла. Мне же было всего тринадцать лет! Кроме Фрэнки, ко мне ни один парень не прикасался. И вот я ему звоню, вся в слезах, и говорю: «Фрэнки, я беременна!» А он: «Ну и дела! Ну мы и влипли!» Я спрашиваю: «Ты что делать собираешься?» А он: «Не знаю. А ты что хочешь от меня?» Я говорю: «Хочу, чтоб мы с тобой вместе стояли перед алтарем». «Не вопрос, – говорит Фрэнки. – Только неплохо бы что-нибудь другое придумать». Помолчал и добавил: «Может, ты и права. Надо помолиться, чтобы Долли из меня котлету не сделала».

Далее Нэнси Вентури вспоминает:

– Мы с Фрэнки пошли в церковь на перекрестке Седьмой улицы и улицы Джефферсона. Преклонили колени у алтаря. Фрэнки закрыл глаза, нагнул голову и забубнил: «Боже, ты ведь знаешь, что случилось. Эта девчонка залетела. Мне теперь светит нагоняй от матери, а у меня и без того забот хватает. Так что давай, боже, устрой мне передышку, лады? Убери беременность куда хочешь. В общем, ты в таких делах лучше разбираешься. Ну, заметано? Вот и славно. Тогда аминь, и мы пошли». Я и рот раскрыла. Говорю: «Что это за молитва такая?» А Фрэнки как заорет: «Молитва как молитва, что тебе не нравится? Коротко и ясно. Сама меня в церковь затащила, так еще и хочешь, чтоб я, как пастор, соловьем разливался? Хочешь добавить пару слов – пожалуйста». И показал на Распятие. «Вот, он наверняка всё еще слушает. Валяй!»

– Я думала, сейчас нас обоих молния поразит насмерть за такие слова. Закричала как ненормальная: «Пойдем скорей отсюда! Мне страшно!»

Может, молитва Фрэнка не отличалась красноречивостью, зато она помогла. На следующее утро у Нэнси начались месячные.

– Я позвонила Фрэнки и говорю: «Сработало! Я не беременна!» А он: «Видишь, а ты крик подняла вчера. Больше не критикуй мои молитвы». Я уже собиралась трубку повесить, когда он сказал: «Понадобится чудо – обращайся, не стесняйся».

Тони

Фрэнку было двадцать три, Нэнси – двадцать один. Они успели обручиться и наслаждались серьезными, по мнению Нэнси, отношениями. Все свои побочные связи Фрэнку удавалось держать в тайне от Нэнси – до тех пор, пока он не встретил привлекательную брюнетку по имени Тони Фрэнкл (Антуанетта Делла Пента Фрэнкл) из нью-джерсийского района Лоди. Тони была чуть старше Фрэнка. Поначалу он думал, что и с Тони всё кончится так же быстро и легко, как в других случаях. Не тут-то было. Тони здорово увлеклась, призналась Фрэнку в любви и однажды заявила, что он должен на ней жениться.

– Ты с ума сошла? – возмутился Фрэнк. – Мы так не договаривались!

С Тони он зашел несколько дальше, чем с другими девушками – привез в Лоди своих родителей на семейный ужин с семьей Тони. Ели, конечно, спагетти. Долли новая пассия Фрэнка не понравилась сразу. Главным образом потому, что жила в плохом, по мнению Долли, районе. По возвращении в Хобокен Долли назвала девушку дешевкой. Фрэнк, отнюдь не бывший снобом, в очередной раз поругался с матерью.

– Эта девица тебе еще крови попьет, – убеждала Долли. – Есть в ней что-то скверное. Как она на тебя смотрит – словно кошка на мышь! А про Нэнси ты что, совсем уже забыл?

– Нэнси это не касается, – отвечал Фрэнк.

Долли задохнулась от возмущения, даже разговор не закончила. Пулей вылетела из комнаты. Впрочем, ее слова возымели действие – Фрэнк перестал звонить Тони. Она преследовала его несколько недель кряду, даже заявила, что беременна. Он был как кремень. Тогда Тони измыслила нечто новенькое. По крайней мере до нее обиженные женщины так не мстили. Она заявила на Фрэнка в полицию! Копы скрутили его сразу после ночного выступления в «Рустик кэбин», и было это двадцать второго декабря 1938 года. Обвинение звучало, мягко говоря, странно: «Нарушение клятвы».

Вот какую «телегу» накатала Тони на Фрэнка:

> *«Будучи совершеннолетним холостым мужчиной, сказанный Фрэнсис Синатра, обещая жениться, склонил сказанную Антуанетту Фрэнкл к сексуальным контактам, имевшим место 2 и 9 ноября сего года. До сих пор Антуанетта Фрэнкл пользовалась репутацией добропорядочной особы, а в результате контактов со*

сказанным Фрэнсисом Синатрой сделалась беременна».

И так далее, и тому подобное. Большая часть заявления была просто выдумана обиженной Тони Фрэнкл. Например, она уверяла, что Фрэнк подарил ей кольцо с бриллиантом. Едва ли он мог тогда позволить себе такую трату. Также Тони сообщила, будто бы дралась с Нэнси Барбато в «Рустик кэбин» из-за Фрэнка, хотя на самом деле они никогда не встречались лично. Кроме того, по словам Тони, Фрэнк был обязан жениться на Нэнси, иначе «ее отец его убьет, потому что Нэнси беременна». Нэнси не была беременна. Их с Фрэнком старшая дочь родилась только в 1940 году. Конечно, Фрэнк мог солгать Тони насчет беременности Нэнси.

А вот сама Тони как раз была в положении, и Фрэнк на сей раз оказался не способен «сотворить чудо». Отнюдь не уверенный, что ребенок от него; заявлявший, что у Тони имелись и другие мужчины, Фрэнк тем не менее провел в тюрьме целых шестнадцать часов. Даже фотографии его за решеткой сохранились.

Впрочем, все обвинения с Фрэнка были сняты, когда выяснилось, что Тони – замужем! Правда, она не сдалась, вновь обвинив Фрэнка на сей раз – в адюльтере.

– Вот же нахальная баба, – вспоминал Фрэнк. – Какой адюльтер! Я даже не знал, что она замужем. Это она в адюльтере виновата, а не я!

Это обвинение тоже быстро сняли.

– Тони веселую жизнь Фрэнку устроила, – вспоминает знакомый семьи Синатра, Сальваторе Донато. – На третьем месяце у нее случился выкидыш, а Фрэнк еще долго не мог в себя прийти после этой истории.

Такой пиар был совершенно не нужен двадцатитрехлетнему Фрэнку. В газете «Гудзон диспатч» от 23 декабря 1938 года появилась статья под заголовком «Птичка певчая в клетке за аморальное поведение». Пожалуй, это было первое вмешательство прессы в личную жизнь Фрэнка – и оно ему крайне не понравилось. Джои Д'Оразио вспоминает:

– Фрэнк позвонил в редакцию и заявил: «Вот я до вас доберусь, мозги вам вправлю. Всех порву, кто эту гадость про меня накропал. Я вам покажу, как честного парня птичкой обзывать!»

Фрэнк женится на Нэнси

Разумеется, Тони Фрэнкл была не единственной, просто она засветилась, а другие девушки – нет. Бесчисленные измены Фрэнка очень беспокоили Нэнси.

– Я в нем не уверена, – жаловалась она Долли.

Что касается самой Долли, она симпатизировала невесте сына и поощряла их отношения, ибо считала, что женитьба приструнит Фрэнка. Нэнси она советовала набраться терпения, убеждала, что, женившись, Фрэнк перестанет ходить налево.

– Долли говорила моей матери, – вспоминает дочь одной из подруг Долли Синатры, – что ей нравится будущая невестка. Фрэнки, дескать, нашел неплохую девушку. Порядочную, а не потаскушку какую-нибудь. Потаскушек в его жизни хоть отбавляй. Правда, бедняжке Нэнси с этим шалопаем туго придется. Она еще немало слез прольет.

В глубине души и Долли, и Нэнси знали, что Фрэнк никогда не будет верным мужем. Большинство итальянцев считали, что в свободное время вольны заниматься тем, чем им заблагорассудится, не важно, есть у них жены или нет. Правда, неизвестно доподлинно, изменял ли жене Марти Синатра. Впрочем, если бы такой грешок за ним случился, Долли уж точно не удивилась бы. Что касается Нэнси, для нее измены отца не были ни тайной, ни шоком. Все так жили в их маленьком мирке – почему Майк Барбато должен отличаться от остальных?

До ареста Нэнси не догадывалась, что Фрэнк ей изменяет. К тому времени они с Фрэнком имели интимные отношения. Надо сказать, что для Нэнси – истинной католички – пойти на добрачный секс с женихом уже значило очень много. Согласие далось ей нелегко. По мнению Нэнси, секс между ней и Фрэнком означал их полную обоюдную принадлежность друг другу, за которой в обязательном порядке должно последовать венчание. А тут появляется Тони – и разрушает всю картину мира.

Связь Фрэнка с Тони не только больно уязвила Нэнси. Эта связь полностью лишила Нэнси иллюзий. Ее мать смотрела на интрижки будущего зятя сквозь пальцы и дочери советовала то же самое. Но Нэнси никак не могла смириться с перспективой иметь неверного мужа. Она устроила Фрэнку немало сцен и в конце концов заставила его «побожиться», что больше ей изменять он не будет.

– Эта Тони – она первая, с кем ты мне изменил? – сквозь слезы спросила Нэнси.

– Нет, не первая, – сознался Фрэнк. – Зато последняя.

Фрэнк не хотел терять Нэнси. Ей он мог полностью довериться, она поддерживала его во всех, даже самых диких начинаниях. Казалось, ее не пугают годы безденежья; она не теряла веры в блестящую карьеру Фрэнка даже тогда, когда отчаивались его отец и мать. Фрэнк раскаивался из-за связи с Тони Фрэнкл, но сумел убедить себя: эта связь не имела к Нэнси никакого отношения. А еще он убедил Нэнси в том, что подобное больше не повторится.

Он был так нежен с Нэнси, так корил себя, что Нэнси согласилась начать подготовку к свадьбе.

Фрэнк и Нэнси обвенчались четвертого февраля 1939 года в Джерси, в храме Богоматери Всех Скорбящих. Венчал их монсеньор Монтелеон. Нэнси надела простое, в пол, платье из белоснежной тафты с глубоким вырезом и небольшим шлейфом, головку украшал венок из матерчатых цветов с жемчужинами и длинной фатой. На ногах были атласные туфельки. Двадцатитрехлетний Фрэнк предстал в смокинге, черных брюках в серую тонкую полоску и шелковом галстуке в тон. В петлице красовалась белая бутоньерка. По признанию Нэнси, жених в день свадьбы преподнес ей нечто особенное – пакетик жевательного мармелада, на дне которого были часики с бриллиантами. Молодым подарили мебель для новой квартиры. Подвенечное платье Нэнси позаимствовала у сестры, а кольцо – золотое, с несколькими бриллиантами – у будущей свекрови.

– Никогда – ни до, ни после – я не видела Фрэнка таким счастливым, – вспоминала Нэнси.

Молодожены не могли позволить себе свадебное путешествие, поэтому сразу после церемонии и обеда отправились в свое новое жилище – крохотную квартирку в Джерси, которую сняли за сорок два доллара в месяц, а обставили благодаря щедрости родственников. Фрэнк продолжил строить карьеру, а Нэнси стала работать секретаршей в городке Элизабет, штат Нью-Джерси, в тресте «Американ тайп фаундерс».

Часть вторая
Первый луч успеха

Гарри Джеймс

Без поддержки Нэнси Фрэнку трудно было бы строить певческую карьеру. Конечно, при определенном везении он справился бы и один – он был талантлив и целеустремлен, но ведь известно, что путь к успеху отнюдь не устлан розами, а Нэнси помогала мужу встречать неудачи и разочарования с оптимизмом – как и подобает верной и преданной жене.

Фрэнк был убежден – если ему обломится место вокалиста в ансамбле Гарри Джеймса, дальше можно будет не пробивать себе дорогу лбом. В начале 1939 года Фрэнк работал в ансамбле Боба Честера. Сколько именно времени – не могут припомнить даже его поклонники, которые всегда всё знают. Следовательно, этот опыт не произвел впечатления ни на кого. Возможно, дело ограничилось парой-тройкой выступлений в отеле «Нью-йоркер». Нэнси взяла на работе аванс – пятнадцать долларов, чтобы Фрэнк смог сфотографироваться у профессионала. Предполагалось, что эти фото он подарит тромпетисту Гарри Джеймсу, который недавно расстался с ансамблем Бенни Гудмена, чтобы организовать свой собственный биг-бенд.

В те времена такое понятие, как биг-бенд, существовало только в США. Эра биг-бендов продлилась с конца Великой депрессии и до конца Второй мировой войны, оставив нам в наследство самые запоминающиеся хиты из всех, что были когда-либо написаны в Америке. Петь в биг-бенде мечтал каждый уважающий себя вокалист.

Через приятеля Фрэнк передал свои фото Гарри Джеймсу, и тот вскоре лично появился в «Рустик кэбин», чтобы послушать Фрэнка. По словам последнего, на Гарри большое впечатление произвела его манера исполнения лирических композиций. «Фрэнк будто нашептывал нежности на ушко одной-единственной женщине», – вспоминал Гарри Джеймс.

Знаменитый тромпетист как раз прослушивал певцов в нью-йоркском отеле «Линкольн». Все до единого они очень долго и тщательно готовились перед тем, как спеть. И только Фрэнк не нуждался в подготовке. Задорно усмехнувшись, он подходил к аккомпаниатору, говорил ему, какую песню будет исполнять и в какой тональности, – и пел.

– В тот день кучу народу прослушали, – вспоминает музыкант Артур Херферт, он же Скитс, – но все признавали – как только запел Фрэнк, вопрос с вокалистом был решен.

Тридцатого июня 1939 года Фрэнк дебютировал в биг-бенде Гарри Джеймса. Биг-бенд носил название «Гарри Джеймс и его

музыканты» и существовал на тот момент всего три месяца. Концерт состоялся в Балтиморе, в театре «Ипподром»; Фрэнк исполнил композиции «Желание» и «Моя любовь к тебе» (Wishing и My Love for You). Оставшиеся летние месяцы и начало осени биг-бенд провел в турне. Публика была в восторге. Фрэнк всю жизнь с теплотой вспоминал тот период.

Как раз тогда он познакомился с аранжировщиком Билли Мэйем, который работал над очень многими запоминающимися композициями Фрэнка. Мэй вспоминает:

– Я считал Синатру отличным певцом. А вот музыканты из биг-бенда Гарри придерживались мнения, что Синатра – просто выскочка, которого родители-итальянцы мало пороли.

Фрэнку казалось, большего счастья и быть не может – ночь за ночью в пути, то в поезде, то в автомобиле, то в автобусе, по вечерам выступления – в крохотных обшарпанных клубах или в огромных залах с кошмарной акустикой, а он, Фрэнк, поет, и ему за это еще и платят! Вдобавок с ним – молодая жена, то есть что-то вроде медового месяца всё-таки получилось! Нэнси считала, что это время было самым счастливым в их с Фрэнком отношениях. Фрэнк в ловко сидевшем костюме, с пышной прической «помпадур» пел любовные песни, а Нэнси смотрела из-за кулис и, казалось, с каждой новой композицией влюблялась в мужа все сильнее. «До чего же он хорош! – думала Нэнси. – Какого я парня отхватила!»

После выступлений Фрэнка поджидали толпы девушек – каждая надеялась на его особое внимание. А Фрэнк говорил:

– Я женат. Жена меня убьет, если я на сторону стану смотреть.

Денег было мало. Зачастую владельцы клубов платили совсем не ту сумму, на которую договаривались перед концертом. Музыканты и рабочие сцены питались в основном сандвичами с жареным луком. Для Фрэнка, аранжировщика и ударника Нэнси готовила гамбургеры со шпинатом и толченой картошкой. Стоило это удовольствие один доллар. Если же в мясной лавке обнаруживалось вяленое мясо под названием «капикола», все были просто счастливы. Бутылки из-под содовой не выбрасывали, а сдавали, чтобы выручить лишний цент. Да, жилось нелегко, но Фрэнк с Нэнси чувствовали себя на седьмом небе. Когда же Нэнси забеременела, молодожены буквально возликовали.

В том же 1939 году Фрэнк записал несколько композиций с биг-бендом Гарри Джеймса. Самая первая запись датируется тринадцатым июля и была сделана в Нью-Йорке, после выступления биг-бенда в зале «Роузленд». Пластинка с двумя песнями (на одной стороне – «Из глубины моего сердца», на

другой – «Меланхолия» (From the Bottom of My Heart и Melancholy Mood соответственно) была выпущена под лейблом «Брансвик». Позднее, тридцать первого августа, биг-бенд записал «Всё или ничего» (All or Nothing at All) с рефреном в исполнении Фрэнка Синатры.

Фрэнк записывал эту песню еще три раза, но первая версия считается самой удачной. После записи еще нескольких запоминающихся композиций он восьмого ноября записал две последние в составе биг-бенда – «Цирибирин», бывшую визитной карточкой Гарри Джеймса, и «Каждый день моей жизни» (Ciribirin и Every Day of My Life, соответственно).

Опыт, полученный Фрэнком в ходе работы с Гарри Джеймсом, трудно переоценить. Фрэнк учился держаться на сцене, показывать себя с лучшей стороны. В коммерческом плане ему, конечно, хотелось большего. Дела у биг-бенда шли вяло. С этими ребятами почти не считались. Однажды во время выступления в Беверли-Хиллз, прямо посреди песни, которую исполнял Фрэнк, владелец заведения объявил, что концерт окончен. Ему, видите ли, не понравилось, что народу в зале мало. За тот прерванный концерт музыкантам не заплатили ни цента.

Словом, Фрэнк дозрел до расставания с Гарри Джеймсом и его музыкантами.

В чикагском отеле «Шерман», на шоу, посвященном союзу музыкантов, помимо биг-бенда Гарри Джеймса выступали другие популярные коллективы, в том числе оркестр Томми Дорси – один из самых раскрученных в США. Дорси, известный как «сентиментальный джентльмен, исполняющий свинг», заметил Фрэнка и пожелал заменить им своего вокалиста, Джека Леонарда. Контракт обещал быть длительным и приносить Фрэнку семьдесят пять долларов в неделю. Фрэнк такого поворота никак не ожидал. Однажды он уже пытался попасть к Дорси в оркестр – и с треском провалился. Он настолько трепетал перед маэстро, что даже петь не мог.

– Стою, рот открываю – и ни звука, – признавался позднее Синатра. – До сих пор, как вспомню, – мороз по коже.

Но то было давно. С тех пор Синатра отточил мастерство, научился держаться на сцене и не робеть, успел показать себя в биг-бенде Гарри Джеймса. И ему очень нужна была эта работа. Тем более что они с Нэнси ждали ребенка, а биг-бенд собирал на выступлениях сущие гроши. Фрэнк знал: надо уходить от Гарри.

К счастью для Фрэнка, Гарри Джеймс проявил понимание и посоветовал заключить контракт с оркестром Дорси – если, конечно, Фрэнк уверен, что так будет лучше. Вообще-то он вполне мог не отпустить Фрэнка – по контракту Фрэнк должен был

работать у него еще целых семнадцать месяцев. Позднее, в интервью Фреду Холлу, Джеймс говорил:

– Нэнси была беременна, а мы зарабатывали слишком мало. Мы, конечно, не могли платить Фрэнку семьдесят пять долларов в неделю – сумму, на которую он рассчитывал. Неудивительно, что он захотел перейти к Томми Дорси. Я еще его тогда в шутку попросил – дескать, если у нас в ближайшие полгода дела не наладятся, ты уж, Фрэнки, выхлопочи и мне местечко у Дорси.

Гарри Джеймс никогда не сомневался – Фрэнк Синатра непременно станет звездой. Он показал себя с лучшей стороны, позволив Фрэнку уйти без шума, – за что Фрэнк был ему очень признателен. Его место в биг-бенде занял Дик Хэймс.

И всё-таки моральный выбор дался Фрэнку тяжело. По его мнению, это было предательство – уйти от человека, давшего ему возможность впервые серьезно засветиться на сцене. С Джеймсом он успел подружиться и любил его как родного брата. Вот что Фрэнк рассказывал о прощании с биг-бендом Гарри Джеймса в Буффало, в театре «Ши» в январе 1940 года:

– Автобус с нашими ребятами тронулся (им предстояло проделать долгий путь до коннектикутского города Хартфорд). Перевалило за полночь. Падал снег. Мы уже попрощались, и вот я остался один под снегом, с чемоданом в обнимку. Автобус мигнул хвостовыми огнями, они становились всё меньше, меньше. На глаза мне навернулись слезы, я бросился бежать за автобусом; понял, что не догоню… Какой у этих ребят был задор, какой кураж! Как мне не хотелось расставаться с ними!

Фрэнку вновь случилось поработать с Гарри Джеймсом девятнадцатого июля 1951 года. На студии «Коламбия Рекордс» они записали три композиции: «Касл-Рок», «Ночь» и «Прощай, прощай, любовь» (Castle Rock, Deep Night и Farewell, Farewell to Love). Также они иногда появлялись вместе на концертах в последующие годы. Особенно запоминающимися стали концерты в «Цезарс Пэлес» в 1968 и в 1979 годах. Кроме того, в 1976 году Синатра и Гарри Джеймс исполнили знаменитую песню «Всё или ничего» на концерте Джона Денвера. Гарри Джеймс скончался в июле 1983 года от рака лимфы. Еще за неделю до смерти он усердно работал.

Томми Дорси

Условия контракта, озвученные Томми Дорси, не просто удивили Фрэнка – они его в ступор ввергли. Оказывается, треть своего гонорара Фрэнк должен был отдавать «на путевые и прочие расходы», а десять процентов – агенту Томми Дорси. Сорок три процента от каждого гроша, заработанного Фрэнком, также получал Дорси (по прошествии первых двух лет, в течение которых Фрэнк зарабатывал по контракту семьдесят пять долларов в неделю; правда, сумму вскоре удвоили). Пожалуй, лучшее определение Томми Дорси дал сам Фрэнк, назвав его мошенником.

– Мошенник и плут. Больше и сказать нечего. – Так он выразился.

Фрэнк решил согласиться на условия Дорси, хотя и понимал, насколько они несправедливые. Думать о том, какие последствия они повлекут в будущем, Фрэнку не хотелось. Ему хотелось петь, хотелось прославиться. Также он знал, что Дорси прослушивал заодно и баритона Аллана Де Витта – иными словами, у Фрэнка имелся соперник. Пусть Де Витт не подошел – сам факт прослушивания постоянно напоминал Фрэнку: есть и другие исполнители, которые спят и видят, как бы подписать кабальный контракт ради одной только перспективы работать с Томми Дорси. Действительно, целые толпы молодых талантов соглашались на не менее скверные условия (хотя *более* скверных, кажется, никто не предлагал).

В остальном же – если абстрагироваться от грабительского контракта, – жизнь улыбалась двадцатичетырехлетнему Фрэнку Синатре. Он прочно занял место у микрофона в оркестре Томми Дорси. Событие это датируется январем 1940 года. Оркестр в это время был в турне, и Фрэнку прислали билет, чтобы он присоединился к своим новым товарищам. Среди которых были такие выдающиеся музыканты, как Бадди Рич, Банни Берриган, Джо Бушкин и Зигги Элман; аранжировщики вроде Эксела Стордала, Пола Уэстона и Сая Оливера. Среди вокалистов можно назвать Джо Стаффорда и группу «Пайд Пайперс». И вот этот список пополнился именем Фрэнк Синатра. Дело давнее, и сейчас трудно сказать, в каком именно городе Синатра нагнал оркестр Дорси. Агент Дорси, Джек Иген, и дочь Синатры Нэнси уверяют, что это было в Индианаполисе (первое совместное выступление – в театре «Лирик» второго февраля). А вот кларнетист Джонни Минс считает, что это произошло в висконсинском городе Шебойган. Есть и другие версии, в частности, Джо Стаффорд

настаивает на одном из двух городов – Миннеаполисе или Милуоки. Сам Фрэнк говорил, что присоединился к оркестру в Балтиморе, а запомнил потому, что сыграл там двадцать семь иннингов в софтбол с новыми коллегами.

Влиться в коллектив получилось не сразу. Причем нелегко было не только Фрэнку – с новыми товарищами, но и новым товарищам – с Фрэнком. Синатра, как мы помним, отличался крутым нравом, и оркестру сразу не понравился. Из-за почти маниакальной чистоплотности ему быстро прицепили кличку Леди Макбет. Впрочем, даже те, кому не пришлись по душе личные качества Фрэнка, не могли не восхищаться его талантом. Шоу обычно начиналось с визитной карточки оркестра – композиции «Я влюбляюсь в тебя» (I'm Getting Sentimental Over You), написанной Дорси. За ней следовал хит «Мари». Один-два номера исполняла Конни Хейнс, затем выступали Джо Стаффорд и «Пайд Пайперс». После них Зигги Элман играл соло на трубе, далее следовал выход Бадди Рича. Наконец, появлялся Фрэнк с каким-нибудь хитом, например, с композицией «К югу от границы» (South to the Border). Он также пел дуэтом с Конни Хейнс, в частности, они исполняли песни «Давай сбежим» и «Ах, взгляни на меня» (Let's Get Away from It All и Oh, Look at Me Now). Конечно, и порядок выхода исполнителей, и сами композиции варьировались, и по мере того, как росла популярность Фрэнка, росла и доля его участия в каждом шоу.

Первого февраля 1940 года Фрэнк записал первые две песни с оркестром Томми Дорси. Это были «Небо упало» и «Я слишком романтичный» (The Sky Fell Down и Too Romantic). И снова – дороги и новые места: Индиана, Мичиган, Нью-Джерси, Нью-Йорк. В последнем оркестр выступал в театре «Парамаунт» с середины марта до середины апреля, а двадцать третьего мая 1940 года Фрэнк, «Пайд Пайперс» и Томми Дорси вместе с оркестром записали «Я больше никогда не улыбнусь» (I'll Never Smile Again).

После этой записи карьера Фрэнка круто изменилась. Он словно катапультировался, взлетел к звездам. В оркестре он стал главной фигурой – к немалой досаде Бадди Рича. Известно, что соперничество этих двух исполнителей подчас принимало формы банальных драк. Поскольку эго Фрэнка раздувалось пропорционально объемам продаж пластинок, ухудшились заодно и его отношения с вокалисткой Конни Хейнс. Фрэнк уже не хотел петь с ней дуэтом, хотя и приходилось. Манеру исполнения Конни Хейнс он называл слезоточивой. В итоге, отказавшись от дуэтов, Фрэнк целых две недели вообще не появлялся на сцене – ему не дали сольных номеров. Поистине Фрэнк не был создан для

компромиссов и совместной работы. Он так и не влился в коллектив оркестра Дорси. И Бадди Рича, и Конни Хейнс он сильно недолюбливал и даже не пытался скрыть неприязнь. Друзьям Фрэнк говорил, что эти двое ему «одинаково противны». Впрочем, когда в октябре 1944 года к уже знаменитому Синатре подошел после концерта Бадди Рич и сообщил, что намерен создать собственный ансамбль, Синатра выписал ему чек на сорок тысяч долларов и так напутствовал ошалевшего ударника:

– Что ж, желаю удачи. А с денежками она тебе скорее улыбнется.

И похлопал Бадди по спине.

Восьмого июня 1940 года Нэнси Синатра разрешилась дочерью – Нэнси-младшей. Роды проходили в родильном доме «Маргарет Хэйг», в городе Джерси. Фрэнк в это время был в Нью-Йорке.

– Я работал в отеле «Астор», – вспоминал он. – Да, кажется, именно там. Конечно, мне хотелось быть рядом с Нэнси, видеть дочь с первых мгновений ее жизни. Как подумаю, сколько я пропустил действительно важного!.. А что делать – гастроли, турне. Но именно этого дня мне особенно жаль.

Томми Дорси тогда так много значил для Фрэнка, что он позвал его крестить новорожденную.

В этом же месяце оркестр пригласили на «Эн-би-си» – требовалось заменить на лето Боба Хоупа и его варьете-шоу. Таким образом, Фрэнк впервые появился на радио, вещавшем на всю страну. Из-за твердых рейтингов композицию «Лето» (Summer Pastime) поставили в сетку вещания на вечер вторника. Она продержалась более трех с половиной месяцев и немало способствовала раскрутке Фрэнка – уже перед куда большей аудиторией.

В статье для журнала «Лайф» в 1965 году Фрэнк признавался, что именно тот период оказал основное влияние на его исполнительскую манеру. Томми не загружал его наставлениями, работая с другими членами оркестра. А Фрэнк, предоставленный сам себе, как губка, впитывал всё, что видел и слышал – в том числе перенимал технику игры на тромбоне самого Томми Дорси.

Брак дает трещину

После рождения дочери Нэнси уже не могла путешествовать вместе с мужем, и тогда-то в их браке наметилась первая трещина. Фрэнк изо всех сил делал карьеру – впервые снимался в фильме под названием «Ночи Лас-Вегаса» (Las Vegas Nights). Это было в октябре 1940 года, платили ему самую малость – пятнадцать долларов в день за песню «Я больше никогда не улыбнусь». Он также работал на студии «Парамаунт» в Нью-Йорке (январь 1941) и в этом же месяце, двадцатого числа, записал первый из двадцати девяти синглов с Дорси, «Без песни» (Without a Song).

Естественно, в странствиях ему встречались женщины.

Фрэнк считал: раз Нэнси про этих женщин не знает, так ей и не больно.

Но Нэнси-то знала!

Вспоминает подруга Нэнси, Пэтти Демарест (в то время они жили в одном доме на Берген-авеню, в Джерси):

– Однажды Нэнси пришла ко мне вся зареванная, с дочуркой на руках. Я говорю: «Что случилось?» А она: «Этот сукин сын снова мне изменяет!» «Снова?» – переспрашиваю. Я ведь раньше никогда об изменах Фрэнка не слышала. А Нэнси отвечает: «Да, снова! Он мне с самого начала не был верен».

Почти все друзья Фрэнка быстро узнали, что его брак под угрозой.

– Кажется, это началось в сороковом, – вспоминает Сэмми Кан. – Фрэнку уже тогда не сиделось. Он мне сам говорил что-то про тяжесть брачных уз.

Нэнси по-прежнему любила Фрэнка. Это было нелегко, ведь он очень изменился. Стал слишком эгоцентричным, жил по принципу «что хочу, то и ворочу», не задумываясь, причинял боль близким, в частности жене. Нэнси пыталась закрывать глаза на его дурные качества и поступки, убеждала себя, что терпение и понимание всё исправят. А вышло наоборот – Фрэнк стал презирать жену за ее кротость.

– Хочешь налево сходить – пожалуйста. Мне всё равно, – заявила Нэнси однажды в ночном клубе Манхеттена. Она и Фрэнк были там в компании друзей, и Фрэнк отчаянно флиртовал с официанткой. Слова Нэнси смутили его.

– Жены мужьям такое не говорят. По крайней мере нормальные жены, – выдал Фрэнк. – Что это на тебя нашло, а, Нэнси?

– А что я должна сказать, по-твоему? – парировала Нэнси,

глядя Фрэнку прямо в глаза. – Мы ведь оба знаем, что флиртом дело не ограничится.

– Допустим. Но чтобы такое предлагать собственному мужу! Тебе что – понравится, если я с этой лапулей пойду?

– Нет, не понравится. Ну а как мне тогда реагировать?

– Никак. Делай вид, что не замечаешь, – посоветовал Фрэнк, доставая бумажник и выкладывая деньги на стол. – Ты сорвалась и выставила меня перед друзьями в неприглядном свете. Больше так не делай, Нэнси. Это неправильно.

Фрэнк поднялся и пулей вылетел из зала. Нэнси пришлось извиниться перед всей компанией и ретироваться в туалет.

Не то чтобы Фрэнк ее не любил. Любил, просто ему хотелось разнообразия. Его влекло всё новое, а Нэнси… Нэнси была всё та же, прежняя, привычная. Читатель увидит в дальнейшем, что эта тяга к смене впечатлений была проблемой Фрэнка всю жизнь.

– Отца я бы охарактеризовала словом «неуемный», – говорила много лет спустя младшая дочь Фрэнка, Тина. – Он понятия не имел о том, что такое долг, что такое обязательства. Наверное, всему виной его эгоцентризм. Впрочем, не знаю. Пожалуй, лучше будет сказать, что лишь немногие представители его поколения отличались склонностью к самоанализу. Отец был просто тем, кем был, – Фрэнком Синатрой. Со всем хорошим, что подразумевает это имя, и со всем плохим. Или принимайте его таким, или не связывайтесь с ним. Не можете прощать – лучше прекратите всякие отношения. Кстати, очень многие были готовы терпеть только ради того, чтобы короткое время повращаться вокруг звезды по имени Синатра. Моя мама – не исключение.

Итак, Нэнси, из последних сил принимая мужа таким, каким он был, всё-таки жаждала приобщить его к семейным ценностям. Ей требовалась поддержка мужа; дочке требовалось внимание отца. Нэнси отлично знала: когда Фрэнк не с ней и не с малышкой, когда он не в Нью-Джерси, – он ведет шикарную жизнь. А уж во время турне ему стоит только глянуть – и женщины пачками к его ногам падают.

Надо сказать, члены оркестра Томми Дорси сами не ожидали, что вызовут такой ажиотаж. Происходило нечто необычное – Синатра становился сенсацией.

Позднее Фрэнк признавался:

– Думаю, дело было не столько в моей привлекательности, сколько в том, что в тех местах приличного музыканта не видали со времен Бинга – то есть добрых двадцать лет. Вот как только Бинг ушел работать на радио и в кино, так у них и не стало кумиров. Что интересно – поклонники Бинга принадлежали в основном к старшему поколению, а на меня западала молодежь.

Наверное, им просто не с кого было лепить себя, а тут появился я. Я начал понимать, что вся эта шумиха – не на пустом месте. Не знаю, в чем там была причина, только я прикинул: пожалуй, во мне и впрямь есть что-то особенное.

– Наверно, я недостаточно хороша, – плакалась Нэнси своей подруге Пэтти Демарест однажды вечером, когда Фрэнк не позвонил после концерта. – Может, если бы я постаралась, я бы смогла его дома удержать. Может, я мало молюсь господу. Да, наверное, так и есть. Надо больше молиться.

– Он остепенится, успокойся, – утешала Пэтти. – Но поработать над собой не помешает. Пусть он поймет, что лучшей женщины ему не найти. Вот что – тебе надо похудеть. Купи новое платье, сделай прическу – и всё образуется.

Разрыв с Дорси

В январе 1942 года, по версии журнала «Билборд», Синатра стал лучшим вокалистом в Штатах, подвинув самого Бинга Кросби. Пришлось Кросби потесниться и в топе журнала «Даун Бит», а ведь этот топ он возглавлял целых шесть лет.

Первые композиции без оркестра были записаны Фрэнком девятнадцатого января 1942 года на студии «Блубёрд», которая являлась дочерней компанией Американской радиовещательной корпорации (RCA). Томми отнюдь не пришел в восторг от перспективы, что Фрэнк отныне будет работать без него – зато с его аранжировщиком Экселом Стордалом. Впрочем, Томми понимал: если Фрэнку хочется записывать композиции самостоятельно, пускай записывает. Перечить – себе дороже. Таким образом, Фрэнк записал три лирические композиции в сопровождении небольшого оркестра без духовых инструментов. Вот эти песни: «Ночь, которую мы назвали днем» (это была первая версия знаменитой «Ночь и день»), «Песня – это ты» и «Серенада фонарщика» (Night and Day, The Song Is You и The Lamplighter's Serenade).

К тому времени аудитория оркестра Томми Дорси ходила почти исключительно «на Фрэнка». Встречали его так, что в нем день ото дня крепло желание выступать соло. Оркестр будто связывал его по рукам и ногам. Нет, Фрэнку нужно соло – и только соло!

– Фрэнк планировал свалить из оркестра, – как-то признался Хэнк Саникола. – Ему хотелось настоящей известности. Хотелось немыслимого совершенства. Надоело подчиняться Дорси. Фрэнком интересовалась «Коламбия Рекордс». Его имя было у всех на устах. А Томми и слышать не хотел про его сольную карьеру. Считал, все его ребята должны у него в оркестре до седых волос наяривать.

Фрэнк многому научился у Томми. Например, понял, что вокалист отнюдь не обязан исполнять ту или иную композицию в раз и навсегда установленной манере. А ведь подавляющее большинство тогдашних исполнителей именно так и делало – каждое новое выступление полностью дублировало предыдущее! Дорси показал Синатре, как персонализировать мелодию, чтобы она представала единственной в своем роде, однако безошибочно узнавалась поклонниками в любой интерпретации. Благодаря советам Дорси каждая отдельная песня в исполнении Фрэнка не просто вызывала восторг аудитории – она не приедалась и самому вокалисту. Фрэнк открыл для себя смысл слова

«импровизация» – и напропалую импровизировал в соответствии с собственным настроением. Поистине Томми Дорси вырастил уникального исполнителя.

С ним Фрэнк записал несколько восхитительных мелодий, в том числе «Бледная луна», «Ах, взгляни на меня» и «Голубые небеса» (Pale Moon, Oh, Look at Me Now и Blue Skies). Однако настало время продолжать карьеру без Томми.

В начале 1942 года, в Вашингтоне, в гримерке и без свидетелей двадцатишестилетний Фрэнк объявил Томми, что уходит из оркестра.

– Я дозрел, – так выразился Фрэнк. – С оркестром мне больше не по пути.

Дорси, человек авторитарный, окинул Синатру взглядом школьного наставника, которого давно ничем не удивишь.

– Какой тебе смысл уходить? Ты пользуешься успехом в оркестре, на тебя большой спрос.

– Знаю, Томми, знаю, – отвечал Фрэнк. – Просто пора мне двигаться дальше одному. Видишь, я тебя аж за целый год предупредил. По-моему, это честно.

– А по-моему, нечестно, – возразил Томми, глядя не на Фрэнка, а в нотный лист. – И никуда ты не уйдешь.

– Еще как уйду, – парировал Фрэнк. – Сказал – значит, сделаю. А ты можешь подписать контракт с Диком Хэймсом. Он отличный певец.

– Вот кстати, о контракте, – оживился Томми. – Ты не забыл, что тоже имеешь некие обязательства?

– У меня был контракт с Гарри – и что? Гарри просто взял его да порвал, – простодушно объяснил Фрэнк.

– Я тебе не Гарри, – потерял терпение Томми.

– Я всё сказал, – повторил Фрэнк, поднимаясь. – Ровно через год я уйду. Ты предупрежден.

С тех пор Томми разговаривал с Фрэнком только при крайней необходимости. Фрэнку было наплевать – он строил карьеру, искал агентов, заручался поддержкой влиятельных лиц в индустрии развлечений – словом, готовился к уходу из оркестра Томми. Кроме того, Фрэнк брал индивидуальные уроки дикции в Нью-Йорке, у Джона Квинлана, в тщетных попытках избавиться от джерсийского акцента. Впрочем, акцент слышался у него только в разговорной речи. Слова песен Фрэнк научился произносить очень чисто и внятно. Короче, подготовка к борьбе за место в индустрии развлечений шла по всем фронтам, что указывает на крайнюю мотивированность Фрэнка.

Джордж А. Дергом по прозвищу Буллетс, менеджер Томми Дорси, познакомил Фрэнка с Эммануэлем Саксом (сокращенно –

Мэни), сотрудником «Коламбия Рекордс». Сакс отвечал за артистов и репертуар на студии и решил, что связь с Фрэнком компании не повредит. Он рассчитывал залучить Фрэнка в «Коламбия Рекордс». Напомним: в то время Фрэнк был скован контрактом в другой звукозаписывающей компании – Американской радиовещательной корпорации (RCA). Мэни, человек огромного обаяния и влияния в музыкальной индустрии, скоро стал одним из лучших друзей Фрэнка.

Рассерженный намерением Синатры уйти из оркестра, Томми в итоге всё же решил его отпустить. Правда, заметил: контракт остается в силе (Фрэнк давно уже называл контракт «вонючей бумажкой»). А Томми по-прежнему рассчитывал получать треть всех доходов Фрэнка до конца его дней, да еще десять процентов, по условиям «вонючей бумажки», должны были отчисляться агенту Томми Дорси. Похоже, Томми вовсе не волновало, что в историю музыки он рискует войти как мошенник и эксплуататор.

Фрэнк решил пока не касаться темы контракта. Время терпит, глядишь, в будущем появится возможность избавиться от кабальных условий. А сейчас нужно уходить из оркестра, не то Дорси передумает.

Последний концерт с оркестром Томми Дорси состоялся третьего сентября 1942 года. Синатра сам представил публике Дика Хэймса, которому было суждено заменить его на сцене. К слову, Хэймс проработал с Дорси лишь полгода, а потом начал сольную карьеру.

А ведь многим вокалистам из биг-бендов это не удалось. Джинни Симмс, Рэй Эберли, Джек Леонард так и не вырвались в свободное плавание. Их печальный пример нисколько не пугал Фрэнка. Эти ребята были просто недурными певцами, привыкшими стоять смирно на эстраде, а Фрэнк несколько лет потратил на оттачивание артистического мастерства. Тренировал органы дыхания, учился любовному речитативу и обращению с микрофоном. Теперь его усилия начали окупаться.

«Синатрамания»

Свой двадцать седьмой день рождения (двенадцатое декабря 1942 года) Фрэнк встретил на сцене ньюаркского театра «Москью». По воле судьбы на концерте был Боб Уитман, управляющий театра «Парамаунт». Фрэнк привлек его внимание. Вызвал восхищение. Последнее было такой силы, что Уитман спросил самого Бенни Гудмена, «Короля свинга», не против ли тот, чтобы имя Синатры появилось через пару недель на афише возле Таймс-сквер рядом с его, Гудмена, именем.

– А что за птица – Фрэнк Синатра? – отреагировал Гудмен.

Впрочем, едва Фрэнк поступил в театр «Парамаунт», как этот вопрос почти перестали задавать.

Во время Второй мировой войны киноиндустрия процветала. Американцы искали забвения в многочисленных кинотеатрах, построенных по всей стране. Искали – и находили. Городские кинотеатры отличались огромными размерами, нарядными фойе с зеркалами и канделябрами, с плюшевыми диванами, балкончиками и вышколенными швейцарами, готовыми проводить солидного зрителя к креслу. Многие кинотеатры открывались уже в половине девятого утра, ведь люди работали посменно, в том числе ночью. Вот индустрия развлечений и подстраивалась под непривычные, а подчас и немыслимые в мирное время графики. Как правило, залы заполнялись почти под завязку.

Типичная программа состояла из, собственно, художественного фильма и выпуска новостей, например, новостной студии «Мувитон ньюс» с обязательным включением военной сводки. В крупных городах зрителю нередко предлагали и живой концерт. В частности, в нью-йоркском театрально-концертном зале «Радио-сити-мьюзик-холл» выступал знаменитый танцевальный коллектив «Рокеттс». В шоу нередко участвовали и биг-бенды. Что касается Фрэнка, он в тот период появлялся на сцене «Парамаунта» по шесть-семь раз за день.

– Мое первое выступление в «Парамаунт» пришлось на новогоднюю ночь, – вспоминал Фрэнк. – Я явился на репетицию к половине восьмого утра, гляжу на афишу, а там написано: «Впервые на нашей сцене Фрэнк Синатра». Ничего себе, думаю.

По иронии судьбы в тот день показывали фильм с участием Бинга Кросби «Звёздно-полосатый ритм» (Star-Spangled Rhythm), на который народ валом валил.

Дебют Синатры в «Парамаунт» получился громким. Едва Джек Бенни представил его публике, как девчонки в зале

буквально сошли с ума. Они принялись вопить «*Фрэнки-и-и-и! Фрэнки-и-и-и!*». Приступ идолопоклонства был столь неожиданным, что артисты и конферансье просто опешили.

– Что происходит, черт возьми? – спрашивал Бенни Гудмен.

– Пять тысяч малявок топали ногами, визжали, подвывали и хлопали в ладоши, – вспоминает Фрэнк. – Казалось, крыша вот-вот рухнет.

– Я думал, чертов театр провалится в тартарары от этого грохота, – высказался Джек Бенни.

Аудитория, в основном состоявшая из девушек моложе двадцати лет, поголовно носивших белые носочки, отказывалась покидать зал после представления. Девушки пытались скрыться в зале до следующих шоу, и руководитель театра распорядился показывать самые скучные фильмы в надежде, что поклонницы Синатры уйдут сами.

Фрэнк в одночасье стал сенсацией. Поклонники – главным образом юные девицы – у него уже имелись благодаря пластинкам. Теперь же, когда Фрэнк начал выступать в «Парамаунт», интерес к нему вырос в разы и вскоре превратился в культурный феномен. Шоу с ним имело такой успех, что вместо заявленных первоначально двух недель продержалось еще два месяца.

Признательность Фрэнка поклонницам была так велика, что он распорядился купить для них целую гору сандвичей с индейкой. Конечно, девочки ведь изрядно проголодались, день напролет карауля места в зале!.. Покупкой сандвичей занимался менеджер Фрэнка, Ричи Лиселла.

Ничуть не опасаясь не угодить публике, Фрэнк исполнял не одни только проверенные временем хиты. Он был достаточно проницателен, чтобы даже при шквале аплодисментов и приветственного девчачьего визга сохранять самообладание. Иными словами, Фрэнк не ограничивал свои выступления теми песнями, которые аудитория хорошо знала по пластинкам. Нет, он исполнял лиричные, тонкие, пронизанные чувством композиции, вовсе не заботясь, что их слышат впервые и могут не принять. Правда, поклонницы так шумно выражали свой восторг от одного того, что видят Фрэнка «живьем», что слов практически не слышали.

Конечно, «Синатраманию», как метко окрестили это явление журналисты, охватила и взрослых женщин, и мужчин разных возрастов. И всё-таки огромный процент поклонников Фрэнка приходился на девочек от тринадцати до пятнадцати лет. Чем объяснить этот феномен? Вот одна из версий: у девочки этого возраста, как правило, еще нет друга, и Фрэнк является для нее

идеальным объектом романтической влюбленности. Наличие жены и дочери делали Фрэнка недоступным, но не вызывали у юных поклонниц ревности – на день рождения маленькой Нэнси ему прислали подарков достаточно, чтобы осчастливить воспитанниц целого сиротского приюта. С другой стороны, он, хоть и взрослый мужчина, был по-мальчишески худощав и даже хрупок, так что вполне мог сойти за «соседского парня».

Наиболее ярые поклонницы не жалели сил, пытаясь заполучить что-нибудь материальное от своего кумира. Известно, что зимой девочки забирали домой снег, на котором отпечатались подошвы Фрэнковых ботинок, и держали эти сокровища в морозилках. В большой цене был пепел от его сигарет. Поклонницы даже подкупали гостиничных горничных, чтобы полежать в постели, еще хранившей тепло тела Фрэнка, прежде чем простыни будут отданы в стирку. Очень скоро в Штатах уже было две тысячи фан-клубов.

По случаю успеха в «Парамаунт» Фрэнк нанял нового агента. Джорджу Эвансу, с которым Фрэнка познакомил Ник Севано, был тогда сорок один год, и в пиаре он поднаторел как никто. Именно Эванс создал имидж таким иконам шоу-бизнеса, как Лина Хорн, Дюк Эллингтон, Дин Мартин и Джерри Льюис.

– Сделай из меня самую яркую звезду, – попросил Фрэнк. – Любой ценой и любым способом. Талант у меня имеется, остальное – твоя забота.

Первым делом Эванс поручил одному из своих ассистентов нанять группу девочек-подростков – чтоб восторженно вопили, едва Фрэнк затянет романтическую балладу. Притом в любом городе и в любом зале. Каждой девчонке было назначено жалованье – пять долларов. Впрочем, можно было и сэкономить – на Фрэнка всегда и всюду так бурно реагировали, что вопли оплаченных поклонниц тонули в воплях поклонниц бесплатных. Второй светлой мыслью Эванса была вот какая: не повредит, решил он, если на выступлении Фрэнка с полдюжины девчонок лишатся чувств. Конечно, только члены команды Синатры знали о том, что по всему зрительному залу рассажены девушки с соответствующим заданием. К немалому удивлению Эванса, за один вечер в обморок хлопнулись тридцать девушек, хотя он оплатил услуги лишь двенадцати из них! А потом девушки стали срывать с себя бюстгальтеры и швырять прямо под ноги своему кумиру.

– Боже всемогущий, что же это делается! – восклицал Фрэнк после выступления.

Позднее, в интервью, он так говорил о том периоде:

– Что я чувствовал? Я сам толком не мог понять. Был ли я

доволен? Не знаю. Но уж точно я не испытывал недовольства. Мне всё это ужасно нравилось. Иногда я спрашиваю себя: а с другими артистами такое случалось? Ведь круто же, согласитесь! А тогда я был слишком занят для таких вопросов – нравится не нравится. У меня времени не было остановиться и задуматься.

Чтобы Фрэнк всегда производил сенсацию, Джордж Эванс начал раздавать юным поклонницам бесплатные билеты. Он ставил себе задачу наполнять зрительный зал под завязку в любой час и в любом городе. Также Эванс связывался с представителями прессы – чтобы фотокоры вовремя фиксировали эффект, производимый Синатрой на молодежь. Вскоре вся страна читала – а потом бурно обсуждала – певца в галстуке-бабочке. Журналисты успели дать ему прозвище Голос.

Джордж Эванс организовывал интервью, фотосессии, раздачи автографов, появления на радио – словом, использовал все средства для того, чтобы оповестить общественность: Синатра явился! Для пресс-релизов Эванс переписал биографию Фрэнка, на два года уменьшив его возраст. По версии Эванса, Фрэнк закончил-таки школу, был заядлым спортсменом и сыном родителей, появившихся на свет в Америке. А Долли и вовсе превратилась в сестру милосердия из Красного Креста! Она не возражала, даже подыгрывала. Когда Фрэнка не взяли на военную службу из-за проблем со слухом – как мы помним, акушерскими щипцами у него была повреждена барабанная перепонка, – Долли посетовала журналисту:

– Господи, как же Фрэнки хотел в армию! Мечтал сфотографироваться со мной и отцом в военной форме!

Следует отметить, что сам Синатра никогда не заострял внимание на своем полуглухом ухе, хотя и страдал из-за него. Тем удивительнее успех Фрэнка в музыкальном бизнесе.

Эванс распустил слухи, будто Фрэнк родился в трущобах, будто его нищая семья чудом выживала в районе, кишевшем бандами. Фрэнк и эту версию скушал. По его мнению, подобные россказни были просто частью игры под названием «пиар». Вообще же успешность кампании Эванса во многом опирается на славу, которую Синатра снискал еще до встречи с ним. Многолетняя работа Фрэнка над собой, оттачивание мастерства имели огромное значение, а Эванс только выжал из его таланта максимум для раскрутки.

– Долли названивала знакомым и хвасталась сыном, – вспоминает Джои Д'Оразио. – Ее послушать, так после Моисея в мир и не являлось фигуры важнее, чем Фрэнк. Как-то мы повезли Долли, Марти и еще кое-кого из родственников Фрэнка к нему на концерт. Меня Фрэнк особо попросил: проведи, мол, за кулисы

моего старика. Нервничал он ужасно. «Мой старик – он был против пения. Вот что он теперь скажет, а? Думаешь, гордиться будет мной?» Я говорю: «Конечно, будет, круче тебя в шоу-бизнесе никого нет». А Фрэнк этак погрустнел. «Эх, Джои, ты моего старика не знаешь! Весь этот джаз ему не то что не по нраву, а просто он в нем не смыслит. Мой старик хотел, чтоб я в доках надрывался. Это было бы правильно, так он считает».

– У меня сложилось впечатление, – продолжает Джои Д'Оразио, – что от реакции Марти Синатры зависит очень многое. Пусть Фрэнк – звезда, но Марти, если выразит недовольство, сыну всю обедню испортит.

Марти на выступлении как-то притих. Д'Оразио заволновался.

– Ни черта не слышу, надо ж, как они орут, – выдал Синатра-старший во время очередной баллады. – Не пойму – Фрэнки хорошо поет или так себе? Хоть бы на секунду эти девицы замолчали!

Когда Фрэнки раскланялся и исчез, Джои повел его отца за кулисы.

– Что там творилось – уму непостижимо! Мы пробиться не могли. Помню, с пригласительными вышла ошибка, почему-то приятель Фрэнка, Саникола, не внес Марти в список. Я боялся, что его сейчас завернут, он смутится, и всё такое. Дай, думаю, лучше уведу его от греха подальше. Но Марти раздухарился и как рявкнет на вышибалу: «С этой сцены мой сын пел! Фрэнк – мой сын, а я – его отец. Только попробуй не пустить – я тебя в нокаут отправлю. Как пить дать, отправлю!» Я такого не ожидал. Привык, что Марти всегда кроткий, тихий. Видать, ему действительно хотелось к Фрэнку за кулисы!.. Короче, вышибалу мы убедили, он нас пропустил.

У Фрэнка в гримерке было не протолкнуться – поклонники набежали. Когда вошел Марти, все взгляды устремились на него. Будто каждый понял – наступает очень важный момент.

– Здравствуй, папа! – сказал Фрэнк и устремился прямо к Марти. Толпа перед ним расступалась. – Что думаешь о моем выступлении? – спросил Фрэнк с осторожной улыбкой.

– Ни слова не слышал, – признался Марти. – А сам-то ты слышишь, что поешь?

Фрэнк рассмеялся.

– Ну что, я по-прежнему раздолбай? Или как?

Марти прослезился и ответил:

– Нет, мой мальчик – не раздолбай. – И обнял Фрэнка. – Мой мальчик – звезда.

«А куда деваться?»

Буйный нрав, упрямство и склонность к необдуманным поступкам всю жизнь мешали близким Синатры и ему самому.

– Несносный человек, – говорил о нем Джордж Эванс. – Всегда ему надо доказать, что ты не прав. Но это бы еще ничего. Плохо, что он непременно вынудит тебя с этим его доказательством согласиться.

Фрэнк всю жизнь страдал от бессонницы, а боролся с ней посредством чтения. Он был очень эрудированным человеком, ведь долгие часы, с вечера до зари, проводил за книгами. Фрэнк буквально поглощал книги, не отдавая предпочтения какому-то одному жанру, но его особый интерес вызывала тема расовой толерантности. Среди его любимых произведений – «Американская дилемма: негритянский вопрос и современная демократия» Гуннара Мюрдаля, «История фанатизма в Соединенных Штатах» Густава Майерса, а также роман «Дорога свободы» Говарда Фаста. Синатре требовалось «учитать» себя, иначе он не мог забыться сном. А когда всё-таки засыпал, сон был неглубок и недостаточен. Из-за этого по утрам Фрэнк чувствовал себя усталым, проявлял раздражительность и к обеду, как правило, успевал разругаться со всеми, кто попадался ему под руку. Таковы уж последствия бессонницы. Эванс, впрочем, каким-то образом приноровился почти ко всем неприятным чертам характера Фрэнка. Просто списал их на артистический темперамент и итальянское упрямство. Единственное, чего Эванс не терпел, из-за чего постоянно ссорился с Фрэнком, – это склонность последнего к блуду.

– Помню одну такую стычку, – рассказывает Тед Хечтмен, приятель и деловой партнер Джорджа Эванса с тех времен, когда Эванс открыл офис на Западном побережье. – Стычка имела место на Бродвее, в кабинете у Джорджа. Джордж прямо заявил Фрэнку: прекрати блудить. Фрэнк взъярился: «Не твоя забота. Не суй свой нос в чужой вопрос». Джордж принялся его убеждать: «Карьера страдает. А если слухи дойдут до Нэнси – думаешь, тогда твоя популярность у девчонок останется прежней? Не останется, не надейся. Вылетишь из шоу-бизнеса как миленький». И знаете, чем Фрэнк парировал? «Я тебе, Джордж, за то деньги и плачу, чтобы слухи не просачивались. А если просочатся, это ты у меня, как миленький, с работы вылетишь. Поэтому, чем пугать меня, лучше подумай, как защититься от журналюг». Эванс рассердился. «Я не могу гарантировать, что пресса ничего не узнает. От тебя всего-то и требуется, Фрэнк, – штаны застегнутыми держать. Неужели так

трудно?» Фрэнк вышел из себя. «Слышь, приятель, твоя задача – хранить мои тайны от прессы. А моя задача – не давать себе засохнуть. Потому что, когда я доволен, я хорошо пою, а это значит – деньги, для тебя в том числе. Я даже своей жене не объясняю такие элементарные вещи. Почему я должен объяснять их *тебе*? Всё, ты мне надоел, убирайся отсюда». «Вообще-то, Фрэнки, это мой кабинет, – напомнил Эванс. – Сам убирайся». Фрэнк пулей вылетел, дверью хлопнул.

Весной 1943 года Нэнси снова забеременела, каковой новостью Эванс не замедлил поделиться на пресс-релизе. Думал, теперь можно жить спокойно. И жил – целую неделю.

Рассказывает Тед Хечтмен:

– Нэнси позвонила Джорджу – это был первый такой звонок, потом они повторялись с завидной регулярностью, – и сказала, что не может найти Фрэнка, а он ей нужен, ведь дочурка подцепила какую-то детскую инфекцию. Джордж принялся сам названивать в разные места и наконец вышел на Фрэнка. Тот оттягивался в каком-то задрипанном отеле в пригороде Джерси. Эванс поехал прямо туда, стал стучать в номер. Ответа не последовало, тогда Эванс вошел – дверь была не заперта. В комнате – никого, зато из ванной слышится возня. Джордж, недолго думая, распахивает дверь ванной, а там Фрэнки со стриптизершей по кличке Длинная Губа. Сто лет проживу – не забуду эту кличку. Джордж просто взбеленился. «Фрэнки! – кричит. – Ты в своем уме? А как же Нэнси? Ты вообще о ней не думаешь, да? Господи, где только ты эту шлюху откопал? Поприличнее баб не было, что ли?» И тут Длинная Губа вдруг как зарыдает! «Фрэнки, ты же мне говорил, что разводишься! Ты же мне жениться обещал! Ты лгал, да? Как ты мог, после всего, что между нами было? Мы же столько друг для друга значим!» Фрэнки тем временем шарил по стене в поисках полотенца, чтобы прикрыться, и кричал: «Заткнись! Чтобы я женился на этакой потаскухе? Закатай-ка лучше свою длинную губу!»

Джордж Эванс был потрясен. Такого инфантилизма он от Синатры не ожидал. А Фрэнк плевать хотел на мнение своего агента. Он просто рассердился, что его в такой момент застали. Потом, когда Эванс попытался пристыдить Фрэнка за Длинную Губу, Фрэнк ему повторил: не лезь не в свое дело. И выплеснул на Эванса полстакана «дюбонне».

– Твоя работа – пиар мне обеспечивать. А Нэнси давно притерпелась. Ее всё устраивает.

Но нет, Нэнси не притерпелась, и ситуация ее отнюдь не устраивала.

– К концу 1942 года Нэнси и Фрэнк вместе ложились

исключительно для того, чтобы зачать ребенка, – говорит Пэтти Демарест. – Мне кажется, Нэнси хотела детей потому, что ей необходима была любовь и чувство собственной незаменимости. От Фрэнка этого ждать уже не приходилось. Обида на него становилась всё глубже и горше. Нэнси больше не могла отдаваться мужу, как раньше. Он не просто изменял ей – он изменил ее самоё. Нэнси стала жесткой. Фрэнк заставил ее ненавидеть себя за смирение, за покорность судьбе. Она постепенно озлоблялась. В ней трудно стало узнать прежнюю наивную, добрую девушку.

Фрэнк не годился на роль отца. Он любил дочку, но как-то отстраненно. Мысли о ней всегда вытеснялись другими мыслями, а если желание побыть с ребенком всё же возникало, непременно находились неотложные дела, встречи, на которых он был обязан присутствовать, и так далее. Нэнси начала понимать: если она намерена рожать еще, ей придется смириться с тем, что дети будут видеть отца от случая к случаю. Однажды она сказала:

– А куда деваться?

Действительно, без Фрэнка Нэнси стала бы разведенной матерью, не имеющей перспектив устроиться на приличную работу. С Фрэнком она была супругой ярчайшей из звезд эстрады и не нуждалась в деньгах. Выбор казался очевидным, хотя дался Нэнси очень нелегко.

1943 год

Год начался для Синатры на мажорных нотах. В свои двадцать семь Фрэнк был уже состоявшейся звездой – о том, что карьера его переживает взлет, красноречиво свидетельствовали фото на обложках всех изданий, хоть как-то связанных с шоу-бизнесом.

В январе 1943 года Синатра снова выступает в театре «Парамаунт», на сей раз – с бендом Джонни Лонга. Программа с успехом идет целый месяц. В феврале Фрэнк наряду с Берил Дэвис и Эйлин Бартон становится постоянным гостем радиопрограммы «Твой хит-парад». В том же месяце «Коламбия Пикчерз» выпускает первый фильм с его участием, «Побудка с Беверли» (Reveille with Beverly), в котором Фрэнк сыграл эпизодическую роль, исполнив – без оркестра Томми Дорси! – композицию «Ночь и день». В этом фильме блистала и другая звезда студии «Эм-джи-эм» – чечеточница Энн Миллер.

В первые месяцы 1943 года Фрэнк и Нэнси купили на Лоуренс-авеню в Хасбрак-Хайтс, штат Нью-Джерси, новый дом. В нем было семь комнат, и стоил он двадцать пять тысяч долларов. Поскольку забор к дому не прилагался, многочисленные поклонницы Фрэнка легко могли попасть под самые его окна. Поистине чета Синатра очень быстро привыкла к почти полной публичности.

Джордж Эванс, Хэнк Саникола и другие персонажи из окружения Фрэнка понимали, что на одном только обожании сопливых девчонок его карьера долго не продержится. Команда хотела устроить Синатре ангажемент в клубе «Копакабана», что очень кстати открылся на Шестидесятой улице и уже заключил контракты с такими ориентированными на взрослую аудиторию исполнителями, как Джимми Дуранте и Софи Такер. Управляющий, Джулс Поделл, впрочем, решил не заключать контракт с Синатрой, опасаясь, что он не сможет привлечь достаточное количество взрослых слушателей. В конце марта 1943 года Фрэнк устроился в другой клуб, также ориентированный на взрослых. Назывался этот клуб «Риобамба» и находился на Восточной Пятьдесят седьмой улице. Узнав, что фигурирует на афише как «Бонус к обычному представлению», да еще и клуб, того гляди, закроется, Фрэнк очень рассердился. И всё-таки ангажемент в «Риобамбе» был весомым вкладом в карьеру Фрэнка, к тому же вся команда рассматривала его лишь как стартовую площадку перед прорывом. Сэмми Кан, присутствовавший на первом выступлении, вспоминает:

– Наконец-то зал заполнила солидная публика, искушенная, привыкшая клубиться на Манхэттене до двух-трех часов ночи. А не визгливые безмозглые школьницы!

Эрл Уилсон рассказывает:

– Фрэнк был в смокинге и при обручальном кольце. Завиток волос падал ему на лоб, почти что на правый глаз. С дрожащими губами – как ему это удалось, одному богу ведомо, – он исполнил «Она – удивительная» (She's Funny That Way) и «Ночь и день» и сорвал бурные аплодисменты. Да, то был восхитительный вечер для всех нас, для всех, кто считал себя, так или иначе, причастным к успеху Фрэнки. Музыкальный критик из «Нью-Йорк пост», Дэнни Ричмен, наклонился ко мне и шепнул: «Он меня за живое тронул».

Теперь, после успеха в «Риобамбе», казалось, что карьере Фрэнка ничто не грозит. Обновленный контракт с «Парамаунт» давал ему две с половиной тысячи долларов в неделю (один только выход с Бенни Гудменом стоил полторы сотни в неделю).

В июне Фрэнк записал на «Коламбия Студиоз» первые композиции с «Исполнителями Бобби Такера». В тот период шла затяжная забастовка музыкантов, и поэтому девять песен были исполнены Фрэнком без инструментального сопровождения, в том числе – «Никогда не знаешь заранее», «Станут болтать, что у нас роман» и, что символично, «Музыка смолкла» (You'll Never Know, People Will Say We're in Love и The Music Stopped). Чуть позже «Коламбия» вновь выпустила пластинку «Всё или ничего» (впервые увидевшую свет в 1939 году). Казалось, у этой композиции есть все шансы стать главным хитом Синатры. Он перезаписывал «Всё или ничего» еще трижды – в 1961, 1966 и 1977 годах.

Двенадцатого августа 1943 года Фрэнк и его команда, включая Хэнка Саниколу и аранжировщика Эксела Стордала, прибыла в калифорнийский город Пасадену. Фрэнк собирался исполнить роль самого себя в фильме «Выше и выше» (Higher and Higher). До сих пор, появляясь в фильмах, он только пел, но не играл. Вдобавок у него был контракт на ряд концертов в зале «Голливуд-Боул». Истеричные поклонницы устроили ему на железнодорожном вокзале бурную, переходящую в дебош встречу.

Разрыв контракта с Дорси

Во время пребывания в Лос-Анджелесе Фрэнк окончательно решился разорвать контракт, подписанный им с Томми Дорси, и отказаться от кабальных условий. Тридцать три и три десятых процента от всех его заработков – в карман Томми? Да еще пожизненно? Да еще десять процентов – агенту Томми?

– А не слипнется у них? – съязвил Фрэнк в разговоре с Хэнком Саниколой, который теперь стал его официальным импресарио.

Напомним: по условиям контракта с Дорси Фрэнк должен был отчислять ему проценты от доходов в «Копакабана», «Риобамба», «Парамаунт». Но не отчислял, что весьма злило Дорси.

Бинг Кросби советовал соскочить поскорее, пока доходы Фрэнка не начали исчисляться миллионами. Фрэнк, полностью согласный, принялся активно разрабатывать соответствующую стратегию. В интервью прессе он теперь обязательно упоминал, что Дорси обманным путем вымогает у него деньги. Поклонники мигом организовали кампанию против Дорси – иначе говоря, завалили его гневными письмами. А потом Джордж Эванс подбил поклонников Фрэнка пикетировать открытие театра «Эрл» в Филадельфии, запланированное Дорси.

Вскоре Синатра и Дорси подали обоюдные иски. Дорси сдаваться не желал. Подумаешь, сделка чудовищно несправедливая! Синатра же на нее согласился (будучи в отчаянном положении и остро нуждаясь в работе), и никуда ему теперь от Дорси не деться.

В августе 1943 года адвокаты враждующих сторон разработали соглашение об условиях расторжения контракта. Мэни Сакс – новый друг Фрэнка из «Коламбия Рекордз» – нашел Синатре адвоката по имени Генри Джефф, также представлявшего Американскую федерацию артистов радио. Джефф сумел задействовать свои связи с Федерацией и убедить Дорси, что дальнейшие «вымогательства» могут вылиться «в проблемку» с высокодоходными выступлениями оркестра на «Эн-би-си». Фрэнк тогда был связан с агентством «Роквелла – О'Кифи», но ему хотелось контракта с Музыкальной корпорацией Америки, каковая корпорация им интересовалась. В конце концов было решено, что Корпорация выкупит Фрэнка у Дорси. Последнему заплатили шестьдесят тысяч долларов. Из этой суммы двадцать пять тысяч дал сам Фрэнк, одолжив у Мэни Сакса. (В пересчете на современные деньги это более восьмисот двадцати пяти тысяч

долларов.) Таким образом, Корпорация получала к своим услугам Фрэнка Синатру и соглашалась делить комиссионные с агентством «Роквелла – О'Кифи» до 1948 года.

Много лет спустя распространился слух, будто бы Фрэнк для «убеждения» Томми Дорси задействовал связи в криминальном мире. Говорили, что джерсийский мафиози Вилли Моретти действовал от имени Фрэнка, а именно – приставил пушку к голове Дорси и вынудил его аннулировать контракт. Сам Моретти хвастался: я, мол, это ради Фрэнки сделал; но в 1951 году погиб в мафиозных разборках. Фрэнк всё отрицал, утверждал, что пользовался исключительно услугами лицензированных адвокатов.

Что касается Томми, ему потеря «золотой жилы» в лице Синатры далась нелегко. Во-первых, Томми жалел о деньгах, к которым успел пристраститься; во-вторых, он терпеть не мог проигрывать. В 1951 году в интервью журналу «Американ Меркури» он сообщил, будто бы во время тяжбы к нему явились «трое пижонов» и настоятельно посоветовали «подписать, а то как бы чего не вышло».

– Хоть бы ты в лужу сел, – высказался Томми в лицо Фрэнку при прощании.

Фрэнк не отреагировал. Ему дела не было до обид Томми, он как раз подписал семилетний контракт со студией «РКО» и намеревался заняться кино, начав с «Выше и выше», в котором снимались Джек Хэйли и Мишель Морган. Этот фильм должен был стать актерским дебютом Фрэнка, даром что играть предстояло самого себя, исполнять свои пять песен, в их числе – «Я не сомкнул сегодня ночью глаз» (I Couldn't Sleep a Wink Last Night). Песня, кстати, была номинирована на премию «Оскар».

Томми Дорси скончался в 1956 году во сне, неожиданно для всех. Хотя они с Синатрой никогда не считались друзьями, они всё же виделись время от времени и даже пару раз вместе работали. За несколько месяцев до смерти Дорси они оба появились в театре «Парамаунт». А в шестидесятые годы Фрэнк записал целый альбом под названием «Я помню Томми». Это была его дань Дорси. Казалось, Фрэнку не надоедает говорить об эпохе Томми Дорси, обо всём хорошем и обо всём плохом, что связано с тем периодом. Даже горький осадок от судебной тяжбы не отравлял Синатре воспоминаний.

«Поднять якоря!» Отчаливаем в Лос-Анджелес

Десятого января 1944 года Нэнси Синатра всё в том же джерсийском родильном доме «Маргарет Хэйг» подарила жизнь единственному сыну Фрэнка. Счастливый отец был далеко – в Лос-Анджелесе, где шли съемки мюзикла «Шагай веселее». Как раз во время родов Фрэнк выступал на радио, в прямом эфире.

Супруги заранее договорились – если родится мальчик, они назовут его Франклином (в честь Франклина Делано Рузвельта) Уэйном Эммануэлем (в честь близкого друга Фрэнка, Мэни Сакса). Но затем передумали, и малыш получил имя Фрэнсис Уэйн Синатра, в историю же вошел как Фрэнк Синатра-младший.

Фрэнк гордился, что теперь у него есть сын. Он хотел быть малышу хорошим отцом, однако благим порывам, как и раньше, мешали то карьера, то личная жизнь. Нэнси подавила обиду на мужа и полностью отдалась воспитанию детей, утешаясь тем обстоятельством, что ни сама она, ни ее малыши почти ни в чем не нуждаются. Только в заботливом отце и внимательном муже.

Вскоре после рождения сына Фрэнк познакомился с главой компании «Метро-Голдвин-Майер» Луисом Б. Майером. Случилось это на благотворительном концерте в еврейском доме престарелых. Майер был настолько впечатлен исполнением «Старушки Миссисипи» (Ol' Man River), что решил заключить с Фрэнком контракт – в полном соответствии со слоганом корпорации: «У нас звезд больше, чем на небе». Фрэнку светила отличная компания – Джин Келли, Фред Астер, Кларк Гейбл, Эстер Уильямс. И вскоре пятилетний контракт на полтора миллиона был подписан, заменив собой контракт с «РКО».

Несколько месяцев спустя Фрэнк сказал жене:

– Пора перебираться из Нью-Джерси на Западное побережье.

И купил у Мэри Астор усадьбу в средиземноморском стиле на Вэлли-Спринг-Лейн в пригороде Лос-Анджелеса под названием Толука-Лейк.

Нэнси не хотела переезжать. По крайней мере на Восточном побережье у нее друзья, на которых можно положиться (когда нельзя положиться на мужа или когда его нет рядом – то есть практически всё время). А кому она доверится в далекой Калифорнии? С другой стороны, Фрэнк теперь зарабатывает больше миллиона в год. У него вся работа в Лос-Анджелесе, и киностудия, и прочее. Если Нэнси намерена и дальше оставаться преданной женой, ей следует держать свое недовольство при себе

и ехать с мужем. Итак, она согласилась. Постепенно на Западное побережье перебрались ее родители и шесть сестер, так что Нэнси по-прежнему получала поддержку близких людей.

Из Нью-Йорка в Пасадену семья ехала «звездным поездом» под названием «Супершеф», принадлежавшим корпорации «XX век». На новом месте Фрэнк продолжил поиски баланса между карьерой и семьей. Если сына он просто любил, то в дочке, Нэнси-младшей, души не чаял. Дочкой Фрэнк любовался, нарадоваться на нее не мог, катал по озеру на каноэ, учил плавать. Каждое утро они вместе завтракали. Фрэнк наслаждался ролью отца, и вдобавок у него имелось время на эту роль. Тогда-то и окрепли узы любви, всю жизнь связывавшие Фрэнка и Нэнси-младшую. Отношения отца и дочери отличались поразительным взаимопониманием; что еще важнее, Нэнси каким-то внутренним чутьем угадывала, когда можно спорить с отцом, а когда лучше помолчать, отступить. Фрэнк и Нэнси были словно настроены на одну волну – причем всю жизнь, до самой смерти Фрэнка.

Пятнадцатого июня 1944 года Фрэнк начал работу над своим первым фильмом на «Эм-джи-эм». Главная роль досталась Джину Келли, а назывался фильм «Поднять якоря!». Сюжет был проще некуда: Келли с Синатрой – матросы, во время увольнительной на берег влипшие в историю. Фильм сочли безобидным и забавным, он сделал неплохие кассовые сборы.

«Поднять якоря!» еще не вышел в прокат, а Синатра успел намутить воду неоднократными критическими заявлениями как в адрес этого конкретного фильма, так и в адрес всей киноиндустрии в целом. Ему не нравилось расписание съемок, и вообще он, мол, намерен развязаться с «этим тухлым бизнесом, в котором занята всякая сволочь». Джек Келлер, пиаривший Фрэнка совместно с Джорджем Эвансом, из кожи вон лез, чтобы сгладить впечатление от этих высказываний. Келлер даже написал от имени Синатры извинения и добился, чтобы их озвучили на радио.

В каком бы фильме Синатра ни снимался, он всё хотел делать по-своему. В случае с «Поднять якоря!» это означало, что на съемочной площадке вместе с Джулом Стайном должен был работать Сэмми Кан. Продюсер Джо Пастернак да и остальные сотрудники киностудии вовсе не хотели иметь дело с Каном, однако верх в перепалке одержал Синатра, а Кан, исполненный благодарности, выложился по полной, чем доказал изначальную правоту Фрэнка.

Следующим номером Синатра повздорил с Джо Пастернаком, и вот по какому поводу. На студии «Эм-джи-эм» актерам категорически запрещалось просматривать текущий съемочный

материал. То была прерогатива режиссера, оператора, гримеров и прочих членов съемочной группы, и просмотр производился исключительно с целью понять, насколько успешно продвигается дело. Личный опыт Пастернака показывал: актерам не нравятся эти «куски», они огорчаются, разочаровываются, злятся, что плохо влияет на дальнейшую работу. Но Синатру такое объяснение не устроило. Он закатил скандал, и в итоге Пастернак сдался, согласился показать Фрэнку отснятое «в приватном порядке». Однако Фрэнк заявился на просмотр в компании шестерых приятелей, и этого Пастернак не стерпел – посторонние отснятого не увидят, и точка. Фрэнк ушел, сообщив, что дальше могут снимать без него. Впрочем, через несколько дней он как ни в чем не бывало вновь появился на съемочной площадке. О столь непоследовательном звездном поведении немедленно написали таблоиды (они почему-то всегда получали такие сведения). Синатра и без того имел репутацию «сложного» человека; теперь в пользу этой версии появились дополнительные аргументы.

А тем временем Джин Келли взял под крылышко неуклюжего, не успевшего поднатореть в актерском ремесле Синатру. В фильме требовалось танцевать, и Келли задался целью обучить Фрэнка этому искусству. Фрэнк очень старался, но выдавали его неумение отнюдь не ноги. В небесно-голубых Синатриных глазах словно бы застыл вопрос: «Какое па следует дальше?» Келли шутил: Фрэнк, мол, отодвинул искусство танца на двадцать лет назад.

Работа в фильме «Поднять якоря!» изматывала Фрэнка как эмоционально, так и физически. Только за первую неделю съемок он похудел почти на два килограмма, что при его недоборе веса – всего около пятидесяти семи килограммов – было непозволительно. Фрэнк хотел произвести хорошее впечатление и ужасно боялся «не потянуть» актерскую карьеру. Эти страхи выливались в стычки с долготерпеливым Джином Келли, в требования сократить количество танцевальных сцен. Келли, однако, чувствовал, что Синатра справится, если будет работать над собой. Практически лишенный эгоизма, Джин Келли максимально адаптировал фильм под способности Фрэнка, великодушно лишив самого себя шансов показаться во всей красе.

– Джин, в числе прочих, лепил из меня звезду, – позднее говорил Фрэнк о своем друге Джине Келли.

Одиннадцатого октября 1944 года Фрэнк Синатра получил ангажемент от «Парамаунт» на три недели. Юные поклонницы выстроились в очередь за билетами уже к половине пятого утра. Театр открывался в восемь тридцать, и к этому моменту билетов в

кассе не осталось. Первое шоу было назначено на двенадцать часов дня. Проблемы возникли, когда поклонницы, посмотрев шоу, стали отказываться выходить из зала, ибо догадались запастись билетами на все шоу в течение дня. А снаружи десять тысяч человек, выстроившись по шестеро в ряд, готовились взять театр штурмом, в то время как еще двадцать тысяч, заблокированные на Таймс-сквер, пытались понять, что это за толпа и по какому поводу она собралась.

Двенадцатого октября вся Америка традиционно празднует открытие себя Христофором Колумбом, выходит по этому случаю на парад. За порядком наблюдают полицейские. Так вот, двести полицейских были срочно отозваны с этого мероприятия, проходившего в нескольких кварталах от Пятой авеню, чтобы навести порядок на Таймс-сквер. Когда очередь в кассу застопорилась, поклонницы потеряли остатки разума. Начались беспорядки. Один полицейский позднее сострил: более дикой девичьей толпы ему не случалось наблюдать с того памятного дня, когда в продажу впервые поступили нейлоновые чулки.

Ажиотаж вокруг Синатры никак не влиял на бдительность его агента, Джорджа Эванса. Эванс был убежден, что подобная популярность – вещь преходящая, что основная аудитория скоро «вырастет» из «Синатрамании», как из детского платьишка. По мнению Эванса, Фрэнку следовало расширять ряды зрелых поклонников. Однако у самого Фрэнка просто в голове не укладывалось, как это тинейджеры, изнывающие от любви к нему, вдруг возьмут да и потеряют интерес.

Девятнадцатого декабря 1944 года, после сеанса звукозаписи в Голливуде, между Эвансом и его партнером, Джеком Келлером, состоялась короткая беседа. Тщательнее необходимого протирая очки, Эванс скорбно качал головой и приговаривал:

– Наш подопечный и слушать ничего не желает.

– По-моему, в случае охлаждения аудитории ему грозит депрессия, – произнес Келлер.

– Точно. А охлаждение неминуемо, – согласился Эванс. – Взять хотя бы Руди Вэлли. Еще пару лет назад его обожали не меньше, чем Фрэнка, а что сейчас? Аудитория от него отвернулась. [Последний хит «Пусть время течет» (As Time Goes By) Вэлли записал в 1943 году.] С Синатрой будет то же самое. Таковы законы нашего бизнеса.

– Да, но попробуй-ка *ему* это втолковать, – вздохнул Келлер.

– Отмахивается от наших предупреждений, как от мух, – подхватил Эванс.

Впрочем, был человек, который от предупреждений Эванса не отмахивался, а воспринимал их куда как серьезно. Я говорю о

Нэнси. Уже несколько месяцев не прекращались ее ссоры с мужем по поводу мотовства. Фрэнк никогда не отличался склонностью к экономии; даже зарабатывая совсем мало, не думал, сколько и на что тратит. Теперь же он швырял деньги на дорогую одежду, роскошную мебель для их с Нэнси дома, на экстравагантные подарки друзьям и родственникам. Отдыхать он любил тоже со вкусом. Порой роскошные выходные Фрэнк проводил с Нэнси, порой – без нее. Что еще хуже – он сделал несколько рискованных капиталовложений, польстившись на баснословную выгоду в будущем – каковой выгоды, конечно, не последовало.

На плечи Нэнси легла ответственность за семейный бюджет и расходы, связанные с профессиональной деятельностью мужа. С одной стороны, Нэнси не уставала удивляться суммам, которые зарабатывал Фрэнк; с другой стороны, еще больше потрясали ее объемы трат. Фрэнк умудрялся проматывать практически всё, что получал.

– Вечно ты недовольна, – упрекал он жену. – Не думай о будущем. Живи настоящим. Есть только сегодняшний день, зачем беспокоиться о каком-то «завтра»?

– Никакого «завтра» и не будет, – парировала Нэнси, – если мы не начнем делать сбережения.

Часть третья
Крутизна

Голос: 1945–1946

Эти годы, помимо киноролей Фрэнка, отмечены записями самых его впечатляющих композиций. Почти всё созданное Синатрой в указанный период стало классикой. Назвать можно, в частности, такие песни, как «Буду осторожен», «Позабудь о грезах» и «У меня лишь одно сердце» (I Should Care, Put Your Dreams Away и I Have But One Heart). Планировалось провести двенадцать сеансов звукозаписи в сорок пятом и еще пятнадцать – в сорок шестом году, результатом которых должны были стать девяносто песен. Далее Фрэнк предполагал растасовать их по нескольким альбомам, что и сделал. Один из этих поразительно успешных альбомов назывался «Голос» (The Voice) и был первым, который Фрэнк записал на виниле.

К процессу звукозаписи Фрэнк относился крайне серьезно. В отличие от большинства вокалистов он лично вникал во все аспекты процесса – от подбора музыкантов и до аранжировки. Большинство жанров – джаз, классика, поп – очень нравились Фрэнку, и он поражал современников глубоким пониманием особенностей каждого жанра. При этом Фрэнк не знал нотной грамоты. Многих удивляет, как это он за всю жизнь не удосужился выучить ноты, а между тем тут в один ряд с Фрэнком можно поставить таких успешных композиторов и музыкантов, как Ирвинг Берлин и Пол Маккартни. Элтон Джон, по его собственному признанию, в юности учил ноты, но благополучно их позабыл. Лучано Паваротти также не владел нотной грамотой.

В случае с Фрэнком она явно была излишней. Фрэнк прислушивался к своему чутью. Если мелодия ему не нравилась, он ее забраковывал, невзирая на правильность с технической точки зрения.

– Я не из тех, кто заморачивается вопросами типа «почему» да «как», – заявил однажды Фрэнк.

Мелодия должна была звучать, и точка. Или, как он выражался, «цеплять».

По распоряжению Фрэнка продюсеры записывали каждое первое исполнение всех его композиций. Тогда, после еще нескольких записей, ему не было обидно, что кураж от чувства новизны потрачен впустую.

Еще один секрет успешности Фрэнка состоял в удивительном понимании им настроений и ожиданий аудитории. Прекрасно начитанный, Фрэнк не афишировал свою эрудицию, никогда не допускал ни слов, ни поступков, способных поставить его на ступень выше уровня большинства поклонниц. Фрэнк

позиционировал себя простым хобокенским парнем, без претензий и изысков; простым парнем, на которого внезапно свалилась удача. Ни деньги, ни женщины, ни растущее влияние в шоу-бизнесе не отдаляли Фрэнка от аудитории, ведь юным девицам хотелось видеть его успешным, и они сами наслаждались его успешностью. Выбирая темами песен всем понятные вещи – боль, радость, разбитое сердце и попытки его снова склеить, – Синатра на сто процентов угождал своей аудитории.

Дом, в котором он живет

В мае 1945 года Фрэнк отправился в первое турне с концертами для военных. Он, комик Фил Силверс и еще ряд артистов имели большой успех за пределами США. Турне длилось семь недель. Увы, по возвращении (шестого июля 1945 года) Фрэнк сделал ряд нелицеприятных комментариев об Объединенной службе организации досуга войск.

– Досугом солдат заведуют сапожники в военной форме, ни бельмеса не смыслящие в шоу-бизнесе, – высказался Фрэнк, чем вызвал очередной скандал.

Против Синатры ополчился, в частности, писатель Ли Мортимер, протеже Уолтера Уинчелла. Этот последний на долгие годы стал одним из самых ярых преследователей Фрэнка в прессе. Таким образом, негатив перевесил все выгоды этого турне.

Недоразумение со Службой организации досуга войск окончательно убедило Джорджа Эванса в том, что Фрэнк непредсказуем.

В это же время Синатра сыграл самого себя в блистательном, «на ура» принятом критикой десятиминутном фильме «Дом, в котором я живу». Темой была выбрана религиозная и расовая толерантность, режиссировал картину Мервин Лерой, продюсировал – Фрэнк Росс, сценарий писал Альберт Мальц. Все доходы от проката пошли на программы по борьбе с подростковой и юношеской преступностью. В 1946 году фильм (последний для Синатры на студии «РКО») получил специального «Оскара».

В том же сорок шестом Фрэнка назвали в прессе коммунистом. Это прозвище тогда получили сразу несколько выдающихся фигур с либеральными взглядами, потому что они публично выступали за терпимость к разнообразию культур и сочувствовали беднякам.

А вот как дело обстояло с Фрэнком. В январе 1946 года Джеральд Л. К. Смит, представитель американских консерваторов, на заседании Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности (HUAC) заявил, будто Синатра выступает «в авангарде» организаций коммунистического толка. Смит, известный расизмом и антисемитизмом, вел тогда собственную передачу на радио. Обвинение его было голословно, никаких доказательств он не представил.

– Сукин сын! – возмущался Фрэнк в кругу друзей. – Подумать только, обозвал меня комми!

Слова Смита, пусть и нелепые, всё же возымели

нежелательный для Синатры эффект, ибо были произнесены в обществе, пропитанном антикоммунистической паранойей.

Вскоре после этих событий Джервал Т. Мерфи, руководитель католической религиозной группы «Рыцари Колумба», объявил – Синатра якобы демонстрирует симпатии к коммунизму. А как же, ведь он толкал речь на «митинге красных, куда набежало шестнадцать тысяч леваков». На самом деле Фрэнк (обозвавший Мерфи «долбанутым») выступал перед ветеранами на заседании Независимого гражданского комитета деятелей науки, искусств и свободных профессий. Фрэнк призывал внести в законодательство пункт о социальной защите ветеранов. Он пытался максимально доходчиво объяснить свои взгляды на коммунизм и отношение к этой партии.

– Не люблю коммунистов и, уж конечно, к ним не принадлежу.

Казалось бы, яснее некуда. Впрочем, нагнетание страха перед красными приносило свои плоды. Немало людей поверило, будто Синатра – источник и глашатай так называемой красной угрозы. В частности, на Фрэнка ополчились родители его юных поклонниц, и беспочвенность громких обвинений их ничуть не смущала.

Мэрилин Максвелл

К 1946 году Фрэнк Синатра прочно закрепился в Голливуде – и получал наслаждение от каждой секунды своей жизни. Калифорния ему нравилась, он считал этот штат самым подходящим для себя. Познакомился почти со всеми местными деятелями шоу-бизнеса, например, с Лорен Бэколл и Хамфри Богартом, Джеком Бенни и Бингом Кросби. Все они рады были свести дружбу с Фрэнком. Так же он близко сошелся с рестораторами. В их числе были Майк Романофф, Дэвид Чейзен и Чарли Моррисон.

Кончилась эпоха персонажей вроде Длинной Губы; теперь на Фрэнка вешались женщины совсем иного толка. Среди них выделялась актриса Лана Тернер, не скрывавшая своих желаний. Фрэнк вел себя, как и раньше – снимал сливки, отнюдь не считая свой брак к тому препятствием.

– Мы тесно общались с сорок пятого по пятьдесят девятый, – вспоминает супруга Фила Силверса, Джо-Кэрролл Силверс. – И ни разу за это время Фрэнк не заговорил ни о Нэнси, ни с ней на людях, не оказал ей ни одного знака внимания.

В апреле сорок пятого в ночном клубе «Мокамбо», что расположен на бульваре Сансет, Синатра познакомился с блистательной брюнеткой Авой Гарднер. Двадцатидвухлетняя Ава была уже кинозвездой – и супругой Микки Руни. Фрэнк в шутку посетовал: мол, опоздал я на Аве жениться, Руни проворнее оказался. Ава отлично знала о Синатриной репутации донжуана – и всё-таки не удержалась, подпала под его чары. Ее номер телефона Фрэнк спрятал в бумажник – «на будущее», как он выразился, подмигнув Аве.

Летом сорок шестого Фрэнк начал ухаживать за двадцатичетырехлетней Мэрилин Максвелл, актрисой и певицей из бенда Кэя Кайсера. Мэрилин, ослепительная блондинка, уроженка штата Айова, с лучезарной улыбкой, внешне походила на Мэрилин Монро, а острила почти на грани фола – вроде Джоан Блонделл или даже скандальной Мэй Уэст. Максвелл только что развелась с актером Джоном Конте, в браке с которым состояла с 1944 года. Фрэнку импонировали ее начитанность, он угадывал в Мэрилин тонкую натуру. Их знакомство продолжалось уже около двух лет. Вместе они появлялись в театре «Люкс Радио» – это было в тот год, когда Максвелл вышла за Конте.

– Такие женщины, как Мэрилин Максвелл, не каждый день встречаются, – вспоминал друг Фрэнка, Ник Севано. – Они с Фрэнком будто с ума сошли.

Когда Фрэнка захватывала страсть, он отнюдь не пытался ей противиться. Напротив, весь отдавался чувству, не думая о последствиях. Пусть роман длился одну ночь – кому какое дело? В случае с Мэрилин Максвелл он сам заговорил о том, что они созданы друг для друга и что он намерен – опять! – просить у Нэнси развод. Правда, о новой мужниной пассии жена узнала не от него, а от доброжелателей. На этот раз Нэнси забеспокоилась – а ведь прежние любовницы Фрэнка ее не особенно напрягали. Теперь он связался не с какой-нибудь хористочкой и не со стриптизершей, о нет! Мэрилин Максвелл, пусть пока и не звезда, была не из тех, кого можно игнорировать. Нэнси просила совета у друзей и родных, и они чуть ли не в один голос говорили: разводись! Не только и не столько из-за Максвелл, сколько из-за самого Фрэнка. Близкие Нэнси недоумевали, как она терпит мужа. Он ведь неисправимый изменщик и вдобавок самовлюбленный донельзя, несносный человек! На жену с высокой вышки плюет, да и на весь институт брака. Настоящей моральной поддержки от него не жди, на понимание не надейся. А что же Нэнси? Нэнси давным-давно раскусила своего мужа – и научилась принимать его таким, каким он был. Она сделала выбор еще несколько лет назад. Но может, пришла пора пересмотреть решение?

Перед самым отъездом Фрэнка в Нью-Йорк (там планировались съемки нового фильма, «Это случилось в Бруклине», партнерами Фрэнка должны были стать Питер Лоуфорд и Джимми Дуранте) супруги Синатра крупно поссорились из-за Мэрилин.

– Нэнси, могу я поговорить с тобой откровенно? – спросил Фрэнк.

– Ты всегда этот вопрос задаешь, когда собираешься солгать, – заметила Нэнси.

Впрочем, на сей раз Фрэнк лгать не хотел. Он прямо сказал жене, что в Нью-Йорке у него назначено свидание с Мэрилин.

– Раз ты так спокойно об этом сообщаешь, значит, у тебя нет ни капли уважения ко мне, – сникла Нэнси и горько расплакалась. Сцена происходила в присутствии родственников, в том числе – Долли и Марти, которые как раз гостили у сына.

Позднее Долли рассказывала, что Фрэнк заявил жене:

– Твоя задача – заботиться о детях. А мои дела с Мэрилин Максвелл тебя не касаются. Запомни это.

Нэнси схватила пепельницу и запустила в мужа. Промахнулась буквально на волосок. Тяжелая пепельница просвистела мимо Синатриного уха и, расколотив окно, влетела в кухню.

– А вот это тебе даром не пройдет, – процедил Фрэнк, направляясь к дверям.

Правда, Долли успела сцапать его за шиворот и дернуть с такой силой, что Фрэнк едва устоял на ногах.

– Проси прощения у своей жены! Живо! – скомандовала Долли.

Фрэнк был не в том настроении, чтобы каяться.

– Ма, пусти меня! – крикнул он, высвобождаясь из цепких рук Долли. – И вообще, не лезь не в свое дело.

И ушел. Нэнси поняла: Мэрилин – просто очередная любовница мужа, наличие «звездности» никакой дополнительной роли не играет. А значит, она, Нэнси, так просто не сдастся. Мало ли было у Фрэнка женщин? Одной больше, одной меньше… Справимся, подумала Нэнси. Вдобавок, когда дело касалось «потаскух» Фрэнка, свекровь неизменно принимала сторону Нэнси.

– Борись! – внушала Долли своей невестке. – Тебе надо сохранить семью. Мой сын – он как ветер в поле. Не ведает, что творит. У вас двое детей – помни о них!

– А вы бы, мама, тоже боролись? – спросила Нэнси (если, конечно, Долли в момент интервью не изменила память).

– Что? Нет, конечно, – тряхнула головой свекровь. – Я бы ему, сукину сыну, просто яйца отрезала, да и дело с концом.

По словам Долли, она лично подобное поведение мужа и пяти секунд терпеть не стала бы. Нэнси, как ей представлялось, обладала куда большей стойкостью и силой духа. Эту мысль Долли и озвучила.

– Ты справишься, – напутствовала она невестку. – Тебе просто больше ничего не остается.

Тут же, при Долли, которая стояла в позе Наполеона, Нэнси принялась звонить Джорджу Эвансу.

– Боюсь, у нас проблема, – сказала Нэнси. – Прошу вас, Джордж, повлияйте как-нибудь на ситуацию с Мэрилин Максвелл.

Джордж Эванс с готовностью – как всегда – принял сторону Нэнси. И немедленно взялся за дело.

Вспоминает Тед Хечтмен.

– В тот раз Джордж не стал скандалить с Фрэнком. Он позвонил самой Мэрилин и сказал примерно следующее: «Вы не забыли, что у вас в контракте оговорено – никаких порочащих связей? Появляясь на публике с женатым мужчиной, вы дискредитируете киностудию, с которой сотрудничаете. Имейте в виду: если засветитесь с Фрэнком Синатрой в Нью-Йорке, вам мало не покажется. Такой скандал будет, какой вам и в страшном сне не снился». Мэрилин отлично знала, что за птица Джордж

Эванс, но не могла понять, угроза звучит из его уст или просто предупреждение. На всякий случай Мэрилин решила не показываться в обществе Фрэнка. Эвансу она обещала, что пересмотрит свои отношения с Синатрой, только ей нужно время. Поистине, затевая роман, Мэрилин не представляла, каковы могут быть последствия. Фрэнк, разумеется, очень рассердился на Джорджа. Обзывал его по-всякому, откуда только слов таких набрался? Потому что все его планы полетели коту под хвост.

Джордж Эванс изрядно устал от выходок Фрэнка.

– У парня баксов больше, чем мозгов. Как ни применяй страусиную защиту, а приходится это признать, – говорил он.

Впрочем, битву с Мэрилин Максвелл Эванс выиграл. На какое-то время Нэнси могла расслабиться.

Сам Фрэнк недолго страдал по Мэрилин. Не успела она исчезнуть с его горизонта, как взошла новая звезда. На сей раз – ослепительная Лана Тернер.

Лана Тернер

Если Нэнси опасалась даже Мэрилин Максвелл, можно только догадываться, какое впечатление на нее произвела связь Фрэнка с голливудской звездой, двадцатишестилетней Ланой Тернер. Ее настоящее имя – Джулия. Она появилась на свет в городе под названием Уоллес, в штате Айдахо. Ее отцу и матери не исполнилось еще и по двадцать лет, когда они стали родителями. В 1931 году десятилетняя Джулия вместе с матерью перебралась в Лос-Анджелес. Отец ее к тому времени стал жертвой убийцы. Голливудская легенда гласит, что Тернер сначала работала в аптеке. Но вообще-то будущую звезду, тогда старшеклассницу, обнаружили в кафе на бульваре Сансет, и сделал это Уильям Р. Уилкерсон, журналист из «Голливуд репортер». Шестнадцатилетняя Тернер привлекла его внимание красотой и неординарностью, и Уилкерсон предложил одному из братьев Маркс[3] – Зеппо Марксу – подписать с девушкой контракт. В 1937 году Маркс заключил для Тернер сделку с «Эм-джи-эм». Луис Б. Майер не сомневался, что Тернер станет новым секс-символом, заменит в этой роли Джин Харлоу, скончавшуюся за полгода до «открытия» Тернер. К моменту встречи с Фрэнком Синатрой за плечами Ланы было уже более двадцати фильмов и два брака. Она жила в роскошном особняке в Бель-Эйр – фешенебельном районе Лос-Анджелеса, наслаждалась славой и богатством и была прямо-таки настроена на любовные отношения. Наличие трехлетней дочки по имени Черил Крейн (от недолгого брака с ресторатором Стивом Крейном) ничуть не влияло ни на звездный стиль жизни Тернер, ни на ее сексапильность. Фрэнк впервые увидел Лану в фильме «Почтальон всегда звонит дважды». Он сразу запал на загорелую блондинку в белоснежных шортах, топе на бретельках и тюрбане. «Я должен ее заполучить, – решил Фрэнк. – Должен, и точка». Через общего знакомого он раздобыл телефон Тернер – и позвонил.

В то время Лана была влюблена в тридцатитрехлетнего Тайрона Пауэра, но отношения как-то не складывались. А уж поклонников своих она даже не считала. Эстер Уильямс, близкая подруга Тернер, рассказывает:

– Гримерка Ланы была через стенку от моей. Как тогда обставляли гримерки? Да очень просто – кушетка, журнальный столик да пара стульев. А у Тернер посреди комнаты красовалась огромная двуспальная кровать с розовыми атласными простынями, а по стенам, помню, всё зеркала, зеркала… Я, как

увидела, так даже присвистнула. И впрямь, не надо оканчивать дизайнерские курсы, чтобы сообразить, для чего актрисе подобная обстановка.

По воспоминаниям самого Фрэнка, ни одна из его любовниц не могла сравниться чувственностью с Ланой Тернер. Казалось, ее интересует только одно: как бы поскорее улечься в постель. Фрэнка это вполне устраивало. Затевать разговоры о кино или о его, Фрэнка, карьере было пустым делом. Лана не желала обсуждать даже собственные роли и перспективы! И уж точно Лану не волновала семья Синатры. Первое время он пытался говорить со своей любовницей, но каждая попытка натыкалась на ледяное равнодушие. Мировые события? Плевать на них. Новости? Забудь. Иными словами, Тернер хотела только секса с Фрэнком, и чем чаще, тем лучше.

Он совсем потерял голову. До сих пор ему не встречались женщины, столь зацикленные на своей сексуальной привлекательности. Мужчина видит в ней лишь объект для плотских утех? Так, по мнению Ланы, и должно быть.

Самоуверенность и дерзость – вот что привлекало Фрэнка. Всю свою жизнь он западал на сильных, склонных командовать им женщин. Таких, как Долли Синатра. Нэнси тоже обладала сильным характером, однако сила эта была совсем иного рода. Любовницы Синатры не шли с его женой ни в какое сравнение, все их закидоны казались дешевкой рядом со стойкостью Нэнси, долгие годы хранившей семью. Фрэнк этого не ценил, считал Нэнси скучной. Жену застили дивы вроде Ланы Тернер. Как всегда, чтобы увлечься, Фрэнку хватило двух недель. И в случае с Тернер он прямо сказал жене, что уходит.

– Я теперь с Ланой, – коротко объявил Синатра. – Отпусти меня, Нэнси, слышишь? Дай мне развод.

– Даже не надейся, – отрезала Нэнси.

Она тоже кое-чему научилась. В частности, стремительность, с какой развивался роман Фрэнка, подсказывала его жене: долго эта связь не продлится. А она, Нэнси, не намерена отказываться от семьи, над сохранением которой столько работала, ради очередной интрижки. Пусть даже эта интрижка – с суперзвездой Голливуда. И вот уже по привычке Нэнси позвонила Джорджу Эвансу, чтобы сказать: на сей раз проблема покрупнее прежних, и имя ей – Лана Тернер. Звонок состоялся пятого октября. Джордж не знал, удастся ли ему повлиять на Лану, но обещал попытаться.

Чтобы добыть ее телефон, пришлось обзвонить целый ряд знакомых. Наконец Джордж набрал заветный номер и пригрозил Лане тем же самым, чем столь успешно грозил Мэрилин. Прозвучали слова «пункт о моральном облике» и «расторжение

контракта с киностудией». Но Лана Тернер – это не Мэрилин Максвелл! Чтобы Лану запугал какой-то там пиарщик? Да ни в жизнь! Лана только рассмеялась.

– Ну а вы, мистер Эванс, наверное, белый и пушистый? Уж вы-то точно без греха, не так ли?

Затем Лана напомнила Эвансу, что состояние сделала на имидже дрянной девчонки, и вряд ли кого на «Эм-джи-эм» шокирует очередной ее роман – не важно, с женатым мужчиной или с холостым.

– Хотите правду, мистер Эванс? Киношники только и ждут от меня полноценного скандала. Я же им кассовые сборы своими скандалами делаю! – И обрушилась на Джорджа с целой отповедью: – Раз вы ничего лучше не придумали, чтоб меня с Фрэнком разлучить, значит, у вас ума – на ломаный грош! Это вас миссис Синатра науськала, да? Конечно, она! В таком случае мне ее жаль. Бедняжка! А вам должно быть стыдно, мистер Эванс.

Джордж не мог дождаться, пока Тернер замолчит. Зря он вообще ей звонил! Он набрал номер Нэнси и сказал, что с Ланой ничего не вышло.

– Она ненормальная! Психованная! – восклицал Эванс. – Но вы не отчаивайтесь, Нэнси, эта стерва и Фрэнк скоро перегорят. Давайте просто выждем время.

На то же пятое октября, только на вечер, Фрэнк и Лана были приглашены к знаменитой норвежской фигуристке и актрисе Соне Хени. Они танцевали только вдвоем, и Лана – возможно, в пику Джорджу Эвансу – всячески старалась выставить напоказ их отношения. После вечеринки Фрэнк повез Лану в свою новую двухуровневую голливудскую квартиру. Лишь двумя днями ранее он снял это помещение и обставил на тридцать тысяч долларов, уделив внимание антиквариату. Это было сделано исключительно с целью произвести впечатление на Лану. (У Фрэнка уже имелась в Голливуде тайная квартира – по его мнению, недостаточно шикарная для избалованной Тернер.) Впрочем, Лана отнюдь не впала в экстаз. В любовном гнездышке, оборудованном Фрэнком, она только морщилась.

– Сущая барахолка! Чтобы я на эту кровать легла? Ага, жди!

Лана набросила манто, вздернула подбородок и решительными шагами направилась к двери. Поистине, Лана Тернер была актрисой не только в кино, но и в жизни. Особенно она поднаторела в эффектных появлениях и не менее эффектных уходах. Она вела себя так, будто в каждый момент времени на нее направлен луч софита, а где-то поблизости горит красным светом надпись «Выход».

– Ты права, это всё ужасная рухлядь, – поспешно согласился

Фрэнк – и повез свою пассию в фешенебельный отель «Беверли-Хиллз», где снял на ночь целое бунгало.

Утром шестого октября Фрэнк сообщил Джорджу Эвансу, что намерен жениться на Лане Тернер, как только Нэнси даст развод. Разговор имел место в лос-анджелесском офисе Эванса. При нем присутствовал Тед Хечтмен.

– Ты идиот, – заявил Джордж, согласно воспоминаниям Теда Хечтмена. И продолжил: Нэнси, дескать, никогда не согласится на развод; он, Джордж, диву дается, как Фрэнк этого не понимает.

– Если она со мной не разведется, я сам с ней разведусь, – сказал Фрэнк. – Нэнси не может удерживать меня в опостылевшем браке.

– Еще как может, – возразил Эванс. – Может и будет. Глаза-то разуй, Фрэнк!

Затем Эванс принялся нахваливать Нэнси и малышей; у него в голове не укладывалось, почему Синатра не ценит своего счастья.

– От тебя одно требуется, Джордж – объяви в прессе о предстоящем разводе, – распорядился Фрэнк и напомнил, что Эванс вообще-то не на Нэнси работает, а на него, на Фрэнка. Также он предположил, что Эванс и Нэнси уже давно в сговоре. Далее последовала перепалка из-за угроз в адрес Ланы. – Как у тебя только язык повернулся пугать ее всякими дурацкими пунктами о моральном облике? – негодовал Фрэнк.

– Так вот и повернулся, – парировал Эванс. – На таких стерв, как твоя Тернер, только один аргумент и действует – что их снимать в кино перестанут.

Фрэнк заинтересовался, скольких еще его женщин Эванс отпугнул с помощью этого проверенного аргумента.

– Джордж солгал, конечно, – вспоминает Тед Хечтмен. – Сказал, что Лана была первой.

– Ты меня перед ней в дурацком свете выставил! – шумел Фрэнк. – Она мне, знаешь, какую сцену закатила? Удивляется, как это я держу на работе тупицу вроде тебя, Джордж.

– Развяжись с ней, Фрэнк, – увещевал Эванс. – По-твоему, мне интересно, что про меня думает Лана Тернер? Мне интересно твою карьеру спасти! Неужели ты этого не понимаешь?

Спор закончился ничем, и Джорджу оставалось только одно – выполнить требование Фрэнка, сообщить прессе, что у четы Синатра не всё гладко. Впрочем, Джордж проявил осторожность – по его версии, семью постигла «размолвка». Также он заверил журналистов, что о разводе и речи нет, и добавил:

– Это первая ссора супругов. Не думаю, что она приведет к серьезным последствиям.

Взбешенная Нэнси упаковала вещи Фрэнка в два чемодана и выбросила на лужайку перед крыльцом.

– Развода этот негодяй не получит, – заявила Нэнси. – Но и жить с ним под одной крышей я не собираюсь.

После появления в прессе новости о «размолвке» Фрэнк решил, что у него теперь руки развязаны. Окучивание Ланы возобновилось с новым усердием. Впрочем, дело было вовсе не в Лане как таковой. Дело было в неуемности Фрэнка, в вечной жажде новизны. Трудно поверить, что он действительно видел в Лане Тернер супругу, надежную спутницу жизни. Но как всегда, верх взяли эмоции. В будущее Фрэнк, по обыкновению, не заглядывал. Проявлялась худшая черта его характера, от которой ему суждено было еще не раз хлебнуть горя. Фрэнк думал только о настоящем моменте, его девизом было «здесь и сейчас». А будущее – оно когда еще настанет! Всё как-нибудь образуется само собой. Пока же Фрэнка обуревало лишь одно желание – обладать Ланой Тернер.

Вечером того дня, когда в прессе появилась статья о «размолвке», Фрэнк и Лана поехали в Палм-Спрингс, где у Ланы была вилла. Они танцевали в клубе «Чи-чи», не обращая внимания на любопытные взгляды и перешептывания. Однако назавтра Лана предприняла попытку отрицать связь с Фрэнком. Она позвонила журналистке Луэлле Парсонс, ведшей колонку светской хроники, и сказала:

– Я не влюблена в Синатру, а он не влюблен в меня. Я еще ни одну семью не разрушила. Что за нелепые обвинения!

(Лана, правда, не упомянула, что одновременно встречается с Тайроном Пауэром, женатым на французской звезде Аннабелле. [4]) Для Ланы не было ничего важнее пиара. Она никогда не упускала случая подогреть интерес к собственной персоне – особенно если для этого требовался скандальчик. Луэлла Парсонс обнародовала признание, и Лана с Фрэнком от души над ним посмеялись.

– Вот дурочка, – приговаривал Фрэнк. – Нельзя же быть такой доверчивой!

Минуло две недели. Любовное пламя начало понемногу затухать, Фрэнк и Лана всё чаще устраивали друг другу сцены ревности. Лана объявила, что не собирается рвать отношения с Тайроном Пауэром. Вдобавок ей шепнули, будто Фрэнк продолжает роман с Мэрилин Максвелл. Доказательств Лана представить не могла, но источник, по ее словам, был надежный (этим источником служила близкая подруга Ланы, Ава Гарднер, в то время – жена бывшего Ланиного мужа, музыканта Арти Шоу).

После очередной бурной сцены Фрэнк, несдержанный и

непостоянный, бросил Лану. Как он заявил – навсегда. Да, таков был Фрэнк – моментально воспламенялся и столь же быстро остывал. Неудивительно, что Нэнси не принимала мужа всерьез. А что же Лана?

– Ты еще вернешься, – сказала она. Для нее уход любовника значил не более чем занавес в конце первого акта. – Никуда не денешься.

Вмешательство семьи

Скандал с Ланой Тернер нанес серьезный удар по имиджу Синатры. А с Ланы всё было как с гуся вода. Она появлялась с Фрэнком где только можно, не таясь – и это при живой жене!

Вспоминает Тед Хетчмен:

– Джордж Эванс собрал семейный совет в доме Синатры. Сам я тогда уже был партнером Эванса, возглавлял лос-анджелесское пиар-бюро. Меня тоже позвали. Присутствовали Долли и Марти, Нэнси и, конечно, сам Фрэнк. Родители и жена, а также мы с Джорждем уселись за кухонный стол и вперили в Синатру осуждающие взгляды.

Афера с Ланой зашла слишком далеко – так начал Джордж Эванс. Фрэнк заерзал на стуле, но промолчал. Джордж развивал мысль: Фрэнк, мол, вляпался в скандал, от которого не только его семья страдает. Нет, Фрэнк подвергается серьезному риску растерять симпатии поклонников. Синатра молчал.

– Что ты как воды в рот набрал! – взъярилась Долли и отвесила сыну подзатыльник. – Что за дьявол в тебя вселился? Нэнси – прекрасная жена, двоих детей тебе родила, терпит твои выходки. Хоть ее пожалей!

– Дай ты ему слово сказать, – произнес Марти.

Долли смерила мужа мрачным взглядом. Фрэнк начал мямлить нечто, отдаленно похожее на извинения.

– Заткнись! – крикнула Долли и снова ударила его, на сей раз по руке. Именно в это мгновение Нэнси осознала, что отношения с Фрэнком нужно разорвать. Однако ради его карьеры, а также ради святости брачных уз она решила дать мужу еще один шанс. Нэнси не плакала, глаза ее были абсолютно сухи. Она словно покорилась судьбе, словно решила до конца нести свой крест.

– Ладно, Нэнси. Раз ты так хочешь, я согласен, – пожал плечами Фрэнк.

Никаких следов раскаяния не было на его лице. Долли отвесила ему второй подзатыльник.

Фрэнк больше ничего не сказал. Он просто сидел, уставившись в одну точку. Годы спустя Тед Хетчмен так описывал состояние Фрэнка:

– Казалось, он изо всех сил старается что-нибудь почувствовать. Фрэнк хмурил лоб, тщась выжать из себя подобающую случаю эмоцию. Например, грусть. Или раскаяние. Или сожаление. Хоть что-нибудь. Тогда я вдруг понял: никаких эмоций он не испытывает. Его душа пуста.

Хетчмен утверждал, что до своих чувств Фрэнк просто не мог

добраться.

– Да, он искал в себе некие переживания – но не находил. Потому что их не было. Наверное, Фрэнку в тот момент даже хотелось ощущать угрызения совести – а он ничего не ощущал. Хуже того, он и притвориться не мог.

Чем старше Фрэнк становился, тем явственнее проявлялась у него переменчивость настроения. Он бросался из одной крайности в другую. Апатия, во время которой Фрэнк вообще ничего не чувствовал (именно она обуяла Синатру в тот день); затем – депрессия, когда он бывал угрюм, погружен в самые мрачные мысли и охвачен тотальным недовольством собой; ярость, когда становился непредсказуем; наконец, гипертрофированное возбуждение, когда эмоции били через край. И никаких промежуточных стадий, никаких «оттенков серого». Вдобавок невозможно было угадать, от чего зависят эти состояния, какими внешними обстоятельствами они вызываются.

Современный врач скорее всего диагностировал бы у Синатры биполярное расстройство. На деле же единственный диагноз, когда-либо поставленный Фрэнку психиатром, был «маниакально-депрессивный синдром». К слову, тот же самый психиатр, доктор Ральф Гринсон, пользовал и Мэрилин Монро. О маниакально-депрессивном синдроме он заявил в пятидесятые годы. И не выписал Фрэнку никакого лекарства! А ведь Мэрилин он выписывал таблетки, которые, по мнению многих близких ей людей, и привели к кончине звезды.

– Джордж добрых полчаса распинался на тему, как уладить дело с Ланой, – вспоминает Тед Хетчмен. – Успел целую стратегию разработать. Нэнси и Фрэнк должны были помириться публично. Нэнси после колебаний согласилась. Фрэнк, ко всему в тот день равнодушный, кивнул, точно робот. Долли с Марти поразили меня чрезмерным энтузиазмом.

Несколько дней спустя запланированное воссоединение супругов состоялось на шоу Фила Силверса, в Голливуде, в клубе Макси Розенблюма, боксера и актера, известного как «Слэпси Макси» (Макси Оплеуха). Фрэнк поднялся на сцену, к Филу. Зрители решили, что он последовал внезапному импульсу; на самом деле всё было тщательно продумано. Фрэнк действовал по сценарию Джорджа Эванса, согласованному с Силверсом. Нэнси сидела в зале, за столиком – также в соответствии с инструкциями Эванса. Фрэнк запел «Не бойся вернуться домой» (Going Home); разволновался. Фил, уверенный, что Нэнси и Фрэнк созданы друг для друга, подвел Синатру к столику, за которым, обливаясь слезами, сидела Нэнси. Фрэнк обнял жену. Публика зааплодировала. На следующий день Синатра вернулся в лоно

семьи.

Теперь, когда очередное препятствие к семейному счастью было устранено, Нэнси льстила себя надеждой, что всё у нее с Фрэнком наладится, что они заживут, словно «Лана Тернер и на свет не рождалась». Как бы не так! Связь с Ланой фатальным образом повлияла на Нэнси. Она больше не могла доверять мужу. Видимо, причина была в том, что с Ланой Фрэнк не таился, что его роман стал достоянием общественности, попал в прессу. А может, Лана просто явилась той последней каплей, что переполнила чашу терпения Нэнси Синатры. Известно одно: супруги Синатра так и не восстановили отношения после Ланы Тернер.

Бриллиантовый браслет

В течение следующих нескольких месяцев Фрэнк Синатра изо всех сил старался загладить вину перед Нэнси. В ноябре он купил жене длинное, почти до пят, горностаевое манто и муфту; супруги отправились в Нью-Йорк, где отметились в самых фешенебельных местах. Казалось, они прекрасно проводят время. На Рождество Фрэнк подарил Нэнси жемчужное ожерелье в три нитки. Много внимания он уделял детям – маленькой Нэнси и маленькому Фрэнки. Но хранил ли он верность жене? Нэнси Синатра старалась не вникать. Они вновь жили как любящие супруги, и Нэнси надеялась, что всё уладится. Она не желала знать больше того, что знала. И не задавала вопросов.

– Мой личный опыт показывает, – говаривала Нэнси, – что неверные мужья отлично умеют лгать. Так зачем же задавать им вопросы?

Однажды Нэнси обнаружила в бардачке «Кадиллака», только что купленного для нее Фрэнком, восхитительный бриллиантовый браслет. Нэнси решила, что браслет – очередное подношение провинившегося мужа на семейный алтарь. От сияния бриллиантов у Нэнси дух захватило, однако она спрятала браслет обратно в футляр и положила на место, в бардачок. Пусть Фрэнк сам его вручит, думала Нэнси.

Тридцать первого декабря Фрэнк и Нэнси устроили вечеринку. Собралось не меньше двухсот человек, гости веселились, всё было прекрасно. Разодетые в пух и прах супруги Синатра казались идеальной, счастливой парой. Буквально на секунду Нэнси отошла от мужа, чтобы поболтать с представителем киностудии – и тут заметила *эту женщину*. О нет, не Лану Тернер! Хуже! На вечеринку явилась Мэрилин Максвелл собственной персоной! Нэнси-то рассчитывала, что проблемой по имени Мэрилин занимается Джордж Эванс. Сама она об этой любовнице мужа несколько месяцев не вспоминала. Так что же Мэрилин делает в ее доме? Приблизившись, Нэнси с ужасом увидела на запястье кинодивы бриллиантовый браслет.

– Откуда у вас эта вещь? – спросила Нэнси.

– Близкий друг подарил, – ответила Мэрилин с ледяной улыбкой.

Нэнси не сорвалась на крик. Она гневно, решительно, однако внешне спокойно заявила:

– Убирайтесь из моего дома. Сейчас же. Я не шучу. Немедленно уходите!

– Что-что? – переспросила Мэрилин. – Я вас не понимаю.

– Всё вы понимаете. Вон отсюда! – отрезала Нэнси. – А вот это – она указала на бриллиантовый браслет, – по праву принадлежит мне. Я за последние восемь лет достаточно натерпелась от этого мерзавца. Я заслужила бриллианты!

Мэрилин даже рот разинула – так удивилась. Послушно расстегнула браслет и отдала Нэнси.

В эту минуту к женщинам подошел Фрэнк, обнял обеих, что-то шепнул жене на ухо. Нэнси высвободилась из объятий.

– Не смей со мной разговаривать! – прошипела она. – Это ты ее пригласил? В мой дом? Как ты посмел!

– Но я… я… извини, Нэнси, – мямлил Фрэнк. – Черт, как неловко вышло. Прости.

Слух о том, что между супругами Синатра неладно, разошелся мигом. Нэнси выбежала в другую комнату, а Мэрилин направилась к гардеробной.

– Ну и дела! – воскликнул Фрэнк, обращаясь к Теду Хетчмену.

– На кой черт тебе было ее приглашать? – спросил Тед (по крайней мере он так заявлял годы спустя).

– По-твоему, я идиот? – возмутился Фрэнк. – Чтобы я свою подругу в дом при жене привел? Может, это Джорджа работа? (Фрэнк имел в виду Джорджа Эванса).

– Вот я у него сейчас и спрошу, – пообещал Тед и бросился искать Джорджа.

– Что стряслось? Что опять стряслось? – кричал Джордж, спешивший из соседней комнаты. Он не присутствовал при сцене с браслетом, но слышал о ней.

Фрэнк спросил Джорджа, не его ли была светлая мысль пригласить Мэрилин.

– Ты рехнулся? – отвечал Джордж. – Или думаешь, что рехнулся я? Зачем мне так вредить Нэнси и тебе самому?

– Значит, Мэрилин захотелось устроить скандал, – сделал вывод Фрэнк.

– А как насчет браслета? Твой подарок, да? – стал допытываться Джордж.

– Да, – сознался Фрэнк, повесив голову. – Не буду отпираться. Это я подарил браслет.

– То есть ты продолжаешь крутить с Мэрилин Максвелл? – уточнил Джордж, злясь не на шутку.

– Не буду отпираться, – повторил Фрэнк, тряхнул головой и стремительно вышел из комнаты.

Через несколько минут возвратилась Мэрилин Максвелл. Теперь на ней была белоснежная меховая накидка.

– Друзья! – заговорила Мэрилин, обращаясь ко всем сразу. – Я вовсе не собиралась портить вечер. Я лишь хотела придать ему

изюминку своим присутствием. К сожалению, теперь это невозможно. – Мэрилин сделала эффектный разворот, дернула медную ручку тяжелой входной двери. Дверь распахнулась. Тогда Мэрилин вновь обратила взор на гостей. – Увы, дорогие друзья, мне придется покинуть этот дом, – с чувством произнесла она и шагнула в сырую, промозглую ночь, не потрудившись закрыть за собой дверь.

Лишь когда в помещение ворвался холодный ветер, один из гостей, будто выйдя из оцепенения, встал и со словами: «Лучше оставить холод снаружи, не так ли?» закрыл дверь.

Вечеринка продолжалась как ни в чем не бывало. Только без Нэнси, без хозяйки дома. По воспоминаниям самых преданных друзей Синатры, Джула Стайна и Сэмми Дэвиса, даже они не находили слов, чтобы оправдать его поведение.

Нэнси появилась лишь к концу вечеринки, когда почти все гости разъехались. Осталось около дюжины человек – только родственники и ближайшие друзья. Нэнси намеревалась выпить с ними кофе с ликером, полакомиться десертом. Но как назло, Фрэнк превесело болтал и даже смеялся чему-то с Мэни Саксом и другими своими приятелями. Веселость мужа подлила масла в потухший было огонь ярости Нэнси Синатры. Как может Фрэнк смеяться, когда она, Нэнси, несчастна?

– Нет, вы посмотрите – ему весело! Совесть у тебя есть? – набросилась Нэнси на мужа. – Что я плохого сделала? Чем дала тебе повод так со мной обращаться? Что я сделала, Фрэнк, объясни!

Фрэнк закатил глаза.

– Ну вот, опять снова-здорово! Не начинай, Нэнси. «Что я сделала, что я сделала?» – очень похоже передразнил он. Определенно, Синатра успел выпить лишнего. – Всё я да я! А что насчет меня? Думаешь, мне легко?

Нэнси опешила, ни слова сказать не могла. Зато Фрэнка будто прорвало.

– Какого тебе еще рожна надо? – кричал он, приблизив лицо к лицу жены. – Денег тебе мало? Живется тяжело? Муж у тебя – пустое место? Нет, ты давай, скажи, не стесняйся!

Казалось, Фрэнк просто не может остановиться. Он совсем потерял контроль над собой. Нэнси разрыдалась и выбежала из гостиной.

– Ах, так! – взревел Фрэнк, обращаясь теперь к оставшимся гостям. – Ну так проваливайте все! Вон! Живо! С Новым гребаным годом, будь он неладен! С новым счастьем, так его и так! Убирайтесь к черту. Спектакль окончен.

Фрэнк и мафия

Одна из самых «долгоиграющих» сплетен о Синатре гласит, что он имел связи с мафией. Слушок об этом появился, едва агенты и адвокаты помогли Фрэнку развязаться с Томми Дорси. О заинтересованности Дорси в сохранении контракта с Фрэнком знали все; когда Фрэнк столь быстро освободился, в его окружении стали поговаривать, будто дело не обошлось без вмешательства влиятельных друзей. Разумеется, хобокенские «братки», по указанию Хэнка Саниколы действительно приложившие к этому руку, едва ли могут считаться полноценными мафиози. Если же забыть про Дорси, то имя Фрэнка стали всерьез связывать с мафией в 1947 году, то есть через несколько лет после расторжения грабительского контракта.

Фрэнк Синатра не уставал объяснять эти сплетни очень простым обстоятельством – своей итальянской фамилией и иммигрантским происхождением. Мол, «Синатра» оканчивается на гласную – вот люди и болтают всякое. Он и его семья даже заявляли, что подвергаются дискриминации. Позиция ясна – только почему тогда другие американцы итальянского происхождения, например, Вик Дамоне, Перри Комо и даже сам Аль Пачино (сыгравший, между прочим, крестного отца в одноименном фильме) не связаны в общественном сознании с мафией? Ведь их фамилии тоже оканчиваются на гласную! Фрэнк и его семья предлагали на этот счет и второе объяснение: в сороковые и пятидесятые годы большую часть ночных клубов держали гангстеры. Следовательно, если человек хотел работать в шоу-бизнесе, ему приходилось иметь дело и с мафией. Это похоже на правду.

Но было и еще одно обстоятельство. Фрэнк плохо разбирался в людях – особенно в тех, с которыми не работал. Это касалось и представителей темного мира. «Уважаемые люди» еще в хобокенский период вызывали восхищение юного Фрэнка, ибо могли ВСЁ. Ну, или почти всё. Фрэнк восторгался их образом жизни, хотел им подражать. В частности, быть свободным от так называемых поведенческих норм. Особенно это желание окрепло, когда Фрэнк женился. Делать что взбредет, не считаться ни с кем – вот признаки успешного человека. Фрэнк так и жил – по-своему, без оглядки. От окружающих он ждал полного понимания, хотя сам понимать ближнего был неспособен. А уж если кто-то перечил Фрэнку, переходил ему дорогу – такого человека Синатра навсегда вычеркивал из своей жизни.

– Он был боссом мафии в своем собственном мире, – так однажды выразился Питер Лоуфорд. – Преклонялся перед криминальными авторитетами, а с близкими обращался как настоящий дон.

В январе 1947 года Фрэнк, которому исполнился тридцать один год, был приглашен на встречу с боссом знаменитой коза ностра, Чарльзом Лучано по прозвищу Счастливчик. А приглашение исходило от Джо Фьячетти, хобокенского приятеля, двоюродного брата и наследника самого Аль Капоне. Сорокадевятилетний Лучано с октября 1946 года тайно жил в Гаване.[5] Жил не тужил: наряду с другой недвижимостью огромное поместье в престижном пригороде Мирамар плюс яхт-клуб, где развлекались богатые кубинцы и граждане США. Лучано затеял первую (после знаменитой Чикагской, что состоялась в 1932 году) сходку главарей американского преступного мира. Место сходки – верхние этажи отеля «Националь», настоящая мекка для игроков и мошенников. Планировалось выработать важные решения, в том числе провести голосование и определить, будет ли Лучано «боссом всех боссов американского преступного мира», *capo di tutti capi*. Разумеется, делегатов ожидали деловые встречи, совещания, банкеты, вечеринки, куда не допускались посторонние.

Делегаты – все до единого, по сведениям ФБР, члены преступных синдикатов и самые настоящие гангстеры – начали прибывать на сходку. Фрэнк Костелло, Оджи Пайсано, Майк Миранда, Джо Адонис, Томми Браун Луккезе по кличке Трехпалый, Джо Профачи, Вилли Моретти, Джузеппе (Джо) Маджлиоццо по кличке Толстяк, Альберт Анастасиа (он же – Палач), и Джо Бонанно (для своих – Банан) приехали из Нью-Йорка и Нью-Джерси. Флориду представлял Санто Траффиканте, Новый Орлеан – Карлос Марчелло. Глава чикагской мафии Тони Аккардо появился на сходке в компании Рокко и Чарли Фьячетти (родных братьев Джо Фьячетти). Чарли еще носил кличку Удачливый Курок. Также присутствовали – правда, без права голоса по причине своего еврейского происхождения – Филипп Кастел (он же – Денди Фил) и Мейер Лански.

Каждый вновь прибывший первым делом отправлялся на виллу Лучано – засвидетельствовать почтение. После соответствующей церемонии боссу вручался подарок – наличные в конверте (всего собрали сто пятьдесят тысяч долларов). На эти деньги Лучано покупал фишки в казино отеля «Националь». Затем делегата отводили в один из тридцати шести роскошных номеров, специально забронированных для такого случая. Лучано намеревался присоединиться к делегатам во время перерыва в

первом совещании Сицилийского Союза.

Джо Фьячетти предложил встретиться с Фрэнком и Нэнси в Майами, где чета Синатра планировала провести февральский отпуск. Уже из Майами Фрэнк в компании Джо, Чарли и Рокко Фьячетти должен был отправиться в Гавану, к Счастливчику Лучано. (Джо, к слову, был самым симпатичным и харизматичным из братьев Фьячетти; правда, ФБР называла его «самым недалеким и наименее агрессивным».) Фрэнк дождаться не мог этого путешествия. Как мы уже упоминали, в Хобокене перед подобными персонажами буквально преклонялись. Фрэнку не терпелось узнать, что заставляет людей вроде Лучано заниматься наркоторговлей; при мысли, что он, Фрэнк Синатра, пообщается с человеком столь опасным и полным противоречий, просто голова кружилась.

Отъезд в Гавану был назначен на тридцать первое января 1947 года. Не существует убедительных свидетельств того, что Фрэнк осознавал, куда именно он попадет. Едва ли слова «сходка представителей преступного мира» вообще вертелись у Фрэнка в голове. И уж точно он не понимал, что сам служит прикрытием этой сходки, придает ей легитимный характер. Фрэнк думал, они с Нэнси просто едут в Гавану, в гости к Лучано. Фрэнк не представлял, какими методами Лучано зазывает гостей! Оказывается, приманкой для них служила перспектива поглядеть на живого Фрэнка Синатру! Или, как пишет биограф Лучано, Мартин А. Гош (в книге «Последнее завещание Счастливчика Лучано»): «Официальная версия насчет повода для сборища была такая: весь банкет затеян в честь молодого итальянца из Нью-Джерси, исполнителя лирических песен, кумира всех девчонок Америки. Короче, в честь Фрэнка Синатры».

Нэнси принимает решение

В начале февраля 1947 года Нэнси Синатра узнала, что беременна.

Фрэнк ликовал. Нэнси настроения мужа не разделяла. Она уже давно не доверяла Фрэнку; она даже не знала, хочет ли оставаться его женой. Но и до того, чтобы прекратить борьбу за Фрэнка, Нэнси пока не дозрела. Она не сомневалась только в одном: незачем рожать третье дитя в браке, который (как Нэнси теперь была склонна думать) прогнил до самого основания. И вот Нэнси заявила мужу, что намерена сделать аборт.

Фрэнк был неважным отцом. Конечно, он любил дочку и сына, но дети не получали достаточного внимания. В свободное время Фрэнк показывал себя с лучшей стороны – играл с детьми, кормил их, развлекал и смешил. Несомненно, они его обожали. Однако, к сожалению, время для малышей у Фрэнка находилось нечасто. Даже дома он был по большей части занят работой. Сам он не обольщался насчет своих отцовских качеств – ни мысленно, ни на словах. Фрэнк достаточно знал себя – впрочем, как и его дети. Нэнси давно смирилась, но «смирение» не значит «довольство». Чем больше они с Фрэнком обсуждали «детский вопрос», тем сильнее было желание Нэнси прервать беременность.

Фрэнк имел собственное мнение относительно абортов, даром что его мать сама проводила такие операции. Фрэнк этого всю жизнь стыдился, всю жизнь помнил, как к нему относились в Хобокене после ареста Долли. Поэтому намерение жены прервать беременность казалось ему отвратительным. Он умолял Нэнси переменить решение. Говорил, что они с ней всё обсудят во время поездки на Кубу. Однако Нэнси на Кубу не хотела – по крайней мере с Фрэнком. Она лишь согласилась встретить мужа на обратном пути, в Акапулько.

– Ты *этого* не сделаешь, пока я в отъезде, – сказал Фрэнк.

Прозвучало как приказ. Впрочем, к тому времени Нэнси приказам Фрэнка уже не подчинялась.

Она его поцеловала на прощание. Фрэнк отправился своей дорогой, а Нэнси – своей. Прямиком к врачу.

– Это было очень трудно, – позднее говорила она своей младшей дочери Тине. – Но я знала, что поступаю правильно.

С «ребятами» на Кубе

Одиннадцатого февраля 1947 года Синатра вместе с братьями Фьячетти прилетел в Гавану и поселился в отеле «Националь». Понадобилось целых два дня, чтобы до Фрэнка дошло: все эти люди, жаждущие получить его автограф, – самые настоящие преступники.

Даже годы спустя друзья Фрэнка категорически отказывались давать интервью о поездке в Гавану. Тем не менее они отлично помнили то, что Фрэнк им рассказывал в частном порядке. По собственному признанию, Фрэнк, вздумав поглядеть на криминальный мир изнутри, нашел его *чуть более* криминальным, чем ожидал. Однако ретироваться было поздно – да и гордость мешала. Не желая выставлять себя неблагодарным трусом, Фрэнк решил, раз уж его занесло в самую середку мафиозного клубка, остаться и получить удовольствие. И он остался, и получил удовольствие – в частности, от игры в казино, скачек и вечеринки со Счастливчиком Лучано. О том, как воспримут такое поведение поклонники и критики, Фрэнк вообще не думал. Неужели он действительно был столь наивен? Едва ли; но такова его версия… которой он твердо придерживался.

В книге Мартина А. Гоша приведены слова Лучано: «Фрэнк был славным малым, мы все им гордились. Еще бы – тощий хобокенский мальчишка, а голосина такой, что до самых вершин его вознес. Вдобавок Фрэнк – итальянец на сто процентов. Помню, он пел для ребят прямо в отеле. Всем ужасно нравилось. В свое время, когда требовалось посодействовать ему материально, добавить популярности, ребята выложились. Фрэнк работал на бенд Томми Дорси, получал около ста пятидесяти баксов в неделю, а ему нужен был пиар, одежда, разные музыкальные прибамбасы. Это денег стоит, штук пятьдесят – шестьдесят. Я дал добро, и деньги были выделены из нашего фонда. Правда, некоторые ребята еще от себя добавили. За счет этого Фрэнк стал звездой, а в Гавану приехал, чтоб меня уважить и остальных ребят».

Признание Лучано представляется нам лишь попыткой подтвердить: начало карьеры Фрэнка Синатры было положено мафией. Можно ли верить Счастливчику Лучано? Является ли он надежным источником информации о Фрэнке?

Всякого, кто был близок к Синатре, очень удивило бы утверждение, будто от Дорси его освобождали некие «ребята». Тед Хетчмен не верил в эту версию.

– Пятьдесят тысяч? За счет Лучано? Не смешите меня. У

Синатры было достаточно состоятельных друзей, например, Эксел [Стордал]. Фрэнк, даже если бы нуждался, к мафии за деньгами не обратился бы. А он и не нуждался. Он был не дурак. Импульсивный, взбалмошный – да, но котелок у него варил как положено. И вообще в те времена выступления проходили куда скромнее, чем сейчас. Ни тебе по костюму на каждый номер, ни подтанцовок с подпевками. У Фрэнка было три смокинга, их он и носил попеременно. Что касается пиара, – продолжает Тед Хетчмен, – до встречи с Джорджем Эвансом Фрэнк сам управлялся. Рявкнет на репортера – вот и пиар. Аранжировки? Аранжировщику платил Томми Дорси. Короче, этот мафиози, Счастливчик Лучано, просто пытается весу себе добавить.

Правдивы слова Лучано или лживы, а попытка приобщиться к чужой славе породила немало страшных историй о связях Синатры с мафией. Ясно одно: Фрэнк имел неосторожность оказаться в неподходящее время в неподходящем месте в неподходящей компании. Разумеется, недруги Фрэнка склонны верить Счастливчику Лучано и его присным; почитатели склонны верить своему кумиру. Остальная часть человечества на эту тему вообще не думает.

Много лет спустя Фрэнк предпринял попытку объяснить свое тогдашнее появление в Гаване. Оказывается, давая в Майами благотворительный концерт для фонда Дэймона Раньона по борьбе с онкологическими заболеваниями, Фрэнк случайно увидел Джо Фьячетти. В ходе разговора выяснилось, что оба летят отдыхать в Гавану. В Гаване же (с кем он туда прибыл, Фрэнк не сообщал) он зашел в бар промочить горло, встретил большую компанию и получил приглашение на ужин. Сидя за столом, он в одном из гостей узнал Счастливчика Лучано.

– Я сразу подумал: вот будет шуму в прессе, если я сейчас же, немедленно не уйду. А уйти было нельзя, иначе бы за столом получился скандал.

Позднее Фрэнк, по его версии, столкнулся с Лучано в казино отеля «Националь».

– Мы только выпили вместе, и я сразу свалил. Сослался на важные дела. А больше я Счастливчика Лучано в жизни не видел.

Хорошая история, добротная. Жаль, что выдуманная – по крайней мере, согласно свидетельствам.

Впрочем, и сам Счастливчик Лучано признавал: Синатра на Кубе ничем нелегальным не занимался.

– Не хочу, чтобы сложилось впечатление, будто я или кто из ребят пытались втянуть Фрэнка в какие-нибудь дела, – свидетельствовал Лучано. – Синатра подарил кое-какую мелочевку ребятам – кому золотой портсигар, кому часы, и

только-то. По-моему, самый что ни на есть законопослушный гражданин.

Забыть об этом промахе – поездке на сходку мафиози – Фрэнку не давала пресса. Роберт Рурк, колумнист одной из газет холдинга «Скриппс – Говард», сочинил едкую статью, в которой называл Фрэнка лицемером, выдающим себя за «скромного защитника малых сих», а на самом деле «жаждущим вести дела с персонажами вроде Счастливчика Лучано».

Как читатель видит, поездка в Гавану бросала огромную густую тень на дальнейшую карьеру Синатры, давая недоброжелателям дополнительные поводы его осуждать. Одно время колумнисты желтых изданий и отдельные сотрудники ФБР утверждали, будто Фрэнк привез для Лучано целый чемодан денег – два миллиона долларов мелкими купюрами! Однако близкий друг Синатры признавался:

– Если вы считаете, что Фрэнк мог подарить депортированному из США наркодельцу два миллиона баксов, – вы рехнулись. По-вашему, он разгуливал с чемоданом, полным купюр, в сорок седьмом году? Бред! Я знаю, что было в том чемодане. Чистое белье, вот что. Фрэнк всегда возил с собой смену белья. И стоило это белье баксов пятьдесят, не больше».

От себя добавлю: все делегаты, вместе взятые, скинувшись, наскребли только сто пятьдесят тысяч для своего босса – так с какой стати Синатре было давать целых два миллиона?

Сожаления

Из Гаваны Фрэнк направился в Акапулько, где его ждала Нэнси. Супруги планировали вместе отдохнуть. Фрэнк еще не знал про аборт – Нэнси только при личной встрече сообщила ему, что ребенка не будет.

– Для папы это была ужасная новость, – говорит Тина Синатра.

Поступок жены потряс Синатру. У него в голове не укладывалось, как Нэнси могла убить их дитя. Фрэнк, конечно, понимал, что причина – его собственное скверное поведение. До конца дней он раскаивался, считая себя повинным в смерти неродившегося младенца.

– Папа не придавал значения своим связям на стороне до тех пор, пока они, все в совокупности, не лишили его бесценного сокровища, не забрали жизнь невинного существа, – рассуждает Тина. – Маме он сказал: больше никогда так не делай, слышишь? Никогда!

Прервав беременность, Нэнси красноречиво показала, что именно думает и о муже, и о дальнейшей жизни с ним. Фрэнку оставалось вновь завоевывать жену. Возможно ли это было в принципе – большой вопрос.

В мае 1947 года Фрэнк Синатра появился на сцене нью-йоркского театра «Кэпитол», где в тридцать пятом имел оглушительный успех. Ему тогда поклонялись, как божеству. Но в последующие годы Фрэнк показал себя самовлюбленным скандалистом и грубияном; жил, будто ему всё позволено. Публика давно потеряла счет некрасивым выходкам своего кумира. Что толку в потрясающих пластинках, которые Фрэнк по-прежнему записывал и выпускал! Объемы продаж падали день ото дня, репутация была загублена – самим Фрэнком, и никем больше.

Еще в сорок пятом, после выступления в «Парамаунт», Фрэнк долго не мог вырваться из жарких объятий восторженной толпы. Он тогда хвастал:

– Едва ли какой другой артист пользовался подобным обожанием. Так будет всегда.

Не прошло и трех лет – и вот уже Фрэнка встречают с прохладцей, а после шоу (первого в «Кэпитоле»!) у служебного входа его караулит лишь горстка особо преданных поклонниц.

– Дело плохо, – сказал Фрэнк Джорджу Эвансу на следующий день. Присутствовали другие члены его команды, а также Нэнси. – Ты что, не можешь приплатить девчонкам? Пускай снова

устраивают мне овации. Или ты пиарить разучился, а, Джордж?

На что Эванс отреагировал так:

– Позволь задать тебе вопрос, Фрэнки. Ты рассчитывал всю жизнь делать что вздумается? Оскорблять людей направо и налево? Посылать к черту и даже дальше? Так вот, приятель, настал час расплаты. Я больше не могу подкупать девчонок. Ситуация не та. Что скажешь, Фрэнки?

Фрэнк не нашелся с ответом и беспомощно взглянул на жену.

– Нечего на меня смотреть, – рассердилась Нэнси. – Я тебе не советчица. На мою помощь даже не рассчитывай.

Фрэнк заморгал.

– Я и не рассчитываю, – сказал он, повесив голову. – У меня прав на это нет.

Часть четвертая
Эпоха Авы

Ава Гарднер

К 1947 году отношения Фрэнка с женой окончательно запутались. Несмотря на все связи на стороне, Синатра продолжал по-своему любить Нэнси. Общение с ней и с детьми по-прежнему приносило ему радость.

– Папа изменился, – рассказывает Тина Синатра (родившаяся, к слову, лишь в 1948 году). – Его отлучки стали гораздо короче, он больше интересовался семьей. Днем играл с детьми. Вечером вывозил маму в свет: сначала ужинать, потом танцевать в «Киро» – клуб на бульваре Сансет. В общем, старался всячески вернуть былое. Свою природу ради этого подавлял.

Результатом этих стараний стала новая беременность Нэнси. На сей раз она решила рожать. Как Нэнси выразилась, у нее имелось «несколько аргументов в пользу того, что Фрэнк отныне предан семье». Конечно, Нэнси не слишком обольщалась; конечно, делала поправку на темперамент и нрав мужа. Однако надежда еще теплилась в ней.

Усилия на семейном фронте отнюдь не мешали Фрэнку вести двойную жизнь. Для Нэнси и детей имелся прекрасный дом в пригороде Лос-Анджелеса; для веселого времяпрепровождения был снят номер в голливудском отеле «Сансет Тауэр», где Фрэнк мог вместе с композитором Джимми Ван Хэйсеном, Сэмми Каном, прочими приятелями и женщинами весело проводить время. Узнав об этом, Нэнси предпочла не устраивать скандал. Какой смысл, если давать Фрэнку развод она всё равно не собиралась, а повлиять на него не могла? Нэнси утешалась детьми, да и сестры жили поблизости. Когда Фрэнк уделял ей время, она была счастлива. Когда Фрэнк развлекался своими силами, Нэнси терпела. Она давно уничтожила в себе мечту о верном муже. Те, кто был посвящен в дела семьи Синатра, вспоминают Нэнси как женщину, стоически переносившую личные поражения.

Однажды – мальчишник в «Сансет Тауэр» был в самом разгаре – Фрэнк и его приятели узнали, что в доме напротив живет блистательная Ава Гарднер. Изрядно подвыпившие мужчины вышли на балкон и стали звать:

– Ава, ты нас слышишь? Ава, мы знаем, что ты дома! Выходи! Выпей с нами пивка!

Ава долго терпела эти вопли, но потом всё же подошла к окну и помахала всей компании. Фрэнку такого знака оказалось более чем достаточно.

Ава славилась красотой, была предметом зависти и подражания тысяч женщин во всем мире. Стоило Аве войти в

комнату, посверкивая зелеными глазищами, как все взоры обращались к ней. Чувственная от природы, Ава отлично передавала это качество и своим экранным героиням. В частной жизни она была, выражаясь современным языком, настоящей дивой – неуправляемой, эгоистичной, взбалмошной. Умела «поставить свет». Причем как для очередной роли (оператору Джорджу Фолси она сказала прямо: «Вот мои требования, парниша: чтобы на лицо мне только отраженный свет падал, а под подбородок извольте направить небольшой софитик»), так и в жизни.

– Люблю покладистых, – поделилась Ава личными предпочтениями с Ланой Тернер.

Избалованная, темпераментная, требовательная, Ава была невероятно соблазнительна. Собственно, только на таких женщин Синатра и западал. Впрочем, в отличие от Ланы Тернер Ава порой любила и отдохнуть от актерства. В общении она, подобно Лане, не прочь была разыграть сцену-другую, но при близких друзьях становилась милой и простой. Могла, например, сбросить туфли и уютно устроиться на диване, поджав ноги. На Фрэнка она произвела глубокое впечатление, еще когда он работал в оркестре Томми Дорси. Ава и Фрэнк пересекались несколько раз в конце сороковых, на студиях «Эм-джи-эм» и «РКО», а также в голливудских ночных клубах, например, в «Мокамбо». Тогда Ава еще была замужем за Микки Руни. Но фото Авы на обложке журнала «Фотоплей» (с обнаженными плечами и в дорогущем с виду изумрудном колье) Фрэнка просто добило. Под фотографией имелась подпись: «Она – СЕКСация!» (She's sexsational!).

– Подбери слюни, Фрэнки, – посоветовал один из приятелей Синатры. – А то обезвоживание организма заработаешь.

– Не твоя печаль, – парировал Фрэнк. – И знаешь что, приятель? Я женюсь на этой куколке.

В начале сорок восьмого года Фрэнк «столкнулся» с Авой в холле отеля «Сансет Тауэр» и сразу пригласил ее на ужин. Зная, что Синатра женат, Ава тем не менее согласилась. Как она объяснила своей горничной, по очень простой причине.

– Синатра был такой симпатяга – по-мальчишески худощавый, голубоглазый. Да еще эта неотразимая улыбка. В общем, он мне понравился, и всё тут.

К слову, афроамериканка Мирин Джордан, которой сейчас под девяносто, служила у Авы целых сорок четыре года – и была в известном смысле наперсницей звезды. Ава и все в ее окружении называли Мирин сокращенно – Рина.

На первом свидании Фрэнк с Авой изрядно подпили и

принялись жаловаться друг другу на нелегкую актерскую судьбу. Мол, сколько пришлось пахать, чтобы добраться до вершины. Оба жить не могли без шоу-бизнеса, однако порой и ненавидели его, главным образом из-за проныр-репортеров, что всюду суют свои носы. Вдобавок выяснилось, что и Фрэнк, и Ава методично обижают самых дорогих людей – и не способны исправиться! Казалось, в ходе этой беседы они заложили фундамент серьезных отношений, лишенных флирта. Потом они направились в тир, где развлекались стрельбой по звериным чучелам. Под занавес Синатра повез Аву в некую квартиру – а не в «Сансет Тауэр». Следовательно, у него имелось и еще одно тайное любовное гнездышко. Там, в квартире, они сбросили одежду, но до дела не дошло. Ава ни с того ни с сего отказалась от секса, поспешно оделась и уехала домой. Позднее она так объяснила свой поступок:

– Не хотелось показаться слишком доступной. Всё-таки это было первое свидание. Секс со мной нужно выстрадать.

В тот вечер Ава хоть и открылась перед Фрэнком, почти не говорила о своем детстве. Она сообщила лишь, что родилась в маленьком городке в Северной Каролине, что отец умер, когда ей было пятнадцать. Всего в семье было семеро детей, Ава – самая младшая.

– Приходилось отвоевывать себе место под солнцем. – Вот и всё, что сказала Ава Фрэнку на первом свидании. – Ну и чертенком же я была, ты не представляешь!

Дальше распространяться на эту тему Ава не желала. «Какая разница?» – отвечала она на все расспросы Фрэнка. А Фрэнк уже подпал под власть ее чар. Как позднее он говорил своим приятелям:

– Крышу снесло, будто Ава чего-то мне в бокал подсыпала.

Ей же он задал прямой вопрос:

– Что нужно сделать, чтобы уложить тебя в постель?

Ава улыбнулась и облизнула губы.

– Совсем немного, Фрэнсис. Чуть больше, чем ты обычно делаешь в таких случаях. Но в целом – немного.

1948–1949

В профессиональном плане эти годы нельзя назвать успешными для Фрэнка Синатры.

В марте сорок восьмого он записал «Так бывает, лишь когда я танцую с тобой» (It Only Happens When I Dance with You) и «Парень под зонтиком» (A Fella with an Umbrella). До конца сорок восьмого появится еще только восемь композиций. В марте киностудия «РКО» выпустила фильм «Чудеса колокольного звона» (The Miracle of the Bells), в котором Фрэнк впервые засветился как драматический актер, а не как певец. Интересно, что его вечный соперник Бинг Кросби получил «Оскар» за роль священника в фильме 1944 года «Идти своим путем» (Going My Way). Фрэнк, помня об этом, рассчитывал на собственный успех в роли пастора Пола. И действительно – он отлично справился, ничуть не потерявшись на фоне знаменитых Фреда Макмюррея и Ли Дж. Кобба; раскрыл образ чуткого священника и вдобавок исполнил а капелла песню «Домой, домой» (Ever Homeward). К сожалению, фильм заслужил по большей части негативные отклики.

Отчаяние обуяло Синатру. Единственным счастливым событием стало рождение третьего ребенка – дочери Кристины. Девочка, которую сокращенно называли Тиной, появилась на свет в больнице «Ливанские кедры» двадцатого июня 1948 года, аккурат в День отца. Кстати, лишь в случае с Кристиной Фрэнк не оказался в отъезде. Поздно ночью он сам отвез Нэнси в больницу.

– Схватки начались, когда мама и папа играли с друзьями в шарады, – рассказывает Тина Синатра. – Вернувшись из больницы уже на рассвете, папа разыграл перед компанией целую пантомиму. Изобразил, как я появлялась на свет. Друзья были потрясены. Получается, что мне сама Судьба предназначила заниматься шоу-бизнесом.

Фрэнк ликовал; впрочем, натура и здесь взяла свое, и эйфория по случаю рождения третьего ребенка долго не продлилась. Кажется, счастьем отцовства был отмечен только собственно день рождения Кристины; уже назавтра Фрэнка закрутили дела.

– Папа всю жизнь искал где-то вдали то, что находилось у него под самым носом, – так характеризует Синатру младшая дочь.

С восемнадцатого июля по двадцать четвертое октября Фрэнк был занят на съемках очередного мюзикла киностудии «Эм-джи-эм», «Возьми меня на бейсбол» (Take Me Out to the Ball Game). Партнером по съемочной площадке был Джин Келли. Роли обоих

предполагали пение и танцы, а также игру в бейсбол. Картина вышла в прокат в марте сорок девятого и стала гораздо успешнее, чем предыдущий фильм «Целующийся бандит» (The Kissing Bandit). Впрочем, до полноценного хита и этот фильм не дотягивал.

Несмотря на относительный успех картины «Возьми меня на бейсбол», к концу сорок девятого года Фрэнк признавался друзьям, что совершенно опустошен. Пластинки не продаются, фильмы едва окупаются, на концерты публика не ломится. Отчасти виною было скандальное поведение самого Фрэнка, в некий момент начавшее интересовать публику больше, чем его актерский талант или голос. Сэмми Дэвис-младший так рассказывает о встрече с тридцатидвухлетним Фрэнком Синатрой:

– Нью-Йорк, сорок восьмой год на исходе. Фрэнк бредет по Бродвею без шляпы, с поднятым воротником, и ни единой живой душе нет до него дела. А ведь всего несколько лет назад из-за этого человека случилась ужасная давка на Таймс-сквер. Нет, теперь по улице идет некто другой – никого не интересующий и не волнующий.

Спад в карьере продолжался до конца сорок девятого года. А потом Фрэнк узнал, что, по версии журнала «Даунбит», он занимает пятое место среди исполнителей-мужчин. Это его потрясло. Впервые с конца тридцатых имя «Синатра» не фигурировало в одной из трех первых строчек! Песни, записанные Фрэнком в сорок девятом, например «В один волшебный вечер» и «Остров Бали Хай» (Some Enchanted Evening и Bali Ha'i), были встречены крайне кисло как публикой, так и критиками.

И всё же Фрэнк умудрялся вести шикарную жизнь. В частности, летом сорок девятого приобрел неподалеку от Лос-Анджелеса, в пригороде Холмби-Хиллз, по адресу шоссе Кэролвуд, 320, поместье с тремя акрами земли за двести пятьдесят тысяч долларов. В поместье имелись бассейн, корт для игры в бадминтон и сад с цитрусовыми деревьями. Фрэнк Синатра-младший рассказывает:

– Лучше нашего дома было просто не сыскать. Мы с Нэнси тогда только в школу пошли. До сих пор помню, как улыбались родители, когда мы вбегали к ним в спальню – обычно на рассвете – и будили их, запрыгивая на кровать.

По-хорошему, такое приобретение, как новая усадьба, Синатра не мог себе позволить. Поэтому проблем в его жизни только прибавилось.

Год закончился на жизнеутверждающей ноте – забавный мюзикл «Увольнение в город», где партнером Синатры снова –

уже в третий раз – был Джин Келли, получил «Оскара» за лучшую музыку и за лучшее озвучивание. Впрочем, Фрэнк понемногу становился реалистом. Один удачный фильм – еще не возвращение в любимцы публики; особенно если «Эм-дж-эм» приняла решение сделать ведущим исполнителем не его, Синатру, а Джина Келли (режиссировавшего мюзикл вместе со Стэнли Доненом). А ведь в сорок пятом, на съемках «Поднять якоря!», ведущим исполнителем был Синатра. И в фильме «Возьми меня на бейсбол» – тоже!

К зиме сорок девятого года Фрэнк затосковал. Другой на его месте попытался бы навести порядок в семейной жизни – стал бы, например, больше интересоваться своей супругой, поискал бы пути укрепления отношений – хотя бы ради детей. Другой – но только не Фрэнк. Ему по-прежнему надо было щекотать собственные нервы – тем более что карьера не предоставляла для этого поводов. Короче, Фрэнк замыслил новую интрижку. На сей раз – с Авой Гарднер.

Начало романа

В конце сорок девятого года на вечеринке в Палм-Спрингз Фрэнк вновь столкнулся с Авой. Между ними заискрило, как и в первый раз.

– Наверное, тогда мы слишком торопили события, – с улыбкой сказал Фрэнк.

– Не мы, а ты, – поправила Ава.

– Ну так начнем сначала, – с энтузиазмом предложил Фрэнк. – Согласна?

Позднее Ава вспоминала:

– В тот вечер мы много пили, много смеялись и много разговаривали. Короче, к нам пришла любовь.

Теперь Аве хотелось больше знать об истинном положении дел в семье Фрэнка. Он сказал, что отношения с женой практически прекратились, однако нужно заботиться о детях. Ава же услышала только два слова – «отношения прекратились». Ей этого было достаточно. Та ночь продолжилась в постели, что, по воспоминаниям Авы, было восхитительно.

– Мы стали любовниками – навечно, – признавалась она.

Ава Лавиния Гарднер родилась в Сочельник 1922 года на ферме в Грэбтауне, что в штате Северная Каролина. До Смитфилда, главного города графства Джонстон, оттуда около восьми миль. Пожалуй, трудно представить место, менее подходящее для кинодивы, чем Грэбтаун – населенный пункт без электричества и тротуаров, где люди влачили жалкое существование. И однако именно в Богом забытом Грэбтауне прошло детство будущей голливудской звезды.

Аву крестили в честь родной тетки, сестры отца. В семье издольщика Йонаса Бейли Гарднера, который специализировался на табаке, и его жены, Мэри Элизабет (Молли), Ава была седьмым – и последним – ребенком. Друг детства Авы, Уильям Годфри, вспоминал:

– Ава помогала отцу в поле, но мечтала о другой карьере. Поначалу дело у нее не очень ладилось. После школы Ава поступила в экономический колледж. Впрочем, Ава была уверена – так или иначе, а она прославится.

В восемнадцать лет Ава отправилась в Нью-Йорк к своей сестре Беатрисе (по-домашнему Бэппи), которая вышла замуж за фотографа Ларри Тарра (тот был занят в семейном бизнесе под названием «Фотографическая студия Тарров»). Ларри сфотографировал юную свояченицу и шутки ради поместил фото в витрине своей мастерской. Вскоре фото увидел посыльный из

юридического отдела компании «Лоус инкорпорейтед». Молодой человек задался целью добыть телефон Авы, чтобы назначить ей свидание. Используя связи с «Эм-джи-эм» («Лоус инкорпорейтед» была дочерней компанией знаменитой киностудии), посыльный попытался «расколоть» Ларри Тарра. По его уверениям, «Эм-джи-эм» непременно заинтересуется Авой. Ларри телефон не дал, зато сделал еще несколько фотографий свояченицы – специально для «Эм-джи-эм». Сотрудников «Эм-джи-эм», занятых поиском талантов, настолько потрясла внешность Авы, что ей предложили пройти кинопробы. Которые глянулись Луису Б. Майеру. Аве всё происходящее казалось чудом – еще бы, ведь так сразу, без битья лбом в стену, без усилий, она встала на путь к большой карьере. Уже в девятнадцать лет Ава переехала в Голливуд.

– Я тогда ничего не смыслила и ничего не умела, – вспоминала она. – Впрочем, в глубине души я верила, что стану королевой экрана.

Семилетний контракт с Майером был подписан, даже несмотря на чудовищный южный говор Авы (к слову, изрядно затруднявший зрителям понимание ее реплик). Майер же нанял для Авы преподавательницу Лиллиан Бернс. Целых четыре года Ава играла крошечные роли (вот они, усилия!), прежде чем «Эм-джи-эм» взялась делать из нее звезду, а именно: давать уроки этикета, постоянно менять прически и макияж в поисках единственно правильного образа и попутно учить красавицу всяким полезным вещам. Например, актерскому мастерству.

Все источники свидетельствуют: даже будучи кинозвездой, Ава продолжала сомневаться в своих актерских способностях. Сама она нередко признавалась: главным ее кошмаром было «неминуемое разоблачение».

– Я – самая настоящая мошенница, – говаривала Ава в узком кругу, – я живу в постоянном страхе, что меня раскусят.

Однако в период с 1941 (года приезда Авы в Голливуд) и по 1946-й она снялась в семнадцати фильмах (многие из них были сделаны студиями «РКО» и «Юниверсал» на деньги, позаимствованные у «Эм-джи-эм» и возвращенные с большими процентами).

К началу романа с Синатрой Ава успела дважды побывать замужем. Первый брак был заключен в 1942 году с Микки Руни – безусловно, крупнейшей звездой своего времени – и продлился всего четырнадцать месяцев. Второй брак, с Арти Шоу, заключенный в 1945 году, продержался чуть дольше – два года. Сама скоропостижность разводов указывает, что оба эти союза были неудачными. Кроме того, Ава имела бурные отношения с магнатом, режиссером и продюсером Говардом Хьюзом, про

которого говорила так:

– Холодный и жестокий, со мной он становился нежным и внимательным.

Почти все друзья Авы сходятся на том, что Арти Шоу дурно с ней обращался, однако именно его – а не Синатру – считают истинной любовью прекрасной кинодивы. (Аргумент? Пожалуйста: Ава хотела ребенка от Арти Шоу и не хотела от Фрэнка Синатры.) После второго развода жизнь, конечно, продолжалась – но Ава, по свидетельствам близких, так и не смогла оправиться от обид, нанесенных Арти, который оскорблял ее на словах, постоянно критиковал, называя никчемной и бездарной – то есть культивировал самые тяжелые фобии.

Восьмого декабря 1949 года Ава и Фрэнк столкнулись в вестибюле нью-йоркского театра «Зигфелд». Оба, оказывается, пришли на премьеру мюзикла «Джентльмены предпочитают блондинок». По версии Синатры, именно при этой «случайной» встрече они с Авой и почувствовали первые признаки влюбленности. Или, как выразилась подруга Авы, Руфь Розенталь-Шехтер, «всепоглощающая страсть стала очевидной для всех». На следующий день их встречу обсуждал весь Нью-Йорк.

Вообще-то Фрэнк и Ава пришли на мюзикл в компании еще одной влюбленной пары, служившей прикрытием. Но не только в театре они были вместе! Мэни Сакс предоставил им свою квартиру в Хэмпшир-Хаус. Словом, к концу сорок девятого роман Синатры и Гарднер цвел пышным цветом.

– Всю жизнь я был одержим стремлением сделать исполнительскую карьеру, – признался Фрэнк Аве. – А сейчас… сейчас я одержим только тобой.

Нечто в этих словах напрягло Аву. Слишком уж напыщенно прозвучало – даже для нее, известной любительницы драм.

– Зачем тебе такая одержимость? Она вредна и долго не продлится, – сказала тогда Ава.

Фрэнк ждал совсем других слов. Но путь к отступлению он сам себе отрезал. В то время связи на стороне были табуированы, Ава же не видела ничего криминального в романе с женатым мужчиной, тем более что Фрэнк в этом смысле не был первым. Взять хотя бы нашумевший роман Авы с Робертом Тейлором, состоявшим в браке с Барбарой Стэнвик. А сейчас она обратила взор на Фрэнка, абсолютно уверенная, что для любовной интрижки не нужно «ни причин, ни поводов».

С течением времени Ава и Фрэнк убедились, что общего у них очень много. Их связывало не только отвращение к жестким требованиям шоу-бизнеса. Нет, они оба, оказывается, обожали куролесить до рассвета – пить, танцевать, изливаться друг другу

под воздействием алкогольных паров. Оба любили итальянскую кухню и бокс по телевизору.

Очень скоро Фрэнк уже не мыслил жизни без Авы. Чувство нельзя с определенностью назвать взаимным, ведь Ава поисков не прекращала – вдруг подвернется кто-нибудь получше? Впрочем, и Фрэнк вел себя так же.

– Пожалуй, их роман был неизбежен, – рассуждает Тина Синатра, – но «неизбежен» не значит «жизнеспособен». Оба нервные, амбициозные, неугомонные, они отличались поразительной ненасытностью.

«Не дождется!»

Узнав о связи мужа с Авой Гарднер, Нэнси Синатра не устроила скандал, о нет. Она не стала даже обсуждать с Фрэнком его поведение. Супруги Синатра по-прежнему жили на Кэролвуд, хотя давно не разговаривали друг с другом.

Однажды утром в дом на Кэролвуд приехали Джордж Эванс и Тед Хетчмен, чтобы обсудить ситуацию с точки зрения имиджа Фрэнка Синатры. Присутствовала также мама Нэнси – но не сам виновник сбора.

– На Нэнси было жалко смотреть, – вспоминает Джордж Эванс. – Трое детей на руках, включая грудного младенца, тут же няня, тут же целый взвод горничных, экономок и так далее. Сама Нэнси, в платье с цветочным принтом, с прической и при макияже, как будто только что из салона красоты, выглядела прелестно. Я любовался ею и думал: «Чего еще Фрэнку надо? В его жене соединились все мыслимые и немыслимые совершенства».

Совещание шло на кухне. Джордж спросил:

– Нэнси, что конкретно мы должны предпринять по поводу Авы Гарднер? Каково ваше желание?

Нэнси взглянула на мать, та качнула головой – дескать, ни в коем случае. Тогда Нэнси тихо сказала, что делать ничего не нужно. Напомнила Джорджу: с Ланой Тернер не вышло, а Гарднер, насколько ей известно, личность еще более скандальная. Принялись обсуждать, подействует ли на Аву пункт о моральном облике; решили, раз с Ланой не сработало, то и с Авой вряд ли сработает. Мама Нэнси сказала: если Фрэнк хочет развестись, его не удержишь. Сама Нэнси уставилась в одну точку, окаменела. Джордж выдвинул новое предложение – задействовать для вразумления Авы ее подругу Лану Тернер. Впрочем, ему самому это отнюдь не улыбалось – он отлично помнил Ланину отповедь, бывшую ответом на угрозы со стороны Джорджа.

– Даже не пытайтесь, Джордж, – отрезала Нэнси.

Казалось, идеи иссякли. Все были в полной растерянности. Вдруг Нэнси произнесла с нехарактерной для нее жесткостью:

– Как же я устала от всего этого дерьма! Мне уже всё равно. Давите на Гарднер, раз вам так хочется, давите на Фрэнка. На них обоих.

– Понимаете ли вы оба, сколько горя принес нам Фрэнк? – заговорила миссис Барбато. По ее словам, Фрэнк так часто огорчал ее дочь и ее саму, что они потеряли к нему остатки доверия. Повернувшись к Нэнси, миссис Барбато погладила ее по

руке и сказала: – Что это за мир, в котором ты живешь, доченька? Хоть режь, не пойму.

Миссис Барбато отлично знала, что ее собственный муж регулярно ей изменял – и ничегошеньки не могла с этим поделать. Нэнси жалела мать и нередко в юности говаривала: дескать, от своего мужа измен не потерплю. Однако же терпела!

– Следует ли так вас понимать, Нэнси, что вы готовы развестись с Фрэнком по его требованию? – уточнил Джордж.

– Ни в коем случае! – не раздумывая, выпалила Нэнси. – Я ему легкую жизнь устраивать не собираюсь. Не дождется! – Затем она хлопнула ладонями по столу, резко поднялась, повторила: «Не дождется!» – и стремительно вышла.

Джордж, Тед и миссис Барбато несколько минут сидели, глядя друг на друга в неловком молчании.

– Что ж, джентльмены, – сказала наконец миссис Барбато, поднимаясь из-за стола, – полагаю, моя дочь дала вам исчерпывающий ответ.

Чересчур предусмотрительная женщина

К пятидесятому году опасности подверглась не только дальнейшая карьера Фрэнка Синатры, но и его знаменитый голос. Вспоминает один из сотрудников студии звукозаписи «Коламбия»:

– Песни – да, были. А голоса не было. Фрэнк терял голос, но у него имелись и другие причины для огорчений.

В январе Фрэнк дал первый за два года концерт – в Хартфорде, штат Коннектикут. Несмотря на низкие объемы продаж пластинок и на проблемы с голосовыми связками, публика сохраняла интерес к персоне Фрэнка Синатры – билеты на концерт почти распродали в отличие от нескольких предыдущих выступлений. Именно шоу в Хартфорде сделало Фрэнку самые большие сборы – восемнадцать тысяч двести шестьдесят семь долларов за два дня.

В этот же период Синатра и Джордж Эванс (их совместная деятельность насчитывала без малого девять лет) попытались разрешить целый ряд конфликтов. Эванс, как всегда, наставлял Фрэнка на путь истинный, пугал крахом карьеры из-за романа с Авой, о котором трубили все газеты.

– Крах, говоришь? – парировал Фрэнк. – Я и так раздавлен, куда уж больше?

Ранним январским утром пятидесятого года Джордж Эванс в очередной раз урезонивал Фрэнка в холле нью-йоркского клуба «Копакабана». Годы спустя Эванс признался, что подговорил свою клиентку Лину Хорн «случайно очутиться в этом клубе и поприсутствовать при душеспасительной беседе». Итак, Хорн уселась на барный табурет между Фрэнком и Джорджем, все трое заказали по чашке кофе и начали озвучивать свои проблемы.

Лина пыталась убедить Фрэнка всё в том же: связи на стороне гробят имидж. По иронии судьбы сама Лина тесно общалась с Авой, обе женщины имели контракты с «Эм-джи-эм» и регулярно служили друг дружке «жилетками». Связь Фрэнка и Авы казалась Лине Хорн разрушительной для обоих любовников; Лина призывала Синатру одуматься. Как вообще знаменитый артист может быть столь легкомысленным, недоумевала Хорн. Он же оскорбляет чувства своих поклонниц!

Фрэнк не был настроен выслушивать советы от постороннего лица, даром что ценил и уважал Лину Хорн как артистку. По воспоминаниям Джорджа Эванса Фрэнк велел ей заткнуться. Хлопнул денежную купюру на барную стойку, чокнулся кофейной чашкой с Джорджем и ушел, бубня себе под нос. Лина обратилась

к Джорджу:

– И что только Ава находит в этом типе? Ой, не трудитесь объяснять, это выше моего понимания.

Сам Джордж так и не обсудил с Авой напрямую ее связь с Фрэнком, и вот почему: пару месяцев назад, при личной встрече, Ава обдала его леденящим холодом, чем пресекла все дальнейшие попытки читать ей мораль. Ава знала, что Джордж категорически против ее отношений с Фрэнком, и ей совсем не улыбалось чье бы то ни было влияние на любовника.

Понимая, насколько Фрэнк раним и непостоянен в чувствах, Ава боялась, что, наслушавшись о ней дурного (особенно от своих доверенных лиц), Синатра, пожалуй, примет советы к сведению. По собственному признанию, Ава решила тогда выработать некую стратегию отлучения Фрэнка от Нэнси.

Дик Моран, с сорок восьмого по сорок девятый год работавший с Джорджем Эвансом и Тедом Хетчменом, вспоминает:

– Ава всячески настраивала Фрэнка против Эванса, требовала, чтобы Фрэнк его уволил. Я сам слышал одно такое внушение.

По словам Морана, изрядно ослепленного звездным блеском, Ава в одной руке держала коктейль (водка с тоником), в другой – сигарету. Она очень прямо сидела на барном табурете, скрестив ноги и чуть откинув голову, выглядела донельзя гламурной и допытывалась у Синатры:

– Как это дрянной пиарщик, которому ты платишь зарплату, смеет тебе мораль читать?

Просила извинить ее за дерзость – она, мол, никогда раньше подобных отношений нанимателя и работника не видела. Синатра немало удивился. Он не привык, чтобы женщины с ним в таком тоне разговаривали. Ава вдобавок имела скверную привычку – при разговоре продолжать курить, выпуская колечки дыма. Фрэнк еще больше рассердился.

– Хочешь дымить – валяй. Только дыми по-нормальному, хоть из этого шоу не устраивай, – раздраженно сказал он.

– Прояви характер, Фрэнк, – не смутилась Ава. – Вели своему Эвансу убираться.

Она-де знает целую кучу пиарщиков куда более профессиональных и талантливых, чем Эванс. Пусть, мол, Фрэнк только слово скажет – и Ава мигом ему подгонит подходящего парня, который будет заниматься только раскруткой, и ничем больше. Фрэнк приблизился к Аве, взял ее сигарету, глубоко затянулся. Из уголка рта выпустил облачко густого дыма.

– Я с этим сам разберусь, детка, – сказал он в гангстерской манере.

Ава, вероятно, чувствуя, что на сей раз проиграла, поднялась с табурета, выпустила очередное кольцо дыма и направилась к выходу. По пути она едва не толкнула Дика Морана, который за дверью дожидался, «пока у них уляжется». Дик вспоминает, что от Авы пахло «розовыми лепестками, упавшими в пепельницу». Ава тем временем надумала что-то новое. Она повернулась к Морану и заговорила:

– А скажите-ка, юноша, с вами Эванс считается?

– Вообще-то нет, – признался Моран. – Он ведь мой босс.

– А вот интересно, – продолжала Ава, – можете вы мне встречу с ним организовать?

– Вам, наверное, лучше попросить мистера Синатру, – сказал Моран.

– Мистеру Синатре об этом знать необязательно, – произнесла Ава, коснувшись руки Морана. – Ну что? Организуете? Я вас очень прошу.

– Да, мисс Гарднер, – пообещал ошалевший от такого счастья Моран.

– Для вас, лапочка, я – просто Ава, – улыбнулась звезда, подмигнула заговорщицки и ушла.

– Ей до всего было дело, – годы спустя вспоминал Моран. – Я нутром почувствовал: эта женщина умеет получить любого, кто ей приглянется, и способов в ее арсенале предостаточно. И всё же я организовал ей встречу с Эвансом. О чем они говорили, я не знаю, только после Джордж мне сказал: «Всё, умываю руки. Пусть Фрэнк что хочет делает – мне плевать. Потому что по сравнению с этой стервозиной Авой наша прежняя головная боль Лана Тернер – просто святая». Также Эванс сказал, что разрывает контракт с Фрэнком. Грозился: я, мол, устрою ему концерт по заявкам. Но вышло несколько иначе. На следующий день Фрэнк сам перечеркнул многолетнее сотрудничество с Джорджем.

– С меня хватит, – объявил Фрэнк. – Ходят слухи, будто ты говорил обо мне с Авой. Этого я не потерплю.

– Да погоди ты! Она сама потребовала разговора со мной! – оправдывался Джордж.

– У меня другие сведения, – возразил Фрэнк. – Ты, значит, и Аве пытался угрожать этим своим пунктом о моральном облике, будь он неладен?

– Ничего подобного, – принялся отрицать Джордж. – Чтобы я этакой женщине о морали толковал? Не вижу смысла!

По воспоминаниям Джорджа Фрэнк схватил его за грудки.

– Ах ты, хорек вонючий! Сам не можешь девчонку закадрить, так решил влезть между мной и моей Авой? Жалко мне тебя, Джордж, – заключил Фрэнк, несколько поостыв, и отпустил

Эванса. – Всё, уходи. Ты у меня больше не работаешь.

Тем дело и кончилось. Целых девять лет Джордж Эванс пекся не только о карьере Фрэнка, но и о его семейной жизни – а повторил судьбу многих друзей Синатры, вот так же им отвергнутых.

Прибежище

В начале пятьдесят первого года Фрэнк Синатра забронировал номер в хьюстонском отеле «Шэмрок», открытие которого было назначено на двадцать восьмое января. Фрэнк намеревался «оторваться» со своим другом Джимми Ван Хэйсеном. Но, делая пересадку в Эль-Пасо, приятели узнали о смерти Джорджа Эванса. Он скончался от сердечного приступа в возрасте сорока восьми лет.

Вспоминает Дик Моран.

– Мое личное мнение – Джорджа добил разрыв с Фрэнком. Даже не сам разрыв, а тот факт, что его спровоцировала взбалмошная, капризная женщина. Джордж ужасно переживал. Всё говорил: «В голове не укладывается, что Фрэнк мог так со мной поступить. Мне удавалось избавляться от всех его любовниц, а эта Гарднер избавилась от меня!» В ночь кончины Джордж меня позвал и сообщил, что пытался дозвониться Фрэнку, но не сумел. «Плевать, что я больше у него не работаю. Я просто хотел глаза ему раскрыть», – так сказал Джордж. Это были его последние слова.

Узнав о смерти Эванса, Фрэнк вскочил в самолет, чтобы поспеть на похороны в Нью-Йорк. Прощание с Джорджем Эвансом состоялось в похоронном бюро «Парк-Вест». Всю оставшуюся жизнь Синатра не позволял себе мыслей об Эвансе. Если при нем с чьих-нибудь уст срывалось имя «Джордж Эванс», Синатра тотчас переводил разговор на другое.

– Испытывал ли он угрызения совести? – задается вопросом Тед Хечтмен. – Не знаю. Этот человек всегда был для меня тайной за семью печатями. Была ли вообще у него совесть? Или нравственные принципы? Одно время я полагал, что об этом известно людям, более, чем я, близким к Синатре. Но потом я подумал: боже, ведь его собственная жена не видела от Фрэнка раскаяния, не слышала извинений по крайней мере искренних. Куда уж мне судить?

К моменту смерти своего бывшего пиарщика Фрэнк успел вляпаться в очередной скандал. Он позволил себе комментарий относительно Джинни Симмс, певицы и актрисы, с которой у Луиса Б. Майера (главы киностудии «Эм-джи-эм») был роман. Майер как раз отлеживался после падения с лошади, а Фрэнк вздумал сострить: дескать, вовсе не с лошади свалился Майер, а с Джинни Симмс. Эту шутку Синатра без устали повторял на коктейлях и, наконец, выдал ее Джину Келли, который отнюдь не пришел в восторг.

– Ну ты и болван, Фрэнк, – заметил Келли (по словам Нэнси Синатры). – Вульгарный, хамоватый даго. Когда только ты научишься следить за словами? Майер, знаешь, какой обидчивый? Он тебе этого не спустит.

– Ты прав, – согласился Фрэнк. – Я сглупил. С кем не бывает?

– Ты не понимаешь, – принялся объяснять Келли. – Во-первых, Джинни Симмс замужем. А во-вторых, ее муж – владелец сети отелей «Хаятт».

– Серьезно? – переспросил Фрэнк. – Надо же, а я не знал. Но это ведь была просто шутка.

– Не просто шутка, а плохая шутка, – продолжал Келли. – Ты, Фрэнк, с огнем играешь.

Тут он не ошибался и не преувеличивал. Ссориться с главой киностудии «Эм-джи-эм» Фрэнку было ну совсем не с руки. Позднее он говорил:

– Таких зануд, как Майер, еще поискать. Ни намека на чувство юмора! Прошло дня три, как я впервые пошутил насчет Джинни Симмс, и вот Майер меня вызывает. А я не знаю, доложили ему добрые люди или нет. Сидим мы, разговариваем, и Майер чуть ли не со слезами выдает: я, мол, тебя как родного сына люблю. Как сына, которого у меня никогда не было. Ну, думаю, сейчас он на меня всю студию перепишет!.. А Майер продолжает: «Я слыхал, ты про меня и Джинни остришь». Тут я всё понял. Понял, что мои дни на студии сочтены.

– Убирайся немедленно, – сказал Майер. – Слышать больше о тебе не желаю.

Так был расторгнут (на год раньше истечения срока) контракт Синатры с киностудией Луиса Майера. Фрэнку выплатили восемьдесят пять тысяч неустойки, но это его не утешило. Он хотел продолжать работать в «Эм-джи-эм».

Жизнь Синатре изрядно осложнил и уход его друга, Мэни Сакса, из «Коламбия Рекордз». Место Мэни занял Митч Миллер, приоритетом которого вовсе не являлся поиск материала для Фрэнка. Едва ли не всё записанное в тот период под началом Миллера встретило весьма прохладный прием как у поклонников Синатры, так и у музыкальных критиков. Миллер добился больших успехов с такими исполнителями, как Тони Беннетт и Розмари Клуни. А с Фрэнком он просто не знал, что делать.

Итак, карьера Синатры трещала по швам, и некому было ее спасать, ведь Джордж Эванс умер. Фрэнка всё больше тянуло к Аве. Она стала казаться ему единственным прибежищем от всех невзгод. Он стремительно терял связи в мире шоу-бизнеса – но по крайней мере у него была Ава. Примчавшись в Нью-Йорк на похороны Эванса, Фрэнк проводил с ней почти всё время. И

причина такой привязанности крылась не только в великолепном сексе, о нет. При Аве Фрэнк полностью отрешался ото всего. Неудачи последних лет представали далекими и малозначительными. Фрэнк забывал даже о Нэнси – впрочем, продолжая чувствовать вину перед детьми.

– Их мордашки так и стоят передо мной. Просто сердце мне вынимают.

И всё же Ава помогала Фрэнку отвлечься, когда он более всего в этом нуждался. Он не только желал Аву – он уже без нее не мог. Намерения же самой Авы оставались неясными.

Ава: «Когда-нибудь Нэнси скажет мне спасибо»

Из-за похорон Джорджа Эванса Фрэнку пришлось снять бронь в «Шэмлоке» на первые два дня. Однако, когда он наконец прибыл в Хьюстон, оказалось, что в отеле его ждут. Ждала, конечно, Ава.

До сих пор Синатре удавалось скрывать от прессы роман с Авой. Влюбленные старались не засвечиваться вместе, а если и засвечивались, то ненадолго, так что журналисты не могли скомпоновать полноценный скандал. Теперь Фрэнк понял: Ава неспроста появилась в Хьюстоне, она просто нарывается на неприятности. Уж конечно, прессе известно про ее приезд, и теперь им проходу не дадут.

Фрэнк не ошибся. Ава, направляясь в Хьюстон, преследовала именно эту цель. Вместе с Риной, своей горничной, она заранее взвесила все «за» и «против» и сделала то, что удавалось ей лучше всего, – дала себе волю. Пора, решила Ава, их с Фрэнком отношениям перейти на новый этап. Действительно, сколько можно прикидываться, что между ними ничего нет? Да и Нэнси не мешает уже очнуться от сна. Если она наивно полагает, будто Фрэнк принадлежит ей, и только ей, настало время пролить свет на истинное положение дел. Так считала Ава.

Проблемы начались в итальянском ресторане на званом ужине, устроенном мэром Хьюстона. Заметив Фрэнка с Авой, фотограф Эд Шиссер из «Хьюстон пост» попросил разрешения их сфотографировать. Позднее Ава вспоминала: при виде репортера Фрэнк остолбенел, «будто обнаружил у себя в салате живую кобру». Затем он предложил Шиссеру отправиться куда подальше, на что Шиссер ответил мрачным взглядом. Этого оказалось достаточно. Фрэнк разъярился, подскочил к незадачливому фотографу и отправил его в нокаут. На следующий день весть о рукоприкладстве, а заодно и о романе с Авой разлетелась по всей стране.

Нэнси Синатра, даже прочтя поутру газету, не могла решить, что предпринять относительно интрижки мужа. До сих пор Фрэнк всегда к ней возвращался – то раньше, то позже. Пусть эти возвращения носили временный характер, но они были! Нэнси позвонила мужу в Хьюстон и услышала категорический ответ: он хочет развестись. А детали они с Нэнси обсудят, когда он вернется в Лос-Анджелес.

В 1950 году, в День святого Валентина (не лучшее время для подобных объяснений) Фрэнк сказал Нэнси, что с Авой у него всё

серьезно. Не хочется причинять боль Нэнси, но факт остается фактом: он, Фрэнк, любит другую женщину. И нет в его жизни ничего и никого важнее Авы.

Сколько раз Нэнси Синатре доводилось выслушивать нечто подобное? Она и со счету сбилась.

– Ой, Фрэнк, вот только не надо. Ты как подцепишь очередную цыпу, так она для тебя и самая важная, и любовь до гроба, и всё такое, – сказала Нэнси. – А через месяц она тебе надоедает, или на горизонте другая цыпа появляется… Меня от твоих измен тошнит!

Нэнси сердилась. Она даже отвесила Фрэнку пощечину, выставила его из дому и поменяла замки. «Вот пусть теперь подумает над своим поведением. Глядишь, и возьмется за ум, когда я ему раздельное проживание обеспечу», – решила Нэнси. Согласия на развод Фрэнк не получит.

Годы жизни с Фрэнком ничуть не поколебали основных принципов, в которых Нэнси воспитывалась. Набожная католичка, она просто не могла допустить развода, ведь Церковь запрещает это деяние. Вдобавок надо сохранять семью ради детей. Да и можно ли предоставить легкомысленного, увлекающегося Фрэнка себе самому? Ведь у него что ни потаскушка – то вечная любовь. Не разбивать же семью из-за очередной измены!

Примерно в это время Нэнси в своей борьбе за сохранность брака лишилась поддержки свекрови. По воспоминаниям Тины Синатры Долли всё чаще твердила невестке:

– Дай Фрэнку развод. Отпусти его. Так будет лучше и тебе, и детям.

Такого Нэнси от своей свекрови не ожидала. Чтобы Долли – и не приняла ее сторону?

– Как у вас, мама, только язык поворачивается! – возмутилась Нэнси. – Я ведь именно ради детей стараюсь сохранить семью! Вы же сами меня просили потерпеть – или не помните?

– Просила, но это было давно, – не смутилась Долли. – А теперь я вижу: нельзя удержать мужчину, если он решил уйти.

Бедняжка Нэнси! Она еще не знала главного – оказывается, ее свекровь очень прониклась к Аве! Впрочем, скоро этот факт перестал быть для Нэнси тайной. Но в чем причины привязанности Долли к любовнице Фрэнка? Да вот они: во-первых, Долли обожала Аву как актрису; во-вторых, видела некий сакральный смысл в почти полном совпадении их дат рождения. Ава родилась, как читатель помнит, в Сочельник, то есть 24 декабря, а Долли – 25 декабря. О «мистической связи» между собой и прекрасной Авой Долли рассказывала всем встречным и поперечным, добавляя:

– В этом что-то есть, вы не находите?

Узнав же Аву поближе, Долли весьма впечатлилась силой ее характера. Увидела в ней, можно сказать, родственную душу. Ава, со своей стороны, умела угодить Долли. Стоило той заикнуться о своем желании познакомить Аву с хобокенскими друзьями, как Ава с энтузиазмом согласилась и в назначенный день вместе с Долли ходила от одной хобокенской семьи к другой и выслушивала рефрен:

– А это блистательная Ава Гарднер, невеста моего Фрэнки.

Как и Фрэнк, Нэнси отличалась памятливостью на обиды. Она не простила свекрови предательства, соучастия в развале их с Фрэнком многострадального брака, поддержки бессовестной Авы. Отношения Нэнси и Долли с тех пор были, мягко говоря, натянутыми.

Пятнадцатого февраля журналистка Хедда Хоппер в своей колонке светских сплетен написала, что супруги Синатра расстались. Нэнси сама сообщила Хедде, что жизнь с Фрэнком теперь невыносима и ужасна.

– Поэтому мы больше не будем жить вместе. Я уже обратилась к адвокату насчет раздела имущества, однако о разводе речь не идет. По крайней мере в обозримом будущем.

Нэнси признала, что это уже третье по счету расставание. На что Ава, прочтя колонку, отреагировала так:

– Неужели? А этот сукин сын мне ничего не говорил.

– Фрэнк и раньше мне изменял, и в дальнейшем, конечно, не уймется, – комментировала Нэнси поведение мужа, добавляя, что разъезд с ним – ее инициатива.

И пресса, и общественность дружно приняли сторону обманутой жены. На любовников посыпались обвинения. Фрэнка называли изменщиком, Аву – разлучницей, разбивающей семью. Киножурналы (тогдашняя версия таблоидов, что сегодня продаются в супермаркетах) обсасывали каждую подробность адюльтера и страданий Нэнси.

– То-то шум поднялся, – годы спустя вспоминала Ава Гарднер. – Добрых два месяца я пачками получала письма, в которых меня обзывали блудницей, да и кое-кем похуже. Легион приличия[6] грозился запретить фильмы с моим участием. Католические священники находили время, чтобы сочинять мне обвинительные послания. Я даже узнала, что представительницы католической организации «Дочери Марии и Иосифа» просят учеников приходской школы Святого Павла молиться за Нэнси Синатру. Я тогда не понимала и до сих пор не понимаю, почему такое естественное явление, как секс между мужчиной и женщиной, вызвало столь мощную общественную истерию.

Босс Авы, Луис Б. Майер, также присоединился к движению против ее связи с Синатрой. Он прибег к способу, отвергнутому в свое время Джорджем Эвансом, – напомнил Аве о пункте про моральный облик и пригрозил судом. И правда, как и у всех актрис, в контракте Авы было черным по белому написано: «Обязуюсь действовать так, чтобы не оскорблять общественной морали и ни актерской игрой, ни поступками не ронять своей чести, не становиться предметом ненависти, презрения, неуважения, насмешек общества, не совершать ничего шокирующего или оскорбительного для общества в целом». С Фрэнком Майер уже развязался, а Гарднер сказал, что с удовольствием избавится и от нее. Ава парировала:

– Этот ваш пункт о моральном облике – просто анекдот какой-то.

Для Авы слово «мораль» ничего не значило.

Ее отношение к браку Фрэнка оставалось куда как прозрачным.

– Если бы Фрэнк был счастлив с Нэнси, зачем бы он глядел на сторону? Раз глядит – значит несчастлив. Поэтому он теперь со мной.

Понять Нэнси она не пыталась, сочувствия к ней не имела ни капли. Ава предпочитала думать, будто с ней самой ничего подобного не случится.

– Если мой муж пожелает развестись, – говаривала Ава, – я его отпущу, да еще ручкой сделаю на прощание.

– Зачем этой женщине нужен муж, которому она сама не нужна? – спросила однажды Ава свою подругу Люси Уэллман в ресторане «Поло Лодж».

Уэллман вообще-то была личной ассистенткой Авы, но женщины вскоре обнаружили между собой много общего. Их дружба продолжалась целых тридцать пять лет. Люси Уэллман начала было объяснять, что проблема на самом деле глубокая, что любовь – чувство сложное и многогранное, а тут еще дети, целых трое, так что, может, лучше Аве отступить?..

Ава возмутилась.

– Нэнси – просто тряпка. Мужу она не нужна. Я бы на ее месте сказала: «Скатертью дорожка. Убирайся! ***Я*** тебе не нужна, значит? Дудки! Это ***ты***, милый, мне не нужен».

В ответ на эту тираду Люси задала провокационный вопрос: а готова ли Ава до конца своих дней оставаться с Фрэнком Синатрой? Ведь если их связывает только секс (пусть и великолепный), может, это еще не повод разбивать семью? На что Ава сказала:

– Фрэнсис – большой мальчик.

Мол, она, Ава, его ни к чему не принуждает. Он сам так решил. Что касается жизни с Фрэнком Синатрой до гробовой доски – Люси, наверно, рехнулась.

– Кто так далеко в будущее заглядывает? Только психи, – заявила Ава.

– Ну, тогда, может, и семью не рушить? Подумай о Нэнси и о бедных крошках, – продолжала увещевать Люси.

– Господи! – Ава потеряла терпение. – Тебе-то зачем меня стыдить? Я, пожалуй, услугу этой Нэнси оказываю. Ей нужно что-то делать со своей жизнью – причем уже давно. Нужно двигаться дальше, а она как в болоте завязла. Спорим, когда-нибудь Нэнси скажет мне спасибо? Ну? Спорим?

Фрэнк в клубе «Копакабана»

В марте 1950 года Фрэнк Синатра заключил контракт с нью-йоркским клубом «Копакабана». Ава была с ним на Манхэттене. Они жили в отеле «Хэмпшир-Хаус». Пытаясь по крайней мере не выставлять связь с Синатрой напоказ, Ава поселилась в одном номере со своей сестрой Бэппи, а Фрэнк занял отдельный номер. От интервью у популярного журналиста Эрла Уилсона (уж конечно, его интересовала ситуация с Нэнси) Ава отказалась, сославшись на грипп. Зато распространила заявление:

– Я нахожусь в Нью-Йорке исключительно ради съемок в новом фильме. Фрэнки находится в Нью-Йорке ради выступлений в «Копакабана». Поскольку он теперь официально разъехался с женой, я не вижу криминала в том, чтобы появляться с ним на людях. Но, поскольку брак официально не расторгнут, считаю дурным тоном все спекуляции по поводу нашего совместного будущего. Одно я знаю точно: планы расстаться с Нэнси вошли в жизнь Фрэнка гораздо раньше, чем я.

Фрэнк подтвердил всё сказанное Авой и добавил:

– Наши свидания еще ничего не значат. Мне что, запрещено с женщинами встречаться? Я с женой разъехался и не намерен жить затворником.

На контракт с «Копакабана» Фрэнк возлагал большие надежды, ведь уже добрых пять лет он не давал концертов в ночных клубах такого уровня. Впрочем, более неудачный момент для этого трудно было и представить. Личные потрясения да и образ жизни (бдения до рассвета, алкоголь и табак) пагубно сказались на голосе Фрэнка. Теперь этот знаменитый голос звучал хрипло и грубо, да и диапазон заметно сузился. В клубе «Копакабана» Фрэнк давал по три выступления за вечер, пять раз в неделю выступал на радио, в промежутках умудряясь записывать пластинки. Положение свое он усугубил сам, согласившись на дневные шоу в театре «Кэпитол». Фрэнку нужна была работа, нужны были деньги – он ни от каких предложений не отказывался. Прибавьте к этому страх, что перед требовательной нью-йоркской публикой придется появиться отнюдь не в лучшей форме. Чтобы справляться с нагрузками и страхами, Фрэнк принимал столько седативных препаратов, сколько соглашался выписать врач.

Джимми Сильвани, работавший личным телохранителем Синатры, во время первого его выступления в «Копакабана» находился за кулисами. Сильвани вспоминает:

– Синатру тогда чуть не постиг нервный срыв. Он всё

твердил: «Карьере конец, карьере конец. Я выдохся, а надо идти на сцену, к этим зрителям – которые ни пластинок моих больше не покупают, ни фильмов не смотрят». Синатра тогда таблетки горстями ел – и чтобы утром встать, и чтобы снять напряжение, и чтобы уснуть. По нашим нынешним временам его бы, наверное, в «Бетти Форд»[7] упекли. Вот сколько проблем у Синатры было из-за таблеток! Вечером перед первым выступлением я заглянул в гримерку и вижу: сидит Синатра перед зеркалом и бубнит «Ты справишься, Фрэнк. У тебя получится, дружище. Просто выйди на сцену и пой, как ты умеешь». То есть он настраивал себя! Вот мне его жалко-то стало! Потом явилась Ава – и шасть в гримерку.

Ава, по словам Сильвани, встала позади Фрэнка, одну руку положила ему на плечо, а в другой у нее был бокал с коктейлем. Глядя на их отражение в зеркале, Ава провозгласила:

– Фрэнсис Альберт Синатра, ты – величайший шоумен, когда-либо ступавший по этой многогрешной земле. Я в тебя верю. Я тебя люблю. Ты молодчина. – Она подняла бокал, как бы чокаясь с отражением. – А теперь иди на сцену, Фрэнсис. Докажи, что я права.

Фрэнк воспрянул и говорит:

– Я это сделаю, детка. Я сделаю это для тебя.

Поднялся, повернулся к Аве лицом. Она улыбнулась, прильнула к нему. Фрэнк ее страстно поцеловал.

После его ухода из гримерки Джимми Сильвани заметил на туалетном столике телеграмму. Вот что было в ней написано: «Ни пуха ни пера на первом выступлении. С любовью, Нэнси».

В тот вечер, двадцать восьмого марта, Фрэнк был бледен. Казалось, под угрозой не только его голос, но и здоровье. Он начал вяло, и публика его почти не слушала. Зрители шушукались, не обращая внимания на сцену! Фрэнку даже пришлось обратиться к одной особо увлеченной разговором компании:

– Послушайте, леди, я вам, случайно, болтать не мешаю?

Кое-как исполнив несколько песен и не заслужив толковых аплодисментов, Фрэнк унизился до просьбы:

– Это – мой первый концерт в «Копакабана». Ну поддержите же меня!

– Просто сердце разрывалось на это смотреть, – позднее вспоминала Ава. – Зал не внял, никакой поддержки Фрэнку не досталось. Он из последних сил выбивался. Ньюйоркцы – народ избалованный. Им не угодишь.

Отзывы о первом концерте в «Копакабана» были сплошь нелицеприятные. Например, «Хералд трибьюн» написала: «Не знаем, временное это явление или так теперь и будет, да только

музыка, некогда ввергавшая в транс малолеток (кстати, что-то с ними сталось?), – исчезла. Знаменитое горло отказывается выдавать сладкие звуки. Это уже не тот волшебный голос, которым мистер Синатра исполнял легендарную композицию «Ночь и день». Да и сам мистер Синатра изменился. Ушло мальчишеское обаяние, от которого, бывало, девчонки хлопались в обморок целыми пачками».

Прочитав несколько аналогичных статей, Фрэнк изрядно разозлился. «Чертовы писаки», – так по свидетельству секретаря Авы, Мэри Ласалль-Томас, он охарактеризовал журналистов.

– Ава говорила мне, что Фрэнк даже позвонил журналисту из «Геральд трибьюн» и давай его честить, – вспоминает Мэри Ласалль-Томас. – Ава как раз вернулась после шопинга, а Фрэнк по телефону распекает этого типа на все лады. Например, он сказал: «Вы, мистер, ни бельмеса в вокале не смыслите. Кто вам позволил на личности переходить? Я не против конструктивной критики, а у вас какой-то пасквиль получился».

После отповеди Фрэнк швырнул телефонную трубку, выдернул шнур из розетки, а телефоном запустил в стену, пробив в углу изрядное отверстие. Ава мигом включилась – схватила несчастный телефон и вышвырнула в окно. Они с Фрэнком подскочили к окну и смотрели, как телефон буквально чудом не обрушился на голову ни в чем не повинного прохожего. Зрелище вызвало у обоих какой-то жуткий восторг.

Разборка

Однажды Ава и Фрэнк повздорили за ужином. Как обычно, при нескольких десятках свидетелей. Фрэнк никогда не выходил без «свиты», включавшей людей, на него работавших, а также его друзей… и друзей его друзей, и репортеров, которым удалось проникнуть в круг избранных. Фрэнк даже не всех по именам знал. Не важно, какой кризис переживала его карьера – он оставался Фрэнком Синатрой и держал свиту шумную и досужую. Свита беспрестанно курила, пила, заигрывала с официантками и устраивала междоусобные потасовки, и всё под наблюдением Фрэнка – не самого счастливого повелителя не самых галантных придворных.

В тот вечер Ава приревновала Фрэнка к участнице кордебалета, каковой кордебалет занимался разогревом публики перед выступлением основного артиста.

– У тебя есть я, – сказала Ава при многочисленных свидетелях (правда, расслышать ее было трудновато из-за общего гула). – На что тебе сдалась эта шансонетка?

Фрэнк ответил, что ничего между ним и «шансонеткой» не происходит. Просто она начала с ним флиртовать, он подыграл – разве это преступление? Но Ава продолжала развивать мысль: она, мол, Фрэнку не доверяет. Отлично, парировал Фрэнк, осушая бокал; он ей тоже не доверяет, так что они квиты. В общем, перепалка развивалась по обычному сценарию, пока Ава не перешла границы дозволенного.

– Не понимаю, что Нэнси в тебе находит, – заявила она.

Зря Ава упомянула имя Нэнси. Фрэнк по свидетельствам очевидцев так и подпрыгнул. Казалось, еще миг – и он ударит Аву.

– Никогда не произноси это имя, – сказал он. – Еще раз услышу, как ты треплешь имя Нэнси, – губы тебе расквашу.

Ава пулей вылетела из зала, вернулась в «Хэмпшир-Хаус» и стала звонить своему бывшему мужу, Арти Шоу, который жил в Нью-Йорке. Супруги даже после тяжелого развода остались друзьями – чего не понимали близкие Авы. Ведь Арти Шоу называл свою жену пустоголовой, безмозглой куклой. До того довел Аву, что она решилась пройти тест на уровень интеллекта. Вдруг и правда она безмозглая? Впрочем, ответив на все вопросы теста, Ава вдруг поняла: если мужчина считает женщину глупой, значит, он потерял бдительность. Таким мужчиной можно манипулировать. Аву это устраивало. До такой степени, что она даже не поинтересовалась результатами теста. С тех пор она

чувствовала свою власть над Арти. Безусловно, свидание с ним в тот вечер следует расценивать как манипулирование. Ава хотела вызвать ревность Фрэнка. С легкостью она напросилась к Арти в гости, намереваясь пропустить по коктейльчику с ним, его тогдашней подругой, Руфь Козгров (впоследствии миссис Милтон Берл).

Ава отлично знала: Фрэнк ревнует ее к Арти Шоу и слышать не желает об общении бывших супругов. Фрэнк даже грозился (перед всяким, кто соглашался слушать): дескать, застукаю их вместе – обоих порешу. Перед тем как уйти в гости к бывшему мужу, Ава предусмотрительно оставила возле телефона блокнотик, открытый на странице с адресом Арти. Наверное, она думала: «Нескучный вечерок предстоит».

Ава не пробыла у Шоу и двадцати минут, когда вломился Фрэнк в сопровождении Хэнка Саниколы.

– Ну точные гангстеры из боевика, – рассказывала потом Рина Джордан, Авина горничная и наперсница. Правда, сама она не присутствовала, а говорила со слов Авы. – Бандиты, как есть бандиты – оба в плащах, шляпы на самый нос надвинуты, руки в карманах, будто у них там по револьверу припрятано.

Фрэнк быстро оглядел комнату. Ава сидела на стуле, с бокалом в руке, очень довольная собой. Их глаза встретились. Фрэнк явно смутился. Желание «порешить обоих» куда-то пропало. Напротив – Фрэнк развернулся к двери, вышел, ни слова не сказав. Ава продолжила приятный для нее вечер. Минут через тридцать она попрощалась с Арти, поймала такси и поехала в «Хэмпшир-Хаус».

Там Ава, слегка пьяная и очень сонная, прилегла на кушетку, сбросила туфли и задремала. Ее разбудил телефонный звонок. Звонил Фрэнк – из своего номера.

– Я больше так не могу, – заговорил он голосом, полным отчаяния. – Я сейчас руки на себя наложу. Слышишь? Прямо сейчас.

Раздались два выстрела.

Ава вскрикнула, уронила телефонную трубку и бросилась в номер к Фрэнку, по дороге прихватив свою сестру Бэппи. Фрэнк лежал на полу. Глаза были закрыты, в руке дымился пистолет.

– Господи! – выдохнула Ава, бросилась к Фрэнку, заплакала.

– У меня разум помутился от ужаса. Я не верила, что всё происходит наяву, – позднее вспоминала Ава.

Вдруг Фрэнк открыл глаза. С секунду любовники смотрели друг на друга. Так он – живой? Что тут произошло? Сам Фрэнк выглядел удивленным, будто не верил, что выстрелы всё-таки были.

– Ах ты, сукин сын! – воскликнула Ава.

Огляделась, увидела дырку в матраце. Схватила телефон и позвонила в номер Хэнка Саниколы. Хэнк мигом прибежал, сгреб постельные принадлежности, уволок к себе в номер, а Фрэнку притащил свои. А еще через несколько минут в гостиничном коридоре стало не протолкнуться из-за полиции. На все вопросы стражей порядка Фрэнк, хлопая ресницами, отвечал:

– Какой выстрел? Ничего не знаю, ничего не слышал. Ава, ты не слышала выстрела? Нет? Вы что-то путаете, ребята.

Позднее Ава рассказывала:

– Полицейские застали Фрэнка в купальном халате. Люди обычно не стреляются в неглиже, так что его неведение выглядело очень убедительно. Впору было давать ему «Оскара» за актерскую игру. Я же не могла в себя прийти, сердце так и прыгало.

На грани отчаяния

В марте 1950 года Ава Гарднер покинула Соединенные Штаты. Ей предстояло вместе с Джеймсом Мейсоном сняться в фильме «Пандора и Летучий Голландец». Путь Авы лежал сначала в Лондон, затем – в Испанию. К тому времени она нуждалась в передышке – почти театральные отношения с Синатрой изрядно ее утомили.

В Испании Ава увлеклась лихим тореадором, а на самом деле – партнером по фильму, тридцатичетырехлетним Марио Кабре, который исполнял роль Хуана Монтальво, возлюбленного Авиной героини. Кабре, даром что снялся лишь в нескольких фильмах, был крайне популярен – однако не только и не столько благодаря актерскому таланту. Марио Кабре прославился связями с самыми красивыми испанскими актрисами. Не устояла перед знойным и напористым испанцем и Ава Гарднер.

– Сама не понимаю, как это получилось, – вспоминала Ава. – Просто после одной сугубо испанской вечеринки – под звездным небом, с танцами и вином – я проснулась в постели Марио.

Разумеется, связь с Кабре для Авы почти ничего не значила. То был быстротечный, без осложнений романчик, всего-навсего удовлетворивший на время сексуальные аппетиты кинодивы. Однако, по собственному признанию, Ава рассчитывала посредством Марио Кабре вызвать ревность Фрэнка Синатры. Ревность, достаточную для развода с Нэнси и серьезного предложения ей, Аве.

Американские газеты не замедлили в красках расписать отношения Авы и Кабре. Фрэнк был потрясен и удручен. Не мог он вот так запросто сняться с места, метнуться в Испанию и проверить, так ли много он значит для Авы, как раньше. Фрэнк пытался вернуть позиции кумира миллионов, давая концерты в «Копакабана». Огромных усилий ему стоило, начитавшись желтой прессы, не расторгнуть контракт.

Двадцать шестого апреля 1950 года проблемы с голосом стали поистине пугающими. Во время дневного шоу (Фрэнк исполнял песню «Остров Бали Хай») голос его подвел. После концерта врач посоветовал Фрэнку отказаться от вечернего выхода к микрофону. Однако Фрэнк решил выступать во что бы то ни стало. Не мог он разочаровывать публику, и точка.

Третье шоу началось в два тридцать ночи. Фрэнк, в черном смокинге с атласными лацканами, в галстуке-бабочке, в туфлях, начищенных столь тщательно, что их мысы отражали огни софитов, прошествовал к микрофону. Но что пользы в

великолепном наряде, когда сам артист тощ, изможден и бледен! Синатре чуть похлопали, он ответил своей фирменной улыбкой в несколько сотен ватт.

Первым номером шла композиция «У меня лишь одно сердце», которую Синатра посвятил Аве. Публика с энтузиазмом зааплодировала. Но уже на второй песне «Всё зависит от тебя» (It All Depends on You) голос предательски задрожал, а при взятии высокой ноты – и вовсе сорвался. Синатра в ужасе застыл. Откуда что берется? Сколько раньше он пьянствовал и куролесил; сколько у него баб перебывало – а голосу хоть бы хны! Фрэнк вцепился в микрофон, попытался продолжить петь. Почувствовал влагу в уголке рта. Думая, что это слюна, отер ее белоснежным носовым платком. Это оказалась кровь. Позднее Фрэнку поставили диагноз «кровоизлияние под слизистую оболочку».

Остаток вечера – а также на последующих шоу в злополучном «Копакабана» – публику развлекал Билли Экстайн.

Десятого мая 1950 года Фрэнк разорвал контракт с чикагским клубом «Шез Пари» (Chez Paree), не желая ставить под удар свой голос. По заверениям врачей, минимум на два месяца ему следовало забыть о пении. Фрэнк отправился в Майами – греться на солнце и продумывать дальнейшие шаги с Авой и Нэнси. Последняя, кстати, регулярно ему звонила, – но Фрэнк на звонки не отвечал, объясняя свою жестокость так:

– Если Нэнси действительно обо мне беспокоится, пускай даст развод.

Впрочем, стоило Фрэнку заговорить на повышенных тонах, как сбегалась его команда, умоляя поберечь голос. Врачи рекомендовали молчать, а с близкими общаться посредством записок.

Итак, Фрэнку сравнялось тридцать четыре; карьера его была под угрозой – разрыв с киностудией, никудышные объемы продаж пластинок, теперь вот проблемы со связками… Сам Фрэнк не представлял дальнейшей жизни без пения. А еще ему казалось, стоит только заполучить Аву – и всё наладится. С Авой он все препятствия преодолеет. Как он хотел услышать ее голос, ее смех!.. Увы, коварный Луис Майер блокировал телефонные звонки, чтобы ничто не отвлекало Аву от съемок. Взбешенный вмешательством Майера, доведенный до отчаяния, Фрэнк заказал билет на самолет до Барселоны.

Чем дальше, тем страшней

Прибыв в Барселону одиннадцатого мая, Фрэнк не застал Марио Кабре. Знойный «тореадор» успел уехать в Жерону, где проходили натурные съемки «Пандоры и Летучего Голландца». Ава подозревала, что режиссер Альберт Левин нарочно отправил Кабре подальше, прослышав, что тот намерен разобраться с Фрэнком.

Не успел Фрэнк шагнуть с самолетного трапа, как журналисты завалили его вопросами о Марио.

– А правда, что Марио Кабре крутит роман с Авой? – приставал один особо досужий газетчик.

– Кто-кто? – переспросил Фрэнк. – Первый раз слышу это имя.

Он взял в аренду автомобиль и отмахал шестьдесят миль по побережью до отеля «Сигалл» в курортном городе Сагаро, где, наконец, встретился с Авой. Фрэнк подарил ей изумрудное колье стоимостью десять тысяч долларов (которое вез в заднем кармане брюк, завернутым в туалетную бумагу). Также Ава получила целый ящик своей любимой кока-колы – этот подарок немало ее позабавил. Впрочем, веселость как рукой сняло, едва Ава узнала, что именно кока-колой Фрэнк запивает снотворное – прослышал, будто так таблетки действуют быстрее и эффективнее. Выглядел же Фрэнк ужасно. Вес его не дотягивал и до пятидесяти восьми килограммов, лицо было бледно, изможден.

На следующий день Фрэнк с Авой поехали на автомобиле на виллу «Ла-Бастида» в приморском городе Тосса-де-Мар, который только-только начал развиваться как курорт. Там любовники сняли два соседних дома, хотя поселились в одном, на имя Синатры. Почти неделю Синатра хворал и хандрил. Однажды утром, перед тем как отправиться ловить тунца, Ава обнаружила у Фрэнка пузырек с таблетками, который и выбросила в море. Она твердо решила своими силами бороться с бессонницей Синатры. Фрэнк, успевший подсесть на снотворное, сиганул за борт и чуть не утонул, пытаясь спасти заветный пузырек. Спасать же знаменитого певца пришлось капитану.

Дела стали совсем плохи, когда Ава наконец доставила Фрэнка на виллу. Там, прямо на крыльце, влюбленных поджидала газета со статьей о связи Авы и Марио Кабре. Впрочем, Фрэнк давно собирался устроить Аве момент истины. И вот этот момент настал. По воспоминаниям Люси Уэллман, говорившей со слов самой Авы, Фрэнк сгреб и энергично встряхнул свою возлюбленную. Всё, что он хотел знать: почему Ава афишировала связь с Кабре? Неужели ей неизвестно, как любит ее Фрэнк?

Неужели она не понимает, как больно ранит Фрэнка?

– Помоги мне, – молил Синатра. – Нет, не мне – нам обоим.

Ава потребовала отпустить ее.

– Я тебе не вещь! – воскликнула она, и Синатра разжал тиски объятий.

Со слезами он повторил:

– Прошу тебя, Ава, взгляни на меня. Господи, ты что, ослепла? Не видишь, как мне плохо?

Это был решающий, почти исторический момент. Никогда прежде Фрэнк не представал перед женщинами уязвленным и несчастным – такого удостоилась одна только Ава. Возможно, сама она считала, что теперь прежние любовницы Фрэнка, а главное, его жена – отомщены. И отомстила за них она, Ава Гарднер.

– Язык у тебя подвешен, с этим не поспоришь, – заявила Ава. – Меня ты охмурил, Нэнси крови попил и продолжаешь пить, а другим твоим женщинам и счету нет. Уходи, лапочка. Не пой мне своих жалистных песен – я к ним глуха.

Фрэнк стал оправдываться – мол, к Нэнси он ездил, только чтобы детей повидать. Ава же твердила одно: они с Марио Кабре просто добрые друзья.

Фрэнк не верил.

– Не лги мне! – попросил он.

– Что такое? – возмутилась Ава. – Это кто здесь вспомнил слово «ложь»?

Одно стало понятно после этого выяснения отношений – Фрэнк нуждался в Аве куда сильнее, чем Ава – в нем.

Нэнси требует раздельного проживания

В июне 1950 года Фрэнк Синатра вернулся в Лос-Анджелес. Отдых и интенсивное лечение в Испании принесли свои результаты – знаменитый голос почти восстановился. Долли и Марти, встревоженные газетными публикациями и телефонными разговорами с Авой, приехали из Нью-Джерси на поезде. Их целью была серьезная беседа с Фрэнком. Все трое уселись по традиции за кухонный стол – совсем как много лет назад в Хобокене. Одни источники сообщают, будто Фрэнк заявил матери: мол, хочу быть счастливым, а это возможно только с Авой. Долли он не убедил.

– Что-то вид у тебя затравленный. Счастливые люди иначе выглядят, – парировала она.

Правда, на сей раз обошлось без фирменных «шпилек» Долли. Еще бы – ей было не до упражнений в остроумии. Марти предложил сыну вернуться в Хобокен, пожить в родной семье, которая, уж конечно, всегда его поддержит.

– Глядишь, сынок, мы вместе и решим твои проблемы, – убеждал Марти.

Напомнил, что сын всегда может положиться на родных, ведь семья – главное в жизни, для поддержки-то она и существует. Но Фрэнку казалось, Нэнси его отъезд очень огорчит. Если уж ехать, то с женой и детьми.

– Так за чем дело стало? – удивился Марти. – Забирай Нэнси и детишек, уедем подальше от этого Содома с Гоморрой.

Долли эта мысль не понравилась. По ее мнению, глупо отдыхать с семьей, если Фрэнк мечтает об Аве. Да и Нэнси обнадеживать такими поступками нечестно. Фрэнк, однако, уезжать в Нью-Джерси не хотел – ни с Нэнси, ни без нее. Сказал родителям, что ему надо пару недель отлежаться, а потом он отправится в Англию – его зовут выступать в «Палладиуме». Родители вернулись в Нью-Джерси без Фрэнка, очень расстроенные, что не сумели ему помочь.

Даром что новая битва с Нэнси отнюдь Фрэнку не улыбалась, он очень хотел повидать детей. Нэнси разрешила мужу провести в их доме выходные. Разумеется, с условием: спать Фрэнк будет в комнате для гостей.

Рядом с детьми Фрэнк воспрянул, зато Нэнси казалась печальнее обычного. Если уж называть вещи своими именами, она была просто подавлена. Зачем только она предложила Фрэнку этот уик-энд? Зачем сама себя обрекла на такие страдания?

После злополучных выходных Нэнси позвонила Фрэнку и попросила держать связь.

– Мы любим друг друга, – сказала Нэнси. – И желаем друг другу добра. Больше я не стану чинить тебе препятствий.

Давняя борьба за Фрэнка измучила Нэнси. Ее силы иссякли. Ее любви, продолжала она, достаточно, чтобы отпустить мужа.

– Мы – твоя семья. Не важно, где ты и чем занят. Знай – тебе есть куда вернуться.

Фрэнк от такого проявления великодушия даже прослезился.

Двадцать восьмого сентября Нэнси появилась в зале суда города Санта-Моника с иском о раздельном проживании. Вся дрожа, поддерживаемая под руки сестрой Джули, Нэнси излагала судье Орландо Роду причины своего решения.

– Моему браку пришел конец, – сквозь слезы говорила Нэнси. – Неоднократно мой муж уезжал в Палм-Спрингс без меня, и всегда – на несколько дней. Когда у нас бывали гости, он уходил, чем ставил меня и неловкое положение. До моих чувств ему не было дела.

Слушания прерывали несколько раз, давая Нэнси время взять себя в руки. Доход Фрэнка за 1949 год она оценила в девяносто три тысячи семьсот сорок долларов, их общее имущество – в семьсот пятьдесят тысяч долларов. В качестве временной поддержки ей назначили две тысячи семьсот пятьдесят долларов ежемесячно. Вот только Фрэнк при всей своей занятости никак не мог выплачивать жене эту сумму. Ему самому пришлось занимать деньги у студии «Коламбия Рекордз» – иначе на налоги не хватало. Аве он сказал:

– Когда Нэнси процесс завершит, я тебе даже пару нейлоновых чулок купить не смогу. Я должен работать, как вол. И принять любое решение, какое Нэнси с адвокатами измыслят.

– Не верю, что она так с тобой поступит, – возразила Ава. – Ты же ей столько подарков сделал!

Конечно, Ава понятия не имела о страданиях Нэнси.

– Помню, обедаем мы, – рассказывает Нэнси-младшая, – а мама чуть в обморок над тарелкой не падает. У нее сердце стало пошаливать, простуды откуда-то брались, слабость была постоянная. А ведь раньше мама никогда не болела. Теперь она всё время плохо себя чувствовала. Я не понимала, что проблемы со здоровьем вызваны скандалом. Мама любила отца и очень страдала. По ночам она плакала. Днем перед нами, детьми, – никогда, а ночами я слышала ее плач через стенку. Я прокрадывалась к маме и молча обнимала ее.

В октябре Ава вернулась в Голливуд, на студию «Эм-джи-эм», для съемок киношной версии знаменитого мюзикла «Плавучий

театр» (Show Boat), с музыкой Керна и либретто Хаммерстайна. Фрэнк тем временем начал работу на телевидении в собственном шоу, трансляции которого были запланированы на субботние вечера. Выход в эфир «Шоу Фрэнка Синатры» седьмого октября 1950 года стал настоящим прорывом. Правда, рейтинги не зашкаливали, а многие зрители вообще удивлялись, как это столь скандальному персонажу выделили лучшее эфирное время. Но всё-таки шоу продержалось пару лет. Параллельно Фрэнк появлялся в еженедельной радиопередаче «Познакомьтесь с Фрэнком Синатрой», которая выходила по воскресеньям во второй половине дня. Словом, Фрэнк изо всех сил старался светиться – а также зарабатывать деньги. Но личная жизнь его оставалась запутанной. Вдобавок теперь Фрэнка мучило чувство вины перед Нэнси. Чтобы поразмыслить обо всем, он поехал в родной Хобокен. Там, выпивая с сыном в баре, Марти Синатра признался, что отнюдь не является поклонником Авы Гарднер – в отличие от своей жены. По мнению Марти, Ава поступила очень некрасиво, перебежав дорогу Нэнси. Впрочем, и чувства сына Марти отлично понимал.

– Не терзайся, что влюбился, – говорил Марти. – Любовь – главное, остальное – пустяки.

Марти никогда не отличался многословностью, зато, когда говорил, слова шли из самого сердца. И они так нужны были Фрэнку!

– Спасибо, папа, – сказал он. – Ты прав. Постараюсь не терзаться.

Напутствие отца Фрэнк запомнил на всю жизнь.

– Только сразу на Аве не женись, сынок, – поспешил добавить Марти, глядя Фрэнку прямо в глаза. – Сначала всё хорошенько обдумай. Два неудачных брака, Фрэнки, – это перебор.

Фрэнк кивнул, положил голову отцу на плечо и испустил тяжкий вздох.

– Ты прав, папа. Ох, как ты прав, перебор, – прошептал он.

1951 год

Фрэнк, теперь тридцатипятилетний, по-прежнему был одержим Авой Гарднер, а его карьера пока не вышла из-под угрозы. Двадцать седьмого марта 1951 года он отправился на студию записывать композицию «Какой же я дурак, что жажду быть с тобой» (I'm a Fool to Want You). Поистине «Коламбия Рекордз» еще не видела и не слышала столь эмоционального, столь пронзительного исполнения. Новая композиция стала своего рода поворотным моментом в творчестве Синатры, ознаменовала немыслимый рост его артистических возможностей. Все страдания, вся боль, что причиняла Синатре Ава, слышатся в каждой ноте. Что характерно – песня не стала хитом, прошла почти не замеченной, и сегодня известна только истинным адептам творчества Фрэнка Синатры. Но вернемся к процессу звукозаписи. Фрэнк был настолько измучен Авиными выходками, что не смог с первой попытки записать песню. Он удалился со студии весь в слезах! Позднее вернулся, завершил начатое. Песня создавалась в соавторстве с Джеком Вулфом и Джоэлом Херроном. Шесть лет спустя Синатра вновь записал ее – уже для студии «Кэпитал Рекордз»; впрочем, блестяще исполненному ремейку недостает эмоционального надрыва, столь явно слышимого в оригинале.

Примерно в это же время Фрэнк снимался на киностудии «Юниверсал» в фильме «Знакомьтесь – Дэнни Уилсон», где его партнершей была Шелли Уинтерс. Фильм получился очень недурной. Следующей актерской работой Синатры стала роль в комедии «Двойной динамит». В этом фильме также задействованы Джейн Рассел и Граучо Маркс. На сей раз актеров и режиссера ждал провал. «Двойной динамит» лег на полку.

Вспоминает Стив Столайер, секретарь Маркса Граучо:

– Граучо рассказывал, что Синатра постоянно опаздывал на съемочную площадку, потому что в гримерке тщательно изучал программу скачек. Однажды терпение Граучо иссякло. «Еще раз опоздаешь – будешь сам с собой играть, – пригрозил он. – Мне тебя дожидаться надоело». Больше Синатра не опаздывал.

Семнадцатого июля 1951 года Фрэнк с Авой присутствовали на премьере «Плавучего театра», которая состоялась в «Египетском театре», в Голливуде. Кажется, Ава никогда еще не выглядела столь сногсшибательно. На ней было двухцветное (изумрудно-зеленое с черным) платье из атласа и кружев, созданное голливудским дизайнером по имени Ирэн. Блеск глаз затмевал бриллианты подаренного Фрэнком колье. Над

прической потрудился известный голливудский стилист Сидни Гуларофф. По лицу Фрэнка было видно: он гордится, что рядом с ним – женщина, которую один телерепортер назвал «воплощением голливудской мечты».

– Я невероятно счастлив и горд, ведь я имею честь сопровождать на премьеру мою Аву, – заявил Фрэнк. – Я уже очень давно ее люблю. Я без ума от нее, и как же чудесно, что мы можем появляться вместе, не раня этим ничьих чувств. Никто не страдает, и никто не думает о нас дурно.

И всё-таки в голосе Фрэнка слышалось беспокойство.

Едва великолепная пара вышла из лимузина и ступила на красную ковровую дорожку, как поклонники стали скандировать: «Фрэнки – Ава! Фрэнки – Ава!», а репортеры защелкали фотоаппаратами. Сцена была безумная; впрочем, Синатра и Гарднер чувствовали одобрение толпы. На вечеринку в ресторане «Романофф» после премьеры они не остались, поскольку Фрэнк назавтра должен был рано утром приступить к съемкам фильма «Знакомьтесь – Дэнни Уилсон».

Вскоре после премьеры «Плавучего театра» и недолгого отдыха в Мексике Фрэнк объявил, что они с Авой помолвлены. Одиннадцатого августа он забронировал номер в отеле «Риверсайд-Инн» невадского города Рино. Именно там Синатре пришла мысль приобрести недвижимость в штате Невада с целью самому подать на развод, не дожидаясь милостей от Нэнси. Чтобы считаться резидентом Невады, нужно было прожить в этом штате пять недель. Синатра снял виллу.

– Приезжай на День труда, – сказал он по телефону Аве. – Повеселимся.

Ава согласилась, вместе со своей горничной-наперсницей Риной и собакой породы корги по кличке Лоскутик (Rags) прыгнула в «Кадиллак» и помчалась к Фрэнку. Примерно на полпути машина сбила оленя, внезапно выскочившего на шоссе. Ни Ава, ни Рина не пострадали, только испугались. А мотор заглох, и лобовое стекло разбилось.

– Может, дальше поедем? – предложила отчаянная Ава.

– Как – без лобового стекла? – изумилась Рина.

– А почему бы нет? – воскликнула Ава и вышла из машины.

Она подняла крышку капота и уставилась на двигатель, будто могла запустить его силой мысли. Затем вернулась за руль, попыталась завести машину.

– Черт возьми! – выругалась Ава, когда из ее манипуляций ничего не вышло. – Пожалуй, тут без доброго глотка не обойдешься.

Рина извлекла из сумочки фляжку с бренди и вручила Аве,

которая действительно пару раз глотнула обжигающего напитка. Затем обе женщины вышли на пустынную дорогу и принялись голосовать. Рина держала собаку, Ава размахивала рукой с поднятым большим пальцем. Вскоре их подобрала машина. Прибыв в Карсон-Сити, женщины позвонили Хэнку Саниколе. Он заехал за ними и доставил в Рино.

Фрэнк приготовил для всей компании (включавшей, помимо Авы и Рины, также Хэнка Саниколу и его жену Паолу) дополнительное развлечение – поездку на озеро Тахо с остановкой в отеле «Кол-Нива Лодж».

Расположенный аккурат на границе между штатами Калифорния и Невада, этот отель был замечателен великолепным залом, в котором появлялись те же персонажи, что облюбовали Лас-Вегас. Главным образом – приятели Фрэнка. Также в отеле имелся шикарный ресторан, а при отеле – штук двадцать коттеджей стоимостью по пятьдесят долларов в сутки. На невадской стороне располагались казино. Весь комплекс фигурировал в рекламе как «Невадский рай». А Фрэнк имел долю в этом бизнесе – целых тридцать шесть и шесть десятых процента. То есть больше, чем остальные инвесторы – Дин Мартин, Хэнк Саникола и Пол Д'Амато по кличке Тощий (он же – харизматичный владелец клуба «500» в Атлантик-Сити).

Нэнси Синатра рассказывает:

– Папа любил «Кол-Нива Лодж» за отсутствие претенциозности и шик, домашний уют и постоянные развлечения. При найме персонала последнее слово всегда было за папой. Он выбирал людей честных, трудолюбивых, способных превратить «Кол-Нива Лодж» в идеальное место для отдыха. Он упивался удовольствиями, предоставляемыми отелем, казино, концертным залом; закатывал роскошные вечеринки и даже сдавал в аренду друзьям самолет. Например, с самолета любовалась окрестностями актриса Люсиль Болл.

– Сначала мы решили, что Фрэнк здорово придумал насчет озера, – вспоминала Ава о запланированной поездке в «Кол-Нива Лодж». – Но мы ошиблись.

Попытки суицида

Тридцать первого августа 1951 года Фрэнк, Ава, Рина, Хэнк и Паола на яхте отправились прогуляться по озеру, тихому в предвечерний час. Солнце пекло, компания прохлаждалась посредством шампанского и в итоге изрядно набралась. Как почти всегда бывало в таких случаях, Фрэнк с Авой повздорили. Яхта, оставленная без присмотра (Фрэнк из-за ссоры позабыл о своих капитанских обязанностях), напоролась на скалы. Перепуганная компания, плохо соображая из-за винных паров, попрыгала за борт и вплавь направилась к берегу. На яхте осталась одна Ава.

– Ты утонешь! Прыгай к нам! Скорей прыгай, дурочка! – звал из воды Фрэнк (яхта тем временем шла на дно).

Ава проследовала в ванную, взяла пакет с туалетной бумагой и принялась швырять рулоны в Синатру.

– Не смей мной командовать! Я сама знаю, что мне делать!

В итоге она всё же прыгнула в воду.

– Мы потом до колик смеялись, – вспоминает Рина Джордан. – Просто мы не знали, чем всё кончится.

Добравшись до берега, компания уселась в арендованный Синатрой автомобиль с откидным верхом и покатила в «Кол-Ниву», где весело отужинала в бунгало. А после ужина Ава и Фрэнк снова начали ссориться. Подвыпившая, а точнее, не просохшая Ава призналась, что таки спала с Марио Кабре. Хуже того – с ее уст слетело имя жены Фрэнка.

– Будешь со мной обращаться так же, как с Нэнси, я тебя убью, – пообещала Ава.

И набросилась на Фрэнка с обвинениями: он-де бросил жену, да еще и родных детей, такой-сякой. Фрэнк парировал: раз Ава себе подобные разговоры позволяет, значит, шлюха она, и больше никто. Слово «шлюха» он будто выплюнул.

– У приличной женщины язык бы не повернулся такое сказать, – пояснил Фрэнк.

– Так-так… Значит, ты меня шлюхой называешь? – уточнила оскорбленная Ава.

– А как же мне тебя называть – после твоих перепихов с этим хлыщом? («Хлыщом» Фрэнк давно уже окрестил Марио Кабре.) А сколько раз я тебя просил – не поминай Нэнси всуе? Сколько раз, а?

Дальше – больше. Ава не выдержала, распахнула дверь и как была, босиком, бросилась бежать.

– Погодите, мисс Гарднер! – звала Рина, устремляясь за своей хозяйкой.

Ава не останавливалась, даже напарываясь босыми ступнями на ветки и камни. Так две женщины добежали до берега. Рина еле успела ухватить Аву за талию – иначе та непременно бросилась бы в воду. Она и Рину чудом за собой не увлекла.

Измученная, обессиленная, Ава упала на колени и зарыдала. Рина принялась ее утешать. На тот момент никто толком не знал, какое именно психическое отклонение влияло на поведение Авы. Одно было очевидно: как и Фрэнк, Ава подвержена резкой смене настроений.

– Я тебе не говорила, – начала Ава, – что Фрэнк просит в долг.

– Сколько, мисс Гарднер?

– Девятнадцать тысяч долларов.

(В современном исчислении это примерно сто семьдесят пять тысяч.)

Рина поинтересовалась, может ли хозяйка ссудить такую сумму.

– Нет, не могу, – отвечала Ава. – Но попробую добыть деньги у моего агента, Чарльза Фельдмана.

По словам Авы, Фрэнку деньги нужны были для отступного, иначе Нэнси отсудит себе дом в Палм-Спрингз.

– Фрэнк обожает этот дом. Нельзя допустить, чтобы он его лишился, – твердила Ава.

Получалось, Фрэнк и Ава спорили насчет того, сумеет или нет – и каким образом – Фрэнк вернуть Аве деньги. Заметим, что в конце концов она добыла необходимую сумму.

– Пойдемте-ка лучше домой, мисс Гарднер, – сказала Рина.

– Да-да, ты права. Только домой, – живо согласилась Ава.

Правда, Рина имела в виду коттедж в «Кол-Нива Лодж», Ава же говорила о возвращении в Лос-Анджелес. Женщины проделали обратный путь по камням и древесным корням, забрали собаку Авы и на автомобиле, арендованном Синатрой, направились в Калифорнию, даже не попрощавшись. Ава гнала на скорости сто миль в час – да по хайвею, да с открытым верхом. Казалось, она летит навстречу смерти, задумав прихватить с собой и преданную горничную, и ни в чем не повинное животное.

– Сбавьте скорость, мисс! – визжала Рина. – По-жа-луй-ста!!!

Ава же только ускоряла ход автомобиля, бубня себе под нос, что «с Фрэнком покончено».

До дома Авы на Николс-Каньон-драйв они добрались к рассвету. Не прошло и пятнадцати минут как измученные женщины переступили порог, зазвонил телефон. Рина сняла трубку. На проводе был до предела встревоженный Хэнк Саникола.

– Фрэнк наелся снотворного, – сообщил он. – Врач говорит, он вряд ли выкарабкается. Скорее приезжайте.

Рина передала трубку Аве.

– Конечно, сейчас приедем, – равнодушно сказала Ава.

Поняв, что Ава тайком уехала, Фрэнк сунул в рот целую горсть снотворных таблеток и запил их спиртным. Через несколько часов его обнаружил камердинер, Джордж Джейкобс. Он же вызвал врача.

– Мистер Синатра был очень плох, – вспоминал Джейкобс. – Запоздай я самую малость – и его бы не откачали.

Помня о липовой попытке суицида, которую Фрэнк произвел в Нью-Йорке, Ава не очень-то рвалась к постели умирающего. Однако всё же села в самолет (Рина уговорила ее выбрать именно этот вид транспорта) и вернулась на озеро Тахо. Буквально через два часа Ава уже была рядом с Фрэнком. Тот лежал в постели, врач щупал ему пульс.

– Ты здесь, Ава, – простонал Фрэнк. – Я думал, ты уехала.

– Я его чуть не убила, – признавалась Ава преданной Рине. – Ему единственному в ту ночь удалось поспать. Уж будь уверена, он посчитал треклятые таблетки, прежде чем их в рот отправить. Мы с тобой всю ночь глаз не сомкнули, врач не спал, а этот красавец – вот он, лежит в теплой постельке, да и еще и позавтракать не прочь. Как я из него дух не вышибла – просто не понимаю. Надо было грохнуть Фрэнка – а я его простила, причем буквально на двадцать пятой секунде.

Через несколько недель Фрэнк отправился в Нью-Йорк, где, по обыкновению, остановился у своего друга Мэни Сакса. Вечером он пошел проветриться и, конечно, изрядно выпил. Войдя в квартиру Сакса, Фрэнк налил себе еще. Затем с сигаретой во рту проследовал в ванную за снотворным, откуда, плохо соображая, направился на кухню. Фрэнк принял сразу несколько таблеток, придавив их алкоголем, и включил газовую плиту, намереваясь чиркнуть спичкой и прикурить от горелки. Естественно, для этого ему пришлось наклониться над плитой, а наклонившись, он никак не мог не вдохнуть газа. Вдох получился глубокий. Наверное, на долю секунды Фрэнк решил, что ему только одно по-настоящему нужно – смерть. И он чуть повернул краник, чтобы газ пошел сильнее, а потом и включил остальные горелки. По кухне распространились ядовитые пары. Фрэнк придвинул к плите стул, уселся и задышал со вкусом, глубоко. Сознание покинуло его. Следующее, что он помнил, – перекошенное лицо Мэни Сакса. Вернись Мэни несколькими минутами позже – и Фрэнк не выжил бы. На сей раз о фарсе и речи не шло. Фрэнк действительно пытался покончить с собой.

– Черт тебя подери, Фрэнк! – скрипел зубами Сакс. – О чем ты только думал? Хоть бы про детей своих вспомнил!

– Прости, Мэни! – бормотал Фрэнк, постепенно приходя в сознание. – Я дурака свалял. Какого же я свалял дурака!

Ему действительно было стыдно. Он пообещал Мэни никогда больше не пытаться свести счеты с жизнью. И даже согласился на прием у психиатра, правда, скептически заметил:

– Заранее знаю, что мне врач скажет. Знаю, что конкретно со мной не в порядке. Так зачем платить за информацию, которая мне уже известна?

– В наши дни отцу светило бы принудительное лечение, – говорит Фрэнк Синатра-младший. – А тогда каждый справлялся своими силами. Наблюдаться у психиатра считалось зазорным.

Вспоминает Сэмми Дэвис:

– Мне Фрэнк об этом инциденте рассказал только через несколько лет. Мы с ним выпивали в Рино, в баре одного отеля. Был уже шестьдесят седьмой год. Тогда-то Фрэнк и разоткровенничался. «Поверить не могу, что так сглупил», – говорит. А всё из-за Авы. Фрэнка не оставляло ощущение, что любимая женщина не отвечает ему взаимностью. Он этого вынести не мог. «Я, – говорил, – по глазам ее всё вижу. Не столько любит, сколько жалеет». Ава считала Фрэнка слабым и несчастным, неустроенным, неприкаянным. Вот он и вел себя в соответствии с ее представлениями. Всё надеялся, что Ава к нему переменится. Потому что не надеяться для него было невыносимо, он же Авой просто бредил.

– В тот период у Фрэнка было достаточно проблем и потрясений, чтобы совершить самоубийство, – свидетельствует его первая жена. – Нельзя с точностью сказать, почему Фрэнк хотел свести счеты с жизнью – потому ли, что от него отвернулась его любовь [Ава], или потому, что от него отвернулась удача, благосклонная до тех пор. Мы не знаем, что довело Фрэнка до опасной черты. Пусть другие строят домыслы о причинах попыток самоубийства – а мы не будем, потому что уважаем чужие секреты. Следовательно, наверняка мы ничего не узнаем. Сейчас я могу сказать только, что Фрэнк в свое время уговаривал меня не отчаиваться, ибо отчаяние влечет за собой ужасные вещи.

Через пару недель после попытки отравления газом Фрэнк проводил время в Палм-Спрингз вместе с Авой и с Джимми Ван Хэйсеном. Подавленное настроение его не оставляло. Однажды вечером он и Ава крупно поссорились, Джимми попытался их помирить – тщетно, и все трое разошлись по разным комнатам. Фрэнк отправился в спальню. Через полчаса Ава к нему заглянула – и увидела, что Фрэнк сидит на кровати, приставив к виску

пистолет. Не подумавши, Ава бросилась к нему. Завязалась потасовка, оба свалились на пол. А пистолет выстрелил.

– Он был словно живой. Так змея жалит – внезапно делает рывок, и привет! – рассказывала Ава Рине Джордан. – Пуля угодила в камин, срикошетила и сделала двухдюймовую дыру в деревянной двери.

На звук выстрела примчался Ван Хэйсен, не чая найти Фрэнка и Аву живыми. Что же он увидел? Фрэнк и Ава рыдали в объятиях друг друга!

Фрэнк определенно имел причины быть с Авой. В ней он видел единственную для себя надежду. Но теперь и Ава боялась оставить Фрэнка – вдруг он снова наложит на себя руки, и очередная попытка станет успешной?

Прожив в Неваде шесть недель, Фрэнк получил возможность подать на развод – что и сделал девятнадцатого сентября 1950 года. Адвокат Нэнси проинформировал Фрэнка: договоренность о разделе имущества, ранее существовавшая между ним и его супругой, больше недействительна, поскольку Фрэнк задолжал Нэнси около пятидесяти тысяч долларов. Фрэнк владел офисным зданием в Беверли-Хиллз; Нэнси хотела получить недостающую сумму за счет этой собственности. Впрочем, ей это не удалось. Вообще она старалась избегать мстительных настроений, просто хотела обеспечить будущее себе и детям. Поэтому Нэнси сказала своим адвокатам: поступайте, как считаете нужным, я о ваших действиях знать не желаю. Родные надеялись, что Нэнси еще встретит хорошего человека, способного оценить ее многочисленные достоинства. Ведь ей всего-то тридцать три, и она по-прежнему хорошенькая! Глупости, отнекивалась Нэнси; куда уж мне начинать сначала? Да и кому нужна женщина с тремя детьми? Вдобавок она всё еще, несмотря ни на что, любила Фрэнка.

Сам Фрэнк утомился от юридических дел и попросил своих адвокатов дать Нэнси всё, что она пожелает. Больше он не мог выдерживать битву с женой. Для него главным было другое – он получит долгожданную свободу, развяжется с надоевшим браком. И сможет жениться на Аве. Фрэнк официально пообещал выплатить Нэнси всё, что задолжал, и даже сверх того – лишь бы она дала ему развод. И Нэнси согласилась.

Фрэнк и Ава женятся

Брак между Фрэнком и Авой был заключен седьмого ноября 1951 года в доме Лестера Сакса, родного брата Мэни Сакса, который жил в фешенебельном районе Филадельфии под названием Уэст-Маунт-Эйри. Правда, накануне свадьбы Ава получила странное письмо. Некая женщина признавалась, что занимается проституцией – и имела связь с Фрэнком. Письмо было написано от руки и пестрело подробностями, которые Ава сочла убедительными. По заверениям корреспондентки, роман продолжался не один месяц – притом у Авы под носом! Проститутка называла Аву дурой за то, что она связывает жизнь с таким прохиндеем, как Синатра.

– Я чуть не пошла на попятную, – признавалась Ава позднее. – Думала: какая может быть свадьба после подобных улик? Не будет никакой свадьбы!

Об этом Ава и заявила, вышвырнув в окно гостиничного номера подаренное Фрэнком кольцо (платиновое, с изумрудом в шесть карат и грушевидными бриллиантами). Кольцо так и не нашли.

Фрэнк клялся, что письмо – клевета от первого до последнего слова. Удивлялся, как после всех препятствий, которые они с Авой вместе преодолели, Ава может верить какой-то грязной бумажке. Сестра Авы, Бэппи, целый вечер убила на уговоры: дескать, не стоит обращать внимания на всякие пакостные письма. В конце концов, Ава сдалась.

– К тому времени, – вспоминает Рина Джордан, – у меня было ощущение, что их брак обречен. Эти двое еще и к алтарю не приблизились, а я уже думала: добра не выйдет.

Накануне свадьбы на Среднем Западе США разразился мощный снегопад. К среде, то есть к седьмому ноября, циклон добрался и до Филадельфии – правда, в виде холодного дождя. По всему Восточному побережью появились предупреждения для мелких судов не выходить в море.

Вспоминает Эдриенн Эллис, дочь Лестера Сакса, которой в 1951 году было шестнадцать лет.

– Весь наш дом просто сверкал – столовое серебро, бокалы и прочее. Мы все комнаты украсили цветами, но моей матери этого показалось мало, и она отправила меня в цветочный магазин. Я вхожу, рта еще раскрыть не успела, а флорист говорит: знаю, знаю, в вашем доме будет свадьба Синатры.

Вскоре возле дома Сакса под проливным дождем уже зябли толпы журналистов. Фрэнк с Авой прибыли из Нью-Йорка в

«Кадиллаке» с шофером. Увидев толпу с фотоаппаратами, Фрэнк закричал:

– И как только вы, проныры проклятые, разнюхали, что я здесь буду? Немедленно расходитесь, мне этот цирк не нужен. Каждого в нокаут отправлю, кто в дом пролезть попытается.

По свидетельству Эдриенн Эллис, Ава перед самой церемонией еще голову мыла. Никакой укладки – вышла из ванной, полотенцем посушила волосы – и порядок.

– Мама была в шоке, – со смехом вспоминает Эдриенн.

Выглядела Ава умопомрачительно. Для своей третьей по счету свадьбы она выбрала платье, созданное Говардом Гриром, который учился в Париже и одевал таких звезд, как Айрин Данн, Джоан Кроуфорд, Джинджер Роджерс, Рита Хейворт и Кэтрин Хэпберн. Этот кутюрье умел раскрыть женскую сексуальность и в случае с Авой не ударил в грязь лицом. Вот как была одета Ава: топ из розовой тафты без бретелей, юбка до середины колена из сиреневато-розового маркизета; талия завышена, плечи скромно прикрыты таким же маркизетовым болеро с отделкой из розовой тафты. Двойная нитка жемчуга плотно охватывает шею, серьги-подвески из жемчуга и бриллиантов.

Все взгляды были устремлены на ослепительную Аву. Отвести от нее глаз не мог и жених, одетый в темно-синий костюм с тонким светло-серым галстуком и белоснежной шелковой сорочкой. Поправляя белую бутоньерку, Фрэнк ждал начала церемонии рядом с Джозефом Слоуном, судьей Суда общей юрисдикции из района Джермантаун. Приблизившись к судье, Ава передала свой букет из орхидей главной подружке невесты, Джун Хаттон.

Церемония началась в пять часов вечера и закончилась очень быстро. Среди гостей были родители Фрэнка, Бэппи, мистер и миссис Айзек Леви, Хэнк Саникола, Бен Бартон, Эксел Стордал с супругой, аранжировщик Дик Джонс и, конечно, Мэни Сакс, на тот момент – президент «Эр-си-эй», Американской радиовещательной корпорации. Ава, в туфлях на «шпильках», ростом сравнялась с Синатрой. Жених и невеста смотрели только друг другу в глаза, клятвы повторяли автоматически, как во сне, обменялись платиновыми кольцами (без драгоценных камней и прочих излишеств). Они были настолько поглощены друг другом, что не отреагировали, когда судья сказал «Объявляю вас мужем и женой».

– Можете поцеловать невесту, мистер Синатра, – произнес Джозеф Слоун.

Фрэнк не шевельнулся.

– Мистер Синатра, поцелуйте невесту, – повторил судья.

Тронул Фрэнка за плечо, указал на Аву. – Теперь вы можете поцеловать ее.

Смущенный Фрэнк обнял Аву и нежно привлек к себе, на миг коснувшись губами ее губ.

– Я тебя люблю, – прошептал он.

– Конечно, любишь, – чуть усмехнулась Ава.

Вечеринка продолжалась до девяти часов. Долли и Марти с радостью приняли Аву в семью. Марти понял, что именно эта женщина нужна Фрэнку, и решил проявлять к новой невестке максимум дружелюбия. Что касается Долли, теперь она имела твердое намерение выражать поддержку сыну не только наедине, но и публично. Уж наверное, Нэнси немало разозлилась, прочитав в газете заявление бывшей свекрови: «Еще недавно всякие ханжи заваливали меня анонимными письмами на тему: вам не стыдно, миссис Синатра, что ваш сын развелся с женой и бросил троих детей ради женитьбы на этой актрисе? Так вот, я рада сообщить им всем, что Фрэнк любит своих детей не меньше, чем всякий другой отец, и что я, его мать, горжусь его браком с такой чудесной девочкой, как Ава».

После вечеринки Мэни Сакс, внешне похожий на Фрэнка, должен был отвести журналистов от дома. Мэни и одна из приглашенных женщин надвинули шляпы и разыграли на веранде сцену трогательного прощания и отъезда «молодых» в лимузине. Тут было всё как положено – объятия, слезы, рисовые зерна. Лимузин тронулся, и журналисты, попрыгав в свои машины, устремились за ним. После чего Фрэнк и Ава смогли уехать без шума. Они направились в аэропорт Уингз-Филд, где их ждал личный самолет. Правда, в спешке Ава ухватила чемодан, в котором только и находилось, что костюм, в котором она приехала в дом Лестера Сакса, да свадебное платье.

– Моим родителям пришлось под проливным дождем везти Аве чемодан с нужными вещами, – вспоминает Стив Сакс, которому в пятьдесят первом году было одиннадцать лет.

Часть пятая
Нисходящая спираль

Ему осталась только мечта

В 1952 году невезение Фрэнка продолжило набирать обороты. Восьмого февраля вышел в прокат фильм «Знакомьтесь – Дэнни Уилсон». Отзывы были весьма прохладные. Двадцать шестого марта Фрэнк вернулся в театр «Парамаунт», чтобы выступать вместе с Фрэнком Фонтейном, Бадди Ричем и Джун Хаттон – но приличных кассовых сборов не получилось. А на шоу Фрэнка в чикагском клубе «Шез Пари» собралось лишь сто пятьдесят человек, хотя зал вмещал тысячу двести. В июне контракт с Фрэнком разорвала студия звукозаписи «Коламбия Рекордз», а потом от него отказался и личный агент из Американской музыкальной корпорации. Отрицательно на самооценку Фрэнка влияло и то обстоятельство, что карьера Авы как раз шла в гору. Ава начала съемки в фильме «Снега Килиманджаро» на студии «XX век», а «Эм-джи-эм» готовилась заключить с ней десятилетний контракт на двенадцать фильмов с гонораром по сто тысяч долларов за фильм.

Всё указывало на то, что эпоха Фрэнка Синатры подходит к концу. Однако сам Фрэнк твердо знал: ему просто нужен перерыв. К сожалению, обстоятельства не допускали даже мыслей о перерыве; спасение Фрэнка зависело только от него самого.

– У меня вся жизнь – точно американские горки, – рассказывал впоследствии Фрэнк. – В тридцать восемь обо мне говорили в прошедшем времени. Я сидел на телефоне, тщетно ждал звонков. Все друзья куда-то подевались, едва я перестал петь. А знаете, до чего трудно занять денег, когда на тебе поставлен крест? Мне осталась только мечта. Мечта о том, как бы закончить весь этот кошмар. Что это была за мечта! Она возникла после прочтения потрясающей книги Джеймса Джонса. Он не просто книгу написал – он нарисовал портреты людей, которых я знал как облупленных, понимал, чувствовал. Я сам себя видел в этой книге – не менее отчетливо, чем в зеркале во время ежедневного бритья. Маджио – это я и есть. Не важно, кто так сказал, я готов хоть сто раз подтвердить, и деньги тут ни при чем. Я вполне мог повторить судьбу Маджио.

Синатра имел в виду Анджело Маджио, персонажа первого романа Джеймса Джонса «Отныне и вовек», опубликованного в 1951-м и ставшего бестселлером. Читатели встретили книгу с восторгом, а критики сочли революционной из-за разоблачения порядков в армии США.

Герои романа – американские военнослужащие. Автор показывает армию в весьма неприглядном свете, притом делает

это в то время, когда американцы не ставили под вопрос порядочность правительства. Скажем больше: в сороковых и пятидесятых годах невозможно было снять военный фильм без поддержки Пентагона. Военное снаряжение стоило слишком дорого, чтобы изготовлять его специально для съемок, добыть же настоящее реально было лишь при содействии правительства.

Две студии брались за съемки, пока права на экранизацию не купил от имени «Коламбия Студиоз» Гарри Кон. Это случилось в 1951 году. Сценарист Дэниэл Тарадаш умудрился сжать роман до текста в сто шестьдесят одну страницу, не исказив сюжетных линий. Продюсер Бадди Адлер, сам лейтенант-полковник войск связи в отставке и муж кинозвезды Аниты Луиз, взялся адаптировать сценарий так, чтобы у ВВС США не было претензий. Смягчив или вовсе убрав отдельные жестокие сцены, Адлер добился официальной поддержки.

Узнав, что «Коламбия» готовится снять фильм «Отныне и вовеки веков», Синатра задался целью получить роль Маджио, уроженца Бруклина итальянского происхождения. Эта актерская работа позволила бы ему завязать с амплуа звезды мюзиклов и вообще стала бы прорывом в карьере.

– Мне бы только роль получить, а уж я с ней справлюсь, – сказал Фрэнк жене. – Я ведь вырос в окружении доброй сотни таких вот Маджио. Я сам – Маджио.

На главную мужскую роль – Роберта Ли Прюитта – уже был выбран Монтгомери Клифт. Джоан Кроуфорд взяли бы на роль Карен Холмс, жены офицера, если бы не ее настоятельное требование – работать с собственными костюмерами. В итоге роль досталась Деборе Керр, которой пришлось брать уроки, чтобы избавиться от британского акцента. Роль офицера Уордена, безукоризненно несущего службу и параллельно имеющего любовную связь с героиней Деборы Керр, исполнял Берт Ланкастер, а подругу Прюитта, Альму, играла Донна Рид. Также в фильме снимались Эрнест Боргнайн (Джадсон Толстяк, убивший Маджио). К слову, Боргнайн был столь ярым поклонником Синатры, что дал своей дочери имя Нэнси, а Фрэнка называл своим кумиром. Не было актера лишь на роль самого Маджио.

Ава взялась повлиять на Гарри Кона, чтобы тот отдал роль Фрэнку. Правда, Фрэнк был против ее вмешательства.

– Уж если я роль Маджио заполучу, то только благодаря своим силам и своему таланту, – так он сказал Аве.

А сам задействовал всех, кого только мог, для убеждения Гарри Кона. Фрэнк даже слал Кону и режиссеру, Фреду Циннеману (известному по фильмам «Ровно в полдень» и «Участница свадьбы»), телеграммы с подписью «Маджио».

Аве казалось, что заветная роль снизит напряженность в отношениях с мужем, поэтому, несмотря на запрет Фрэнка, продолжала за него хлопотать. Она заручилась поддержкой Джоан, жены Гарри Кона.

– Пусть хотя бы пробу устроит, – просила Ава. – Пожалуйста, Джоан, посодействуй. Фрэнку позарез нужна эта роль.

Ава не знала, что Фрэнк успел пообщаться с Коном во время ланча, и Кон без обиняков заявил – Фрэнк ему не нужен, даже за предложенный самим Фрэнком скромный гонорар в одну тысячу долларов еженедельно. Вот до каких сумм дошел Синатра, а ведь раньше, бывало, ему платили по сто пятьдесят тысяч за фильм.

– Ты рехнулся, – заявил Фрэнку Гарри Кон. По его мнению, Фрэнк был певцом, но никак не актером. И сыграть в приличном фильме по определению не мог.

Ава тем временем не дремала. Пол Клеменс, ее приятель, как раз гостил у четы Кон. Однажды он пригласил Аву на ужин с Конами, и Ава, конечно, воспользовалась случаем. Вспоминает Эрл Уилсон:

– Вы ведь понимаете, Гарри, кто лучше всех подходит на роль Маджио, – приступила Ава к Кону. – Разумеется, этот сукин сын – мой муженек. Вот послушайте, что я вам скажу. Если Фрэнк не получит роль Маджио, он руки на себя наложит. Как пить дать наложит.

Ава отнюдь не преувеличивала.

В конце концов, Гарри Кон и Фред Циннеман сдались. Кон сам позвонил Синатре и позвал на пробы, попросив «ослабить давление и перестать науськивать Аву».

От экземпляра сценария, предложенного Бадди Адлером, Фрэнк отказался. Он давно выучил заветную роль наизусть, ведь он столько раз перечитывал ее! Эту кинопробу он намеревался пройти во что бы то ни стало. Маджио был списан с него, и кому же, как не Фрэнку, его и играть!

«Могамбо»

Поистине роль Маджио была последней надеждой Фрэнка на новый карьерный виток; потому они с Авой и хлопотали столь активно. Семнадцатого сентября 1952 года Фрэнк записал свою последнюю композицию для «Коламбия Рекодз» – «Меня уже не изменить» (Why Try to Change Me Now?). Автором музыки был Сай Коулмен, аранжировщиком выступил Перси Фейт. В очередной раз Синатра обнажил душу. Вот что пишут Эд О'Брайен и Роберт Уилсон в книге «Синатра: 101 хит плюс предыстории»:

> *«Неискушенный, наивный мальчик с микрофоном, по которому с ума сходили в предыдущем десятилетии, был да сплыл. Его место занял взрослый мужчина. Опаленный любовью, он умел передать посредством голоса весь мрак, весь цинизм, всю пронзительную печаль – каковой печали суждено было еще долгие годы характеризовать его творчество».*

Подобно песне «Какой же я дурак, что жажду быть с тобой», эта новая песня – истинная жемчужина – осталась почти не замеченной поклонниками Синатры и была по достоинству оценена лишь спустя длительное время. Вторично Фрэнк записал ее в марте 1959 года для студии «Кэпитол».

Тем временем Фрэнк и Ава, или «Сражающиеся Синатры», как супругов всё чаще называли в прессе, продолжали свои непростые отношения. К пятьдесят второму году ссоры между ними стали притчей во языцех. Седьмого ноября 1952 года Фрэнк с Авой отправились в Африку, где Аве предстояло сняться в фильме «Могамбо» – ремейке фильма «Красная пыль» (Red Dust). Главную мужскую роль снова исполнял Кларк Гейбл, а место его партнерши 1932 года, Джин Харлоу, заняла Ава Гарднер. Вторая женская роль досталась Грейс Келли.

Фрэнку не хотелось отпускать жену в Африку. Он всё еще ждал решения насчет роли в «Отныне и во веки веков» и, чтобы ожидание не было столь томительным, решил сопровождать Аву.

– Мой муж едет со мной, – сообщила Ава репортерам. – Посетит между делом пару-тройку театров в Найроби.

Первую годовщину свадьбы Фрэнк с Авой отпраздновали прямо в самолете. В Найроби Фрэнк проводил время за чтением. Ава была занята съемками.

– Фрэнк был у нее на подхвате, – вспоминает Джозеф Годфри,

помощник Элен Роуз, художника по костюмам. – Сердце кровью обливалось на него глядеть. Потому что такие капризули, как Ава, не каждый день попадаются.

В частности, Ава требовала для прохлаждения своей особы целых пять видов шербета – черносмородиновый, малиновый, лаймовый, вишневый и апельсиновый. По ее мнению, она заслуживала это лакомство, ведь съемки проходили в тяжелых условиях. Причем шербет следовало подавать на белом блюде в особых бокальчиках и желательно с лесной земляникой.

– Впрочем, Фрэнк, если земляники не достанешь, я и так обойдусь. – Вот Авины слова.

– Ты, наверное, не понимаешь, что в этих треклятых джунглях невозможно достать сам шербет, – заметил Фрэнк.

– Понимаю, – устало кивнула Ава. – Ну так позвони в Лондон, пускай пришлют. И закажи заодно печенюшек на сливочном масле – я их обожаю.

– Хорошо, закажу, – покорно пообещал Фрэнк.

Жара стояла немыслимая, дневные температуры доходили до пятидесяти пяти градусов по Цельсию. Ава прескверно себя чувствовала. И немудрено – кому понравится спать в палатке, где зудят и кусаются москиты, а муравьи ползают прямо по ногам? Вдобавок Аву постоянно тошнило. В довершение всех бед, рядом с Кларком Гейблом она еще острее, чем обычно, ощущала собственную профнепригодность. Ава мечтала только об одном – скорей бы закончились съемки.

Беременности Авы

В Африке Ава поняла, что беременна.

Еще в ноябре 1951 года, в интервью Мари Торр, журналистке «Нью-Йорк уорлд телегрэм энд сан», Ава призналась – ей хочется иметь детей.

– Мне нравятся большие семьи. В юности я мечтала о четверых сыновьях. Сейчас мне двадцать восемь – с четырьмя я вряд ли управлюсь. Придется довольствоваться двумя, в лучшем случае – тремя детьми».

Теперь, будучи законной женой Фрэнка Синатры, Ава думала иначе.

При известии о ребенке Фрэнк возликовал. Ава никаких восторгов не чувствовала. Фрэнк считал, ей следует бросить съемки, ведь африканский климат наверняка вреден женщине в положении. Ава оставалась глуха к его уговорам. В автобиографии она писала: «Я была уверена, что в первые годы жизни малыша мать должна полностью посвятить себя ему. А если ребенок нежеланный – что дети странным образом чувствуют еще в материнской утробе, – он с момента рождения уже ущербный». Вдобавок контракт с «Эм-джи-эм» гласил: никаких беременностей, иначе не будет и гонорара. Деньги в семье зарабатывала именно Ава; что они с Фрэнком станут делать, если она лишится доходов?

Фрэнк и слышать не хотел об аборте. Ему хватило того, давнего случая с Нэнси. Авиному поверенному, также находившемуся на съемках, Фрэнк сказал:

– Нельзя допустить еще один аборт. Не пойму, чем я плох этим женщинам? Почему они считают, будто вправе решать такое без меня?

– У вас уже есть две дочери и сын, – напомнил поверенный.

– Это исключительно по милости Нэнси, – парировал Фрэнк. – Не будь я полным идиотом, детей было бы четверо. Но Аве я аборт делать не позволю. Я должен ее отговорить.

Бдительность Фрэнка усыпило то обстоятельство, что Ава очень хорошо относилась к его дочерям. Раз так, думал он, значит, она хочет и собственного ребенка.

Нэнси-старшая нередко отправляла Нэнси-младшую и Тину к Авиной сестре, Бэппи, чтобы девочки могли пообщаться с отцом и мачехой. Такие действия диктовались практичностью первой жены Фрэнка. Если Фрэнку суждено быть с Авой, рассуждала Нэнси, ей самой нужно смириться с тем, что Ава является мачехой ее детей. (Сына к Аве не водили, поскольку он не

проявлял интереса ни к ней, ни даже к отцу.) Ава была внимательна к обеим дочерям Фрэнка. Именно она подарила Нэнси первую помаду и показала, как ею пользоваться. А Тину Ава учила шить. Они любили все вместе смотреть телевизор, ходили на далекие прогулки и устраивали особые, «девочковые» ланчи. Ужинали в такие дни всегда с Фрэнком.

Тина полюбила Аву буквально с первой встречи.

– Впечатление было колоссальное, раз и навсегда, – рассказывает Тина. – Ава потрясла меня до глубины души, все чувства взбудоражила. Нежная и простая, она, увидев меня, опустилась на колени, чтобы наши лица были на одном уровне. Никогда не забуду.

Нэнси в отличие от младшей сестры понадобилось время, чтобы полюбить Аву.

– Помню, я играла в маминой гардеробной. Ну, как все девочки играют – примеряла наряды, которые были мне не по росту и не по возрасту. Забралась на стул, чтобы достать обувную коробку, и случайно свалила целую кипу журналов. Мама их почему-то держала в недоступном месте. Там были «Модерн скрин», «Фотоплей» и другие журналы, посвященные кино. Я стала листать и обнаружила много фотографий папы с очень красивой леди по имени Ава Гарднер. Еще папа был снят с мамой и с нами – мной, Фрэнки и маленькой Тиной. Как и мама, я очень переживала из-за папы – ведь он и меня бросил. А потом, конечно, мне пришлось познакомиться с той, другой женщиной. И мое сердце растаяло при одном только взгляде на нее. Я была совсем ребенком, не знала, какую силу имеет красота. Никогда не сталкивалась с красотой, от которой дух захватывает. Ава оказалась самым восхитительным созданием. Я смотрела на нее, как зачарованная, глаз не могла отвести. Тогда-то я начала понимать, почему папа от нас ушел. А ведь я еще даже не вступила в подростковый возраст.

Нет ничего удивительного в таком понимании. В конце концов, между Нэнси и ее отцом всегда существовала особая связь. По утверждениям Нэнси, она с малых лет интуитивно угадывала, что именно на сердце у отца. А его чувства к Аве она даже отчасти разделяла – хотя и знала, сколько страданий вынесла из-за них мать.

Словом, вскоре обе дочери Фрэнка только и хотели, что ходить босиком и благоухать, как Ава – девочек завораживал Авин парфюм с нотками гардении. К чести Нэнси-старшей, надо сказать, что она не ругала за это дочерей. А для Фрэнка посыл был яснее ясного: Ава не просто хочет жить одной жизнью с его девочками – она сама будет прекрасной матерью для их будущих

детей. Поэтому заявление Авы о намерении сделать аборт стало для Синатры таким ударом.

Фрэнк еще кое-чего не знал, а именно: это не первая беременность Авы. Впервые она забеременела от Фрэнка еще в Лос-Анджелесе, но ему ничего не сказала.

– Мы с ней поехали в больницу Святого Иоанна, – вспоминает Рина Джордан. – Там всё было сделано быстро и качественно. Короче, выскоблили Аву. А тут кругом африканский буш. Вот проблема так проблема.

Итак, Ава рожать категорически не желала. Наверное, и тот факт, что Фрэнк оставил троих детей от Нэнси, не вдохновлял Аву на материнство. Они с Фрэнком бурно обсуждали аборт, однако к консенсусу прийти не успели – Фрэнк получил телеграмму от своего нового агента, Берта Алленберга из агентства Уильяма Морриса. Оказывается, Гарри Кол согласился попробовать его на роль Маджио. Фрэнк должен был первым же рейсом вылетать в Штаты. Он надеялся вскоре вернуться и всё обсудить с Авой. Пока же ему пришлось просить у Авы денег на авиабилет, а какому мужу это приятно? Ава денег, конечно, дала.

– Теперь, когда Фрэнк улетел, Ава могла всё хорошенько обдумать. Ее решение было однозначно – они с Фрэнком не должны впутывать в свои отношения еще и невинное дитя, – вспоминает Люси Уэллман.

– Понимаешь, мы так часто ссоримся, и ссоры такие ужасные! – говорила Ава, названивая своей подруге Люси из Африки. – Просто нечестно рожать в таком браке.

Люси предупреждала: сделать аборт втайне от Фрэнка, поставить его перед фактом – далеко не лучший вариант. Аве, говорила Люси, следует дождаться Фрэнка и вместе с ним принять окончательное решение – как-никак они муж и жена. Фрэнк на аборт не согласится, возражала Ава. У нее, мол, нет выбора – нужно решать самой.

– Я должна быть сильной за двоих, – твердила она.

– Фрэнк ужасно рассердится, – напомнила Люси.

Ава не спорила.

– Конечно, рассердится. Наверное, он меня убьет за такое дело. Может, это и к лучшему.

– А сама-то ты как себя чувствуешь? – спрашивала Люси. – Я за тебя беспокоюсь.

Ава сказала, что больше думать не может о перспективе аборта. Еще секунда таких мыслей – и она сдастся, оставит ребенка.

– Я должна просто лечь в больницу и сделать это. Потом думать буду, когда всё закончится. Когда ничего уже нельзя будет

исправить.

Режиссер, Джон Форд, тщетно пытался отговорить Аву от прерывания беременности.

– Ава, не забывай, что ты замужем за католиком. Фрэнк очень расстроится. Насчет контракта не волнуйся – я тебя прикрою. Изменю расписание съемок. Сцены с твоим участием мы отснимем прежде, чем животик появится. Никто ничего не заметит и не узнает. Одумайся, Ава! Речь идет о человеческой жизни!

– Время эта жизнь выбрала неподходящее, – упиралась Ава. – Я не готова стать матерью. Мы не готовы стать родителями.

Форд сдался и двадцать третьего ноября отпустил Аву в Лондон. Ава тайно вылетела из Африки в сопровождении супруги оператора, Роберта Сертиза. Женщины забронировали номер в «Савое». Оттуда Ава направилась в частную клинику, где ее беременность была прервана оперативным путем. Еще лежа в больнице, Ава дала интервью журналу «Лук», охарактеризовав свое замужество как очень счастливое. Лишь близким друзьям репортер сообщил, что интервьюировал Аву вскоре после аборта. Для читателей журнала Ава Гарднер поправлялась после дизентерии.

Тем временем Фрэнк успешно прошел кинопробы. Ему досталась сцена, в которой Маджио швыряет игральные кости на бильярдный стол. Только Фрэнк бросил не кости, а оливки.

– Одна эта сцена, этот удачный экспромт гарантировали Фрэнку роль, – вспоминал Фред Циннеман в марте 1997 года, за пару лет до своей смерти.

Впрочем, в указанной сцене проверялись не только актерские способности Фрэнка. С какой стороны ни посмотри, это было главное прослушивание. Фрэнк, умудрившись вложить в театральный жест эмоции реального человека, выжал максимум из пятнадцатиминутной сцены. Персонаж по имени Маджио написан самыми мрачными красками; Синатра – человек и актер на грани отчаяния – вполне раскрыл этот образ.

Вспоминает продюсер Бадди Адлер.

– Я был уверен, что у Фрэнка шансов на эту роль нет, и даже не пошел смотреть пробы. И вдруг мне звонит Фред Циннеман и говорит: «Давай приезжай, тут у нас такое – глазам не поверишь. Я уже на камеру всё записал». Сам Фрэнк думал, что ему предложено еще раз прогнать всю сцену. Он был бесподобен. Я тогда сказал себе: если Синатра весь фильм будет так играть, «Оскар» нам обеспечен.

Фрэнку оставалось дождаться режиссерского решения, но

перспективы были очень недурны.

Тут-то, во время ожидания, его и застала весть о том, что Аве сделалось дурно на съемках, и ее срочно доставили в Лондон и положили в больницу. По договоренности с Авой, доверенные лица назвали болезнь «тропической инфекцией» и приплюсовали к ней анемию. Беспокоясь о ребенке, Фрэнк метнулся в Лондон и обнаружил Аву в отеле «Савой». Она солгала ему, заверила: и с ней, и с малышом полный порядок.

Лишь в Африке, под Рождество, Ава созналась мужу, что сделала аборт. Фрэнк ушам своим не верил. Еще одно дитя уничтожено втайне от него! О чем только Ава думала?! Зачем она это сделала?! Ава не удостаивала мужа ответом, сохраняя столь знакомое ему непроницаемое выражение лица. Фрэнк ощущал полную беспомощность. Потом нехотя и весьма неубедительно Ава объяснила причины своего поступка. Весь разговор не занял и пятнадцати минут – Ава объявила, что устала и хочет побыть одна.

– Останься со мной, – молил Фрэнк. – Нам нужно всё обсудить.

– Нет, я пойду. Мне пора, – отрезала Ава. Впрочем, на пути к двери она всё-таки оглянулась и произнесла с тоской: – Пожалуйста, Фрэнк, постарайся меня не возненавидеть. Очень тебя прошу. Я просто не могла всё это выносить.

– Поздновато просишь, – скрипнул зубами Фрэнк.

– Похоже, возврата к прежнему не будет, – поделилась Ава с Люси Уэллман. Они-де с Фрэнком никогда через случившееся не перешагнут. – Я преступница! Я чудовище! – рыдала Ава в телефонную трубку. Люси посоветовала взять паузу, подумать, что для Авы главное в жизни на сегодняшний день, что именно ей нужно. Заметила, что Ава не только ребенка потеряла, но скорее всего еще и мужа.

– Ты права, – согласилась Ава. – Я разрушила остатки наших отношений. Может, даже нарочно, – добавила она, всхлипнув. И вдруг воскликнула, будто на нее озарение нашло: – Господи! Как по-твоему, Люси, я нарочно это сделала, да? Я нарочно разрушила наши отношения?

Люси сказала, что наверняка не знает, но, пожалуй, так и есть. Ава, не в силах продолжать разговор, повесила трубку.

Съемки фильма «Отныне и во веки веков»

К концу 1952 года Фрэнк Синатра почти не сомневался – заветная роль достанется его другу, Илаю Уоллаку.

– Узнав, что Уоллак тоже пробовался, я сказал себе: всё, Фрэнк, оставь надежду, – вспоминал Синатра. – Он опытный актер; куда мне с ним тягаться?.. А потом раздался звонок. Роль дали мне, гонорар определили – тысяча долларов в неделю. Но я бы и бесплатно снимался – потому что это была возможность сыграть самого себя.

– Уж я выложусь! – воскликнул Фрэнк, повесив трубку. – Они не пожалеют, что дали роль мне.

Съемки начались второго марта 1953 года там, где имеют место описанные в романе события – в гавайском городе Шофилд-Барракс, в отеле «Ройал гавайан», на пляже Вайкики, возле потухшего вулкана Даймонд-Хед и на курорте Уэйлея. Гарри Кон деньгами не сорил – бюджет был скромный, даже скудный по тем временам. Чартерный авиарейс приземлился в пять утра – и к этому времени Фрэнк с Монтгомери Клифтом так набрались, что были практически нетранспортабельны. Их поведение взбесило Берта Ланкастера. Вот что он рассказывал:

– Они напились в стельку. Мы с Деборой [Керр] добудиться их не могли. Представляете, какое положение? У трапа Гарри Кон с журналюгами ждет, а на борту – бардак.

Фреду Циннеману пришлось иметь дело с актерами противоположных темпераментов.

– Это было нелегко, – вспоминал Циннеман. – Впрочем, где вы видели легкие съемки? Снять фильм всегда трудно.

Берт Ланкастер особенно пекся о Деборе Керр – ведь амплуа неверной жены было для нее в новинку, прежде она играла добродетельных женщин. А с Циннеманом Ланкастер постоянно спорил – считал, что его роль следует переписать. Монтгомери Клифт в открытую называл Ланкастера пустозвоном.

Позднее Циннеман признавался, что работа с Фрэнком шла гладко. Фрэнк в девяноста процентах случаев полностью соглашался с режиссерским замыслом.

– Никаких проблем Синатра не доставлял. Ну, поспорим с ним малость – в десяти случаях из ста. Обычно, если актер с тобой в четырех случаях из десяти соглашается, – уже хорошо. Фрэнк очень старался и проявлял удивительную восприимчивость. У него тогда были серьезные неприятности. Каждый мог заметить – Фрэнка что-то постоянно гложет. Он слишком много пил. Наверняка уже алкоголизмом страдал.

Здоровые люди столько не пьют. Однако должен признать, что Фрэнк ни разу не потерял из-за алкоголя человеческий облик. Алкоголь ввергал его в очень мрачное настроение, но, по-моему, личные переживания только помогали Фрэнку играть Маджио. Добавляли персонажу глубины и убедительности. Фрэнк свою боль переносил на актерскую игру, это каждый мог заметить. В общем, работать с Фрэнком было приятно.

Нелегко давались Фрэнку сцены с Монтгомери Клифтом. Тот, узнав, что утвержден на роль Пьюитта, стал ради достоверности своего персонажа учиться боксу и игре на горне, а также искусству маршировать в сомкнутом строю. Репетировал каждую сцену, не возражал против многочисленных дублей, ведь в каждом повторе для Монтгомери раскрывались новые нюансы. Его энтузиазм положительно действовал на других актеров – заданная Клифтом планка была действительно высока, и каждый хотел до нее дотянуться. А Фрэнка прозвали «однодублевым». К третьему дублю он уставал и даже не пытался это скрыть.

– Перед записью песни я подолгу репетирую, прикидываю, что и как буду делать. Не то – в актерском ремесле, – однажды поделился Синатра. – Для меня «играть» – значит «реагировать». Если изначально всё сделать правильно, а главное, настроиться, можно сыграть сцену, даже не зная роль слово в слово. Но если нет настроя у тебя или у твоего партнера или партнерши – всё, забудь. Сцена не получится. Нельзя меня муштровать на съемочной площадке. Я тогда становлюсь как загнанная лошадь, непосредственность куда-то девается. А без непосредственности ничего не выходит, по крайней мере у меня. Поэтому мне трудно сниматься с актерами и актрисами, которым надо пятьдесят раз одну сцену прогнать, чтобы сообразить, что к чему. Я рвусь на штурм. Мне хочется крикнуть: «Да сделайте уже всё как надо и давайте двигаться дальше!» Но с Монтгомери я многие дубли терпел, потому что знал – у этого парня есть чему поучиться. Мы друг другом восхищались.

Монтгомери Клифт был давним поклонником творчества Фрэнка Синатры. По его мнению, Фрэнк обладал многими чертами, недостающими самому Клифту. Завораживали его не только вокальные данные Фрэнка. Сам сдержанный и застенчивый, Клифт восхищался внутренней свободой, которую столь часто демонстрировал Синатра. Фрэнк со своей стороны был очень впечатлен одержимостью, с какой Клифт отдавался актерской игре. Поэтому, когда Клифт вызвался помочь ему на съемках, Фрэнк ухватился за это предложение обеими руками. Поистине Монтгомери Клифт раскрыл Фрэнку удивительные, прежде неведомые глубины актерского мастерства, научил

вдумчивому отношению к роли. Нужно не просто реагировать на реплики и действия партнеров, а жить чувствами и мыслями своего персонажа, твердил Клифт.

Съемки «Отныне и во веки веков» заняли всего сорок один день. Оставалось только ждать выхода фильма. На него были все надежды Синатры.

Контракт с «Кэпитол Рекордз»

Когда съемки закончились, Фрэнк Синатра решил навести порядок в своей исполнительской карьере. Сейчас трудно в это поверить, но в 1953 году Фрэнк не мог заключить контракт ни с одной студией звукозаписи. Срок контракта с «Коламбия Рекордз» истек еще годом ранее, и продлять его студия не собиралась.

Мэни Сакс, будучи не последним человеком в Американской радиовещательной корпорации, пытался похлопотать за Фрэнка и обратился напрямую к главе компании, убеждая заключить контракт с Синатрой:

– От него будет польза.

Через несколько дней Мэни услышал ответ.

– Синатра нам не нужен ни под каким соусом.

Фрэнк Синатра-младший рассказывает:

– По словам Мэни, более неприятных вещей он отцу никогда не говорил. Долго не знал, с какой стороны начать. В итоге он облек отказ вот в какую форму: «Наши ребята считают, что не смогут содействовать твоему карьерному росту, Фрэнк. Я бы, конечно, надавил на них и заключил с тобой контракт, но, по-моему, тебе лучше попытать счастья в другом месте. Знаешь, когда люди с самого начала в успех не верят, с ними не стоит связываться». Папа заверил Мэни, что посыл ему ясен.

Фрэнк сунулся в одну звукозаписывающую компанию, в другую – и всюду получал отказ. Наконец руководство «Кэпитол Рекордз» проявило признаки интереса к сотрудничеству с Фрэнком. Ему предложили нестандартный контракт на один год, не предполагавший иного вознаграждения, кроме авторского гонорара. Расходы по аранжировке, копированию и прочему нес сам Фрэнк. Такие контракты обычно предлагают начинающим певцам. И то за Фрэнка хлопотали сразу три человека. Эксел Стордал (муж Джун Хаттон, которая уже имела контракт с «Кэпитол Рекордз») попросил Гленна Уоллака (президента лейбла), и с такой же просьбой обратились к Уоллаку Дик Джонс (игравший на фортепьяно на свадьбе Фрэнка и Авы) и Дэйв Декстер, джазовый продюсер «Кэпитол Рекордз». Декстер являлся давним и преданным поклонником Синатры, однако тот, известный злопамятностью, отплатил за хлопоты по-своему – через несколько лет отказался взять Декстера в продюсеры, потому что Декстер давным-давно написал о творчестве Фрэнка критический отзыв для журнала «Даунбит».

Первая запись на студии «Кэпитол Рекордз» состоялась тридцатого апреля 1953 года. Продюсер Войл Гилмор хотел

сделать аранжировщиком трубача Билли Мэя, но Мэй был в отъезде. Тогда его заменил Хейни Бо для композиции «Худышка» (Lean Baby). Эксел Стордал выступил аранжировщиком песни «Я следую за тобой» (I'm Walking Behind You).

Для первой записи на «Кэпитол Рекордз» Гилмор пригласил тридцатиоднолетнего Нельсона Риддла. Ранее Риддл работал на Томми Дорси и являлся аранжировщиком песни «Мона Лиза» для Нэта Кинга Коула. В случае с Фрэнком Синатрой Риддл выполнил аранжировку композиций «Я тебя люблю» (I Love You) и «К югу от границы» (South of the Border). Именно этой песней Фрэнк любил начинать концерты. Была записана и меланхолическая баллада «Не беспокойся обо мне» (Don't Worry About Me). Благодаря Нельсону Риддлу слушатели вновь ощутили волшебство исполнительской манеры и голоса Синатры; поистине Риддл вдохнул в его творчество новую жизнь.

Несомненно, заслуга Риддла состоит в том, что в пятидесятые годы Синатра освоил свинг. Вот как отзывался о Синатре сам Риддл:

– Равных ему просто не было. Фрэнк не только вдохновлял на новаторство всех, с кем имел дело. Он с таким восторгом реагировал на каждое ваше достижение, что вы рвались выложиться ради него по полной. Фрэнк, помимо удивительного чутья в плане темпа, фразировки и фигурации, обладал безупречным вкусом.

Неудивительно, что альбомы, записанные Фрэнком на «Кэпитол Рекордз» в последующие семь лет, считаются лучшими и самыми запоминающимися в его творчестве. В то время как «Коламбия» растила из Фрэнка исполнителя приторных любовных баллад, «Кэпитол Рекордз» создала совсем другого Синатру – стильного, мужественного, ироничного. Правда, и на «Кэпитол» Фрэнк перезаписал несколько своих прежних хитов. Просто сам он теперь изменился. Когда-то мир штормило от восхищения обаятельным и голосистым юношей – но это было давно. Обстоятельства места и времени, не говоря уже о личном опыте, сыграли решающую роль в становлении Фрэнка Синатры. Он превратился в серьезного исполнителя, придирчиво выбирающего материал. По утверждению поклонников (которые называют годы с 1953 по 1961-й «Кэпитолским периодом»), Синатра запел гораздо лучше.

– Нельсон добавил нажима в звучание, – говорит Фрэнк Синатра-младший. – В сороковые годы папа был классическим сладкоголосым крунером. Теперь он избегал приторности, манера исполнения стала более энергичной. Вдобавок и сам голос изменился, зазвучал ниже, мощнее, глубже. Казалось, теперь папа

проживает каждое слово песни. Он распрощался с имиджем кудрявого юноши с галстуком-бабочкой и выходил на сцену в классическом длинном галстуке и в шляпе.

Часть шестая
Назад, на вершину

Успех

Премьера фильма «Отныне и во веки веков» состоялась в театре «Кэпитол» пятого августа 1953 года. Гарри Кон, президент «Коламбии», вспоминает: не было привычных для подобных мероприятия кинозвезд в лимузинах, не было интервью. Просто Кон дал в «Нью-Йорк таймс» рекламу фильма на целый разворот и настоятельно посоветовал всем посмотреть «Отныне и во веки веков». Очереди в кассы отличались такой длиной, что решено было устроить дополнительный показ в час ночи. А потом «Кэпитол» демонстрировал фильм круглосуточно, закрываясь ненадолго после полуночи исключительно для того, чтобы уборщики могли навести чистоту.

Реакция публики и критики Фрэнка изумила.

– Я знал, что фильм хорош и что я недурен в роли Маджио, но таких восторгов не ожидал.

– Он мне позвонил после двухлетнего перерыва, – рассказывал Джои Д'Орацио, хобокенский приятель Фрэнка. – Ты, говорит, должен посмотреть «Отныне и во веки веков». Я-де там здорово поработал. Я говорю: «Фрэнки, да я уже смотрел. Ты бесподобен». «Знаю, – отвечает, – знаю, что я бесподобен». Фрэнк был просто счастлив. Говорит: «Ну, вот я и вернулся в искусство. Этот фильм – мое возвращение». Я ему возражаю: «Фрэнки, ты ж никуда и не уходил». А он только смеется. «Знаешь, Джои, сколько народу на мне крест поставило? Я им всем доказал, что рано мою карьеру хоронить. Заметь – в "Отныне и вовеки веков" я не пою!»

К сентябрю 1953 года фильм «Отныне и во веки веков» стал настоящей сенсацией, а карьера Фрэнка действительно являла убедительные признаки возрождения. В сентябре Синатра выступал в Инглвуде в клубе «Ривьера», что в Нью-Джерси, при полном аншлаге.

Вспоминает Эдди Фишер.

– Это было одно из самых грандиозных шоу. Фрэнк не взял ни единой фальшивой ноты, не сделал ни единого непродуманного или неуместного жеста. Он лучился совершенно восхитительной энергетикой. В зале осталось только одно незанятое место – его зарезервировали для Авы.

Ава, впрочем, перед шоу поссорилась с Фрэнком и решила на первом его концерте не присутствовать. Правда, она явилась на второй концерт и сидела рядом с Эдди Фишером. Вот что писала о представлении газета «Нью-Йорк джорнал американ»:

«Для неподражаемой Авы мистер Голос выложился по

полной. Эмоции хлестали через край, точно вулканическая лава; дивные ноты взлетали под самый потолок. Синатра исполнил двадцать четыре песни практически подряд, без передышки. Слушатели, кроме тех, что замерли, предвкушая примирение с Авой, трепетали от восторга. Впервые в истории ночных клубов артист столь щедро распоряжался своими вокальными данными».

Второго октября в Нью-Йорке состоялась премьера фильма «Могамбо», и супруги Синатра присутствовали на торжествах в «Радио-сити-мьюзик-холл». На следующий день они улетели обратно в Голливуд.

Примерно через неделю Ава отправилась отдохнуть в Палм-Спрингз, а Фрэнк – в Лас-Вегас, готовиться к концерту в «Сэндз», назначенному на девятнадцатое октября. Он был очень огорчен отказом Авы присутствовать на премьерном выступлении. Супруги снова крупно поссорились, о чем не преминула раструбить пресса.

– Я ни есть, ни спать не могу. Я ее люблю, – признался Фрэнк Луэлле Парсонс.

– Что ж ты мне об этом говоришь? Лучше скажи Аве, – посоветовала Луэлла.

Последняя капля

Вспоминает Мэрилин Кейн, которая в октябре 1953 года работала на рецепции в отеле «Сэндз», где остановился Синатра:

– Однажды вечером он мне говорит: я иду спать, и чтоб никаких телефонных звонков! Только если позвонит жена, соедините ее с моим номером. И впрямь, его жена позвонила около трех ночи: «Дайте номер мистера Синатры». У меня были четкие инструкции, поэтому я уточнила: «А кто его спрашивает? Представьтесь, пожалуйста». Она как закричит: «Вы отлично знаете, кто я такая! Я его жена. Соединяйте скорей». Я даже подпрыгнула от неожиданности. Сию минуту, говорю, миссис Синатра. А она: «Мисс Гарднер! Мое имя – мисс Гарднер! Соединяйте уже, наконец!» В общем, она была очень раздражена, если не сказать взбешена.

По словам Люси Уэллман, Аве кто-то напел: дескать, у Фрэнка в отеле очередная статистка из «Копакабана». (К ужасу Авы, клуб с таким названием открылся и в Лас-Вегасе.)

– Будь у Фрэнка интрижка с кинозвездой, я бы еще поняла. Я бы, может, даже посоперничала с ней за место в его сердце, – рассуждала Ава. – Но променять меня на статистку – это слишком.

Разговаривая в ту ночь с Фрэнком, Ава расслышала женский голос.

– Тогда-то битва и началась, – свидетельствует Люси Уэллман. – Ава была уверена, что Фрэнк ей изменяет. Ночной звонок стал последней каплей. После всех ссор и скандалов, после всего пережитого – дешевка, девица из кордебалета! Я говорю Аве: «Может, это горничная там на заднем плане бубнила, или, допустим, официантка что-нибудь Фрэнку принесла?» Но Ава уперлась рогом. «Горничная? В три часа ночи? Обслуживание номеров? Знаю я, где конкретно этого сукина сына обслуживали – между ног!»

Ава твердо решила расторгнуть брак с Фрэнком, о чем и заявила ему по телефону.

Приведем памятку от двадцать пятого октября 1953 года, составленную управляющим отеля «Сэндз» и казино, Джеком Энтраттером, для персонала с рецепции. Эта памятка была обнаружена среди других деловых бумаг, хранящихся в Невадском университете. Итак:

«Согласно настоятельной просьбе мистера Синатры, отныне следует всячески препятствовать его супруге, Аве

Гарднер Синатре, если она попытается дозвониться до мистера Синатры или лично проникнуть к нему в номер. Если же миссис Синатра захочет снять номер в нашем отеле, следует перенаправлять ее ко мне в кабинет. Ни при каких обстоятельствах миссис Синатра не должна вступать в контакт с мистером Синатрой. Кроме того, все представители прессы, интересующиеся отношениями супругов Синатра, должны быть перенаправлены без каких-либо комментариев в кабинет заведующего пресс-службой Эла Гузмена».

Двадцать седьмого октября 1953 года Говард Стриклинг, глава пресс-службы «Эм-джи-эм», заявил в письменной форме, что Ава и Фрэнк отныне проживают отдельно друг от друга, а также что примирения не последует, и мисс Гарднер будет подавать на развод.

Вечером того же дня личный стилист Авы, Сидни Гуларофф, спокойно смотрел новости по телевизору. Вдруг раздался звонок в дверь. Открыв дверь, Сидни увидел Аву. По его словам, на ней просто лица не было.

– Мне нужно с кем-нибудь поговорить, – сказала Ава.

Сидни хотел обнять ее, но Ава отстранилась и прошла на лужайку перед домом. Она стала всхлипывать. Сидни опасался, как бы с ней не случилась истерика.

– Фрэнк в порядке? – на всякий случай спросил он.

Ава сделала глубокий вдох, затем выдохнула и застыла с открытым ртом. Куда только девался весь ее гламурный шик? На шее у Синди повисла обычная, несчастная женщина. Уткнувшись подбородком ему в плечо, Ава прошептала:

– Я думала, что смогу. Но нет, я не в силах об этом говорить.

Сидни слегка отстранил ее, заглянул ей в глаза и сказал:

– Ава, пошли в дом. Прошу тебя.

Но Ава уже пыталась совладать с собой.

– Нет, нет. В доме со мной истерика случится, а ее-то я и стараюсь не допустить.

Сидни решил, что Аве лучше побыть одной. Он вернулся в дом, однако еще долго не мог успокоиться, глядел в окно. Ава мерила шагами лужайку, вся словно омытая лунным светом. После полуночи Сидни пошел спать. Часа через два его разбудил шум мотора, – Ава наконец решилась уехать. Сидни видел, как мелькнули в темноте габаритные огни ее автомобиля.

Капиталовложения в Вегас

Через два дня после объявления о раздельном проживании с Авой Фрэнк предстал перед налоговым комитетом штата Невада. Несколькими месяцами ранее он обратился с просьбой о покупке двухпроцентной доли в отеле «Сэндз». Эта просьба вызвала бурные споры в налоговом комитете. Ведь Фрэнк по-прежнему имел задолженность в семьдесят тысяч долларов (всего взимаемый с него налог составлял сто шестьдесят тысяч). Один из членов комитета предлагал эти пятьдесят четыре тысячи (стоимость двух процентов в «Сэндз») вычесть из семидесяти тысяч задолженности. В конце концов, Фрэнк всегда был аккуратен с налоговыми выплатами по контрактам (тысяча долларов с каждого ангажемента в клубе или театре). И он уже выплатил девяносто тысяч долга. Понимая, что и остаток Синатра утаить не попытается, члены налогового комитета шестью голосами против одного разрешили Фрэнку покупку доли в «Сэндз» – даже несмотря на упорные слухи о его связях с мафией.

На самом деле мафия и так управляла отелем «Сэндз». Очень уж просто было снимать сливки с этого заведения, занижать на бумаге валовой доход, а в налоговое управление слать то, что оставалось после раздела сладкого «пирога». К тому же в те времена налоговое управление не требовало отчетов о трансакциях с наличными, вот Лас-Вегас и стал этаким раем для подпольных структур. Мафиози запросто селились в отелях Лас-Вегаса и водили дружбу с выступавшими там звездами шоу-бизнеса. Некоторые из этих звезд, например, Фрэнк, понимали, с кем имеют дело, с кем налаживают деловые связи и на чью поддержку рассчитывают. Иными словами, Фрэнк добровольно и охотно контактировал с представителями преступного мира. Другие знаменитости вроде Сэмми Дэвиса-младшего просто делали свою работу, не задавая вопросов, и держались подальше от сомнительных персонажей.

Доля Фрэнка в отеле «Сэндз» (со временем выросшая до девяти процентов) очень его выручала. Благодаря удачному финансовому вложению за пару лет Фрэнк стал миллионером. Впоследствии он даже занял пост вице-президента корпорации «Сэндз». Можно сказать, что Фрэнк совмещал полезное с приятным – ведь известно о его увлечении азартными играми. Поистине игра была страстью Синатры, притом наследственной – и Долли, и Марти также обожали азартные игры. Имея долю в казино отеля «Сэндз», Фрэнк мог поставить на кон несколько тысяч долларов за покером. Если он выигрывал, деньги

доставались ему; если проигрывал – просто шел спать, ничего не потеряв. Особенно Фрэнк любил играть в баккара и, случалось, проигрывал до пятидесяти тысяч за вечер.

В 1953 году Фрэнк Синатра записал для студии «Кэпитол Рекордз» целый ряд запоминающихся композиций. Одна из записей была сделана пятого ноября 1953 года: классическая интерпретация известной песни «Моя смешная Валентина» (My Funny Valentine) из мюзикла «Дети в доспехах» (Babes in Arms). Музыку написал Ричард Роджерс, слова – Лоренц Харт. Аранжировку для Синатры выполнил Нельсон Риддл. Песня по праву считается одной из самых трогательных любовных баллад, созданных тандемом Роджерс – Харт. В исполнении же Синатры она просто незабываема. Фрэнк пел «Смешную Валентину» в ночных клубах и концертных залах еще сорок с лишним лет. Впрочем, «Смешная Валентина» – только одна композиция в ряду не менее достойных, что появились в период с пятого по шестое ноября 1953 года и вошли в альбом «Свингуй легко! Песни для юных влюбленных» (Songs for Young Lovers. Swing Easy). Также в этот альбом включены композиции «Туманный день» (A Foggy Day), «Этого у меня не отнять» (They Can't Take That Away from Me), «Словно влюбленный» (Like Someone in Love), «Ты меня пьянишь» (I Get a Kick Out of You) и «Печальная девочка» (Little Girl Blue).

Восьмого и девятого декабря Фрэнк снова появился на студии. Они с Авой к тому времени жили раздельно, и, хотя Ава пока не подала на развод, казалось, что отношениям настал конец.

– Тогда каждый день был точно понедельник, – вспоминал Фрэнк.

Он похудел до пятидесяти трех килограммов, но продолжал записывать восхитительные композиции, в том числе – явно пронизанную собственным опытом «Зачем мне плакать из-за тебя?» (Why Should I Cry Over You), а также любимую повсеместно «Это молодое сердце» (Young at Heart).

Фрэнк никак не ожидал, что песню «Это молодое сердце» подхватят и включат в свой репертуар многие исполнители, например, Нэт Кинг Коул. Записать ее Фрэнка убедил Джимми Ван Хэйсен и не ошибся – песня стала новым витком в карьере Синатры. Вероятно, волшебный эффект, производимый этой песней, да и другими, на слушателей, заключается в простоте посыла. Мы не говорим уже о позитивной манере исполнения.

Мэрилин Монро: дубль один

Пока Фрэнк зализывал раны от разрыва с Авой Гарднер, другая кинозвезда, Мэрилин Монро, пыталась оправиться после развода с Джо Димаджио, легендой бейсбола. Фрэнк и Мэрилин были добрыми друзьями; правда, трудно сказать, когда они познакомились. Есть сведения, что первая встреча состоялась в 1954 году в ресторане «Романофф». Известно также, что годом ранее Мэрилин забраковала сценарий фильма «Чертовка в розовом трико» (Heller in Pink Tights). Собственно, планировался ремейк фильма 1943 года «Кони-Айленд» с Бетти Грейбл в главной роли. Не откажись Мэрилин от съемок, она могла бы сблизиться с Фрэнком, ведь тогда бы она заключила контракт со студией «Фокс». Однако Мэрилин назвала сценарий дешевкой, а условия контракта – рабством. Впрочем, творчество Фрэнка Синатры ей всегда очень нравилось.

Джо Бишоп, джазмен и композитор, вспоминает, как «в пятьдесят каком-то году» Мэрилин пришла в клуб «Копакабана» во время его выступления.

– Всё внимание сразу переключилось на нее. Кто станет слушать какого-то там Бишопа, когда появилась сама Мэрилин Монро? В зале не было ни одного свободного местечка, но для Мэрилин мигом притащили стул и поставили в четырех футах от меня. Я взглянул на нее и говорю: «Мэрилин, я вроде велел тебе ждать в грузовике».

В 1954 году Мэрилин перебралась в дом Фрэнка. По ее версии – до тех пор, пока не восстановит эмоциональное равновесие. Итак, Фрэнк и Мэрилин стали друг для друга утешителями. Они всё еще любили своих утраченных супругов, так что интимной связи между ними тогда не было. Фрэнк вообще больше ничем не интересовался, хотя его приятели, конечно, не верили ему. Да и кто бы поверил, будто, деля кров с одной из прелестнейших и популярнейших кинозвезд, можно оставаться равнодушным к ее чарам?

Известно, что Мэрилин имела привычку разгуливать нагишом, каковая привычка отнюдь не облегчала жизнь Фрэнку. Притом для Мэрилин «костюм Евы» просто был предпочтительнее всех остальных костюмов. Она и перед друзьями, и перед прислугой нередко появлялась а ля натюрель.

Знакомые Мэрилин не удивлялись, застав ее обнаженной, а сама она любила возникнуть перед изумленным визитером «без ничего», с одной только неподражаемой улыбкой. Живя у Фрэнка, Мэрилин не изменила своим привычкам.

Однажды утром – так рассказывал сам Фрэнк – он проснулся и пошел на кухню в одних трусах. Обнаженная Мэрилин стояла перед раскрытым холодильником, сунув пальчик в рот, и пыталась сообразить, какого соку ей больше хочется – апельсинового или грейпфрутового?

– Это ты, Фрэнки? – произнесла она. – Не знала, что ты уже проснулся.

В этот миг закончились платонические отношения между Мэрилин Монро и Фрэнком Синатрой.

– Фрэнк рассказывал, что взял ее прямо на кухне, возле холодильника – который, правда, предварительно закрыл, – вспоминает близкий друг Синатры. – Так начался, то прерываясь, то возобновляясь, их длительный роман, закончившийся только смертью Монро в 1962 году. Фрэнк ее любил… настолько, насколько вообще мог в тот период любить кого бы то ни было.

Фрэнк считал Мэрилин умной, остроумной, сексуальной и волнующей – а главное, непредсказуемой. Однако существовал целый ряд причин, по которым Фрэнк не мог себе позволить серьезных отношений с Монро. Во-первых – и в-главных – к Мэрилин он не испытывал страсти того накала, что к Аве. Кроме того, Фрэнк еще страдал по Аве. Когда Мэрилин достаточно оправилась после развода с Димаджио и ушла, Фрэнк вздохнул с облегчением. Определенно, их связь на этом не закончилась. Через несколько лет Фрэнк с головой окунулся в мир Мэрилин – хаотичный и запутанный.

«Это после Фрэнка-то?»

Ава Гарднер подала на развод лишь в 1954 году, назвав поводом «невнимание мужа». Авин адвокат, Рауль де Виллафранс, заявил, что из дома, который Ава и Фрэнк делили дольше шести месяцев подряд, Синатру не выкуришь. Фрэнк не спорил. Невнимание? Что за чушь. Тут и обсуждать нечего, настолько обвинение абсурдно. Бракоразводный процесс занял три года. Ава больше не вышла замуж.

Между тем другая жертва бурных отношений Фрэнка с Авой, а именно Нэнси, начала оправляться от удара посредством заботы о детях. С течением времени Нэнси восстановила былую грациозность, когда-то привлекшую Фрэнка. Лучше всего об этом удалось сказать Нэнси-младшей:

– У мамы было больше элегантности и шика, чем у всех звезд и звездулек, вместе взятых. Притом элегантностью и шиком мама была пропитана вся, до кончиков ногтей.

После развода Нэнси осталась полноправным членом голливудского общества, что лишь свидетельствует в пользу ее популярности, ведь звездные жены, как правило, исчезают из поля внимания прессы сразу после развода. Нэнси дружила со многими знаменитостями, а также с теми, чьими стараниями процветает индустрия развлечений.

– Нэнси Барбато Синатра пережила свою боль, пережила настырное внимание прессы и выплыла из этой пены, оставшись незапятнанной, – рассказывала Нэнси-младшая.

Подобно Аве, Нэнси больше замуж не вышла. Однажды ее спросили почему, и она ответила:

– Мне? Замуж? Это после Фрэнка-то?

Интерпретировать фразу можно по-разному.

Дети Фрэнка также оправились после развода родителей. В 1954-м Нэнси было четырнадцать, Фрэнки – десять, Тине – шесть. Визиты отца, всегда неожиданные, становились для всех троих настоящим праздником. Внезапно на подъездной аллее появлялся знакомый автомобиль, и Нэнси, Фрэнки и Тина себя не помнили от радости. Синатра вез их обедать и на целых два часа становился обожаемым папочкой, которого детям так не хватало. А потом он смотрел на часы и говорил: «Ну, дорогие мои, мне пора домой». Нэнси-старшая провожала бывшего мужа до машины и что-то шептала ему на ухо. Дети понятия не имели, что она говорит, но им казалось, это – слова любви и ободрения. Фрэнк терпеливо слушал, кивал, обнимал Нэнси на прощание и уезжал. И ни мать, ни дети не знали, когда он приедет снова.

Порой тоска по отцу становилась невыносимой. Тогда девочки, Нэнси и Тина, прокрадывались в комнату, оставленную в их доме за Фрэнком. Там хранились отутюженные костюмы, галстуки и шляпы, там пахло отцовским одеколоном. Вдыхая запах лавандового мыла марки «Ярдли», девочки гладили рубашки Фрэнка, развешанные по оттенкам, и вспоминали время, проведенное с отцом. Даже став взрослыми, обе они не могли отделаться от чувства невосполнимой утраты, которая постигла их в раннем возрасте. Фрэнки-младший, недовольный поведением сестер, заходил их урезонить.

– Папа здесь не живет, – внушал он. – Ну, чего вы раскисли? Пойдемте лучше в сад играть.

1954 год. «Оскар»

Март 1954 года стал для Синатры особенным месяцем. Его карьера переживала взлет, каковое обстоятельство, несомненно, помогало Фрэнку преодолеть боль от расставания с Авой. Композиция «Это молодое сердце» заняла первое место по версии радиопередачи «Твой хит-парад» и на восемь лет вошла в пятерку самых любимых песен Синатры. Его также назвали самым популярным вокалистом года (по результатам опроса журналов «Биллборд», «Даунбит» и «Метроном»). Не верилось, что еще совсем недавно от сотрудничества с Фрэнком отмахивались все студии звукозаписи.

– Поистине лишь в шоу-бизнесе положение артиста меняется с такой стремительностью, – говаривала Ава. – Но Фрэнк эту перемену заслужил как никто другой.

С полным правом заявить «Я снова на вершине» Фрэнк смог, когда получил «Оскар» как лучший актер второго плана. Это случилось двадцать пятого марта 1954 года. Уже одно номинирование на приз Киноакадемии стало для Фрэнка важным событием. В этой же номинации с ним соперничали Эдди Альберт (фильм «Римские каникулы»), Брэндон де Уайлд и Джек Пэлэнс (фильм «Шейн») и Роберт Штраус (фильм «Шталаг № 17»). Номинирование подтвердило, что киностудия не ошиблась в выборе актера на роль Маджио. Сам-то Фрэнк знал, что подходит идеально; но все остальные, кроме Авы, были настроены, мягко говоря, скептически.

Итак, двадцать пятого марта Фрэнк занял место в левом крыле театра «Пантажес», став одним из двухсот восьмидесяти гостей церемонии. Рядом с Фрэнком сидела Нэнси, дальше – Фрэнки-младший. К слову, двадцать пятое марта – день рождения первой жены Синатры; перед церемонией она пригласила Фрэнка на ужин и вручила ему подарок – миниатюрный золотой медальон. На одной стороне было изображение святого Генесия – покровителя актеров, на другой – миниатюрный «Оскар». Также имелась надпись: «Папе с любовью отныне и во веки веков». Более трогательного подарка Фрэнк и представить себе не мог.

Вспоминает Фрэнк Синатра-младший:

– Стоило [актрисе] Мерседес Маккембридж назвать Фрэнка Синатру победителем, как зал взорвался аплодисментами. Публика будто сошла с ума. Мужчины и женщины выкрикивали его имя, на глазах у всех блестели слезы. Вдруг все взгляды устремились на нас. Отец медленно поднялся и пошел на сцену за своим «Оскаром». Это была главная прогулка в его жизни. А его

улыбку я никогда не забуду.

Фрэнк взял заветную статуэтку и на несколько минут онемел. Он был потрясен.

– Леди и джентльмены, – наконец заговорил Синатра. – Я тронут до глубины души. И я действительно не знаю, что сказать, потому что никакого опыта по этой части у меня нет. Я – просто артист, который поет и танцует для вашего удовольствия. – В зале захихикали – самоирония Фрэнка пришлась публике по вкусу. Фрэнк умно поступил, начав именно с самоиронии. – Мне очень приятно, что сегодня никто не просит меня спеть, хотя вон сколько здесь исполняется разных композиций. Я вас всех люблю, леди и джентльмены. Огромное вам спасибо. Я совершенно счастлив.

– Затем папа, бережно держа трофей, вернулся на свое место рядом с мамой и со мной. Донна Рид громким шепотом попросила: «Можно мне потрогать Оскара?» и потянулась к золотой статуэтке. А через несколько минут со сцены назвали ее имя. Донна также получила «Оскар» за лучшую роль второго плана в фильме «Отныне и во веки веков». До сих пор как наяву вижу ее улыбку, – рассказывал Фрэнк Синатра-младший.

В общей сложности фильм «Отныне и во веки веков» завоевал восемь из тринадцати «Оскаров», на которые номинировался, побив рекорд фильма «Унесенные ветром». В том числе был получен «Оскар» за лучшую картину. По мнению журнала «Вэраэти», награда Фрэнка вновь открыла ему дорогу в легенды кино.

Ава также номинировалась на «Оскар» за главную роль в фильме «Могамбо», но награды не получила. Узнав о победе Фрэнка, она расплакалась от радости. Позднее Ава признавалась: ее немало покоробил тот факт, что победу Фрэнк празднует с бывшей женой. В конце концов, именно Ава поддерживала Фрэнка перед съемками; именно она помогла ему получить заветную роль. Первым ее порывом было поздравить Фрэнка по телефону. Однако Ава испугалась, что не сдержит эмоций и испортит Фрэнку праздник. Тогда она послала ему поздравительную телеграмму.

– Он меня считает чудовищем, – говорила Ава своей подруге Люси Уэллман. – Пожалуй, неудивительно. Я и впрямь чудовищно вела себя по отношению к Фрэнку, верно ведь?

– Я понял, каково это – родиться заново, – так описывал сам Фрэнк свои ощущения после получения награды. Событие отмечали у него в квартире на бульваре Уилшир, а распоряжалась всем Нэнси. – Я не мог делиться этой радостью ни с одним живым существом. Я попросту сбежал с вечеринки, скрылся от гостей.

Мы – я и Оскар – гуляли по улицам. Кажется, я всю жизнь заново прожил, бродя по Беверли-Хиллз. Подумать только, десятилетие я начал как «отработанный материал», а закончил как человек, исполненный благодарности за то, что ему предоставили в жизни второй шанс.

Золотой век

Следующие два года можно назвать творческим возрождением Фрэнка Синатры, его золотым веком. С 1954 и до конца 1955-го он снялся в целом ряде успешных фильмов, включая «Внезапный» (Suddenly), где сыграл хладнокровного наемного убийцу. Также на счету Фрэнка роль врача в фильме «Не как посторонний» (Not as a Stranger). Главные роли сыграли Оливия де Хэвилленд и Роберт Митчем. В «Нежной ловушке» (The Tender Trap) Фрэнк предстал театральным агентом и ловеласом, его партнершей была Дорис Дэй. С этой актрисой Фрэнк начал работать в 1949 году, еще на «Коламбии»; тогда актеры исполнили дуэтом композицию из мюзикла «Мисс Либерти» (автор – Ирвинг Берлин) «Пройдемся по старинке» (Let's Take an Old-Fashioned Walk). Впрочем, снимаясь в фильме «Это молодое сердце», Фрэнк и Дорис часто спорили главным образом из-за расписания съемок. Дорис Дэй предпочитала появляться перед кинокамерой в утренние часы, а Фрэнк – ближе к вечеру. Фрэнку правда удалось расположить Дорис к себе, и вот как это было. В одной из сцен героиня Дорис Дэй должна плакать, и кто-то из съемочной группы бросил ей целую коробку одноразовых носовых платочков «Клинекс». Коробка угодила актрисе прямо в лоб, а Фрэнк тут же набросился на метателя:

– Ты в своем уме? Додумался – в женщину коробками кидаться!

С тех пор, по признанию Дорис Дэй, она каждый раз, когда ей попадались изделия марки «Клинекс», вспоминала о Фрэнке.

В 1954 году Фрэнк снялся в киноверсии крайне успешного мюзикла «Парни и куколки» (Guys and Dolls, музыка Фрэнка Лоссера) в роли Натана Детройта, заядлого игрока в кости.

Вообще-то Синатра хотел сыграть Ская Мастерсона, но роль досталась Марлону Брандо. Позднее Фрэнк утверждал, что фильм был бы удачнее, поменяйся они с Марлоном ролями (хотя бы потому, что Брандо по роли нужно петь). Синатра и Брандо без конца ругались на съемках и в дальнейшем отнюдь друг другу не симпатизировали. Фрэнк называл Марлона Брандо «самым перехваленным актером в мире»; Брандо не оставался в долгу. Вот какую шутку он измыслил о Синатре: «Когда Синатра умрет и попадет в рай, он первым делом отыщет Господа и станет вопить: "Зачем, Боже, Ты мое облысение допустил?!"» Разумеется, на кассовые сборы вражда двух звезд никак не повлияла, Фрэнк же впоследствии записал песню, которую в фильме исполнил Скай Мастерсон, герой Марлона Брандо: «Пусть мне повезет» (Luck Be a

Lady Tonight).

В феврале 1955 года Фрэнк создал один из своих самых успешных альбомов, «Поздней ночью» (In the Wee Small Hours). Альбомы в то время, как правило, составлялись из разножанровых композиций – исполнитель сваливал вместе и любовные баллады, и веселые песни, не выдерживая единой темы. Не таков был Фрэнк. Большинство записанных им альбомов являются тематическими. Особенно это относится к альбомам, записанным на студии «Кэпитол Рекордз» – а их более дюжины, включая «Поздней ночью», куда вошли песни об утраченной любви, или, как некоторые их называют, «плач по Аве». Например, музыкальный критик Пит Уэлдинг отмечал: «От Авы Фрэнку на память осталось немало шрамов, но, как часто бывает у настоящих художников, личные болезненные переживания он пустил в дело».

В 1955 году августовский номер журнала «Тайм» поместил фото Синатры на обложку. Синатра был назван «едва ли не самым ярким представителем шоу-бизнеса на сегодняшний день». «Через несколько месяцев он отметит сорокалетие, и второй виток его карьеры обещает куда больше, нежели первый, осиянный поистине бриллиантовым блеском».

В конце 1955 года вышел фильм «Человек с золотой рукой» (The Man with the Golden Arm) по одноименному роману Нельсона Олгрена. С точки зрения многих критиков, это лучшая актерская работа Синатры. Он исполняет роль злосчастного Фрэнки Макине – наркозависимого карточного шулера, мечтающего играть на ударных в джаз-банде. Прочитав шестьдесят страниц романа, Фрэнк страстно захотел сыграть главного героя и принялся названивать нужным людям. Съемки проходили тяжело, Синатра работал по двенадцать часов в сутки. Но его труды окупились сполна – актерская игра Синатры была номинирована на «Оскар». Правда, приз достался Эрнесту Боргнайну за фильм «Марти»; однако «Человек с золотой рукой» остается свидетельством актерского таланта Синатры.

В декабре 1955 года Фрэнк отметил сорокалетие – важную веху для каждого человека. Его последние работы в кино и на студии звукозаписи говорили о профессиональной зрелости. «Созрел», обрел глубину и знаменитый голос, личные переживания обогатили исполнительскую манеру.

– Если рассматривать песню как стон по утраченной любви, то лично у меня всё тело пронизано болью, утрата прочувствована сполна. Я выплескиваю на слушателя свою тоску, свое одиночество. Я знаю, я понимаю, что имел в виду автор текста и музыки. Потому что я сам это пережил. Полагаю,

аудитория угадывает мои чувства и разделяет их, – говорил Фрэнк Синатра.

Для Фрэнка 1956 год начался с выпуска альбома «Песни для вечных влюбленных» (Songs for Swingin' Lovers). Аранжировщиком выступил Нельсон Риддл. Альбом стал невероятно популярен; некоторые критики считают его самым удачным во всей карьере Синатры. Сюда вошли такие обожаемые поклонниками хиты, как переложение знаменитой композиции Коула Портера «Ты вошла в мою плоть и кровь» (I've Got You Under My Skin). Записать ее получилось только с двадцать второй попытки – Фрэнка не устраивало звучание оркестра.

По иронии судьбы песня «Ты вошла в мою плоть и кровь» была добавлена в альбом лишь в последнюю минуту. Фрэнк позвонил Нельсону Риддлу прямо домой, в Малибу, притом среди ночи, и заявил, что для альбома требуется еще несколько композиций. На следующий день по дороге в студию (за рулем сидела его жена) Риддл буквально «на коленке» переработал композицию «Ты вошла в мою плоть и кровь». Аранжировка привела музыкантов в такой восторг, что они устроили Риддлу овацию. (В апреле 1963 года эта композиция была перезаписана на «Репризе»).

Январь 1956 года отмечен еще одним событием – Фрэнк основал кинокомпанию «Кент продакшн» для работы над своими собственными кинопроектами. Первым фильмом, снятым «Кент продакшн», стал «Джонни Кончо», где персонаж Синатры – трусоватый брат знаменитого бандита, который к финалу, разумеется, побеждает свой порок.

В том же 1956 году Фрэнк снялся на студии «Эм-джи-эм» в музыкальной комедии «Высшее общество» (High Society). Это был успешный ремейк «Филадельфийской истории» (The Philadelphia Story) 1940 года. В конце апреля Фрэнк отправился в Испанию ради фильма «Гордость и страсть» (The Pride and the Passion) с Кэри Грантом и Софи Лорен. Съемки продолжались четыре месяца.

Вожак Крысиной стаи

В 1956 году с подачи знаменитого актера Хамфри Богарта появилась легендарная «Крысиная стая» – сообщество американских знаменитостей. Названием эта неформальная организация обязана жене Богарта, Бетти, больше известной под сценическим псевдонимом Лорен Бэколл. Синатра, близкий друг Богарта, был избран вожаком. В Стаю также входили Дин Мартин, Питер Лоуфорд, Сэмми Дэвис-младший, Джуди Гарленд и ее тогдашний муж Сид Луфт, Дэвид Найвен и его жена Хердис Паулина Терсмеден и другие звезды, жившие в Холмби-Хиллз – фешенебельном районе Лос-Анджелеса. Вышеназванные представители антиистеблишмента развлекались буйными вечеринками с возлияниями и мелким хулиганством.

– Друг другом мы восхищались, а до всех прочих нам дела не было, – в шутку сказал о Крысиной стае сам Богарт. По его словам, члены сообщества на дух не переносили добродетельных обывателей. Их презрение вызывал и всякий, кто слишком кичился материальными благами.

Например, однажды «секретарь» Крысиной стаи, а в миру – литературный агент Ирвинг Лэйзер по прозвищу Свифти (Проныра) – купил «Роллс-Ройс» и взялся прокатить Фрэнка, Дина и Джуди. Едва не лопаясь от гордости за безупречный вид автомобиля, Лэйзер всю дорогу нахваливал свое приобретение и не знал, бедняга, чем занимаются гости. А они воплощали в жизнь собственный проект – сооружали на заднем сиденье костер. Лэйзер потом несколько лет не мог их простить.

Другой случай: тот же Лэйзер изрядно утомил Фрэнка тем, что хвастался своим дорогущим гардеробом. Дождавшись, когда Лэйзер отлучится, Фрэнк проник к нему в дом и заложил кирпичами вход в гардеробную, после чего покрыл кладку штукатуркой и выкрасил в тот же цвет, что и все стены в комнате.

Члены Крысиной стаи восхищались вкусом и шиком Синатры. Чего стоила одна только коллекция одежды, которая насчитывала сто штук костюмов, к каждому из которых полагались свои туфли! Привычка Синатры носить с собой купюры достоинством не менее ста долларов также завораживала его приятелей. (Купюры меньшего достоинства Синатра не признавал.) Вдобавок он славился нестандартным чувством юмора. Однажды друг попросил у Фрэнка взаймы, выразившись так: «Задолжал отелю. Вынужден делать ноги». Фрэнк прислал ему парашют и тридцать тысяч фальшивых долларов. Правда, на следующий день он оплатил счет.

Друзья не уставали удивляться выходкам Фрэнка с журналистами. Действительно, не позавидовать было тем представителям прессы, которые рассердили Синатру. После появления в «Американ джорнал» сенсационного материала под названием «Истинная история Фрэнка Синатры» Фрэнк отправил колумнистке и телеведущей Дороти Килгаллен необычную посылку – настоящую мраморную могильную плиту (в тонну весом!), на которой было выгравировано имя адресата. Позднее, увидев в ресторане свою обидчицу в темных солнечных очках, Фрэнк приблизился к ее столику и сунул долларовую купюру в чашку с кофе, сказав:

– Я всегда знал, что вы слепая.

Всю жизнь Фрэнк враждовал с представителями прессы.

– По-моему, артист имеет такое же право на личное пространство, как и всякий другой человек, – высказал он однажды свое мнение (возможно, проявив наивность). – Иначе получается, что «публичная фигура» – это второсортный гражданин, которому отказано в самом необходимом, в том, что гарантируется гражданам первосортным.

Критикуя всех направо и налево, Фрэнк не выносил критики в свой адрес. Особенно чувствителен он был к намекам на его связи с мафией. Остряков, имевших наглость прохаживаться на эту тему, Фрэнк исключал из своей жизни. Так случилось с Шеки Грином, однажды пошутившим:

– Фрэнк Синатра спас мне жизнь. Когда его ребята меня дубасили, он сказал им: «Хватит!»

Шутка удачная – но Грин, с тех пор как озвучил ее, больше в друзьях у Синатры не ходил.

Лорен Бэколл, она же Бетти

К Хамфри Богарту по прозвищу Богги Фрэнк чувствовал непреходящее восхищение. Немногие представители шоу-бизнеса удостаивались от Фрэнка таких эмоций. Пятидесятишестилетний Богарт по праву считался в Голливуде этаким старейшиной среди актеров. Они с Фрэнком находили удовольствие в долгих беседах обо всем – начиная с киноиндустрии и заканчивая литературой. Дружба длилась не один год, ведь у Богарта с Синатрой было очень много общего. Сам Богарт считал Фрэнка лучшим из друзей и имел на то основания. Однажды Фрэнк без ведома Хамфри установил в его доме дорогую звуковопроизводящую аппаратуру – к радости хозяина и его четвертой жены, Лорен Бэколл. Настоящее ее имя – Бетти Джоан Перски. Близкие называли ее только Бетти, и никак иначе.

– Фрэнк – потрясающий человек, – сказал как-то Богги. – Если бы он поменьше времени уделял женщинам и побольше – актерскому искусству, ему бы вообще равных не было.

В феврале 1956 года Богарту поставили страшный диагноз – рак пищевода. Фрэнк не отходил от больного друга. К несчастью, менее чем через год Хамфри Богарт скончался.

В тяжелое время болезни Богарта и после его похорон Фрэнк всячески поддерживал Бетти, которой был тогда тридцать один год. Молодая вдова всегда могла поплакать на плече у надежного друга. Фрэнк даже нанял некую Этель Энистон – «приглядывать за миссис Богарт, следить, чтобы она достаточно отдыхала, не забывала принимать лекарства и так далее». Энистон не жила в доме Бетти Богарт на Бенедикт-Каньон-Драйв, но, по ее словам, «регулярно заглядывала к ней, удостоверялась, что миссис Богарт в порядке, и сообщала о ее состоянии мистеру Синатре». Фрэнк платил за услуги по сто семьдесят пять долларов в неделю.

Бетти была измучена болезнью мужа. Лучевая терапия, постоянная тошнота и постепенное, беспощадное изнурение организма Хамфри оказались непосильной ношей для его жены. Миссис Богарт было нестерпимо видеть, как день ото дня угасает ее некогда пышущий здоровьем супруг.

– Не окажись рядом надежного человека, миссис Богарт точно с ума бы сошла, – утверждает Этель Энистон. – Не готова она была к страданиям, и всё тут.

– Я представить себе не могла, что Богги когда-нибудь не станет, – признавалась позднее сама Бэколл. – У меня это в голове не укладывалось.

Четырнадцатого января 1957 года, через три недели после

своего пятьдесят седьмого дня рождения, Хамфри Богарт скончался. Фрэнк, тогда выступавший в нью-йоркском клубе «Копакабана», отменил сразу пять концертов, объяснив, что от горя не может петь. Его заменили Джерри Льюис и Сэмми Дэвис. На похороны Фрэнк не поехал, что было для него характерно: Синатра, как правило, не провожал в последний путь дорогих ему людей. Говорил, что предпочитает помнить их живыми и смеющимися, а не окруженными рыдающей толпой.

Что касается Бетти Богарт, она была уверена – ничего хорошего в жизни ее больше не ждет.

– Я хотела проснуться с улыбкой, – признавалась Бетти. – Как же мне надоело постоянное ощущение, что жизнь в тридцать два года закончилась!

Молодая вдова с двумя малышами на руках, Бетти вдруг увидела в Синатре соискателя ее благосклонности. И немудрено – Фрэнк всюду ее сопровождал: на премьеры фильмов, на званые ужины и на прочие голливудские мероприятия.

– На каждой вечеринке, которую закатывал Синатра, я была хозяйкой, – вспоминала Бетти. – Конечно, к нам с Фрэнком проявляли интерес. Многие считали нас прекрасной парой.

Итак, Бэколл влюбилась в Синатру – а он не спешил с ответным чувством. К чести Бетти, надо сказать: она была не из тех, кто легко сдается. А Фрэнк, как успел заметить читатель, не чуждался бурных сцен.

Хотя Бетти и отрицала свою напористость, на самом деле ее волновали неподатливые мужчины. Каждого такого строптивца она воспринимала как вызов своим женским чарам. С Фрэнком Бетти постоянно вступала в перепалки. Предметом могло стать что угодно – погода, одежда, выбор Фрэнком друзей, мотовство Бетти.

А еще пара ссорилась из-за того, что Бетти была заядлой курильщицей. Фрэнк (сам дымивший как паровоз) не терпел сигарет в пальцах своих подруг.

– Женщина, которая хватается за сигарету, не успев продрать глаза, и выпускает ее из рук, только когда отходит ко сну, – такая женщина меня бесит, – признавался Фрэнк. – Потому что курение слабому полу не под стать, и вообще, этак и дом спалить недолго.

У Бетти были к Фрэнку свои претензии – ее задевало, что Фрэнк готов броситься на все, что движется, не говоря уже о его способности привлечь любую женщину.

– Я – звезда, – заявила как-то Бетти (если верить Этель Энистон). – И вот что я тебе скажу, Фрэнк Синатра: если тебе мой статус не по нраву – катись куда подальше.

Определенно у Бетти было много общего с Авой Гарднер – по

крайней мере лексикон. Однако в глазах Фрэнка это обстоятельство лишь добавляло Бетти привлекательности.

«Который папа – настоящий?»

С января 1957 года дети Фрэнка Синатры стали посещать его концерты. Нэнси-младшей было шестнадцать, Фрэнки – тринадцать, а Тине – девять лет. Сидели они всегда в первом ряду, совершенно захваченные музыкой и голосом отца, но ещё более потрясенные приемом, который оказывала Синатре публика. Слушая овации, видя, как папе аплодируют стоя, Нэнси, Фрэнки и Тина поняли: им всю жизнь придется делить отца с остальным миром.

– Мы собственными глазами видели – чужие, незнакомые люди любят папу не меньше, чем мы. По крайней мере такое у нас складывалось впечатление, – вспоминает Нэнси Синатра, дочь Фрэнка. – Бывало, смотрю не мигая на папу с места в первом ряду, а он такой красивый, элегантный, такой ловкий… И музыка, и огни – всё волшебное, всё завораживает. И вдруг сзади будто взрыв – публика разражается аплодисментами. Оборачиваюсь, вглядываюсь в лица и думаю: а ведь это они моему папе аплодируют. И сердце наполняется небывалой гордостью. Я знала, что Фрэнки с Тиной чувствуют то же самое. Мы гордились папой, мы были счастливы, что он у нас такой – но к восторгу примешивалась грусть. Или, точнее, тревога. Мы не желали делить папу с посторонними людьми. Мы хотели, чтобы папа принадлежал только нам. И в то же время понимали – этого не будет. Поэтому каждый раз после папиного концерта оставался неприятный осадок.

Нэнси-старшая обычно водила детей к Фрэнку за кулисы. Там, конечно, толпились поклонники, так что надолго Нэнси с детьми не задерживалась.

– То, что происходило за кулисами, впечатляло меня ничуть не меньше, чем то, что творилось непосредственно во время концерта, – вспоминает Фрэнк Синатра-младший. – Каждый мечтал лично прикоснуться к великому человеку – моему отцу. Я не уставал удивляться реакции тех, кому это удавалось. Я видел, как папа раздает автографы, и точно знал: эти клочки бумаги будут хранить как бесценные сокровища. Я думал: у нас дома целая пропасть бумажек, где что-нибудь написано рукой отца, и для меня они просто хлам. А эти чужие люди готовы душу продать за скомканную салфетку с папиной подписью! Знаете, когда видишь, как превозносят твоего отца, то и сам готов ему памятник при жизни воздвигнуть. Помню, отец, гостя у нас, отрезал кусок хлеба, обмакивал в оливковое масло, делал посередке круглое отверстие, подрумянивал хлеб на сковородке,

в отверстие плюхал яйцо и доводил до готовности. А потом с гордостью ставил передо мной тарелку – вот, мол, какой я молодец – и говорил: «Приятного аппетита, Фрэнки, сынок». Я ел, смотрел на отца и думал: вот бы он почаще с нами бывал! Но во время концерта, глядя на сцену, я начинал сомневаться. Который папа – настоящий? Тот, кто готовит мне вкусный завтрак, или тот, кто поёт, кому воздают королевские почести? В определенный момент до меня дошло: оба – настоящие. Даже голова закружилась от такого открытия. Честное слово, оно отдавало мистикой.

Больше двадцати минут Нэнси-старшая не разрешала детям быть за кулисами.

– Похоже, каждый полный восторга миг – лишь прелюдия к расставанию, – так годы спустя говорила Тина Синатра.

Действительно, после объятий и поцелуев Нэнси-старшая, Нэнси-младшая, Фрэнки и Тина уходили, и встреча с отцом перемещалась в разряд воспоминаний – бесценных, восхитительных, необходимых, чтобы продержаться до следующей встречи.

Через некоторое время Фрэнк приезжал, дети радовались, льнули к нему. А если не приезжал – тогда они жили без него. Они научились не очень-то рассчитывать на встречи с отцом. У них были друзья, у них были воспоминания. Чего же больше?

Тина гораздо острее переживала отсутствие отца, чем ее старшие брат с сестрой.

– Я чувствовала, что у отца где-то далеко от нас есть другая жизнь, – вспоминает Тина. – У меня в голове не укладывалось, как что-нибудь – всё равно, что именно – может быть для папы важнее общения со мной. Мне казалось, мама слишком покладистая, слишком быстро прощает его. Я думала: что значит «Ладно, Фрэнк, приедешь, когда сможешь»? Мама должна перезвонить папе и заставить его приехать немедленно!

Иными словами, Тина всегда ждала от отца большего, чем Нэнси-младшая и Фрэнки. И соответственно, ее обиды были глубже. Случалось, что Фрэнк, гостя у первой жены и детей, задремывал в гостиной. Маленькая Тина сворачивалась калачиком у него на коленях и мечтала, чтобы отец вот так и спал всё время, никуда не уходил. Девочка вдыхала любимый аромат лавандового мыла и чувствовала, что вот сейчас папа полностью принадлежит ей. Она знала: проснувшись, папа посмотрит на часы и скажет: «Ну, малышка, проводи-ка меня до дверей». Обняв и поцеловав отца на прощание, Тина бежала в свою комнату, чтобы из окна увидеть, как отъезжает его автомобиль.

– Это самые печальные воспоминания моего детства, –

признается Тина. – Каждый папин приезд был этакой эмоциональной параболой. Нетерпеливое ожидание встречи, щенячья радость от одного только присутствия папы, затем понимание, что время скоро истечет, и, наконец, тоскливая пустота в сердце после папиного ухода.

Нэнси-старшая никогда не говорила о Фрэнке плохо при детях, не выясняла с бывшим мужем отношений в их присутствии. Каждый визит Фрэнка в их когда-то общий дом был для Нэнси тяжелым испытанием, ведь она всё еще любила Фрэнка. Однако Нэнси терпела боль ради детей. Если Фрэнк отказывался от запланированного визита, у Нэнси имелся готовый набор уважительных причин, надо было только выбрать подходящую и озвучить ее детям. Узнав, что Рождество папа встретит не с ними, дети не слишком удивились.

– Папа работает в Европе, – объяснила Нэнси за завтраком. – Вы же понимаете, он не может быть одновременно в двух местах. Знаете что? Мы справим особое, только наше Рождество, когда папа вернется.

– Ладно, мам, – сказали дети и пошли играть в пятнашки.

Тут-то Нэнси и поняла: для нее визиты Фрэнка значат куда больше, чем для детей. Откровение было таким неожиданным, что Нэнси бессильно опустилась на кухонный табурет и расплакалась.

1957–1958

В середине и в конце пятидесятых Фрэнк Синатра демонстрировал поразительную работоспособность. Эти годы запомнились поклонникам по целому ряду песен и киноролей. Фрэнк записывал четыре, а то и пять альбомов в год; только за 1957-й он записал пятьдесят семь новых песен. Впрочем, даже среди этих шедевров выделяются два – «В горе и в радости» (All the Way) и «Колдовство» (Witchcraft). Композиция «В горе и в радости» написана Сэмми Каном для фильма «Джокер» (The Joker Is Wild), сингл побил все рекорды продаж. Три недели композиция держала первое место в хитпараде и удостоилась «Оскара» в номинации «Лучшая оригинальная песня». Это было в 1957 году. А на следующий год на премию «Грэмми» была номинирована композиция «Колдовство». В том же 1958 году Фрэнк записал ставшие классикой альбомы «В стиле “свинг”» и «Давай полетаем» (A Swingin’ Affair» и «Come Fly with Me). Аранжировщиком выступил Билли Мэй, альбомы долго лидировали в хит-парадах. Также Синатра записал альбом романтических баллад под названием «Где ты?» (Where Are You?), над которым работал вместе с известным аранжировщиком Гордоном Дженкинсом. Наконец, в 1958 году вышел особый, рождественский альбом – «Веселое Рождество с Фрэнком Синатрой» (Jolly Christmas with Frank Sinatra). Это поистине безупречная работа – как в смысле артистизма, так и в смысле вкуса, ритма и, конечно, атмосферы.

Что касается киноролей, в 1957-м Фрэнк снялся в фильме «Приятель Джои» (Pal Joey) вместе с Ким Новак и Ритой Хэйворт.

1958 год запомнился поклонникам альбомом «Фрэнк Синатра поет об одиночестве» (Frank Sinatra Sings Only the Lonely); сам Фрэнк считал этот альбом вершиной своего творчества на музыкальном поприще. Также следует отметить альбом «Танцуй со мной» (Come Dance with Me), где аранжировку выполнил Билли Мэй. Этот альбом получил премию Киноакадемии 1959 года за лучший мужской вокал.

Следующий, 1959 год отмечен альбомами «Слушай свое сердце» и «Кому какое дело» (Look to Your Heart и No One Cares, аранжировка Гордона Дженкинса). Оба вошли в десятку лучших.

Кроме фильма «Приятель Джои», Фрэнк за два года снялся в фильмах «Короли идут дальше» (в другом переводе – «Короли отправляются в путь», Kings Go Forth), «И подбежали они» (Some Came Running), «Дыра в голове» (A Hole in the Head) и «Никогда не было так мало» (Never So Few). Под конец календарного года

Фрэнк записал оптимистическую композицию «Большие надежды» (High Hopes) для фильма «Дыра в голове». Композиция впоследствии получила премию «Оскар».

Разбитое сердце Бетти

К началу 1958 года тридцатитрехлетняя Лорен Бэколл успела по уши влюбиться в Синатру. Ей очень хотелось за него замуж.

– Друзья боялись, что Фрэнк разобьет мне сердце, – позднее признавалась Лорен Бэколл. – Говорили, что у него кошмарный характер, с ним семью не построишь. Но у нас всё шло гладко. Мне казалось, я для Фрэнка – центр вселенной. И уж точно он был центром вселенной для меня.

На самом деле Фрэнк просто позволил себе погреться в лучах любви и заботы. Он еще страдал по Аве и всего лишь пытался убедить себя, что хочет быть с Бетти, что Ава для него больше ничего не значит. Как всегда, Фрэнк много пил, а его настроение часто менялось – от радости общения с Бетти до глубокой тоски по Аве. Типичная картина для маниакально-депрессивного синдрома. Вдобавок Фрэнк боялся взвалить на себя заботы о детях Бетти. Тем не менее он хотел двигаться дальше. Нельзя же до конца своих дней горевать об утраченной любви!

Итак, одиннадцатого марта 1958 года Фрэнк сделал Бетти предложение, и она сразу согласилась. Помолвку отметили в ресторане «Империал Гарденс» на бульваре Сансет, при единственном свидетеле – Ирвинге Лэйзере по кличке Проныра. На следующий день Фрэнк улетел в Майами, строго-настрого наказав Бетти молчать о помолвке. Фрэнк не хотел, чтобы новость стала известна публике до его возвращения – главным образом потому, что ему не улыбалось сдерживать лавину журналистских приставаний во время работы в клубе.

– Меня распирало от счастья, – вспоминала Бетти. – Каждый раз, когда я открывала рот, я еле-еле сдерживалась, чтобы не рассмеяться. Я ни словечка никому не сказала, но была уверена – теперь моя жизнь пойдет по-новому. Мои дети обретут отца, я сама – мужа, у нас будет настоящая семья. Хранить такой секрет нелегко, много раз у меня язык чесался похвастаться кому-нибудь из подруг, – однако я так и не похвасталась.

Однажды вечером Бетти и Лэйзер-Проныра пошли в театр «Хантингтон Хартфорд» смотреть пьесу по Диккенсу с валлийским актером Эмлином Уильямсом. В антракте Бетти остановила известная журналистка, Луэлла Парсонс, и спросила, правда ли, что Бетти и Фрэнк намерены пожениться.

– Почему вы мне этот вопрос задаете? – возмутилась Бетти. – Спросите лучше Фрэнка.

Бетти пошла своей дорогой, но назойливая Луэлла Парсонс вприпрыжку бежала следом, буквально бомбардируя Бетти

вопросами. Откуда она узнала?

Выйдя из уборной, Бетти увидела, что Проныра и Луэлла ведут оживленный разговор. Бетти это крайне не понравилось.

На следующее утро в прессе появилась статья Луэллы Парсонс «Синатра женится на Бэколл». Бетти, когда увидела газету с этим заголовком, чуть в обморок не упала.

По версии Парсонс, Бетти, «вся светясь от счастья, наконец призналась, что Синатра попросил ее руки». Это была ложь. Бетти ни в чем не признавалась. Она продолжала читать статью, а сердце ее охватывал ужас. Как она всё объяснит Фрэнку? А ведь объяснять придется, причем очень скоро.

Первым делом Бетти встретилась с Лэйзером.

– Зачем ты всё рассказал этой журналюге? Ты что, рехнулся? – набросилась Бетти на Лэйзера.

– Откуда я знал, что она заметку состряпает? – спокойно отвечал Проныра.

– Она же ведет колонку светских сплетен! Ты думал, она смолчит о такой новости?

– Чего ты кипятишься? – удивлялся Проныра, явно не понимая трагизма ситуации. – Это ведь правда, что вы с Фрэнком женитесь.

– Это тайна, причем не твоя. Ты не имел права ее раскрывать. Теперь придется обо всём рассказывать Фрэнку. Сам будешь с ним объясняться!

– Не пойму, из-за чего такой скандал, – пожал плечами Проныра.

– Ты разве никогда с Фрэнком не общался? – закричала Бетти. – Ты же знаешь, что он за человек!

Они стали звонить Синатре. Лэйзер говорил первым. Пытался обратить дело в шутку. «Шило не удалось утаить в мешке» – так он выразился. Но у Лэйзера не хватило духу признаться, что проболтался именно он, а не Бетти.

Тогда Бетти вырвала у него телефонную трубку.

– Мне очень жаль, Фрэнк. Надеюсь, у тебя не возникло проблем.

Синатра отвечал уклончиво. Не стал прямо обвинять Бетти, но и не сказал ничего вроде «ты не виновата» или «не бери в голову». Бетти несколько встревожило его поведение. Она утешала себя мыслью, что Фрэнк просто устал. Тем более он не успел сообщить о помолвке Нэнси. Наверно, это его больше всего волнует, говорила себе Бетти.

Друзья принялись ей названивать и поздравлять с помолвкой. Бетти всячески старалась пригасить их энтузиазм. Она совсем не хотела дополнительно афишировать помолвку – по крайней мере

до возвращения жениха. Вот приедет Фрэнк, Бетти посмотрит ему в лицо, убедится, что всё в порядке…

Дни шли, а Фрэнк не звонил.

– Я себя не помнила от тревоги, – признавалась Бетти годы спустя.

Миновала почти целая мучительная неделя. Бетти уже не просто тревожилась – она паниковала. Что думает Фрэнк? Что он чувствует? Что будет с их отношениями? В тот период Бетти отчаянно гнала от себя простую мысль: Фрэнк передумал жениться.

Отчасти в этом был повинен Мики Рудин. Именно он стал на долгие годы очень важным человеком в жизни Синатры, поэтому следует немного о нем рассказать. Мики Рудин родился 16 ноября 1920 года в Нью-Йорке, то есть на момент помолвки Фрэнка с Бетти ему было тридцать семь лет. Он окончил Калифорнийский университет, а также Гарвард. Отличался низкорослостью и упитанностью. Был женат на Элизабет Гриншпун, талантливой виолончелистке. Кстати, Ральф, брат Элизабет, более известный как доктор Гринсон, впоследствии стал личным психиатром Мэрилин Монро и самого Фрэнка Синатры. Тогда, в 1958-м, Фрэнк как раз нанял Мики Рудина в качестве личного юриста. Их тесная дружба только начиналась.

– Мики был отлично подкован по юридической части и вдобавок обладал харизматичностью, – вспоминает Брюс Реймер, член юридического партнерства «Гэнг, Тайр, Реймер и Браун», в которой Рудин также состоял партнером с 1946 по 1966 год.

Фрэнк поделился с Мики своими тревогами – у Бетти двое малышей, сможет ли Фрэнк стать им хорошим отцом, когда он и своих-то родных детей видит от случая к случаю? Но дело даже не в детях. Дело в том, что Бетти и Фрэнк просто утешают друг друга, поскольку оба скорбят по Хамфри Богарту. Никакой любовью тут и не пахнет.

Мики не стал ходить вокруг да около. Это было не в его характере, он любил рубануть с плеча.

– В твоем финансовом положении, Фрэнк, развод будет похуже геморроя, – объявил Мики. – Если не уверен насчет женитьбы – не женись. Богом тебя заклинаю, не делай этого!

Фрэнк внял и соответствующим образом настроился. В квартире Бетти раздался долгожданный телефонный звонок, но вместо ласковых слов она услышала сердитое:

– Зачем ты это сделала?

– Что я сделала, Фрэнк?

Прозвучало неожиданно. Бетти даже не поняла, что речь идет о злополучной заметке.

– Зачем ты рассказала про нашу помолвку? – мрачно спросил Фрэнк.

– Это не я. Это Проныра проболтался. Я была нема как рыба.

– Черт побери, Бетти, я неделю выдерживал осаду журналюг, из номера не мог выйти! – Фрэнк уже завелся по-настоящему, на бедную Бетти полетели все шишки. – Теперь нам придется залечь на дно. В смысле, нам нельзя показываться вместе.

Фрэнку не хватило мужества просто сказать: я передумал на тебе жениться.

На двадцать пятое марта у них с Бетти была запланирована совместная вылазка на боксерский матч, в котором принимал участие сам Шугар Рэй Робинсон. Никакого матча не будет, объявил Фрэнк. И двадцать шестого марта, на вручение премии от молодежной организации этнических итальянцев, Фрэнк поедет один. Пусть Бетти забудет и про вечеринку в Палм-Спрингс, на которую они с Фрэнком приглашены двадцать седьмого марта.

Бетти опешила. Сердце у нее упало, она не нашлась с ответом и только пролепетала:

– Что же мы будем делать?

– Господи, я ведь только что объяснил! – закричал Фрэнк в трубку. – Мы заляжем на дно.

– Как скажешь, Фрэнк, – прошептала Бетти. – Я тебя люблю.

Синатра повесил трубку.

– Мне потом рассказали, что Фрэнк в Лос-Анджелесе обедал с этим треплом Пронырой! А со мной даже говорить отказывался! – вспоминала Бетти. – Ужасно несправедливо! В голове не укладывалось. Как можно в одночасье бросить близкого человека? Нас с Фрэнком столь многое связывало, а что осталось? Вдобавок все эти вопросы так называемых друзей… Приходилось постоянно объясняться, придумывать причины – почему Фрэнк не со мной; делать вид, что я всё понимаю. А ведь люди – не слепые. Они прекрасно знали Фрэнка. Если бы он хоть объяснился! Но он просто исчез из моей жизни. Я ночей не спала, у меня подушка от слёз не просыхала.

Бетти можно понять. Еще совсем недавно Фрэнк занимался с ней сексом, изливал ей душу, поддерживал в горе. И вот его как ветром сдуло. Будто никогда он и не появлялся в ее жизни, будто они в глаза друг друга не видели. Чувства Фрэнка к Бетти в один миг сменились с сердечной привязанности на необъяснимую злость; это-то и мучило Бетти больше всего. Фрэнк порвал с ней раз и навсегда – он это умел и проделывал в своей жизни неоднократно. Если Синатра решал, что тот или иной человек ему больше не нужен, бесполезно было взывать к его

милосердию, бить на жалость. Синатру не волновали чувства отвергнутого друга или возлюбленной. Не лучше ли было бы для Фрэнка и для Бетти продолжать отношения, не слушать Мики Рудина, которого их дела в общем-то мало касались?

– Мне довелось видеть, как Фрэнк обращается с Бетти, – вспоминает Джордж Джейкобс. – Я был потрясен его холодностью к бедной женщине. Впервые мне открылась обратная сторона мистера Синатры – и это было пугающее зрелище.

– Он вел себя как последний подонок, – позднее рассказывала Бетти. – Если бы он правду сказал, я бы поняла. По крайней мере надеюсь, что поняла бы. Но на это у него духу не хватало.

Вскоре Фрэнк и Бетти оказались вместе на званом ужине. Их пригласила – за месяц до злополучной статьи – дочь Луиса Б. Майера, Эйди Готц. В назначенный час оба явились в дом – поодиночке. Сообразив, что они больше не пара, Эйди посадила между ними другого гостя.

– Фрэнк делал вид, что меня не существует в природе, – вспоминает Бетти. – Даже бровью не повел, ни словечка мне не сказал. Если его взгляд устремлялся в мою сторону, Фрэнк смотрел как бы сквозь меня, словно мой стул пуст. Лучше бы в лицо мне плюнул, честное слово! По крайней мере, это значило бы, что он меня узнал. Я не могла такое унижение выдерживать.

Бетти отозвала хозяйку дома в кухню и всё ей рассказала.

– Эйди, я вынуждена уйти. У меня нет выбора.

Находиться в одной комнате с Фрэнком, который полностью ее игнорировал, было невыносимо.

– Порой кажется, что знаешь человека, – прошептала Бетти сквозь слезы. – А потом выясняется, что… что понятия не имеешь, каков он!

Часть седьмая
Эпоха Крысиной стаи

Крысиная стая

Место действия – Лас-Вегас. Дата – двадцать шестое января 1960 года. Шоу начинается в восемь вечера.

– Ну что, поехали? – спрашивает Фрэнк Синатра своих приятелей: Дина Мартина, Сэмми Дэвиса, Питера Лоуфорда и Джои Бишопа.

Оркестр играет увертюру, друзья готовятся к выходу. За кулисами они наскоро выкуривают по сигарете, пускают по кругу виски «Джек Дэниэлс». Приложившись к бутылке, хлопают друг друга по спинам и наконец-то выходят на сцену под бурные приветствия зрителей.

В шестидесятые годы мало кто из вокалистов обладал такой популярностью и такой взбалмошностью, как сорокачетырехлетний Фрэнк Синатра. Пусть эстраду настойчиво теснят рок-н-ролл и эти британские мальчишки [«Битлз»] – Фрэнк Синатра остается главной фигурой в шоу-бизнесе. Конечно, его аудитория повзрослела, однако фирменный стиль исполнения никто не отменял. И поклонников предостаточно. Синатра много ездит по стране, но больше всего ему нравится выступать в Лас-Вегасе. Дебют состоялся в сентябре 1951 года, в отеле «Дезерт-Инн». Тогда на бульваре было всего четыре отеля. Теперь знаменитый Стрип – мекка для любителей шикарного образа жизни. Здесь горят огни, высятся отели, один другого фешенебельнее, шумят казино. Нигде так не развлечешься, как в Лас-Вегасе. К услугам публики Дэнни Томас, Джерри Льюис, Лина Хорн, Ред Скелтон. Список предлинный, а возглавляет его Фрэнк Синатра.

Сюда регулярно ездят друзья и родственники Фрэнка – послушать его, а заодно и весело провести время. Рулетка. Женщины. Ошалевшая от восторга публика. Словом, одна большая вечеринка.

– Если уж Синатра начинал развлекаться, его было не унять. Он останавливался, только когда выдыхался, – говорил о Фрэнке его аккомпаниатор Ред Норво. – Чтобы понять, насколько отвязным он бывает, следовало поглядеть на него в Вегасе.

К тому времени Фрэнк имел долю в «Сэндз» (шесть процентов, каждый тянет на сто тысяч долларов). Вдобавок у Фрэнка в отеле был безлимитный кредит. Президент корпорации Джек Энтраттер распорядился порвать все его долговые расписки (по которым набегала не одна сотня тысяч долларов), потому что одно только присутствие Фрэнка в казино, а тем более если он был с приятелями, сулило куда большие прибыли. Отдельные

СМИ называли Фрэнка и его друзей Крысиной стаей – в память о тех временах, когда в сообщество с таким названием входила, в числе прочих, Джуди Гарленд. Кое-кто предпочитал именовать их Кланом. А сам Синатра облюбовал словечко «саммит». В тот период планировался саммит в Париже между Эйзенхауэром, Хрущевым и де Голлем. Фрэнк говорил, что он и его друзья – Мартин, Дэвис, Лоуфорд и Бишоп – тоже проводят «Саммит Самых-Самых».

Все перечисленные персонажи снимались в фильме «Одиннадцать друзей Оушена». Съемки вела компания «Дорчестер продакшнз» совместно с «Уорнер Бразерз». Названный фильм стал первым из четырех, созданных в этом тандеме. Комедийная драма повествует о Дэнни Оушене (его сыграл Синатра), который собирает своих фронтовых друзей для одновременного ограбления пяти ведущих лас-вегасских казино в канун Нового года. График съемок был плотный, а жизнь, которую вела вся компания, отнюдь не облегчала съемки. Концерты заканчивались в два часа ночи, прославленные шоумены кутили до рассвета, ползли на съемочную площадку, каким-то чудом умудрялись сняться в нескольких дублях, после чего пару часов спали, а потом всё начиналось сначала.

Крысиная стая была крайне популярна, однако, чтобы послушать качественное исполнение, ехать в Лас-Вегас не следовало. В других городах вокалисты не халтурили, каждый из них работал в полную силу, на подъеме исполнял несколько композиций, а в финале все пятеро собирались на сцене для какого-нибудь хорошо продуманного «экспромта» или для совместного исполнения песен. В Вегасе всё было иначе. Казалось, артисты выходят на сцену исключительно, чтобы позабавиться, похохмить друг над другом. Двадцатипятилетняя Ширли Маклейн была у них талисманом. С этой женщиной члены Крысиной стаи кутили, но, по ее словам, в интимных отношениях Ширли ни с кем из них не состояла. (С Синатрой Ширли Маклейн познакомилась на съемках фильма «И подбежали они»; кстати, за роль ее номинировали на «Оскар».) В своих мемуарах под названием «Мои счастливые звезды» Ширли красноречиво описывает членов Крысиной стаи перед выходом в свет: «Больше всего меня потрясало, что они (Фрэнк Синатра и Дин Мартин) не расставались с широкополыми шляпами, которые сохранились еще со съемок в фильме “Парни и куколки”. Туфли у них блестели не хуже зеркала, а носки уж точно не воняли. Костюмы сидели так, что я не сомневалась – белье надето свежайшее и белое-пребелое, как только что выпавший снег».

Словом, выглядели они потрясающе – чего не скажешь о

звуках их голосов. Если уж начистоту, никто из Крысиной стаи не был в хорошей вокальной форме. Редкие голосовые связки выдержат такой режим, такое количество алкоголя и никотина. Друзья старались поправить дело, отмокая в парной, но толку от этого было негусто.

Джон Фицджеральд Кеннеди

Крысиная стая вызывала восхищение сенатора Джона Фицджеральда Кеннеди. Особенно ему нравился Фрэнк Синатра. Надо сказать, что один из членов Крысиной стаи, Питер Лоуфорд, породнился с влиятельной ирландско-американской династией Кеннеди, женившись в 1955 году на младшей сестре Джона Фицджеральда, Патрисии. Джон Кеннеди приходился Лоуфорду шурином. На правах шурина он получил место в первом ряду на концерте-открытии седьмого февраля 1960 года. Тогда шла предвыборная кампания, Кеннеди летал на личном самолете «Каролина» по орегонским и техасским городам. С ним путешествовали полдюжины репортеров. И вот в разгар своего тура Кеннеди принял предложение Синатры и заглянул в Лас-Вегас.

Летом 1959 года Синатра с Лоуфордом летали во Флориду, где встречались с отцом Джона Фицджеральда – Джозефом Патриком Кеннеди. Родоначальник клана просил артистов посодействовать сыну в президентской гонке. По его желанию Фрэнк планировал концертные программы – на предвыборную кампанию требовались деньги. Также по настоятельной просьбе «патриарха» Синатра задействовал в кампании своих приятелей-артистов. Нужна была особая, тематическая песня, и Фрэнк переработал свою старую композицию «Большие надежды» – в надежде, а точнее, в расчете на покровительство будущего президента. Со своей стороны Джон Фицджеральд Кеннеди стремился поближе сойтись с Синатрой. Ему нравилось вызывающее поведение звезды, нравилось делить с ним гламурных женщин и участвовать в экстравагантных забавах – ведь тогда его имя мелькало в светской хронике, а пиар, как известно, лишним не бывает. Джон Кеннеди часто наведывался к зятю и сестре в Санта-Монику, где Питер и Патрисия Лоуфорд купили дом. Как правило, с Джоном Кеннеди приезжали его подруги.

После очередного концерта в отеле «Сэндз» шестнадцатого февраля 1960 года Фрэнк и его приятели отправились поездом в Лос-Анджелес, чтобы завершить съемки фильма «Одиннадцать друзей Оушена». А уже третьего марта Фрэнк был на студии – записывал вместе с оркестром Нельсона Риддла альбом «Легко и просто» (Nice'n'Easy). Альбом оказался крайне успешным как в плане исполнения, так и в плане продаж. Изначально на обложке даже не было названия – только фото Синатры. Казалось, публика

всё никак не насытится его песнями, любой альбом сразу занимал первые позиции в хит-парадах. «Легко и просто» вполне оправдывал своё название – запись шла как по маслу, музыкантам всё удавалось. Иными словами, они попали в струю.

Между тем крепла дружба Фрэнка Синатры и Джона Ф. Кеннеди. Победив с небольшим перевесом Никсона, Джон Ф. Кеннеди даже заглянул к Фрэнку в Палм-Спрингз на выходные. После Фрэнк повесил на дверь гостевой спальни табличку: «Джон Ф. Кеннеди провел здесь ночь с 6-го на 7-е ноября 1960».

По мнению Фрэнка, Джон Кеннеди идеально подходил на роль президента США. Фрэнк не только полностью одобрял политику Кеннеди, но и мечтал иметь приятеля в самых высших кругах. Джон Ф. Кеннеди как-то обмолвился: дескать, вот обоснуюсь в Белом доме – назначу Синатру послом в Италии. Перспектива показалась дикой всем, в том числе самому Синатре, однако он не мог сдержать улыбку. Убежденный демократ (по признанию Фрэнка, он голосовал за демократов с тех пор, как в двенадцатилетнем возрасте участвовал в параде за губернатора Нью-Йорка, Альфреда Смита), Синатра неустанно собирал деньги на предвыборную кампанию Джона Ф. Кеннеди. Для этого он устраивал шоу, проводил акции и, по меткому выражению одного из своих товарищей, просто «был Фрэнком».

Дуализм

В 1960 году Нэнси-младшей исполнилось двадцать, Фрэнки – шестнадцать, а Тине – двенадцать. Дети выросли. Теперь им не надо было ждать, когда папочка их навестит; они сами прекрасно могли к нему поехать. Нэнси-старшая собирала чемоданы, и все трое юных Синатра отправлялись в пустыню, на Уондер-Палмз-драйв (впоследствии переименованный во Фрэнк-Синатра-драйв). Дом Фрэнка располагался неподалеку от клуба «Тамариск». Нэнси нередко сопровождала детей; иногда ко всей компании присоединялись Долли и Марти, по-прежнему жившие на Восточном побережье.

Такие воссоединения с семьей были праздниками не только для подросших детей Фрэнка Синатры, но и для него самого. Он к тому времени расширил площадь основного дома и выстроил дополнительный дом с четырьмя спальнями, восемью ванными и бассейном. Дети называли этот дом «рождественским», ведь он был сделан из дерева по образу и подобию традиционного фермерского жилища, в то время как основной дом сверкал стеклом и металлом.

Итак, папа в Палм-Спрингз представлял для детей куда больше интереса, чем папа в Беверли-Хиллз. Здесь, в пустыне, отец выглядел спокойнее и счастливее. К радости детей, он проводил с ними каждую свободную минуту, играл во все виды водных игр, жарился на солнце. А порой они садились в джип и катались по пустыне. Или занимались шопингом.

Для Нэнси, которая стала красивой девушкой, Фрэнк ничего не жалел. Ему доставляло удовольствие отвезти «старшенькую» в бутик на Палм-Каньон-драйв и сказать:

– Ни в чём себе не отказывай, Цыпленок.

Нэнси часами мерила наряды и устраивала для отца персональные дефиле, а он терпеливо ждал, когда же она определится с выбором. Однажды Фрэнк купил для дочери розовый «Форд» с откидным верхом, причем автомобиль доставили в подарочной упаковке с огромным розовым бантом.

Сына он развлекал иначе. С Фрэнки они ездили в музыкальный магазин, где долго перебирали пластинки, обменивались мнениями о качестве записей и вокальных данных исполнителей. Фрэнк Синатра-младший, как и его отец, терпеть не мог рок-н-ролл и обычно выбирал себе альбом кого-нибудь из друзей семьи, например, Дина Мартина или Сэмми Дэвиса.

Осчастливить Тину было проще всего. Для младшей дочери лучшим подарком являлся сам папа. Девочка могла часами, сидя

у отца на коленях, смотреть телевизор, и больше ей ничего не требовалось.

Фрэнк любил собрать детей на кухне и угостить десертом собственного приготовления – рисовой запеканкой с кусочками шоколада. Этим блюдом когда-то потчевала сына Долли. Обожали его и Синатры-младшие.

Вообще вся семья обожала собираться за большим столом. Фрэнк готовил спагетти с «подливой» – так по старой памяти он называл соус. Этот запах – соуса и свиных отбивных – всегда ассоциировался у Нэнси, Фрэнки и Тины с «главным домом» в пустыне.

Если у Фрэнка гостила и Нэнси-старшая (чаще всего так и бывало), она лично стряпала фрикадельки. А приготовлением спагетти занимался только Фрэнк – он умел варить их по-итальянски, «на зубок».

После ужина Нэнси-старшая обычно говорила бывшему мужу:

– Давай посидим у бассейна.

Фрэнк соглашался, они устраивались рядышком, в шезлонгах, и любовались потрясающим пустынным закатом, ведя неспешный разговор. Дети наблюдали издали.

– Родители казались мне идеальной парой, – вспоминала Нэнси-младшая. – Я не могла понять, почему они не вместе. Судя по всему, папа был для мамы лучшим другом.

Отношения Синатры с обеими дочерьми всегда были безоблачными. Чего не скажешь об отношениях с Фрэнки. Между Фрэнком Синатрой-старшим и Фрэнком Синатрой-младшим оставалась не то недосказанность, не то неприязнь. Фрэнк бывал резок и нетерпим с сыном; люди, близко знавшие их семью, говорили, что примерно так же с самим Фрэнком обращался в свое время Марти Синатра.

– Удели сыну время, – просила Нэнси бывшего мужа. – Постарайся узнать его получше, понять его.

– Зачем? – возмущался Фрэнк. – Что я, собственного ребенка не знаю и не понимаю?

Продолжать спор означало обвинять Фрэнка в том, что он – никудышный отец. Он никогда не обольщался насчет своих отцовских качеств, однако от других не терпел не только подобных обвинений, но даже намеков на них.

Как и большинство отцов, Фрэнк куда легче находил общий язык с детьми, пока они были малы. Увы: прошли те времена, когда крошка Фрэнки, подражая папе, возил по намыленному подбородку бритвой без лезвий. Тогда он хотел быть точь-в-точь как папа; они с Фрэнком были удивительно похожи и лицом, и повадками, и походкой. Когда трехлетний Фрэнки хворал, папа

приносил в детскую куриную лапшу или бутерброды с джемом и арахисовым маслом. Отец и сын вместе ели, смотрели черно-белый телевизор и шутили. Однажды Фрэнки пожаловался отцу:

– Больнее меня нет ни одного мальчика.

– Спорим на четвертной, что завтра тебе полегчает, – сказал Синатра.

– Как это – на четвертной? – не понял малыш.

– Очень просто: если тебе завтра полегчает, я дам тебе четвертной. А если не полегчает… всё равно дам.

Всё изменило вторжение Авы Гарднер. Фрэнки тогда было четыре года. Он так и не смирился с тем, что папа ушел к другой тете, бросил его, маму, сестер. Осознавая с возрастом, что отец будет проводить с ними время только по особым случаям, Фрэнки в отличие от Нэнси и Тины не просто грустил – он злился.

– Мой брат чувствовал себя брошенным, преданным. Это чувство подтачивало его, – говорит Тина Синатра.

Фрэнки не позволял себе слишком привязываться к отцу главным образом потому, что неизбежное расставание слишком растравляло его душу. Уход отца к Аве нанес мальчику травму, от которой он не сумел полностью оправиться. Фрэнки был из тех детей, которым ежедневное, ежечасное присутствие отца жизненно необходимо. Не в силах простить уход, Фрэнки дулся, дерзил и закрывался в своей скорлупе даже тогда, когда отец бывал рядом. Отношения развивались по той же схеме, что отношения юного Фрэнка с Марти. Только Марти-то из семьи не уходил! Пусть он проявлял нетерпимость – но он присутствовал в жизни сына постоянно. В отличие от самого Фрэнка.

Юный Фрэнк Синатра был сумасброден, резок, самолюбив. Несомненно, сказались материнские гены. Его сын, Фрэнки, отличался замкнутостью – совсем как Марти. Вот уж точно, ирония судьбы!

Словом, разлад с отцом, усугублявшийся несколько лет, к подростковому возрасту Фрэнки дошел до критической отметки. Теперь отец и сын практически не разговаривали друг с другом. Фрэнки связался с дурной компанией и в один прекрасный вечер был задержан полицией за то, что стрелял из пневматического пистолета по уличным фонарям. Забрав сына под залог, Фрэнк и Нэнси решили определить его в закрытую школу-интернат. Словом, нелегкое получалось у Фрэнки отрочество.

– Пойди, поговори с сыном, – сказала Нэнси, кивнув на шестнадцатилетнего Фрэнки, загоравшего в шезлонге.

По словам Джорджа Джейкобса, Фрэнк, пожав плечами, направился к сыну. Подвинул к нему другой шезлонг, сел, попытался завести разговор. Из кухни Нэнси с грустью

наблюдала, как сын и бывший муж молча жарятся на солнце и даже не глядят друг на друга.

– Я сделал всё, что мог, – выдал измученный Фрэнк, глотнув виски, очень кстати поданного Джорджем Джейкобсом. – Парню нечего мне сказать. Что ты от меня хочешь, Нэнси? Наш сын лет с семи не улыбается, ты сама в курсе.

Именно в то время, когда в Палм-Спрингз гостили Нэнси, Тина и Фрэнки, Синатра особенно остро ощущал, какую противоречивую жизнь он ведет. Дети наполняли его сердце спокойствием и радостью, ничего общего не имевшими с хаосом и суетой совсем другого мира – к которому Фрэнк тоже принадлежал! Когда можно было выбирать между этими двумя мирами, Фрэнк неизменно отдавал предпочтение первому из них, тому, где жили его дети. Например, он регулярно отказывался давать интервью. И не только потому, что репортеры отняли бы время, которое можно посвятить детям, но и потому, что они в очередной раз напомнили бы Фрэнку о той жизни, которую он вынужден был вести как звезда эстрады и экрана. Семья? Дети? О, как он старательно убеждал себя, что именно это и есть истинные ценности! Убеждал, в глубине души зная: как ни приятно проводить время с детьми, а самим собой он является, лишь когда выпивает с Хэнком, или с Дином Мартином обсуждает, как быстрее закадрить красотку в баре, или когда записывает очередную композицию на студии. Выполняя отцовский долг, Фрэнк собой гордился. Однако ждал с нетерпением, когда же можно будет позвонить приятелям и затеять очередное приключение, рвануть в Лас-Вегас всей компанией и дать волю истинному Синатре.

«Одной ногой в Белом доме»

Всю весну и всё лето 1960 года продолжалась кампания Фрэнка Синатры в поддержку Джона Ф. Кеннеди. Автомобильный кортеж кандидата в президенты, как правило, катил под музыку. Это была жизнеутверждающая композиция Фрэнка «Большие надежды» с переписанным специально к случаю текстом. Автор нового текста Сэмми Кан доступным языком превозносил достоинства Кеннеди, простодушно рифмуя имя «Джек» [традиционное в США сокращение имени «Джон»] со «свой человек», и «не обманет вовек».

Фрэнк готов был в лепешку расшибиться ради Джона Кеннеди. Он даже переименовал Крысиную стаю! Теперь это была уже не стая, а Команда Джека (Jack pack); Фрэнк переделал одну из своих самых успешных композиций, «Колдовство». Отныне он пел не «старинная черная магия» (Old black magic), а «магия старины Джека» (Old Jack magic). Фрэнк выступал в шоу, постоянно мелькал на публике и вовсю славил Джона Кеннеди.

К июлю 1960 года, точнее, к национальному съезду Демократической партии, Джону Кеннеди была гарантирована поддержка семисот делегатов из тысячи пятисот двадцати возможных. Оставалось получить всего шестьдесят один голос, чтобы пройти первый тур выборов.

Десятого июля, накануне открытия съезда, Фрэнк в очередной раз руководил акцией по сбору средств. Всё происходило в отеле «Хилтон» в Беверли-Хиллз. Званый ужин, на который собрались две тысячи восемьсот человек, тянул на сто баксов за тарелку. Во главе стола, рядом с Джоном Кеннеди, сидели приятели Фрэнка – Энджи Дикинсон, Ширли Маклейн, Питер Лоуфорд, Джуди Гарленд. (Джеки Кеннеди была на шестом месяце беременности и по медицинским показаниям не могла присоединиться к мужу. Она осталась дома, в Массачусетсе, в городке Хианнис-Порт.) На такое количество народа требовался не один зал, а два. Синатра, Гарленд, Дэвис, Морт Саль выступали в обоих. Потом Фрэнк подсел за стол к кандидатам от демократов – Стюарту Саймингтону, Эдлаю Стивенсону и Линдону Джонсону. Очевидцы уверяют, что он сиял от счастья. Периодически Фрэнк подходил к Кеннеди и шептался с ним. Политик и артист то согласно кивали друг другу, то смеялись.

На следующий день Команда Джека вместе с Джанет Ли и Тони Кёртисом исполнила гимн США «Звёздно-полосатый флаг». Этим гимном на спортивной арене Лос-Анджелеса открылся съезд Демократической партии.

К тому моменту Джон Кеннеди пользовался уже такой поддержкой, что другие кандидаты стремительно теряли надежду. Победа Кеннеди стала почти гарантированной, когда он получил абсолютное большинство голосов в Вайоминге. Глядя, как в толпе кричат «Кеннеди, Кеннеди!» и размахивают портретами кандидата, ликующий Фрэнк Синатра шепнул Питеру Лоуфорду:

– Мы одной ногой в Белом доме, приятель!

Клан Кеннеди задумывает откреститься от Фрэнка и Сэмми

К осени 1960 клан Кеннеди решил, что привлекать к предвыборной кампании Синатру было недальновидно. Джек, Бобби и даже Джо Кеннеди получали тонны писем от граждан, считавших связи кандидата в президенты с Синатрой недопустимыми. Все эти люди упирали на сомнительную репутацию Синатры. К хору недовольных голосов присоединились друзья клана Кеннеди, а также политические консультанты. Дальнейшая помощь Синатры не нужна и даже вредна, нужно дистанцироваться от этого персонажа – так звучал общий вердикт. Слишком много в биографии артиста мутных пятен. И самое мутное – его связи с боссом чикагской мафии Сэмом Джанканой.

Сэм Джанкана был типичным мафиози. Кубинские сигары, костюмы из акульей кожи, автомобили, сверкающие ярче бриллиантов!.. Подозрительная, крайне подозрительная личность! А ведь Джанкана встречался с Синатрой в Майами всего несколько лет назад, про это все знают! Фрэнк тогда был с Авой, и Аве мафиозный босс не понравился с первого взгляда. Наверное, шестое чувство сработало. Фрэнк жену не послушался, близко сошелся с Сэмом да еще подарил ему для полноты мафиозного образа кольцо с огромным розовым сапфиром.

– Видал колечко? – спросил Сэм своего младшего брата Чака. – Подарок Синатры. Я для него – герой! Правда, парень слишком горяч, зато надежен.

Джон Кеннеди и Бобби прикинули, что любые сношения с Фрэнком Синатрой могут пагубно повлиять на политическую карьеру. Хорош президент США, который водит дружбу с приятелем босса чикагской мафии! Тем более Синатра уже сделал свое дело – гарантировал Джону Кеннеди победу в первом туре. Пора от Синатры отмежеваться со всеми этими его мафиози, бабами и вечно поддатыми приятелями. И сделать это надо прежде, чем Джон Кеннеди вступит в Белый дом.

Итак, в октябре 1960 года Бобби предложил принять самые крутые меры. Будущий президент согласился. Бобби начал с проверки, сколько конкретно имеется фотографий его брата Джона вместе с Синатрой, а также с разными женщинами в неформальной обстановке. Джон Кеннеди распорядился собрать их все и уничтожить. Бобби пошел дальше – он решил уничтожить заодно и негативы. С Фрэнком связался по телефону

представитель клана Кеннеди и настоятельно попросил предоставить все имеющиеся у него фотографии, которые могут скомпрометировать будущего президента, вместе с негативами. Фрэнк, понятно, обиделся. И вдобавок он не терпел приказного тона. В общем, он решил не отдавать фотографии. Солгал. Сказал, что таковых не существует в природе.

Как раз в то время Сэмми Дэвис надумал жениться на прелестной шведке, актрисе Мэй Бритт (настоящее имя Мэйбритт Уилкенс). Джо Кеннеди занервничал. Тридцать один штат США до сих пор не легализовал межрасовые браки (Сэмми был афроамериканцем). «Патриарха» беспокоило, что свадьба Дэвиса и Бритт плохо повлияет на репутацию клана.

Сэмми выбрал Фрэнка себе в шаферы. Фрэнк, человек широких взглядов и ярый противник расизма, сразу согласился. Ему плевать было на общественное мнение. Однако Фрэнк отлично знал, что расизм в США процветает, что влюбленных, принадлежащих к разным расам, подчас ждут самые настоящие расправы. А брак «звезд» разного цвета уж точно будет встречен в штыки. И разумеется, перед выборами такой скандал никому не нужен. Бобби велел Фрэнку потребовать от Сэмми Дэвиса, чтобы тот отложил свадьбу. Фрэнк растерялся. К его облегчению, то же самое предложил сам жених. Сэмми понимал, сколько поставлено на карту; он хотел избавить Фрэнка от неприятностей.

– К тому времени обида Фрэнка на всех Кеннеди была уже достаточно глубока, – позднее вспоминал Сэмми Дэвис. – Фрэнк затевал поддержку Джона Кеннеди вроде как для себя, потому что хотел быть вхож в Белый дом и вообще в высшие политические круги. Но постепенно деловые связи с Джоном переросли в личную дружбу; вот тут-то и начались проблемы. Фрэнк всегда относился к дружбе и друзьям очень трепетно, и в эту сферу его жизни лучше было не вторгаться. Мне Фрэнк сказал: «Знаешь, Сэм, у меня язык бы не повернулся просить тебя отложить свадьбу». А я ответил: «Знаю, Фрэнк. Поэтому я сам отложу свадьбу. Я всё понимаю». Потом мы позвонили Питеру. Фрэнк, правда, с ним не говорил – слишком был расстроен. А мне Питер сказал: «Ты правильно решил, приятель. Фрэнк этого не забудет».

И всё же, когда Джон Кеннеди с небольшим перевесом обошел Никсона, никто не радовался больше, чем Фрэнк. Было это восьмого ноября 1960 года.

А тринадцатого ноября Сэмми Дэвис и Мэй Бритт поженились, и шафером на свадьбе был Фрэнк Синатра. Накануне свадьбы, во время мальчишника, Фрэнк отозвал Сэмми в сторонку и сказал:

– Вместо гонорара за роль в «Трех сержантах» я тебе дам

семьдесят пять штук баксов плюс семь процентов от кассовых сборов. Хотя за твой поступок надо бы дать и четверть лимона. У тебя теперь будут жена и детишки, так что заботься о них.

– Таков был Фрэнк, – развивал мысль Сэмми Дэвис. – Можно сколько угодно рассуждать о том, что, как лучший друг жениха, он просто обязан был принять роль шафера. На самом деле не всё так просто. Несмотря на свой независимый характер, а может, как раз из-за этого характера Синатра успел узнать, до чего быстро теряются симпатии публики, а вместе с ними и роли, и ангажементы, и деньги. Ситуация складывалась совсем неподходящая для фразы: «Сэмми – мой друг, и я за него – горой, а кому не нравится, тот свободен». О нет, Фрэнк не мог поставить на карту все свои достижения. Он очень многим рисковал, когда согласился быть моим шафером.

Еще одна щекотливая ситуация возникла, когда Фрэнку и Питеру Лоуфорду поручили организацию преинаугурационного бала. «Патриарх» Джо Кеннеди сразу предупредил: Сэмми Дэвис участвовать не должен. Как и ожидалось, его брак с белой женщиной вызвал бурю недовольства. Не важно, что Сэмми наравне с Фрэнком и другими артистами собирал деньги на предвыборную кампанию Джона Кеннеди. Фрэнк попробовал выдвинуть этот веский аргумент, но «патриарх» мигом задвинул его обратно. Фрэнк попытался связаться с самим будущим президентом, но Джон Кеннеди упорно не отвечал на его звонки. Тогда Фрэнк позвонил сотруднику Белого дома и потребовал соединить его с Кеннеди. Сотрудник отказался, зная, что участие в концерте Дэвиса будущий президент обсуждать не станет. Фрэнк сказал:

– Знаешь, парень, Джек мне очень многим обязан. Тебе такой должок и в страшном сне не снился. Какое он право имеет отказываться со мной говорить?

– Я его убеждал: Фрэнк, Джек тут ни при чем. Это всё Бобби, Бобби воду мутит, – утверждал позднее названный сотрудник Белого дома. – Бесполезно! Фрэнк вбил себе в голову, что это козни Джека. Чушь и бред, говорит. Махалия Джексон, Гарри Белафонте, Нэт Кинг Коул[8] участвуют – а почему Дэвису нельзя? Да Джек должен взять его в состав хотя бы потому, что Дэвис – мой друг! Тем более что Сэмми обожает Джека. Неслыханная ситуация!

Обожание, которое Дэвис питал к Джону Кеннеди, в данном случае ничего не значило. В празднике Дэвис не участвовал. Фрэнк, потрясенный и огорченный, не нашел в себе сил сообщить другу эту весть. Дэвису по просьбе Фрэнка звонил Питер Лоуфорд.

Теперь уже Фрэнк не мог не видеть истинную картину: его влияние на Кеннеди вовсе не так велико, как он полагал ранее.

Будучи политиком, Кеннеди, естественно, был и прагматиком. Никаких эмоций, иначе можно забыть про карьеру – так он считал. Тот факт, что Фрэнк Синатра не понял этого сразу, говорит лишь о его полной неспособности разобраться в законах, царящих в мире политики. Отсюда и жесточайшее разочарование.

Злополучный преднаугурационный бал Фрэнк с Сэмми Дэвисом никогда не обсуждали. Оба понимали: их предали.

– По словам папы, он редко когда чувствовал себя таким беспомощным, как в случае с балом, – рассказывает Нэнси Синатра. – Обычно папа возмущался, получал желаемое с боем или уходил красиво, хлопнув дверью. Здесь не вышло ни то ни другое. Конечно, он мог сам отказаться от участия в бале из принципа, из солидарности с Сэмми. Но Сэмми от этого ничего не выиграл бы.

Часть восьмая
Те же и Мэрилин

«Репризa»

Тысяча девятьсот шестидесятый год стал для Синатры очень прибыльным. Фрэнк заработал около двадцати миллионов долларов за кинороли и участие в телепрограммах (компании «Эссекс», «Кент» и «Дорчестер»). Он сотрудничал с четырьмя студиями звукозаписи, получал проценты от игорного бизнеса в Лас-Вегасе и на озере Тахо, а также от доли в радиопрограммах. Доход приносила и недвижимость. Но вот что важно: именно в 1960 году Фрэнк обзавелся собственным лейблом звукозаписи – «Репризой». До сих пор он записывал песни под лейблом «Кэпитол», и это ему нравилось всё меньше. Фрэнк хотел быть на студии полновластным хозяином – выбирать мелодии, время записи, время появления пластинок в продаже. Он рассматривал возможность продвижения других талантливых исполнителей. Всё это было нереально без собственного лейбла. И Фрэнк решил: как только истечет срок контракта с «Кэпитол Рекордз», он займется подготовкой почвы для создания нового лейбла. В одном из интервью он объявил о появлении «нового, более счастливого, свободного от всяких уз и условностей Фрэнка Синатры». В общем, он был готов встретить 1961 год.

Фрэнк фонтанировал идеями для «Репризы»: дань Томми Дорси, записи со струнным оркестром, концертный альбом… Но когда лейбл действительно появился, первая пластинка по концепции практически не отличалась от тех, что Фрэнк выпускал под лейблом «Кэпитол». Альбом назывался «Динь-динь-динь!» (Ring-a-Ding-Ding!). Милая вещица, и этим всё сказано. Продюсером выступил Феликс Слаткин, аранжировщиком – Джонни Мандель; первые две композиции называются «Осторожно: это мое сердце» и «Надрывно звякнули струны сердца» (Be Careful, It's My Heart и Zing Went the Strings of My Heart). Остальные композиции в той или иной степени их дублируют.

За 1961 и 1962 годы Синатра записал огромное количество мелодий для нового лейбла. Только в мае 1961 были записаны двадцать четыре песни для двух альбомов – «Свингующий Синатра» (Sinatra Swings, аранжировщик – Билли Мэй) и «Всегда помню Томми» (I Remember Tommy, аранжировщик Сай Оливер).

В январе 1962 года появился альбом, который считается самым эмоционально насыщенным в творчестве Фрэнка Синатры. Называется он «Я совсем один» (All Alone). В книге воспоминаний об отце Нэнси Синатра пишет: «Если вы давно не слушали этот альбом, достаньте его с дальней полки, смахните пыль, включите

проигрыватель. Потому что он – один из лучших».

Гала-концерт накануне инаугурации

Шестого января 1961 года Джон Кеннеди послал за Фрэнком Синатрой и Питером Лоуфордом свой личный самолет. Следующие две недели артистам предстояло провести в Вашингтоне, за организацией преднаугурационного бала. Фрэнк лично составил список приглашенных звезд, многим из которых предстояло преодолеть изрядное расстояние до Вашингтона. В гала-концерте, среди прочих, участвовали: Лоуренс Оливье, Этель Мерман, Леонард Бернстайн, Сидни Пуатье, Энтони Куинн, Джои Бишоп, Луи Прима, Кили Смит, Джульетт Проуз, Хелен Траубел, Элла Фицджеральд, Джин Келли, Нэт Кинг Коул, Милтон Берл и, конечно, сам Синатра. У него появилась очередная возможность «сделать всё по-своему». Вот что пишет об этом Нэнси Синатра: «Узнав, что Лоуренс Оливье и Этель Мерман не смогут участвовать в концерте, поскольку заняты в бродвейских постановках «Беккет» и «Цыганка», соответственно, папа просто скупил все билеты на вечер накануне инаугурации». Помимо увеселительных номеров и песен, были запланированы речи Джона Кеннеди, Линдона Джонсона и Элеоноры Рузвельт.

Грандиозное событие предварял организованный Фрэнком официальный прием для артистов, всего клана Кеннеди и Джонсонов. Мероприятие проходило в отеле «Стартлер» – одном из сети «Хилтон». Журналист Джеймс Мюррей Кемптон так описывал прием в статье для «Нью-Йорк пост»: «Все эти люди, члены семьи Синатра, и Нэт Коул, и Джин Келли со своими приспными, – представляли собой впечатляющее зрелище. Дети иммигрантов, недавний второй сорт – а поглядите на них сейчас! Куда там индийским магараджам! Представители шоу-бизнеса сказочно богаты, влиятельны, сильны. Спасибо революции Рузвельта».

Как и Фрэнк Синатра, супруга Джона Кеннеди питала слабость к деталям, когда речь шла об организации торжеств. Джеки Кеннеди продумала каждую мелочь. Увы, заказать хорошую погоду было не в ее власти. Девятнадцатого января на Вашингтон обрушился снегопад. Джеки хотела организовать доставку гостей автобусами, но из-за снега и ветра это было невозможно. В результате холлы отеля заполонили дамы в норковых манто и джентльмены во фраках. Все они тщетно пытались добыть такси.

Что там гости, сами виновники торжества – члены клана Кеннеди – застряли в пробке! Фрэнк Синатра метался по залу в ужасе при мысли, что свежеиспеченный президент не приедет на

собственный преднаугурационный бал. Уже пробило десять, когда долгожданный автомобиль подрулил к главному входу. Фрэнк выскочил прямо в снежный вихрь, чтобы лично проводить в зал Кеннеди и его близких. Взяв Джеки Кеннеди за руку, на которой сверкала ослепительно-белая атласная перчатка, Фрэнк повел супругу президента в ложу. Джеки держалась безукоризненно, никто бы не сказал по ее виду, что она сильно недолюбливает Синатру. Белоснежное атласное платье с рукавами до локтя придумал для первой леди сам Олег Кассини. Потрясающее в своей простоте, платье имело единственное украшение – розетку из белого атласа, прикрепленную слева к поясу.

– Такие моменты не забываются, – позднее говорил Фрэнк Синатра. – Не каждый день ходишь под руку с первой леди.

Торжество началось в десять сорок вечера. Леонард Бернстайн взмахнул дирижерской палочкой, и полились звуки национального гимна. Его исполнила Махалия Джексон. Все знали, что Этель Мерман участвовала в кампании Никсона, но, когда она запела «Всё к лучшему» (Everything's Coming Up Roses), сердца растаяли. Агитация за соперника Кеннеди была прощена звезде полностью. Затем Фрэнк под овации из президентской ложи спел знаменитую песню «Колдовство» с измененным текстом (Ах, эта магия старины Джека). Словом, хоть аудитория собралась не такая большая, как рассчитывали, энтузиазма ей было не занимать.

Аплодисменты еще не смолкли, когда на сцену поднялся сам Джон Кеннеди.

– Я горжусь тем, что я демократ, – начал президент. – Потому что со времен Томаса Джефферсона Демократическую партию отличает стремление к совершенству. А сегодняшнее торжество и есть само совершенство. Мне кажется, сегодня достигла кульминации давняя дружба между политикой и искусством, которой характеризуется наша история.

– Мы все в долгу у моего большого друга Фрэнка Синатры, – продолжал Кеннеди. – Он начал поддерживать демократов гораздо раньше, чем петь. Это случилось еще в Нью-Джерси. И вот теперь он вырвался за границы одного округа и простер свое влияние на всю страну. Я уверен, что и после того, как Фрэнк Синатра перестанет петь, он будет выступать за Демократическую партию, и я заранее благодарю его за это от лица всех демократов. Вы даже не представляете, сколько усилий приложил Фрэнк, чтобы мы сегодня веселились и отдыхали.

Фрэнк Синатра в ответ сказал, что его единственным желанием было сделать преднаугурационное шоу самым

грандиозным в истории.

Несомненно, он добился цели. По признанию самого Фрэнка, торжество девятнадцатого января 1961 года было одним из самых счастливых его воспоминаний.

Сделка с дьяволом

В конце 1960 года президент Джон Кеннеди назначил своего младшего брата Роберта министром юстиции. Роберту было всего тридцать пять лет. Сэм Джанкана в частной беседе с Синатрой назвал это родственное назначение «запрещенным приемом» и добавил, что лично он, Джанкана, такого никак не ожидал. По мнению знаменитого мафиози, президент преследовал единственную цель – «зачистить всех наших». Иными словами, Джанкана не сомневался: Кеннеди хочет руками своего брата уничтожить всех представителей теневого бизнеса, которые помогли ему победить в президентской гонке. Нет людей – нет проблем, это же понятно. В общем, президент объявил мафии войну.

На самом деле эта война сената и лично Бобби Кеннеди началась задолго до 1960 года, и первой ее жертвой стал Джимми Хоффа. Бобби Кеннеди тогда состоял в спецкомитете по борьбе с организованной преступностью.

– Отвечайте, мистер Джанкана, какие незаконные операции вы проводили? – приступил к боссу мафии молодой и рьяный Бобби Кеннеди.

Джанкана только хихикнул.

– Вы будете сознаваться или только хихикать? – разозлился Бобби.

Джанкана не удостоил его ответом.

– Я думал, хихикают только девчонки; оказывается, так поступают и крупные мафиози, – выдал Бобби.

Этой фразы Джанкана не мог ему простить.

Теперь, получив пост министра юстиции, Бобби взялся за дело с небывалым энтузиазмом. Он задумал пресечь всю теневую деятельность в Соединенных Штатах и не собирался ограничиваться прищучиванием босса чикагской мафии и его товарищей. Для своих целей Бобби задействовал главу ФБР, Джона Эдгара Гувера. Ему были даны инструкции не жалеть ни ресурсов, ни времени, ни сил. Также Бобби обратился за содействием к Налоговому управлению, чтобы выявить лиц, скрывающих свои истинные доходы. Но и этого свежеиспеченному министру юстиции показалось мало. Он учредил особый комитет для составления черного списка, в каковой список угодили, среди прочих, и друзья Синатры – Джанкана, Мики Кон, Джонни Розелли. Были там и люди Фрэнку малознакомые – Джимми Хоффа, Рой Кон и другие.

Понятно, что столь решительные шаги нового министра не

понравились Сэму Джанкане и его влиятельным компаньонам. Сэм намеревался предъявить клану Кеннеди некий счет и полагал, что получит приличное вознаграждение за своё участие в успехе предвыборной кампании в Западной Вирджинии. Джо Кеннеди тогда попросил Фрэнка Синатру задействовать связи в криминальном мире для того, чтобы повлиять на шахтерские профсоюзы (которые пользовались авторитетом в Западной Вирджинии). По замыслу «патриарха» шахтеры должны были голосовать за Джона Кеннеди. Сэм Джанкана справился блестяще – и теперь собирался об этом кое-кому напомнить.

В марте 1961 года Сэм и Фрэнк встретились в Майами, в отеле «Фонтенбло». Сэм просил об услуге.

– Мне надо, Фрэнки, чтобы ты пресек деятельность Бобби Кеннеди, направленную против меня и моих ребят, – сказал Сэм, когда они с Фрэнком выпивали в баре отеля. – Это безобразие необходимо остановить. Сам понимаешь.

– Я на этого недоделка влияния не имею, – признался Фрэнк, под «недоделком» разумея Бобби Кеннеди.

– Тогда обратись к старику, – посоветовал Сэм. «Стариком» он называл Джо Кеннеди, «патриарха».

Еще когда «старик» просил Синатру повлиять через Сэма Джанкану на выбор шахтеров, Синатра был не в восторге. Теперь ему отнюдь не улыбалось обращаться к «патриарху» по настоятельной просьбе босса мафии. Но что он мог поделать? Отказать Сэму Джанкане?

– Не волнуйся, – произнес Фрэнк. – Улажу.

– У тебя уже есть план? – поинтересовался Сэм.

– Начну со старика, – ответил Фрэнк, предварительно глубоко затянувшись сигаретой. – Если он заартачится, добьюсь встречи с *самим*.

(Фрэнк имел в виду президента.)

Сэм явно воспрянул.

– Значит, договорились? По рукам?

Фрэнк вымучил улыбку и допил свой виски. Но Джанкана был совершенно уверен – сделка состоялась.

Возвращение Мэрилин Монро

К лету 1961 года сорокапятилетний Фрэнк Синатра и тридцатичетырехлетняя Мэрилин Монро были знакомы уже семь лет. В конце пятидесятых, когда Фрэнк страдал после разрыва с Авой, а Мэрилин пыталась оправиться от развода с Джо Димаджио, они искали утешения в объятиях друг друга. Тогда между ними возникла недолгая связь. Мэрилин с тех пор продолжала время от времени встречаться с Фрэнком, даже когда вышла замуж за Артура Миллера (они официально расстались в конце 1960 года).

Фрэнк, определенно испытывая романтические чувства к Мэрилин, отнюдь не собирался углублять или укреплять эту связь. Прошло много лет, но место Авы Гарднер в его сердце так и не сумела занять другая женщина. Вдобавок у Мэрилин были серьезные проблемы, а Фрэнк не терпел «проблемных» женщин – еще с той поры, когда они с Мэрилин делили кров. Сейчас пристрастие Мэрилин к алкоголю и сильнодействующим лекарственным препаратам напрягало Фрэнка куда сильнее. Однако он был добр с Мэрилин, а она это ценила. Мэрилин перевалило за тридцать, морщины, седина и лишний вес были ее ночным кошмаром. Несмотря на страх постареть, она по-прежнему привлекала мужчин. Увы – попользовавшись, они быстро ее бросали. Фрэнк по крайней мере продолжал с ней возиться.

Известный визажист Джордж Мастерс вспоминает:

– Обычно я приезжал к Мэрилин в полдень – и заставал ее в постели. Уже при мне она кое-как поднималась. Похмельная, бродила по комнате, ставила пластинку Синатры. Валилась на кровать и бормотала: «Джордж, когда пластинка кончится, поставь новую». Я повиновался. Она слушала только записи Синатры, и ничего больше. Я менял пластинки, увещевал ее. Пытался разговором привести в чувство.

В феврале 1961 года Мэрилин загремела в психиатрическую лечебницу Пэйна Уитни в Нью-Йорке. Пробыла она там недолго и после выписки решила пожить в Лос-Анджелесе. Тогда-то Фрэнк и предложил ей поселиться у него в доме, в Бель-Эйр. Мэрилин вроде согласилась, но в последнюю минуту передумала – возможно, из-за Джо Димаджио. Именно с ним в марте 1961 года она провела несколько дней во Флориде. А в июне Фрэнк пригласил Мэрилин в Вегас. Он снова жил в «Сэндз», поскольку именно в этом отеле седьмого июня планировалось отметить сорок четвертый день рождения Дина Мартина. Приготовлениями

занимался Синатра.

Обратимся к внутренним документам отеля «Сэндз» названного периода – и увидим, сколько усилий было предпринято администрацией для того, чтобы ничто не омрачало пребывание там Мэрилин Монро. Вот служебная записка от Энтраттера Гузмену и Фриману. Дата – пятое июня 1961 года.

«Настоящим уведомляю, что ни одному фотографу ни под каким предлогом не разрешается фотографировать мистера Синатру и мисс Мэрилин Монро вместе во время коктейльной вечеринки после шоу 7 июня. Следует пресекать подобные попытки на корню. Любой фотограф, попытавшийся сделать такой снимок, должен немедленно выдворяться из отеля. Это не только распоряжение администрации – это требование самого мистера Синатры и обсуждению не подлежит».

А вот вторая служебная записка, адресованная всем сотрудникам отеля. Дата – шестое июня 1961 года.

«Мэрилин Монро является гостьей мистера Синатры. Он требует, чтобы во время краткого пребывания мисс Монро в нашем отеле ей была обеспечена абсолютная приватность. Мисс Мэрилин Монро следует зарегистрировать в номере мистера Синатры. Ни под каким предлогом, ни телефонными звонками, ни визитами нельзя беспокоить мисс Монро и мистера Синатру до двух часов дня».

Сестры президента Кеннеди, Патрисия Лоуфорд и Джин Смит, также присутствовали на вечеринке в Лас-Вегасе. Были там и Элизабет Тейлор, и ее тогдашний супруг Эдди Фишер. С ними за столиком сидели Дин Мартин и его жена Джинн. (Ни Дин, ни другие члены Крысиной стаи в тот вечер не выступали, пел только Синатра.)

Вот как описывает Мэрилин Монро один из немногих журналистов, допущенных на торжество: «Восхитительная женщина. Неподражаемая улыбка, пышно начесанные белокурые волосы, декольте столь глубокое, что от бюста нельзя глаз отвести».

Очень немногие фотокорреспонденты удостоились права присутствовать на вечеринке. В частности, там был фотокор из «Уайд уорлд фотоуз».

– Фрэнки, давай вместе снимемся, – крикнула Мэрилин, поглядывая на этого фотографа и на журналиста. И добавила, причмокнув: – Я тебя люблю, Фрэнки. Пускай об этом узнает весь мир.

Мэрилин встала у Синатры за спиной и обхватила его руками за талию, как бы опираясь на него для поддержки.

Фрэнк поспешно высвободился и отскочил, пока его не

успели сфотографировать. Мэрилин потеряла равновесие и чуть не упала. Фрэнк шепнул своему телохранителю:

– Присматривай за ней.

Мэрилин не унималась. Кажется, сняться с Фрэнком стало для нее в тот вечер идеей-фикс. Она подкралась к Фрэнку, точно котенок, кивнула фотографу и даже поманила его пальцем – дескать, снимай скорей, пока Синатра не видит. Она явно перегибала палку. Как только фотограф собрался их щелкнуть, к нему подскочил телохранитель, выхватил камеру и отдал Фрэнку, что-то шепнув ему на ухо. Фрэнк шагнул к фотографу и журналисту, зашипел:

– Еще раз увижу – вот этой самой камерой черепушки вам обоим раскрою.

В этот момент к Фрэнку нетвердой походкой приблизилась Мэрилин.

– Фрэнки, меня сейчас стошнит, – предупредила она. Действительно, вид у нее был неважный.

Фрэнк испугался.

– Что?

– Говорю, меня сейчас стошнит. Прямо здесь!

Фрэнк схватил Мэрилин за плечи и поволок из комнаты.

Синатра предает Сэма Джанкану

С того дня, когда Фрэнк дал обещание Сэму Джанкане, прошло восемь месяцев.

В августе 1961 года с Фрэнком связался Джо Кеннеди. «Патриарху» хотелось отблагодарить Синатру за участие в предвыборной кампании, за успех в Западной Вирджинии, а также за безупречно проведенное торжество накануне инаугурации. Синатра получил приглашение в Белый дом, а также в резиденцию клана Кеннеди, в Хианнис-Порт. Разумеется, Фрэнк был счастлив.

Однако через пару недель настроение ему подпортил Джанкана. Филадельфийский друг знаменитого мафиози, Томас Дибелла, вспоминает:

– Прослышав, что Кеннеди пригласил Фрэнка в гости, Джанкана позвонил ему и говорит: «Смотри, приятель, не забудь замолвить за меня словечко». А Фрэнк отвечает: «Попробую. Но обещать ничего не могу. Ты же понимаешь…» Тут Сэм взорвался. «Ты слово дал! Так что изволь выполнять, а не то пожалеешь. Твои слова – сделка есть сделка».

Если верить Томасу Дибелле, Фрэнк рассердился. Он не привык к угрозам и повысил на Сэма голос.

– Не вздумай мне всё дело испортить. Я как проклятый работал, я эту честь заслужил. Заткнись, Сэм, не зли меня. Слышишь? Я тебя не боюсь, чтоб ты знал. Если думаешь, что меня твои угрозы напугали, значит, ты идиот. Ты меня идиотом считаешь, а ты сам идиот.

Сэм швырнул трубку.

– Дело принимало серьезный оборот, – вспоминает Томас Дибелла. – Фрэнк, наверное, рехнулся, раз посмел говорить в таком тоне с Сэмом.

Фрэнк ничуть не боялся ни Джанканы, ни других мафиози. Конечно, они – крутые ребята, да только он и сам крут. Они представляют опасность. Зато Фрэнк Синатра – знаменит и популярен, а значит, неуязвим. Так ему казалось.

– Меня им не выбить из седла, – говаривал Фрэнк.

Поэтому вспышка гнева Сэма Джанканы не заставила его насторожиться. А от визита в Белый дом Синатра получил массу удовольствия.

Визит состоялся двадцать третьего сентября 1961 года. По воспоминаниям очевидцев, Фрэнк даже не вспомнил про Джанкану. Вот что говорит Дэйв Пауэрс, один из помощников президента Кеннеди:

– Фрэнк Синатра поделился с шеф-поваром своим фирменным рецептом коктейля «Кровавая Мэри», и получилось действительно нечто потрясающее. Фрэнк сидел на балконе, потягивал коктейль, любовался видом Вашингтона в закатных лучах. Вдруг он повернулся ко мне и выдает: «Дэйв, знали бы вы, какую работу я проделал для Джека. И вот теперь я вознагражден. Усилия стоили того, чтобы вот так посидеть на балконе».

На следующий день Фрэнк отправился в Хианнис-Порт вместе с Патрисией Лоуфорд и Тедом Кеннеди, младшим братом президента. Они летели на одном из личных самолетов клана Кеннеди. Днем позже Фрэнк, Джон Кеннеди, его друзья и родственники на яхте «Милый Фитц» обогнули Тресковый мыс. Плавание заняло три с половиной часа.

Вспоминает сенатор Джордж Сматерс:

– Все отлично проводили время, вот только президент был холодноват с Синатрой. Давно прошла та пора, когда у всех складывалось впечатление, будто Джон Кеннеди и Фрэнк Синатра – закадычные друзья. Синатра холодности не замечал, а может, замечал, но не брал в голову. Он попросил Питера Лоуфорда замолвить словечко за Джанкану и устроить ему, Фрэнку, встречу с министром юстиции. Я точно знаю, что Питер с Бобби поговорил. Однако Питеру было велено не лезть не в свое дело. А встречаться с Синатрой Бобби отказался наотрез.

Питер побаивался нести Синатре эту весть – вдруг Фрэнк вспылит? Но Фрэнк не только не вспылил – он вздохнул с облегчением.

– Спасибо, друг. Ты по крайней мере попытался.

Фрэнк действительно испытывал облегчение. Меньше всего ему хотелось обсуждать босса мафии с министром юстиции. Одному из друзей он сказал:

– Не собираюсь рисковать отношениями с кланом Кеннеди из-за какого-то паршивца мафиози. Я что, на идиота похож? Да мне плевать, прищучат Сэма или нет.

Рассказ продолжает Томас Дибелла.

– Вернувшись от Кеннеди, Фрэнк наврал Сэму. Сказал, что переговорил с Бобби. На самом деле этого не было. Но Фрэнк даже подробности «разговора» измыслил. Он якобы написал на бумажке имя Сэма Джанканы и подсунул эту бумажку Бобби со словами: «Он – мой друг. Просто примите это к сведению». А Бобби якобы кивнул и сделал этакий жест – дескать, не волнуйтесь, ваш друг не пострадает. Абсолютная ложь, и Сэм это почуял. Интуиция у него была – ого-го. Сэм навел справки, убедился, что шестое чувство его не подвело. Фрэнк, оказывается, успел наболтать энному количеству людей, что и не думал

просить Бобби Кеннеди за Джанкану.

– Сэм был оскорблен и потрясен. Ничего не сказал Фрэнку. Сделал вид, что проглотил его ложь. Впрочем, не один Сэм Джанкана мог похвастаться мощной интуицией. Фрэнк тоже заподозрил, что Сэм затаил на него зло.

Свидетельства Томаса Дибеллы подтверждаются аудиозаписями от шестого декабря 1961 года. Сэм и его калифорнийский деловой партнер, Джонни Розелли, говорили в этот день по телефону, и Джонни обмолвился: дескать, Синатра утверждает, будто у Джанканы на него зуб.

– Еще бы, – подтвердил Джанкана. – Знает кошка, чье мясо съела. Я об этом нигде не упоминал. Не понимаю, зачем было мне врать?

Джонни согласился.

– Если ему это было не по силам, сказал бы просто: извини, друг, не могу.

– Верно, – закивал Сэм. – По крайней мере тогда бы я принял меры, подготовился. А он пытался усыпить мою бдительность. Обещал помочь. Я же не требовал немедленной помощи. Слово надо держать, это по понятиям.

Последующие годы показали: Фрэнк, даром что был вхож в семью Кеннеди, в вопросах, связанных с Сэмом Джанканой, не имел ни малейшего влияния ни на Джо, ни на Джека, ни на Бобби. Однако правда и другое – Фрэнк не пытался помочь Сэму. Таковы сведения, которыми располагал сам Джанкана. Фрэнк мог давать обещания и даже просить о содействии Питера Лоуфорда или кого-нибудь еще, но нет ни единого свидетельства, что Фрэнк действительно заводил разговор о Джанкане с кем-нибудь из Кеннеди.

Бывший член так называемой филадельфийской мафиозной семьи Николас Д'Амато рассуждает:

– Держать Сэма Джанкану за дурака мог позволить себе только такой популярный человек, как Синатра. Любой другой, пообещавший что-либо Сэму и пальцем не шевельнувший, чтобы выполнить обещание, был бы трупом.

Томас Дибелла добавляет:

– Однажды я спросил Сэма, почему он не поквитается с Фрэнком, и Сэм ответил: «А что я должен сделать? Натравить на него ребят? Грохнуть его? Синатра – один из самых знаменитых людей в мире, а я прославлюсь тем, что закатаю его в асфальт?» Получается, Синатра мог безнаказанно огорчать и Сэма, и других мафиози. Популярность делала его неуязвимым.

К осени 1961 года изрядно окрепли слухи о том, что Синатра имеет особые отношения с мафией. На самом же деле мафия не

оказывала услуг Синатре, а Синатра не оказывал услуг мафии – ну, разве что дал концерт.

Месяца через два после того, как Фрэнк обманул Сэма, помощник последнего, Джонни Формоза, предложил поквитаться с Синатрой (доказательство – запись, прослушка ФБР).

Сэм Джанкана не проявил интереса.

– Что тут думать, босс! – напирал Формоза. – Только скажите – и я проучу этих голливудских недоделков. Я им покажу, как пробрасывать честных людей! Давайте замочим Синатру. А заодно с ним и парочку его дружков – например, Лоуфорда с Мартином. Давайте, я выбью Дэвису последний глаз [несколькими годами ранее Сэмми Дэвис потерял один глаз в автомобильной аварии].

– И думать забудь, – отрезал Сэм. – У меня на них другие планы.

Оказалось, Сэм Джанкана рассчитывал добиться, чтобы Фрэнк и его приятели выступили на открытии его ночного клуба в Чикаго. Клуб назывался «Вилла Венеция».

– С таким блеском даже голливудские премьеры не обставляли, – свидетельствовал Джордж Джейкобс. – Программу вела Крысиная стая, собрались все родные и близкие иллинойских мафиози. Мистер Сэм переплюнул и открытие отеля «Белладжио», и открытие отеля «Венецианец» [оба находятся в Лас-Вегасе]. У мистера Сэма гостей подвозили к входу в гондолах, и каждый гондольер распевал «O Sole Mio». Был там и тайный игорный зал, где в чисто вегасовском стиле проигрывались и выигрывались кучи денег. Пятерка артистов «Саммит Самых-Самых» заработала не один не обложенный налогом миллион. А вскоре после грандиозного празднества клуб «Вилла Венеция» мистическим образом сгорел дотла. Пепел скрыл все хитрые ловушки, расставленные для Синатры; восстановительные работы проводить никто и не думал.

Проблемы с Мэрилин

После возвращения Фрэнка от Кеннеди он и Мэрилин устроили прием на яхте. Фрэнку пришлось просить жену Дина Мартина, Джинн, помочь Мэрилин одеться перед выходом. Сама Мэрилин была почти невменяема из-за лекарственных препаратов, которые принимала пачками.

Во время вечеринки она неоднократно ставила Фрэнка в крайне неловкое положение, буквально позорила перед гостями. Жена Дина Мартина вспоминает:

– Фрэнк дождаться не мог, когда же всё закончится и они с Мэрилин покинут злополучную яхту. Мэрилин его просто достала. Напилась, наелась своих пилюль. Даже о свадьбе разговоры вела. Фрэнк мне сказал: «Знаешь, Джинн, с каким наслаждением я бы сейчас ее за борт выбросил?» Когда мы причалили, он велел одному из своих помощников доставить Мэрилин домой. Я говорю: «Фрэнк, может, пора тебе с ней расстаться? По-моему, она человек конченый». А он отвечает: «Не знаю, что делать». Я опять: «Ты просто святой. Не каждый стал бы так с ней носиться». Фрэнк на это сказал: «Я не святой, я черствый. Любую другую я просто послал бы подальше. А Мэрилин послать не могу, и всё тут».

К началу 1962 года состояние Мэрилин настолько ухудшилось, что Фрэнк стал опасаться за ее жизнь. Джим Уайтинг, друг Фрэнка еще со времен Нью-Джерси, вспоминает:

– Мэрилин продолжала принимать наркотики. Не подумайте, что она шастала по темным переулкам, покупала дозу у наркодилера. Наркотики ей выписывал личный врач. (К тому времени Фрэнка и Мэрилин пользовал один и тот же психиатр, Ральф Гринсон.) Фрэнк всё чаще думал, что жить Мэрилин осталось недолго. Что он мог сделать? Он разводил руками и говорил: «Она хочет умереть. Если она сама себе не желает помочь, чем я-то помогу? Со мной такое было – я тоже думал о смерти. Я не знал, как с этим справиться. И сейчас не знаю». Фрэнк был занят на съемках фильма «Маньчжурский кандидат». Роль казалась ему важной, забирала уйму энергии. По признанию Фрэнка, труднее роли ему играть не приходилось. «Я слишком стар для всего этого, – говорил Фрэнк. – Я стар для съемок, для суеты. Мне трудно запоминать текст». Монологи из роли сводили его с ума. Он не мог спать, потому что в голове вертелись фразы.

Фильм «Маньчжурский кандидат» снят по одноименному роману Ричарда Кондона. Режиссер – Джон Франкенхаймер, главную роль исполнил Лоуренс Харви, также снимались

Анджела Лэнсбери и Джанет Ли. Фильм оказался одним из самых успешных для Фрэнка Синатры. Он и Харви играют солдат, похищенных коммунистами во время конфликта между Северной и Южной Кореей. После промывания мозгов солдат отпускают, ведь теперь они должны участвовать в террористическом акте (все нити плана держит в руках мать персонажа Харви, которую сыграла Анджела Лэнсбери). Актерская игра Фрэнка не осталась незамеченной, критики писали, что он как актер вырос со времен фильмов «Отныне и во веки веков» и «Человек с золотой рукой».

– Съёмки выматывали мистера Синатру, – свидетельствует его камердинер, Джордж Джейкобс. – Но еще больше его выматывала Мэрилин.

Однажды Фрэнк спросил Джорджа Джейкобса:

– Как мне развязаться с Мэрилин, а, Джордж?

Они как раз упаковывали чемодан для Фрэнка.

– Трудное дело, мистер Синатра, – сказал Джордж, складывая хозяйскую рубашку. – Отношения порой требуют полной отдачи.

– Понимаю. Но Мэрилин становится невменяемой…

– Может, просто взять да и бросить ее? – предложил Джордж.

– Как Ава меня самого бросила? – возмутился Фрэнк. – Нет. Этого я сделать не могу.

– Слишком уж вы добрый, мистер Синатра, – заметил Джордж.

– Мне нравится думать, что я не такое чудовище, как Ава, – отвечал Фрэнк.

Облом с визитом Джона Кеннеди

К началу 1962 года Сэм Джанкана и его «ребята» всё еще пестовали обиду на Фрэнка Синатру.

– Фрэнк метит в послы, у него голова кругом идет от президентских милостей. – Так Джонни Розелли говорил Сэму Джанкане, судя по прослушке ФБР, четвертого декабря 1961 года. – Он одного не понимает: Пьер Сэлинджер (пресс-секретарь Кеннеди) и его присные никогда не допустят Синатру до более-менее серьезной должности. В политику ему не пролезть, это точно. Да с ним как со шлюхой обращаются – использовали, заплатили и выставили вон.

Бобби Кеннеди тем временем продолжал копать под Сэма Джанкану и прочих, например, Розелли, Карлоса Марчелло, Мики Коэна, Джимми Хоффу, а заодно и под Фрэнка Синатру. Против него, правда, практически ничего не находилось. И тем не менее в марте 1962 года Фрэнк заплатил-таки за связи в мире мафии, причем очень дорого.

Президент Кеннеди собирался погостить у Синатры на Западном побережье с двадцать четвертого по двадцать шестое марта. Первая леди планировала поездку в Индию и Пакистан, и Джон Кеннеди жаждал «оторваться» со своими голливудскими приятелями. Синатра лез из кожи вон, чтобы сделать президентское пребывание в своем доме удобным, чтобы не ударить в грязь лицом перед высокопоставленной особой. Он ухнул не одну сотню тысяч долларов на почти полную реконструкцию усадьбы в Палм-Спрингз. В главном доме Синатра воздвиг просторную столовую с потолком как в кафедральном соборе, старую кухню превратил в буфетную и пристроил новую, оборудованную по последнему слову техники. Одна из гостевых спален – та, в которой уже ночевал Джон Кеннеди, – превратилась в библиотеку, но табличку с памятной гравировкой Синатра на двери сохранил. Он расширил гостиную, довел до немыслимого совершенства бар. Бассейн вместе с прилегающей территорией теперь был закрыт от поля для гольфа. Все комнаты подверглись смене обоев, покраске, оштукатуриванию. Была куплена новая мебель. Синатра не тронул только собственную спальню, и теперь она казалась крохотной по сравнению с остальными помещениями. Он также пристроил к Рождественскому дому еще два бунгало – для телохранителей президента.

Верный своему девизу «Излишеств много не бывает», Синатра выстроил площадку для президентского вертолета размером пятьдесят на пятьдесят футов. Для этого пришлось хлопотать в

Федеральном управлении гражданской авиации. Вообще-то вертолетные площадки не были чем-то экзотическим. Дин Мартин, например, имел это благо цивилизации в своей калифорнийской усадьбе. Впрочем, позднее соседи, раздраженные шумом, взялись копать и накопали-таки одну административную закорючку, обойденную Синатрой. Фрэнк хотел исправить дело, его послали в комиссию по планированию, которая запретила вертолетную площадку на том основании, что она представляет опасность для соседних домов.

В феврале 1962 года предварительное расследование Бобби Кеннеди было завершено, и министерство юстиции составило соответствующий отчет. Вот что там, в частности, написано:

«Синатра имеет давние и обширные связи с бандитами и мошенниками, и есть все основания считать, что эти связи крепнут. Характер деятельности Синатры предполагает периодические контакты с персонажами из теневого бизнеса, хотя это и не является доказательством, что Синатра дружит и/или ведет дела с людьми вроде Джо и Рокко Фьячетти, родственниками Аль Капоне; с Полом Эмилио Д'Амато по кличке Тощий, с Джоном Формозой или Сэмом Джанканой. Все перечисленные лица есть в списке бандитов. Однако ни один представитель шоу-бизнеса не упоминается так часто в связи с названными преступниками, как Фрэнк Синатра. Имеющаяся у нас информация позволяет сделать вывод, что Синатра не только лично знаком с вышеперечисленными персонажами, но и что они регулярно контактируют друг с другом. Это говорит о наличии у них общих финансовых интересов в Иллинойсе, Индиане, Нью-Джерси, Флориде и Неваде».

Ознакомившись с отчетом, Джон Кеннеди спросил Бобби – следует ему ехать в гости к Синатре или лучше воздержаться от риска подмочить президентскую репутацию? Бобби недолго думая отменил поездку. Мол, президент Соединенных Штатов в сложившихся обстоятельствах не может гостить у такой личности, как Фрэнк Синатра.

Сообщить эту весть Синатре назначили Питера Лоуфорда – к ужасу последнего.

Лоуфорд и Синатра дружили с 1944 года, и Питер отлично знал, каков его друг в гневе. Однажды он на собственной шкуре испытал этот гнев. В 1954 году, когда Фрэнк еще был женат на Аве Гарднер, Питер и его друг Милт Эббинс пили в Беверли-Хиллз вместе с Авой и ее сестрой Бэппи. Надо сказать, что у Лоуфорда и Авы были отношения в середине сороковых, задолго до ее знакомства с Фрэнком. Так вот, компания не просидела в клубе и часа, как вездесущая Луэлла Парсонс пронюхала: есть

матерьяльчик для заметки. На следующий день появилась статья о свидании Питера Лоуфорда и Авы Гарднер с предположением автора насчет возобновления их любовной связи. Узнав об этом, Фрэнк взбеленился. Чтобы его друг крутил шашни с его женой?! Неслыханно! Он этого не потерпит!

Много лет спустя, в 1976 году, в интервью Стиву Данливи Питер рассказывал:

– Сплю себе в своей постели, никого не трогаю. Вдруг раздается телефонный звонок. В три часа ночи! Из трубки замогильный голос, вроде как в романе Марио Пьюзо. «Ты шашни заводишь с Авой? Послушай, червяк! Жить хочешь? Своими ногами ходить хочешь? Тогда не смей приближаться к моей жене, не то я тебе ноги из задницы повыдергаю и переломаю».

После этого звонка Фрэнк не разговаривал с Питером целых пять лет.

– Казалось, он следует какому-то дикому итальянскому кодексу чести: уходи и не оглядывайся, – говорил Питер Лоуфорд.

Друзья помирились только в 1959 году.

И вот теперь Питер должен позвонить Фрэнку и сказать, что визит Кеннеди отменяется!

Фрэнк в первый момент опешил, а потом решил излить всю ярость на злополучного вестника.

– Если не можешь за меня постоять, катись ко всем чертям! – рявкнул он на Питера.

– Я женат на целом клане Кеннеди, – оправдывался Питер. – По рукам и ногам повязан.

Фрэнк швырнул телефонную трубку, а потом, по свидетельству Джорджа Джейкобса, выдрал из стены телефонную розетку.

Питеру и раньше случалось доставлять Синатре дурные вести. Близкий друг Фрэнка, Тони Оппедисано, вспоминает:

– Фрэнк мне сам говорил: ему давно казалось, что в дружбе с Питером игра идет в одни ворота. Преданность Питера, мол, куда мельче, чем преданность его, Синатры. Ну а случай с Кеннеди довершил дело. Фрэнк уверился, что Питер его пробросил. За Питера Фрэнк всякого бы порвал, а Питер для него, похоже, ничего такого делать не собирался.

Иными словами, Фрэнк решил вычеркнуть Питера Лоуфорда из своей жизни, на этот раз – окончательно. Его стараниями Питер не участвовал в съемках двух новых фильмов, «Робин и семь Худов» и «Четверо из Техаса» – в то время как остальные члены Крысиной стаи участвовали.

Вернемся к сцене после объявления ужасной новости.

Фрэнк бросился в соседнюю комнату, схватил телефон и стал названивать Бобби Кеннеди.

– Какого черта, Бобби? – кричал он.

Далее Синатра попытался урезонить президентского брата – мол, Джек ведь уже гостил у него, и никаких проблем не было, так что изменилось? Бобби сказал: ничего, только теперь *я* за связи Джека отвечаю, и я ему ехать не позволю.

– Последовала словесная перепалка, – вспоминает Джордж Джейкобс. – Затем мистер Синатра рявкнул в телефон: «Заткнись, Бобби! Заткнись!» – и шарах аппаратом об стенку! Выдрал розетку, из комнаты вылетел. Я – за ним. Иду и думаю: а хорошо, что мы во всех комнатах телефонов понаставили. Старались для президента, а теперь самим пригодится.

В очередной комнате Фрэнк сделал очередной звонок – он снова связался с Питером, ему требовались подробности. Тогда-то Питер и открыл тайну, где же намерен остановиться Джон Кеннеди.

– Ты не догадаешься, Джордж, у кого будет гостить наш президент! – говорит мне мистер Синатра. – У Бинга Кросби! У республиканца! Ушам своим не верю!

– Почему именно у Кросби? – спрашиваю.

– Потому что у Кросби, видите ли, дом на горе стоит, и он безопаснее, чем мой дом! Вранье!

Потом Фрэнк метался по комнатам, круша на своем пути всё, что, так или иначе, напоминало о Джоне Кеннеди или о Питере Лоуфорде. Досталось и пресловутой табличке на двери в библиотеку.

– Я бегал за ним следом и только об одном думал: хоть бы его инсульт не хватил, – признается Джордж Джейкобс. – Остановить мистера Синатру я не пытался. Я знал – под горячую руку ему лучше не попадаться.

Выдохшись, Фрэнк рухнул в кресло, огляделся.

– Боже праведный! – воскликнул он и даже головой тряхнул. – Джордж, здесь что, тайфун пронесся?

Верный камердинер сказал:

– Очень может быть.

– Вот что я тебе скажу, Джордж. Бери пример с меня. Хочешь избежать язвы желудка – давай выход своему гневу. – Через минуту Синатра снова стал серьезным. – Знаешь, Джордж, если б Джо Кеннеди удар не хватил, ничего подобного бы не случилось. Старик не позволил бы этому Бобби так поступить.

(К тому времени «патриарх» был парализован и передвигался в инвалидной коляске.)

– Вы правы, мистер Синатра.

Хозяин и слуга молча обозревали руины. Затем Синатра усмехнулся и сказал:

– Если спросят, кто всё это натворил, отвечай, что ты. Понял? Ты, а не я.

– Понял, мистер Синатра.

Фрэнк планирует жениться на Мэрилин

Летом 1962 года Фрэнк Синатра совершил неслыханное по масштабам концертное турне, которое вошло в историю под названием «Мировой детский тур». В Гонконге Синатра посетил несколько детских больниц и юношеский центр и пожертвовал этим заведениям девяносто пять тысяч долларов. В Израиле он основал Юношеский центр имени Фрэнка Синатры для арабских и еврейских детей. В Греции Синатру наградили Афинской медалью Чести. Также Синатра побывал в Риме, Женеве, Мадриде. В Лондоне он посетил приют для незрячих детей, в парижской психиатрической лечебнице Святого Иоанна Божьего открыл отделение для мальчиков-калек. Кроме того, Синатра побывал в Монако. За десять недель он лично профинансировал тридцать концертов и собрал более миллиона долларов.

Этот благотворительный тур произвел на Синатру сильное впечатление. Вернувшись в Штаты, он признавался: больные и увечные дети растрогали его, смягчили его сердце. Никогда прежде Синатра не ощущал сострадания такой глубины. Он и не предполагал, что на свете столько несчастных детей, и попытки порадовать их, облегчить их жизнь для самого Синатры стали огромным утешением.

На личном фронте у Фрэнка всё было без перемен, вот он и возобновил связь с Мэрилин Монро. По заверениям одного из Синатриных юристов, он даже всерьёз подумывал о женитьбе.

– Однажды приходит он ко мне в офис и просит совета, – вспоминает юрист. – Прямо сказал: «Очень я всех удивлю, если женюсь на Мэрилин?» Я опешил, но виду не подал. Скроил серьезную мину и говорю: «Фрэнк, великодушие не позволяет вам подумать о последствиях. А они могут быть очень серьезными». Фрэнк спрашивает: «Вы это о чем?» Тогда я прямо сказал: «У мисс Монро проблемы. Что, если после свадьбы они усугубятся? Что, если она покончит с собой?» Синатра понял и продолжил за меня фразу: «И тогда я буду считать себя ответственным за ее смерть, так?» «Именно. Вы же не хотите, чтобы мемуаристы писали: “Монро покончила с собой, будучи замужем за Фрэнком Синатрой”?» Фрэнк подумал и говорит: «Может, если я на ней женюсь, к ней станут иначе относиться в обществе? Может, она найдет в себе силы, справится, выкарабкается?» Я говорю: «А если нет?»

Дальновидный юрист всячески разубеждал Синатру, однако тот не желал так просто отказаться от своей идеи. Перед уходом он заявил:

– Свадьбу надо устроить в Европе, а не в Штатах. Не хочу нарваться на Джо (Димаджио). Займитесь этим. Поищите в Европе тихое местечко.

Юрист ушам своим не верил.

– Фрэнк, вы серьезно?

– Только не суетитесь, – отвечал Синатра. – Считайте это долгосрочным проектом вроде фильма. Мне еще нужно с Мэрилин всё обсудить. Короче, поживем – увидим.

Неизвестно, предлагал ли Фрэнк руку и сердце самой Мэрилин. Его юрист утверждает, что к разговору о свадьбе они с Синатрой больше не возвращались. А тем временем Мэрилин Монро продолжала вносить хаос в жизнь Фрэнка Синатры. До связи с Кеннеди это были еще цветочки; ягодки пошли, когда Кеннеди ее бросил. Уже порвав с кинодивой, президент зачем-то попросил Мэрилин исполнить «С днем рожденья тебя» по соответствующему поводу в спортивном комплексе «Мэдисон-Сквер-Гарден». Предложение заставило Мэрилин думать, что Кеннеди хочет возобновить их связь. Но за поездку в Нью-Йорк, целью которой было поздравить Кеннеди, Мэрилин лишили роли в фильме «Что-то должно случиться».[9]

Воспоминания о Мэрилин

Двадцать шестого июля 1962 года Фрэнк Синатра позвонил Патрисии Кеннеди Лоуфорд (Пэт) и сказал, что огорчен инцидентом с Питером из-за отмены визита Кеннеди к нему в Палм-Спрингз. Не извинился, не признал, что был не прав. Просто констатировал факт своего огорчения. Звонок вовсе не означал, что Фрэнк намерен восстановить дружеские связи с Питером. Однако же он поинтересовался, не хотят ли Питер и Пэт приехать к нему на денек-другой в отель «Кол-Нива-Лодж», прихватив заодно и Мэрилин. Ей, мол, не повредит развеяться. Фрэнк сообщил Пэт Лоуфорд, что он сам устраивает шоу и что будут петь также Бадди Греко и Роберта Линн. Иными словами, веселье гарантировано.

Пэт идея не понравилась. Раз Фрэнк не намерен извиняться перед ее мужем, значит, нечего им и встречаться. Однако она сочла себя обязанной рассказать о приглашении Питеру. А Питер за приглашение буквально ухватился. Решил, что Фрэнк таким образом намекает – он хочет помириться. Питер хотел того же. Вдобавок и Мэрилин согласилась ехать с Лоуфордами.

На следующий день, двадцать седьмого июля, за четой Лоуфорд и за Мэрилин был прислан самолет. В невадском аэропорту их встретил на машине камердинер Синатры, Джордж Джейкобс. Он вспоминает:

– Мэрилин выглядела кошмарно. В черном шарфе, ненакрашенная, зареванная. Я подумал: «Мистер Синатра точно не обрадуется». И правда, босс опешил, когда увидел ее. Даже отпрянул в первый момент, как от привидения. Потом обнял Мэрилин и попросил Лоуфордов оставить их наедине. Я тоже вышел. Некоторое время мистер Синатра пробыл с Мэрилин. Потом позвал меня и говорит: «Проследи, Джордж, чтоб с ней всё было в порядке, а то я волнуюсь».

– Мы определили мисс Монро в шале номер пятьдесят два, которое у нас для особых гостей, – рассказывает Джейкобс. – Питер и Пэт поселились в соседнем шале. Мистер Синатра усиленно игнорировал Питера, даже когда они оказывались в одном и том же месте и при Мэрилин. Мне он говорил: «Лоуфорд – в прошлом. Мне он надоел, просто я не хочу нервировать Мэрилин, а то бы устроил громкую разборку». Поэтому в присутствии Мэрилин мистер Синатра улыбался Питеру и вел себя дружелюбно. Но один раз Питер попытался с ним заговорить, когда рядом не было Мэрилин. Мистер Синатра его взглядом испепелил и выдал: «Ты слишком приблизился к

солнцу. Исчезни». Питер от неожиданности прямо скукожился весь.

Часа через три после прибытия Лоуфорды обнаружили сюрприз – оказывается, у Синатры гостил и Сэм Джанкана; оказывается, Синатра прислал за ним личный самолет в Лос-Анджелес. Пригласить в отель босса чикагской мафии одновременно с родной сестрой президента – можно ли придумать большее оскорбление? Уж наверное, Синатра нарочно позвал Лоуфордов, чтобы они засветились в одном отеле с Джанканой! Так решила Пэт Кеннеди Лоуфорд.

– Лично я понятия не имею, какую цель преследовал мистер Синатра, – говорит Джордж Джейкобс. – Я ему вопросов не задавал. Не моего ума дело.

Пэт этого терпеть не собиралась.

– Всё ясно! – воскликнула она. – Мы уезжаем, Питер.

Сказано было достаточно громко, чтобы Джанкана расслышал. Питер смутился. Подошел к боссу мафии, пожал ему руку, завел разговор. Собеседники то и дело поглядывали на Мэрилин, будто речь шла о ней. А Мэрилин тем временем сказала Пэт, что ей нехорошо и никуда ехать, а тем более лететь она сейчас не в состоянии. И попросила Пэт проводить ее в шале. Пэт согласилась, повела Мэрилин, поддерживая под локоть.

Повар, Тед Стивенс, был в это время на кухне, готовил закуски.

– Вдруг звонит Питер Лоуфорд и требует кофе в шале номер пятьдесят два. Причем сию же секунду. Кричит в телефон так, будто конец света настал. Не проходит и двух минут, как снова раздается звонок. На сей раз это мистер Синатра. Рявкает в трубку: «Мы этого чертова кофе дождемся сегодня?!» Потом я узнал, что они пытались привести Мэрилин в чувство, для этого им кофе и понадобился.

Вспоминает Роберта Линн:

– Монро весь уик-энд проходила в одном и том же зеленом платье и непричесанная. Казалось, ей плевать, как она выглядит. На обоих шоу Синатры она присутствовала – с самым разнесчастным видом. Странно, учитывая, что эта женщина имела всё и даже больше. В общем, она производила удручающее впечатление.

Причиной тому был не только алкоголь. Мэрилин теперь делала себе инъекции фенобарбитала, нембутала и секонала, называя их «витаминными укольчиками». Однажды в присутствии Фрэнка и Пэт, а также Джо Лэнгфорда (с его слов автор и записывает) Мэрилин открыла сумочку и начала в ней рыться. Она извлекла несколько шприцев, но искала явно что-то другое.

Шприцы она преспокойно, ничуть не смущаясь, выложила на стол. Фрэнк побледнел.

– Боже, Мэрилин, зачем тебе шприцы?

– Для витаминных укольчиков, – ответила Мэрилин.

Покачав головой, Пэт пробормотала:

– Ох, Мэрилин! Смотри, доиграешься!

– Не волнуйся, Пэт, я знаю, что делаю, – сказала Мэрилин.

– Она продолжала рыться в сумочке и наконец нашла то, что хотела – швейную иголку, – рассказывает Джон Лэнгфорд. – Мы рты разинули. А Мэрилин открыла пузырек с пилюлями, достала одну, проделала в капсуле дырочку и проглотила пилюлю. Так, говорит, оно скорее в кровь попадет. И улыбается. Потом обратилась к Пэт: «Видишь, я знаю, что делаю».

Через несколько часов Пэт тайком выбросила из сумочки Мэрилин все шприцы.

– Мистер Синатра не представлял, как решить вопрос с Мэрилин, – рассказывает Джордж Джейкобс. – Мы поняли, что ее жизнь висит на волоске. Вдруг она бы умерла прямо в «Кол-Ниве»? Этого нельзя было допустить. В общем, как только мистер С. понял, что в этой ситуации он бессилен, он сказал: «Больше ничего не остается. Ее надо отсюда убрать». Видит бог, мистер Синатра проявлял ангельское терпение. Однако всему есть предел. Пэт и Питер улетели в Лос-Анджелес, забрав Мэрилин с собой. Больше мистер Синатра ее живой не видел.

Менее чем через неделю, пятого августа 1962 года, Мэрилин Монро была найдена мертвой у себя дома. В интервью Синатра сказал, что «глубоко опечален». По словам Джорджа Джейкобса, смерть Мэрилин потрясла Синатру, он не один месяц места себе не находил.

Похороны были назначены на кладбище «Уэствуд-Мемориал-Парк». Фрэнк приехал туда, но оказалось, что Джо Димаджио успел распорядиться: никого, кто был связан с Мэрилин, в том числе Синатру и членов семьи Кеннеди, на похороны не пускать. Димаджио винил их всех в смерти своей бывшей жены; ему казалось, они не уберегли Мэрилин, сделали недостаточно. Впрочем, учитывая, что, живя с Мэрилин, Димаджио сам ее поколачивал, едва ли можно назвать его белым и пушистым, едва ли можно отрицать его вину. Без сомнения, Димаджио внес свой вклад в то, чем стала Мэрилин Монро.

Фрэнк Синатра потихоньку покинул кладбище, так и не отдав последнюю дань покойной. Он не хотел скандала с Димаджио.

Свинг-1963

В период с 1962 по 1963 год вышли несколько классических альбомов Синатры, среди которых выделяется «Синатра – Бэйси: хиты из мюзиклов» (Sinatra – Basie: An Historic Musical First). Это первый из двух альбомов, записанных Синатрой с оркестром Каунта Бэйси. Второй альбом называется «Это мог бы быть и свинг» (It Might as Well Be Swing), он вышел в августе 1964 года.

Но вернемся к первому альбому. Синатра исполняет знаменитые композиции, например, «Пенни с небес», «Хорошая работа, если, конечно, ее получить» и «Сейчас засяду за письмо к самому себе» (Pennies from Heaven, Nice Work If You Can Get It и I'm Gonna Sit Right Down and Write Myself a Letter, соответственно) под аккомпанемент знаменитого оркестра. Создается полное впечатление чистой импровизации – за каковым впечатлением, несомненно, стоит большая работа. Многие отмечают, что, прослушав запись, словно побывали на живом концерте.

В январе Фрэнк слетал в Нью-Джерси на золотую свадьбу родителей. К тому времени он давно уже продал их скромный трехэтажный дом в Хобокене владельцу фирмы, занимавшейся грузоперевозками, а взамен купил ранчо с разноуровневым домом и с видом на реку Гудзон в нью-джерсийском городе Форт-Ли. Интересно, что документы были оформлены на имя «О'Брайан» – именно под этим именем выступал когда-то на боксерском ринге Марти Синатра. Долли ужасно гордилась подарком сына. Вычитав в какой-то газете, что Фрэнк заплатил за дом для нее и Марти пятьдесят тысяч долларов, Долли попросила друзей позвонить в редакцию и внести корректировки: дом стоит не пятьдесят, а все шестьдесят тысяч.

Фрэнк по-прежнему был очень близок с родителями. На отца он всегда мог положиться; прошли те времена, когда Марти считал, что из Фрэнка толку не будет. Теперь Синатра-старший неизменно присутствовал на музыкальных совещаниях. Долли совсем не изменилась и по-прежнему была крайне вспыльчива, но она обожала сына, и все это знали.

В феврале 1963 года в Лос-Анджелесе Фрэнк записал альбом «Концерт Синатры» (The Concert Sinatra). В него вошла классика бродвейских мюзиклов – одиннадцать композиций, в том числе «Мы затеряны среди звезд» и «Еще чуть-чуть – и я бы это получил» (Lost in the Stars и This Nearly Was Mine). Композиции были записаны на студии «Сэмюэль Голдвин студиоз» с полным эффектом звучания целого оркестра.

В конце февраля завершилась работа Фрэнка над ролью в

фильме «Приди и протруби в свой рог» (Come Blow Your Horn) с Ли Дж. Коббом и Джилл Сент-Джон. Синатра играет ловеласа; если говорить начистоту, лучшее в фильме – это песня «Уйду от тебя потихоньку» (Softly, as I Leave You), которая включена в одноименный альбом. (Несмотря на слабую сюжетную линию и другие недостатки, фильм в июне 1963 года заслужил положительные отзывы критиков.)

В марте Фрэнк появился в телешоу Боба Хоупа, позднее вел церемонию вручении наград Киноакадемии.

В мае вышел очередной фильм с участием Фрэнка – «Техасская четверка» (4 for Texas). Это был комедийный вестерн, приятеля Синатры играл Дин Мартин. Вообще, размышляя о киноработах Синатры, трудно не прийти к выводу: пиком карьеры в кино стал для него фильм «Маньчжурский кандидат». После 1961 года Синатра снимался в очень слабых фильмах, таких как «Техасская четверка» и «Робин и семь гангстеров». Даже любимый многими «Экспресс Фон Райана» (1965 год, Von Ryan's Express) – и тот не считается кинематографической удачей. Остается только недоумевать, почему шестидесятые годы не принесли такому одаренному актеру, как Фрэнк Синатра, ни одной путной роли.

– Наверное, отца воспринимали в первую очередь как певца, а уж потом – как актера, – размышляет Фрэнк Синатра-младший. – Возможно, он оставил столь глубокий след в музыкальной культуре, что Голливуд раз и навсегда сформировал о нем свое мнение. Однозначно неправильное – но попробуйте-ка переубедить голливудскую братию. Отец вот попытался – а что толку?

Двадцать пятого июля 1963 года Фрэнк записал давно ставшую классикой композицию «Пусть мне повезет» (Luck Be a Lady). Эта песня была создана еще в 1950 году Фрэнком Лоссером для бродвейской постановки «Парни и куколки». В одноименном фильме 1955 года ее довольно слабо исполнил Марлон Брандо. Теперь Фрэнк Синатра исполнил песню с таким подъемом, голос звучал так полно и глубоко, что мы можем с уверенностью сказать – это одна из любимых композиций Синатры. До совершенства запись доводит фантастическое звучание оркестра.

График Синатры был настолько плотен, что Дин Мартин, сам загруженный под завязку, однажды воскликнул:

– Не представляю, как он справлялся! Правда, я не представляю, как я сам справлялся. Вообще-то я даже не помню, что я для этого делал.

Синатра лишается лицензии на ведение игорного бизнеса

К концу 1963 года отчеты ФБР и полиции пестрели именем Синатры, который уже давно не делал секрета из своих отношений с представителями мафии. Оказывается, последние три года он был на крючке у спецслужб. События, стоившие Синатре лицензии на ведение игорного бизнеса, произошли в середине 1963 года. Замешаны были знаменитая певица и ее менеджер – однако не сам Синатра. Зато в результате Синатра лишился не только лицензии, но и двух друзей – Хэнка Саниколы и Сэма Джанканы.

Документы ФБР свидетельствуют, что Сэм Джанкана решил повидаться со своей подругой, Филлис Макгуайр, когда она в составе вокальной группы «Сестры Макгуайр» находилась в отеле «Кол-Нива». Джанкана, один из двенадцати донов коза ностра, являлся персоной нонграта для серьезных людей, ведавших невадским игорным бизнесом. Штат Невада славился игорной индустрией, и серьезные люди не желали даже краем касаться представителей мафии. ФБР выпустила особый «Черный список Лас-Вегаса», куда вошли одиннадцать имен. Появляться в игорных заведениях штата этим персонам было запрещено. Владелец игорного бизнеса, допустивший в свое казино персону из черного списка, сам преступником не считался – у него всего лишь отбирали лицензию. Список возглавил Сэм Джанкана. Разумеется, он уже несколько раз появлялся в отеле «Кол-Нива»; последнее его появление связано с именами Мэрилин Монро и супругов Лоуфорд. Тот случай вызвал ссору между Фрэнком Синатрой и Дином Мартином, который имел долю в «Кол-Ниве». Согласно воспоминаниям дочери Мартина, Дины, ее отец предупредил Фрэнка:

– Смотри, Фрэнк, доиграемся! Лицензию потеряем!

На что Фрэнк ответил:

– Будь спок, приятель.

Дин, по натуре осторожный, отвечал:

– Знаешь что? Давай-ка я лучше выйду из дела.

Фрэнк отдал Мартину его долю.

Далее будем опираться на отчеты ФБР.

> *«Джанкана появлялся в шале № 50 отеля «Кол-Нива лодж» в разное время с 17 по 28 июля 1963 года, причем Синатре об этом было известно».*

Чистая правда: Джанкана действительно наведывался в указанный период в отель «Кол-Нива», поскольку в шале номер пятьдесят жила Филлис Макгуайр. По ночам Джанкана с «ребятами» пили, делали ставки и развлекались с женщинами. Днем они не высовывались из шале.

– Фрэнку это не нравилось, – свидетельствует Эндрю Уатт, бывший следователь полиции города Лейк-Тахо, в то время регулировавший игорный бизнес. – Фрэнк за Джанканой не посылал, как раньше. Сэм в тот раз сам приехал. Фрэнку, конечно, не улыбалось потерять лицензию из-за присутствия Джанканы. Но кто же указывает боссу мафии, что делать, а чего не делать, куда приезжать, а куда не приезжать? Джанкана успокоил Фрэнка: мол, потерпи несколько дней. И Фрэнку оставалось только уповать на удачу, которая в случае с доном от него отвернулась.

В один прекрасный вечер Виктор Лакруа Коллинз, менеджер группы «Сестры Макгуайр», повздорил с Филлис. Слово за слово, он ударил девушку, она упала на пол. Дело происходило в шале номер пятьдесят. На крики Филлис прибежали ее сестры, Кристина и Дороти. Из ванной выскочил Сэм Джанкана, увидел, что случилось, и хуком слева уложил Коллинза. Менеджер то ли от нездешней храбрости, то ли от нездешней глупости, это уж как посмотреть, поднялся и пустил в ход кулаки. Минуты не прошло – и Коллинз с Джанканой сцепились, рухнули на пол и давай тузить друг друга.

– Филлис ухватила туфлю на «шпильке» и принялась молотить Коллинза по голове, – свидетельствует Джордж Джейкобс, который примчался на шум. За ним бежали Фрэнк и два его телохранителя.

Дерущиеся почему-то переместились в патио. Коллинз как раз собирался шарахнуть Сэма в челюсть, однако телохранитель Фрэнка успел ударить Коллинза по затылку.

– Какого черта здесь происходит? – кричал Фрэнк, помогая растаскивать менеджера и гангстера.

– Он первый начал! – заявил Сэм. Джордж Джейкобс удерживал Коллинза. – Пустите меня, я этого поганца убью. Никто не смеет безнаказанно обижать мою девушку!

В конце концов, Сэм выскочил из комнаты, ужасно злой на Фрэнка и на остальных за то, что вмешались в драку.

Позднее Фрэнк и Сэм пошли прогуляться по территории, прилегавшей к шале номер пятьдесят. Глядя на звездное небо, Фрэнк попросил Сэма уехать. Сэм согласился.

– Я причинил достаточно неудобств, – сказал он.

Друзья вместе посмеялись.

– Джордж отвезет тебя в Палм-Спрингз, – пообещал Фрэнк.

А вот месяц спустя, когда о драке с участием Сэма Джанканы узнали в Невадском комитете по контролю за игорным бизнесом, Фрэнку было не до смеха. Начинались серьезные проблемы.

Через несколько недель Фрэнка, находившегося в «Сэндз», вызвали на заседание комитета. Уполномоченный комитета Эдвард Олсен задал ему множество вопросов, на которые получил явно недостаточно ответов. Фрэнк сообщил, что действительно столкнулся с Джанканой в отеле «Кол-Нива», но это была минутная встреча. А о драке ему вообще ничего не известно. Когда Фрэнку напомнили насчет лишения лицензии из-за допуска Джанканы в «Кол-Ниву», Фрэнк пообещал не встречаться с доном в Неваде, но добавил:

– Я буду встречаться с ним в других местах, если захочу. А я непременно захочу. Я так привык. Это моя жизнь. Сэм – мой друг. Никто не смеет мне указывать, с кем встречаться, а с кем не встречаться.

Только Фрэнк вздохнул с облегчением, полагая, что на сей раз пронесло, как властям стало известно: есть свидетель драки между Джанканой и Виктором Лакруа Коллинзом – один из работников отеля «Кол-Нива». Этого человека тоже вызвали к Эдварду Олсену.

Однако свидетель куда-то пропал, так и не успев пообщаться с Олсеном. Олсен заявил прессе, что свидетеля скорее всего запугал Синатра. Прочитав об этом в газете, Фрэнк разъярился. Стал доказывать, что никого не запугивал.

– Этот парень не явился, потому что сам сдрейфил, я тут ни при чем. Не спрашивайте, чего или кого он так боится. Точно не меня. Какое право Олсен имеет на такие заявления?

В последующие недели Фрэнк еще несколько раз встречался с Олсеном, но в частном порядке. Олсен хотел обставить всё официально, Фрэнк же соглашался говорить строго без свидетелей и стенографистов.

Во время одной такой «беседы» Фрэнк попросил Олсена отложить расследование до осени – дескать, лето – самый сезон, не хочу клиентов терять. Дела в «Кол-Ниве» шли неважно, Фрэнк рассчитывал выжать из летнего сезона максимум, потому что в ноябре казино традиционно работало только по выходным. Олсен заявил, что состояние Синатриного бизнеса его не волнует.

«Беседы» продолжались, Фрэнк терял терпение. Олсен, в очередной раз позвонив Фрэнку, пригрозил повесткой в суд.

– Мы с тобой в разных весовых категориях! – прошипел Фрэнк. – Не мешай мне. Отстань. И своему комитету передай, чтоб отвязался.

Эдвард Олсен был не из тех людей, кому можно безнаказанно грубить. На следующий день он накатал на Фрэнка восьмистраничное заявление, где жаловался, в частности, на «грязные, непотребные выражения и угрозы» со стороны последнего. В тот же вечер в «Кол-Ниву» нагрянула комиссия по делам игорного бизнеса. Фрэнк комиссию выгнал. Тогда-то оскорбленный комитет по делам игорного бизнеса и начал серьезно копать под Фрэнка, предъявлять претензии и грозить отозвать лицензию только за то, что в «Кол-Ниву» был допущен Джанкана. Повестки в суд получили все, кто хоть каким-то боком был причастен к инциденту, в первую очередь – Сэм и Филлис. В скандал втянули также Кристину и Дороти Макгуайр и, конечно, Виктора Лакруа Коллинза.

Вопросы к Фрэнку стали сложнее. Какова сумма финансовых вложений Джанканы в отель «Кол-Нива»? В каких отношениях состоят Фрэнк и Джанкана? В каких отношениях состоят Джанкана и Филлис? В каких отношениях и с кем состоят все лица, связанные с отелем «Кол-Нива»?

В сентябре 1963 года Невадский комитет по делам игорного бизнеса подал на Синатру в суд за допуск Сэма Джанканы в отель «Кол-Нива лодж». Причем Джанкана получил такую характеристику: «пятидесятичетырехлетний преступник, один из двенадцати боссов американского преступного мира, один из донов коза ностра». Приведем текст претензии:

> *«Синатра завел личные связи с Джанканой, отлично зная о его подмоченной репутации. Синатра открыто заявляет, что не намерен рвать эти связи, что является оскорблением законов Невадского комитета по делам игорного бизнеса».*

Иными словами, Фрэнку было предъявлено официальное обвинение. Дело осложнялось еще вот чем: Мики Рудину позвонил Джек Уорнер и сообщил: если Фрэнк хочет продолжать работу с «Уорнер Бразерз», пусть имеет в виду – студии совсем неинтересно фигурировать в скандальной хронике. Надо сказать, что на тот момент полным ходом шли переговоры о том, чтобы принять Фрэнка в кинобизнес в качестве партнера.

– Мне всё известно про скандал с Джанканой, – сказал, по свидетельству Нэнси Синатры, Уорнер в разговоре с Рудином. – Но мне надоела (дурная) репутация Лас-Вегаса. Мне бы хотелось, чтобы Фрэнк стал нашим партнером. Пусть он участвует в делах «Уорнер Бразерз Пикчерз» и владеет третьей частью «Уорнер Бразерз Рекордз». Но пусть уж тогда не мелькает в судебной хронике.

В результате десятого октября Фрэнк объявил, что отказывается от лицензии на ведение игорного бизнеса и от доли в отеле «Кол-Нива». Он поспешил отказаться от лицензии, пока ее не отозвали в судебном порядке.

Фрэнк понял: дело проиграно. Отказ от лицензии означал потерю девяти процентов в казино «Сэндз», а это было уже совсем неприятно. Эти акции обошлись Фрэнку в пятьдесят тысяч долларов, но за несколько лет их цена выросла до пятисот тысяч. Последующие годы сулили многие миллионы долларов. Совокупная доля Фрэнка в казино отелей «Кол-Нива» и «Сэндз» была оценена в три с половиной миллиона. Однако выбора не было, и Фрэнк это знал. Он сам когда-то пригласил в «Кол-Ниву» Сэма Джанкану, и выкрутиться не представлялось возможным.

«У меня нет аргументов, способных убедить Комитет в том, что я должен оставаться в игорной индустрии», – написал Фрэнк в заявлении и добавил, что надеется на процветание казино, им оставленных, ведь они «предоставляют прекрасные возможности опытным и начинающим игрокам блеснуть своими талантами».

Лицензия была отозвана в день обращения, Фрэнк потерял сразу три с половиной миллиона долларов. Ему дали срок до девятого января 1964 года – по мнению комитета, достаточно времени, чтобы продать долю в двух казино.

Фрэнк продал казино компании «Уорнер Студиоз» в обмен на возможность создать собственную кинокомпанию. Затем он сделал заявление: мол, ему поднадоел игорный бизнес, теперь он, Фрэнк Синатра, хочет заняться кинопроизводством. Фрэнку казалось, звучит убедительно; казалось, общественность скушает. Ему важно было создать впечатление, что сделка с «Уорнер Браззерз» никак не связана с отказом от выгод игорного бизнеса. На самом деле связь была прямая. Фрэнк выпутался из скандала с отелем «Кол-Нива» и смог продолжить сотрудничество с «Уорнер Браззерз».

Однако инцидент в «Кол-Нива-Лодж» имел долгосрочные последствия для отношений Фрэнка с Саниколой и с Джанканой.

Получалось, что Синатра входит в историю как американский певец итальянского происхождения, потерявший игорный бизнес из-за того, что впустил в свое казино босса мафии.

– Нет никаких свидетельств, что Фрэнк был насильно лишен пресловутой лицензии, и нет никаких свидетельств, что он приглашал в свой отель Сэма Джанкану, – утверждал Мики Рудин, юрист Синатры. – И всё равно в течение долгих лет за Фрэнком тянулся этот «хвост» – дескать, ага, тот самый Синатра, который пригласил дона в казино при своем отеле.

Действительно, свидетельств нет и не было; но правда и то,

что Фрэнк вышел из игры прежде, чем такие свидетельства могли быть обнаружены.

Отношения с Джанканой он продолжал и после инцидента – к огромному недовольству Хэнка Саниколы. Саникола с Фрэнком много лет трудились, возводили империю Синатры. Сам Саникола вложил в «Кол-Ниву» триста тысяч долларов. Знакомы они были еще со времен клуба «Рустик кэбин», с сороковых годов. Тогда Саникола стал неофициальным менеджером Фрэнка. Теперь у Хэнка в голове не укладывалось, как его давний друг может рисковать всем, что они вместе создали, ради какого-то гангстера. Фрэнк и Саникола крупно поругались во время поездки из Палм-Спрингз в Лас-Вегас. Фрэнк, и без того весь на нервах, взорвался. Заявил, что вернет Хэнку долю во всех их совместных проектах (в том числе в проекте Синатры «Парк-Лейн-филмз»). Под влиянием импульса Фрэнк даже отдал Саниколе права на пять компаний – «Бартон», «Сагу», «Сэндз», «Тамариск» и «Маривейл». Речь шла о сумме от миллиона до четырех миллионов долларов. А потом Синатра пинком вышвырнул Саниколу из джипа, оставив прямо посреди пустыни, а сам уехал. Больше он никогда с Саниколой не разговаривал. Хэнка ему заменил давний друг, Джилли Риззо.

Сэм Джанкана разозлился на Фрэнка за то, что тот «раскололся» Эдварду Олсену.

– Basta con questa merda! – по-итальянски воскликнул Джанкана. («Я сыт этим дерьмом по горло!»). – Если б у Синатры было больше хладнокровия, мы все избежали бы и скандала, и финансовых потерь, – заявил знаменитый дон.

– Сэм потерял примерно полмиллиона, ведь он тоже владел долей в казино отеля «Кол-Нива», – свидетельствует Томас Дибелла. – Но дело даже не в деньгах. Синатра не приложил должных усилий, чтобы выгородить Сэма. Не знаю, чего конкретно Сэм ожидал от Фрэнка в данной ситуации, только прежней дружбы между ними больше не было.

Часть девятая
Похищение Фрэнка Синатры-младшего

Как планировалось похищение

– Слушай, дружище, давай-ка обсудим твои отношения с бутылкой, – говорит Фрэнк Синатра, отводя в сторонку Дина Мартина.

– А что такое? – театральным шепотом интересуется Мартин. – Я тост проворонил, да?

Зрители смеются.

– Давайте выпьем, – предлагает Мартин.

– Ты уже и так пьешь, – напоминает ему Сэмми Дэвис.

– Разве это моя рука?

В зале снова смех.

– Вообще-то я собирался завязать с выпивкой завтра, – объявляет Дин, делая глоток.

– Вот и молодец. Вот и правильно, – хвалит Фрэнк, хлопая Дина по спине.

– К утру коктейль застынет в морозилке, и я его не выпью, а съем, как эскимо на палочке.

В конце сентября 1963 года Крысиная стая развлекала гостей на частной вечеринке в отеле «Беверли-Хиллз» на бульваре Сансет. Фрэнк, Дин и Сэмми в тот вечер не пели – только хохмили, отвечали на вопросы из зала и раздавали автографы. Выручку они планировали пустить на благотворительные цели. Аудитория была небольшая – человек двести, и среди них выделялись трое. Жизни этих троих очень скоро пересекутся с жизнью Фрэнка Синатры. Вот их имена: Барри Уортингтон Кинан, двадцать три года; Джозеф Клайд Эмслер, двадцать три года; Джон Ирвин, тридцать два года.

– Видите, Синатра вовсе не могущественный гигант, – втолковывал Кинан, коротко стриженный блондин, своим приятелям. – За тем я вас сюда и привел. Чтоб вы убедились: Синатра – такой же человек, как и остальные. Ну, что думаете, справимся?

– Не знаю, – сказал Эмслер, хлебнув пива. – Похищение человека – не шутка.

– Ничего особенного, – убеждал Кинан. – Я уже всё продумал. Нам про семью Синатра всё известно, Джо, – напомнил он Эмслеру. – А чего я не узнал от Нэнси, то в библиотеке нашел.

Кинан, оказывается, целую неделю гостил в Палм-Спрингз и времени даром не терял – окопался в библиотеке, стал выяснять факты о прошлом Синатры, о его характере. А еще он сходил в городскую библиотеку Лос-Анджелеса и проштудировал историю киднеппинга с библейских времен до наших дней.

– Знаете, когда все киднепперы попадаются? – приставал к друзьям Кинан. – Когда выкуп забирают. Если мы этот пункт пропустим, то не попадемся. Заживем вот как эти звезды, что сейчас валяют дурака на сцене. Это даже символично, что мы здесь, – подытожил Кинан, обводя взглядом зал.

Зрители хохотали над очередным гэгом, но Кинан, Эмслер и Ирвин не обращали внимания на шоуменов. Кинан продолжал уламывать друзей присоединиться к нему в преступлении, которому суждено было стать одним из самых дерзких в истории шоу-бизнеса. Кинан задумал похитить Фрэнка Синатру-младшего.

Расстройство сознания

Весной 1997-го (то есть через тридцать четыре года после сцены в зрительном зале) Барри Кинан дал свое первое интервью о том, что побудило его похитить сына Фрэнка Синатры. По иронии судьбы интервьюировали Кинана в том самом отеле, где рождался план похищения! Кинан давно освободился из тюрьмы, стал агентом по продаже недвижимости. Вот его история.

Барри Кинан некогда был младшим партнером лос-анджелесской фондовой биржи «Пасифик» (лицензию на ведение операций с ценными бумагами он получил на свой двадцать первый день рождения). Отец Барри, успешный брокер, владел собственной фирмой «Кинан и компания» с офисом в центре Лос-Анджелеса.

Брокерское благополучие Барри Кинана закончилось в 1960 году после автомобильной аварии, в которой Барри получил тяжелые травмы позвоночника. Очень скоро он стал другим человеком – депрессивным, измученным постоянной болью, подсевшим на наркотики и анальгетик перкодан. Вдобавок он злоупотреблял алкоголем. Родители были крайне недовольны Барри; он задолжал им крупную сумму, да и у друзей ходил в должниках. Словом, в двадцать три года Барри был «сдувшимся брокером». Его разум затуманивали наркотики, он жаждал найти решение своих финансовых проблем. Деньги нужны были и на дозы. Сначала Кинан решил ограбить банк, затем передумал – слишком рискованно. Не стать ли наркодилером? Для такой деятельности требуются смекалка и быстрота реакции, которых у него нет. Зато можно срубить кучу бабок, если похитить отпрыска какого-нибудь богача.

Одурманенное наркотиками и болью сознание подсовывало Барри имена потенциальных жертв – он учился с ними в одной школе. Может, Тони Хоуп, двадцатитрехлетний сын Боба Хоупа?

– Я несколько дней носился с планами насчет Тони, но потом их отбросил. В конце концов, Боб Хоуп столько сделал для Америки. Взять хотя бы его выступления перед американскими солдатами в зонах военных конфликтов, – признавался Кинан с грустной усмешкой. – Мне казалось, похитить сына такого человека будет непатриотично. Несмотря на свои планы, я считал себя порядочным американским гражданином. Итак, я отмел кандидатуру Тони Хоупа и стал подумывать об одном из сыновей Бинга Кросби. В школе мы дружили. Впрочем, нет, решил я, с Бингом я тоже не могу так поступить. У Бинга слабое здоровье, вдруг его удар хватит? Другое дело – Фрэнк Синатра. Этого,

прикидывал я, ничем не проймешь. Тип из категории «не дождетесь». Я не раз видел, как Синатра скандалил с другими звездными родителями в школе. Синатру мне было не жалко – ведь он сам не жалел никого. Однако я не хотел травмировать миссис Нэнси Синатру и девочек. Поэтому запланировал короткое, суточное похищение.

Набожный католик, Барри Кинан каждую неделю ходил в церковь и молил господа наставить его на правильный путь. Кинану казалось, что похищение Синатры-младшего одобряет сам господь, ведь оно, похищение, только пойдет семье Синатра на пользу. Не говоря уже о пользе для самого Кинана.

– Мне было известно, что Синатра не ладит с сыном. Он даже отправил Фрэнки в закрытую школу-интернат. Сведения я получал от дочки Синатры, Нэнси. Мы с ней были большими друзьями в старших классах, а потом в университете. Двенадцать лет в одну школу ходили, из них шесть лет учились в одном классе. Выпускной отмечали вместе. С шестого по восьмой класс Нэнси встречалась с моим закадычным другом, Дэйвом Стивенсом. Помню, чуть что – бежит за советом к моей маме. Мама их отношения одобряла, мирила их, если они ссорились.

Как друг и одноклассник Нэнси Синатры, Кинан был знаком и с ее братом, но разница в четыре года не позволила юношам подружиться. Периодически Барри сталкивался с Фрэнки в доме Синатры и находил его «крутым парнем». Однажды Фрэнки Синатра собрал целую компанию приятелей, погрузил в «Кадиллак» и повез кататься.

Далее в интервью Кинан, полностью отдавая себе отчет в собственной невменяемости в тот период, признавался:

– Мне почему-то казалось, что похищение сблизит отца и сына. У Синатры-старшего тогда были какие-то терки с мафией из-за отеля «Кол-Нива», и я думал: «Ему не помешает переключиться на истинную ценность – единственного сына. Кроме того, глядишь, на почве общей беды он вновь сойдется с первой женой».

Киднепперы разрабатывали детали преступления в течение двух месяцев. Было решено захватить Фрэнки в отеле «Амбассадор», в Майами, в районе под названием Коконат-Гроув. Датой выбрали двадцать второе ноября 1963 года. У Кинана было железное алиби на весь день, за исключением часов, отведенных непосредственно на похищение. Назавтра он намеревался пойти на футбольный матч на стадион Калифорнийского университета и позаботился о том, чтобы помелькать в Лос-Анджелесе. Его видело много народу. Однако утром назначенного дня случилась трагедия, заставившая злоумышленников отложить похищение. В

Далласе был убит Джон Кеннеди.

– Это такое дело, – говорил Барри Кинан в интервью. – Тут бы любой человек любые планы поменял.

Похищение Фрэнки

Смерть Джона Кеннеди потрясла Синатру – как и весь мир. Новость была подобна удару грома. Фрэнк в момент убийства Кеннеди находился на кладбище, где снимались соответствующие сцены фильма «Робин и семь гангстеров». Закончив съемки, Фрэнк отправился в Палм-Спрингз и заперся в доме на трое суток, отменив концерт в поддержку Мартина Лютера Кинга. В этом концерте должны были участвовать и Фрэнки, и оркестр Каунта Бэйси.

– Отец предпочитал в одиночку переживать горе, – вспоминает Тина Синатра. – Одному ему было, конечно, плохо. Но именно так он залечивал душевные раны.

– Он исчез, и я целых три дня не могла с ним связаться, – рассказывает Нэнси Синатра. – Он уехал в Палм-Спрингз, заперся в спальне – единственной комнате, которая не подверглась изменениям с тех пор, как в доме гостил Джон Кеннеди. Отец не переставал любить Кеннеди, не переставал защищать его на словах, обелять. Считал, что Кеннеди – самый подходящий президент для США, что при нем не только Америка, но и весь мир станет лучше.

Фрэнк хотел отдать последний долг своему другу, но выяснилось, что на похороны его не пригласили. Почему? Об этом стоит спросить администрацию Белого дома и членов клана Кеннеди. Впрочем, Фрэнк проглотил обиду. Нельзя – значит, нельзя.

А пока он горевал по Джону Кеннеди, часы неумолимо тикали. Единственный сын Фрэнка был в опасности. Похитители рассчитывали сделать свое черное дело в конце ноября, но убийство президента спутало их планы. Теперь преступники ориентировались на начало декабря. В этот период Синатра должен был выступать на ежегодном фестивале в штате Аризона. Однако и этот план сорвался.

Приятель Кинана, Джо Эмслер, хорошенько поразмыслив, решил выйти из дела. Он лично знал Нэнси-младшую; его стали мучить угрызения совести. Тогда, чтобы подогреть интерес к похищению у Эмслера и Ирвина, Кинан начал совать им подачки в виде пятидесятидолларовых и стодолларовых купюр. Позднее стало известно, что деньги Кинан получал от Дина Торренса, участника дуэта «Джэн и Дин» – одного из самых успешных в стране среди тех, кто работал в жанре «рок-н-ролл». Впрочем, по заверениям Торренса, он понятия не имел, куда идут деньги. Кинан просто пообещал, что через несколько недель они

окупятся, вот и всё.

Кинан знал, как действовать. Он выяснил, что Фрэнки появится в отеле «Харра», в Лейк-Тахо. Именно там выступал оркестр Томми Дорси, куда Синатра пристроил сына. Сообщив Эмслеру, что им обоим «подвернулась работенка» в строительной компании этого города, Кинан заманил приятеля в Лейк-Тахо и лишь там открыл ему правду: Фрэнк Синатра-младший – буквально в двух шагах, и его «надо брать». Кинан позвонил в «Реприза Рекордз» и без труда выяснил, где именно поселился Фрэнки на время гастролей – в двухэтажном здании отеля «Харра» под названием «Саут-Лодж», в четыреста семнадцатом номере. Здание располагалось за парковкой, метрах в ста от казино.

Снежным воскресным вечером восьмого декабря 1963 года, примерно в половине десятого, Барри Кинан пошел на дело. Оставив Джо Эмслера на лестничной площадке между первым и вторым этажами, а Джо Ирвина – в Лос-Анджелесе (тому следовало ждать дальнейших указаний), Кинан постучался в четыреста семнадцатый номер.

Фрэнки и Джон Фосс, двадцатишестилетний трубач, как раз закончили ужин и готовились к концерту. Фрэнки только что побрился и вышел из ванной в одних трусах-боксерах, собираясь облачиться в смокинг.

Барри Кинан рассказывает:

– Я постучался. Из-за двери спросили: «Кто там?» Я сказал: «Обслуживание номеров. Вам посылка». Тогда кто-то – мне показалось, Младший – ответил: «Входите». Я вошел. У меня в руках была подарочная коробка из-под винной бутылки, которую я заранее набил сосновыми шишками. Я поставил коробку на стол и попытался вытащить оружие – длинноствольный револьвер тридцать восьмого калибра. Но я так нервничал, что револьвер застрял в кармане, я не мог его извлечь. Наконец я справился. Я наставил ствол на Синатру-младшего и сказал: «Только без шума. Делайте, как я велю, и тогда никто не пострадает». Я так волновался, что повторил эту фразу еще раз, будто заевшая пластинка.

– Я знал, что Младший коллекционирует огнестрельное оружие. Когда он был в закрытой школе, мы с его сестрой Нэнси прокрадывались к нему в комнату поглазеть на коллекцию. Как правило, коллекционер сразу видит, заряжена пушка или нет. Поэтому я свой револьвер зарядил. И тут вошел Джо (Эмслер). Он, как и я, был в состоянии шока. Всё происходило на самом деле, мы не в игрушки играли. Но мне казалось, будто я – режиссер и снимаю фильм о похищении.

Вспоминает Фрэнк Синатра-младший:

– Знаете, когда к вам в номер вламываются под предлогом вручить рождественский подарок, а сами приставляют пушку к вашему уху, сознание начинает работать как-то странно. Думаешь о нелепых вещах. Например, я подумал: черт, на мне же одни только трусы! Почему я смокинг не надел?

Будучи сыном знаменитого артиста, Фрэнки привык осторожничать. Его уже пытались похитить. Однажды на Лонг-Айленде за ним в мотель прокрался некий персонаж и напал на него, утверждая, что Синатра-старший в сорок первом году увел его девушку. Мужчина был явно невменяем. Фрэнки его предупредил: «Только шагните через порог – и я буду считать это вторжением и предприму необходимые меры для обороны». Мужчина не послушался, вошел в комнату. Тогда Фрэнки схватил тяжелую пепельницу и шарахнул хулигана по голове.

– Примчался шериф, – вспоминает Синатра-младший. – А в номере всё кровищей забрызгано. Шериф спрашивает: «Чья это кровь?» Я говорю: «Этого типа».

Затем шериф спросил, не хочет ли Фрэнки возбудить дело; Фрэнки отказался. Имели место и другие инциденты, так что застать Фрэнки врасплох было непросто. И тем не менее в тот вечер в Лейк-Тахо Барри Кинану это удалось.

Вспоминает сам похититель:

– Я крикнул: «Где деньги?» Дело в том, что мы были на мели. Прежде чем похитить Фрэнки, мы должны были его ограбить. Потому что нам бы на бензин до Лос-Анджелеса не хватило.

– Денег нет, – сказал Фрэнки. Его страх возрастал с каждой секундой.

– Как это – нет? Должны быть! – рявкнул Кинан. – Давай всё, что есть.

Фрэнк стал шарить по карманам.

– Вот двадцать пять долларов с мелочью, а больше ничего нету.

– Отлично. Давай сюда. А у тебя что есть? – Кинан переключился на Джона Фосса.

– У меня ни цента, сэр, – пролепетал Фосс.

– Ладно. А сейчас кому-то из вас, ребята, придется поехать с нами, – сказал Кинан. Он попытался прикинуться, будто решение о том, кто именно будет похищен, принимается им на месте. После секундного «раздумья» Кинан указал на Фрэнки. – Ты, парень. Ты едешь с нами.

– Я не одет, – сказал Фрэнки.

– Ну так оденься! Ты едешь с нами!

– Я связал Джона Фосса скотчем, – рассказывает Кинан. – От

Джо толку не было – он с катушек съехал от страха. Пришлось на него наставить пушку и ему приказывать, что делать. Типа: «Вот так, Джо. Правильно. Заклей этому парню рот скотчем. А этому, который с нами поедет, завяжи глаза».

Кинан с Эмслером прихватили бумажники Фрэнки и Фосса и, тыча Фрэнки в спину револьвером, вывели его в холодную ночь. Фрэнки успел кое-как одеться. Теперь на нем были серые брюки, коричневые ботинки на босу ногу, футболка и темно-синяя ветровка. Глаза закрывала повязка. На улице температура опустилась до минус трех, валил снег. Уводя Фрэнки, Кинан велел остававшемуся в номере Фоссу:

– Чтоб десять минут молча сидел, а то мы твоего приятеля грохнем. Это не шутка. Если мы не успеем добраться до Сакраменто, твой приятель – труп. Так и знай.

Напоследок Кинан выдрал из стены телефонную розетку.

И они поехали. Эмслер сел на пассажирское сиденье, Кинан – за руль, а Фрэнки уложили на заднее сиденье новенького «Шевроле-Импала». Похитители направлялись в Лос-Анджелес, им предстояло преодолеть четыреста двадцать пять миль.

– Я удивлялся, до чего спокойно ведет себя Младший, – рассказывал Кинан. – Конечно, он был испуган, но не суетился, не вопил. Тихо лежал всю дорогу. О чем он только думал?.. Я понимал, что времени у нас в обрез, полиция вот-вот пустится в погоню. Поэтому я сказал Младшему: «Сегодня кто-то наверняка умрет. Совсем необязательно, чтобы это был ты. Притворись-ка лучше пьяным, на случай, если мы нарвемся на патруль. И попробуй хоть слово копам вякнуть – мигом пристрелю». Фрэнк ответил: «Не волнуйтесь. Я вам подыграю. А вот, кстати, колечко мое могут узнать». Снял с пальца печатку с инициалами «ФС» и говорит: «Держите». Он хотел продемонстрировать, что с ним проблем не возникнет.

Это произвело глубокое впечатление на Кинана.

– Молодец, Фрэнк. А теперь на, глотни вискаря. И парочку снотворных таблеток проглоти. Так оно будет натуральнее, сойдешь за пьяного.

Фрэнк сделал, что было велено.

– Можно спросить – это похищение, да? – произнес он.

– Нет, – солгал Барри Кинан. – Это ограбление. То есть было задумано, как ограбление. Но всё пошло не по плану, и вот мы тебя забрали в заложники.

– Куда мы едем?

– В Сан-Франциско, – снова солгал Кинан. – Там мы тебя отпустим на все четыре стороны.

Тем временем Джон Фосс освободился от липкой ленты и

бросился в лобби, на рецепцию. Секретарша листала журнал.

– Вызовите полицию! – закричал Фосс. – Только что похитили Фрэнка Синатру-младшего!

Секретарша позвонила Джину Эвансу, одному из помощников Билла Харры, владельца отеля. Эванс связался с шерифом. В десять двадцать вечера отель был переполнен полицейскими и патрульными. Звонить Синатре-старшему выпало на долю Тино Барзи, менеджера Синатры-младшего. Наслышанный о звездной привычке изливать гнев на вестника, Барзи позвонил не самому Синатре, а его первой жене.

Нэнси ужинала у себя дома, в Бель-Эйр, вместе с голливудской журналисткой Роной Барретт.

Раздался звонок, Нэнси взяла трубку.

– Рона! Святые небеса! Похитили Фрэнки! – пролепетала Нэнси, прикрывая трубку ладонью.

– Что? – переспросила Рона и мигом достала блокнот и ручку.

– Это не материал для статьи, – строго сказала Нэнси. – Мой сын похищен! Мой сын в лапах преступников!

– Господи! Надо позвонить Фрэнку, – предложила Рона, убирая письменные принадлежности в сумочку.

– Я не могу! Видит бог, не могу! – простонала Нэнси, бессильно опускаясь на стул.

– Хочешь, я позвоню? – вызвалась Рона.

Нэнси знала, что Фрэнк недолюбливает Рону. Он с самого начала был уверен: опасно допускать журналистов в круг друзей. Можно было только догадываться, как Фрэнк отреагирует на весть о похищении сына из уст представительницы прессы.

– Нет, сообщить Фрэнку – мой долг, – произнесла Нэнси. Поднялась, шагнула к телефону. – Я сама позвоню мистеру Синатре. – Нэнси старалась сохранять спокойствие. – Но как ему сказать?

Она набрала номер – и сразу дала отбой. Затем, дрожащими пальцами, вновь набрала номер Фрэнка в Палм-Спрингз.

– Фрэнк, похитили Фрэнки, – произнесла в трубку Нэнси. Помолчала и повторила: – Похитили Фрэнки. – И тут выдержка ей изменила. – Наш сын похищен! Наш сын похищен!

«Похитить моего сына? Да как они могли?»

Фрэнк Синатра давно предчувствовал, что кто-нибудь из его близких станет жертвой похитителей. Больше всего он боялся, что преступники остановят выбор на одной из его дочерей – или на единственном сыне. Когда Нэнси было всего два года, над семьей нависла угроза похищения. Питер Пинчес, агент ФБР, под видом садовника провел в доме Синатры несколько месяцев, охраняя малышку. Всё обошлось, но страх за детей не оставлял ни Фрэнка, ни Нэнси-старшую, ни Долли с Марти. Имели место и другие угрозы, впрочем, нередкие в семьях знаменитостей. Фрэнк постоянно был начеку. Детям он внушал:

– Будьте осторожны. Думайте, куда идете, с кем связываетесь.

Например, на медальоне с изображением святого Христофора, который Фрэнк подарил старшей дочери вместе с первым автомобилем, было выгравировано: «Будь начеку». Теперь же словно сбылся самый страшный из ночных кошмаров Фрэнка Синатры.

Узнав о похищении сына, Фрэнк сел в самолет и отправился в Рено, на встречу с Уильямом Реджио, окружным прокурором графства Уошо, которое входит в состав штата Невада. Реджио был давним другом Фрэнка. Синатра рвался в Лейк-Тахо, но снегопад разгулялся не на шутку. Фрэнк прибыл в Рено в два часа пятнадцать минут ночи. Уже в аэропорту его окружили журналисты и фоторепортеры. Новость облетела всю страну.

– У меня нет комментариев, – рявкнул Фрэнк на алчную толпу. – Отстаньте. Дайте пройти.

Синатра и Реджио, вместе с четырьмя агентами ФБР, Мики Рудином, Джимом Махони, Джилли Риззо, Джеком Энтраттером и Дином Элсоном, спецагентом ФБР в Неваде, отправились в Лейк-Тахо. Там Синатра приступил с вопросами к Джону Фоссу.

– Говорили эти уроды что-нибудь про выкуп? – спрашивал он. – Я имею в виду, для чего вообще им понадобился Фрэнки?

Фосс всё еще трясся от страха, еле-еле ворочал языком.

– Нет, про вы-вы-выкуп не говорили. Они могли забрать ме-ме-меня.

– Что ты там блеешь?

– По-моему, они не знали, кого по-по-хищают, – вымучил Фосс. – Думаю, они выбрали Фрэнки случайно. На его месте мог быть я.

– Ладно, иди пока, – сказал Фрэнк. Фосс его явно не убедил.

Следующие шестнадцать часов прошли в ожидании телефонного звонка от похитителей. Сам Фрэнк, разумеется, в это

время звонил Нэнси-старшей и Тине, чтобы удостовериться: с ними всё в порядке. Он беспокоился и за Нэнси-младшую. Она была в Новом Орлеане со своим мужем, эстрадным певцом Томми Сэндзом, который выступал в отеле «Рузвельт». Нэнси хотела немедленно ехать к матери и сестре, но спецслужбы решили, ей будет безопаснее оставаться в Новом Орлеане под охраной. Опасались, что у преступников разработан план по захвату сразу всех детей Фрэнка Синатры.

– Не волнуйся, Цыпленок, мы спасем Фрэнки, – сказал Синатра дочери. Цыпленком ее называли в детстве.

Однако Нэнси не могла не волноваться. Причем не только за брата, но и за отца. Между ними были особые отношения, Нэнси всегда угадывала, что у отца на сердце. Вот и сейчас она угадала истинные масштабы его тревоги. Конечно, Нэнси послушалась отца и агентов ФБР – осталась в Новом Орлеане.

Фрэнк держал в курсе событий и своих пожилых родителей. Оба места себе не находили, ждали звонков сына. Матери Фрэнк сказал, что случилось недоразумение. Лишь отцу он назвал слово «похищение». Марти заверил Фрэнка: всё уладится.

– Надеюсь, так и будет, папа, – ответил Фрэнк. – Я молюсь об этом.

Долли, конечно, очень скоро узнала обо всём из теленовостей: ее обожаемый внук похищен.

– Марти и Долли души не чаяли в моем брате, – свидетельствует Нэнси Синатра. – Фрэнки ходил у них в любимчиках. Они мысли не допускали, что он может быть не прав. Что Фрэнки ни сделает – всё прекрасно и замечательно. В нем видели наследника, носителя традиций, продолжателя рода. Бабушка называла Фрэнки не иначе как «мой мальчик» и клялась завещать ему всё, что имела. Когда Фрэнки похитили, бабушка не выпускала из рук четок – молилась о нем каждую минуту.

Поговорив с родителями, Синатра прирос к телефону. Остаток ночи он провел без сна, выкурил немыслимое количество сигарет. Он без конца говорил с агентами ФБР о своей жизни и карьере. О чем угодно, лишь бы отвлечь разум от похищения.

– Почему они не звонят? – то и дело спрашивал Фрэнк. – Почему не звонят? Что нам делать? Что нам делать?

Правда, позвонил Бобби Кеннеди. Они с Фрэнком поговорили минут пять. Бобби обещал возглавить расследование ФБР.

– Мы уже напали на след, – сказал он Фрэнку (Нэнси-младшая утверждает, что именно это сообщил ей отец). – Я задействовал двести сорок восемь человек. А сегодня подключу дополнительные резервы.

Сразу после Бобби позвонил Сэм Джанкана, спросил, чем

может помочь.

– Ничего не нужно делать, – ответил Фрэнк. – Пожалуйста, Сэм, ничего не предпринимай. ФБР само разберется.

Поговорив с Джанканой, Фрэнк обратился к Дину Элсону, агенту ФБР:

– Боже. Я дышать не могу. Я сейчас концы отдам.

– Соберитесь, мистер Синатра, – посоветовал агент. – Мы вернем вашего сына. Обещаю.

– Это же надо – похитить моего сына? Да как они могли? – всё повторял Фрэнк. – Эти выродки, должно быть, рехнулись!

На волосок от… спасения?

У Барри Кинана между тем возникли проблемы. По всему штату был объявлен план-перехват, дороги кишели патрулями. Досматривалась каждая машина, въезжавшая на территорию штата или покидавшая ее.

– Не прошло и часа с тех пор, как мы выехали из города, – рассказывал Барри Кинан, – а вся трасса 395 была оцеплена. Футах в пятистах перед нами, под холмом, маячил полицейский пост.

Кинан съехал на обочину, вышел из машины и сделал вид, что снимает с колес цепи противоскольжения. А сам тем временем усиленно думал, как же он будет выкручиваться. К ним уже приближался полицейский автомобиль. Кинан велел Эмслеру скрыться, сообразив, что особое внимание полиции направлено на машины с тремя, а не с двумя молодыми людьми. Эмслер рванул сквозь снегопад, не разглядел столб, врубился в него лбом и упал без чувств.

Полицейский направил на Кинана револьвер и поинтересовался, куда это ему приспичило ехать в этакую пору. Затем полицейский посветил фонариком в лицо Фрэнки – но не узнал его! Синатра был под действием алкоголя и снотворного, однако сознание его не покидало. А повязку с его глаз и скотч с запястий Кинан успел снять. Полицейский пошел обратно к своей машине. Тот факт, что он не узнал Фрэнки, остается одной из главных загадок дела о похищении.

Кинан, сняв цепи противоскольжения, сбегал за Эмслером, который успел очухаться. Дальше Эмслеру предстояло ехать в багажнике. Загоняя приятеля в багажник, Кинан руководствовался предыдущим соображением – машины с двумя путешественниками досматривают менее тщательно. Он снова сел за руль, надеясь, что на ближайшем посту его не остановят. Но нет – полицейский уже размахивал жезлом.

Кинан опустил окно возле водительского места. Тотчас в лицо ему уперлось револьверное дуло.

– Нас уже досматривали, – возмутился Кинан.

– Ничего, потерпишь, – возразил полицейский.

– Ну, думаю, тут мне и крышка, – рассказывал Кинан. – Сейчас они откроют багажник, увидят Джо – и всё пропало. Нас спасло чудо. Только я решился сам сказать полицейскому, что в багажнике у меня человек, как появился первый полицейский, тот, который нас уже досматривал, и говорит: «Отпусти их, я проверил. У них всё в порядке».

– Езжай, сынок, – разрешил второй полицейский. Было видно, что подозрения его так и не оставили. – Следующий раз, когда тебе махнут, лучше сразу останавливайся, понятно?

– Дебил! – сквозь зубы пробормотал Фрэнки в адрес полицейского.

А Барри Кинан испустил вздох облегчения.

«Убей меня – и увидишь, что будет»

Тем временем из Рено, из отеля «Мэйпс», Фрэнку позвонил глава ФБР, Джон Эдгар Гувер:

– Никому ни слова, мистер Синатра. Не говорите ни с кем, кроме юристов.

Фрэнк не послушался. Он считал, что нужно сделать заявление – и сделал его.

«Синатра готов к переговорам с похитителями. Синатра пойдет на их условия и не станет задавать вопросов».

– Они знают: я за сына что угодно отдам, – добавил Фрэнк. – Но они почему-то не требуют денег. Хоть бы они потребовали денег! Фрэнки одет слишком легко, если его оставят на холоде, он может насмерть замерзнуть!

– Конечно, у нас имеются опасения за жизнь Синатры-младшего, – сказал репортерам шериф Карлсон (отель «Мэйпс» был буквально окружен представителями прессы). – Всегда сохраняется вероятность, что похитители причинят жертве физический вред.

Кинан остановился на дороге, вновь связал Фрэнки и надел ему повязку на глаза, после чего продолжил путь в Лос-Анджелес.

Минуло девятнадцать часов.

Настало девятое декабря 1963 года.

– Наконец-то мы добрались до Лос-Анджелеса. Мы подъехали к одиноко стоявшему дому на Мейсон-авеню, – вспоминает Кинан. – К этому времени Джо совсем раскис. Вздумал сдаться полиции. Пришлось накачать его чем надо, пока он рот не разинул. Я его убеждал: «Пойми, идиот, мы пожизненное схлопочем! Нам только и остается – получить деньги и свалить отсюда к такой-то матери».

– Фрэнк, я должен тебе кое-что сказать, – объявил Кинан, когда они прибыли в Лос-Анджелес. – Это не ограбление. Мы с самого начала планировали похищение.

– Что-что? – переспросил Фрэнки, глаза которого всё еще закрывала повязка.

– Мы тебя похитили, – повторил Кинан. – И мы не в Сан-Франциско. Мы в Лос-Анджелесе, – объяснял Кинан, ведя перед собой к дому связанного Фрэнки. Переступив порог, он снял с Фрэнки повязку, но руки ему не освободил.

Кинан толкнул Фрэнки на стул, и тут сын Синатры взорвался. Темные глаза метали молнии. Так по крайней мере помнится Кинану.

– Ты что, совсем дурак? Похитил сына Фрэнка Синатры! Ты,

наверное, на голову больной, и подельник твой тоже!

Кинан не был готов к такой вспышке.

– Всё будет в порядке, парень, – попытался он успокоить Фрэнки. – Не волнуйся. Расслабься.

– Немедленно развяжи мне руки! – велел Фрэнки. – Видит бог, тебе же лучше будет, если развяжешь.

– Дай-ка папочкин телефон, – сказал Кинан, игнорируя требование. – Сейчас мы ему позвоним, получим денежек, и всё кончится.

– Пошел к черту, – огрызнулся Фрэнки. – Больше я тебе не буду подчиняться. Ну, что вылупился? Пристрели меня, попробуй! Хочешь убить сына Синатры? Вперед. Убей меня – и увидишь, что будет.

Кинан загнал Фрэнки в спальню и дверь припер. После чего без сил рухнул в кресло.

Требование выкупа

Подумав как следует, Барри Кинан вспомнил, что Фрэнк Синатра-старший вовсе не в Калифорнии. Следовательно, Синатрин домашний телефон ему не нужен. Из сводок новостей по радио он узнал, что Синатра находится в Рено, в отеле «Мэйпс». Найти телефон отеля не составило труда – Кинан просто позвонил в справочное бюро.

На следующий день, десятого декабря, Джон Ирвин принялся звонить Синатре. Ирвина выбрали потому, что у него был самый «взрослый» голос. Итак, без пятнадцати пять пополудни в номере, который занимал Фрэнк Синатра, раздался звонок.

– Это Фрэнк Синатра? – поинтересовался звонивший.

– Да, Синатра слушает.

Разговор приводится по записям ФБР.

– А по голосу не похоже на Фрэнка Синатру, – сказал Ирвин.

– Это я. Говорите, – нетерпеливо ответил Фрэнк.

Ирвин спросил, свободен ли Фрэнк завтра в девять утра. Фрэнк ответил «да». Ирвин сообщил, что его сын здоров и невредим, беспокоиться о нем не стоит. Тогда Фрэнк предложил взять в заложники его самого, а Фрэнки отпустить.

– Верните моего сына, заберите меня, – сказал Фрэнк. – Зачем вам мой мальчик? Вам явно нужен я сам.

– Нет, вы ошибаетесь, – возразил Ирвин.

– Или вы сейчас же вернете моего сына, или я вас голыми руками передушу, – пригрозил Фрэнк. – Верните моего сына!

Ирвин повесил трубку. Фрэнк обрушился в кресло. Его ждала очередная бессонная ночь.

Наутро телефон зазвонил снова. Теперь киднепперы решили позволить Фрэнку разговор с сыном. Они не знали, что все разговоры записываются Федеральным бюро расследований.

– Привет, пап.

– Фрэнки, это ты?

– Я.

– Как ты, сынок?

– Нормально, пап.

– Ты там не мерзнешь?

Ответа не последовало.

– Как ты себя чувствуешь, Фрэнки?

Снова нет ответа.

– Они там, рядом с тобой? Твои похитители рядом, да?

– Да, мы рядом, – ответил вместо Фрэнки Джон Ирвин.

Синатра потребовал сообщить, на каких условиях освободят

Фрэнки. Жаждал как можно скорее покончить со всем этим. Чего хотят похитители? Ирвин сказал, что денег – чего же еще? Сколько? Ирвин засомневался; мол, надо подумать, не определились пока. Фрэнк начал терять терпение.

– Скажите, сколько вам надо! Я дам распоряжения! Вам же лучше – скорее выкуп получите! – настаивал он.

Ирвин заявил, что Фрэнк своими требованиями действует ему на нервы.

– Меня лучше не сердить, – предупредил Ирвин. – Я еще позвоню.

– Подождите! – взмолился Синатра. – Дайте мне поговорить с сыном.

Ирвин повесил трубку.

– Черт бы вас всех побрал! – выругался Фрэнк, швырнув трубку об пол.

Через несколько часов Джон Ирвин снова позвонил.

– Ну, определились? Назовите сумму!

– Двести сорок тысяч долларов, – сказал Ирвин. – Так мы решили.

– Какого черта? – возмутился Синатра. – Что за дурацкая цифра? Вы похитили моего сына ради четверти миллиона? Я вам целый миллион дам, в любых купюрах.

– Миллион нам не нужен, – возразил Ирвин. – Мы не хотим играть на отцовских чувствах, мистер Синатра. Нам хватит и двухсот сорока тысяч.

– Ну, вы идиоты!.. – воскликнул Синатра. – Ладно, как скажете. Будет вам двести сорок тысяч.

На сей раз Синатра сам первый повесил трубку.

Он позвонил своему другу Элу Харту, президенту банка «Сити Нэшнл», и попросил сделать соответствующие приготовления. Следовало сфотографировать каждую купюру – так решили в ФБР. Спецслужбы успели вычислить, что Фрэнки находится в Лос-Анджелесе. Туда-то, в дом Нэнси, и направился Фрэнк, чтобы ждать звонка. Район Бель-Эйр наводнили журналисты. К делу были подключены двадцать шесть агентов ФБР и больше сотни полицейских. Столь громких похищений Америка не знала с 1932 года, когда, через четыре года после преступления, спецслужбы вычислили, наконец, похитителя и убийцу малолетнего Чарльза Линдберга, сына знаменитого летчика. Теперь внимание общественности было приковано к троим молодым неудачникам, водившим за нос полицию.

На следующий день, одиннадцатого декабря, Фрэнк вместе с агентом ФБР Джеромом Кроувом должен был доставить в условленное место деньги – двести тридцать девять тысяч

девятьсот восемьдесят пять долларов (пятнадцати долларов не хватило на кожаную сумку, в которую следовало поместить деньги. Сумка стоила пятьдесят шесть долларов, недостающие пятнадцать взяли из суммы выкупа).

Синатре и Кроуву пришлось побегать – сначала их направили в аэропорт Лос-Анджелеса, затем – на автозаправку, после – на другую автозаправку, где должны были стоять два школьных автобуса. Сумку с деньгами велели оставить между автобусов. Взамен похитители обещали в течение нескольких часов отпустить Фрэнки. Как только сумка была положена на землю, команда ФБР зафиксировала некие тени в передвижном ларьке с мороженым и в такси.

Барри Кинан сам забрал сумку. К этому времени он вполне предсказуемо лишился содействия Джо Эмслера. Перепуганный Эмслер, решив, что его выследил агент ФБР, просто сбежал. Кинан позвонил Ирвину, сообщил, что деньги у него, а где Эмслер, он не в курсе. Ирвин заподозрил самое худшее. Позднее Ирвин признавался: он думал, Кинан «грохнул» Эмслера – на всякий случай. В общем, ко вторнику у похитителей возникло столько внутренних проблем, что они вовсе забыли о своей жертве – Фрэнке Синатре-младшем. В последние трое суток никто из них не спал, и все, кроме Фрэнки, принимали наркотики. Ничего не говоря Кинану, Джон Ирвин решил взять дело в свои руки. Он освободил Фрэнки и позвонил его отцу.

«Ты ведь понимаешь, что ты – труп»

В ночь на двенадцатое декабря, в два часа, через четыре часа после передачи денег, Джон Ирвин позвонил Фрэнку Синатре.

– Всё пошло не по плану, – сказал Ирвин.

Фрэнка чуть удар не хватил.

– Что значит «не по плану»? – закричал он. – Я всё сделал, как было сказано. Где мой сын?

– Вы-то не подвели, – принялся объяснять Ирвин. – Не по плану пошло у нас.

– Где мой сын? – кричал Фрэнк.

– Он цел и невредим, – заверил Ирвин. – Я высадил его на Малхолланд-драйв, возле съезда на автостраду Сан-Диего.

– Ты ведь понимаешь, что ты – труп, – произнес Фрэнк. Это был не вопрос, это было утверждение, констатация факта. – Понимаешь, что я тебя убью, не так ли?

– Я бы очень хотел повернуть время вспять, – сказал Ирвин. – А сейчас ничего не поделаешь. Мне жаль, что так вышло.

– Ах, тебе жаль? Ах, так вышло? Черт тебя возьми! – рявкнул Фрэнк и бросил телефонную трубку.

Он взглянул на Нэнси и по ее лицу понял, что она близка к обмороку.

– Что он сказал? – почти взвыла Нэнси. – Что он сказал?

– Я привезу нашего мальчика домой, – пообещал Фрэнк, своими на диво сильными руками обнимая бывшую жену. Нэнси разрыдалась. – Я привезу его домой, – повторил Фрэнк и обнял Нэнси еще крепче. Тина была рядом, она тоже плакала. Фрэнк обнял и младшую дочь. Так они стояли все втроем, обнимались, и Фрэнк обещал, что вернет Фрэнки, что всё будет хорошо.

– Не волнуйтесь, я его сейчас привезу. Обещаю вам, – сказал он и вместе с агентом ФБР вышел из дому.

Фрэнк сел за руль и, не включая фар, чтобы не привлекать внимания репортеров, поехал на место, названное Джоном Ирвином.

Тем временем Барри Кинан вернулся с деньгами в киднепперское логово.

– Прихожу и вижу – никого нет. Пропали и Джон Ирвин, и Синатра-младший. А Джо свалил еще раньше. Тогда я не выдержал – расплакался, – вспоминает Барри Кинан. – Всё шло не по плану. Вот они, деньги – у меня. Зато я лишился и заложника, и обоих партнеров. Я вскочил в машину и помчался искать Синатру-младшего. А на кого я чуть не напоролся? На Синатру-старшего в компании агента ФБР. Они занимались тем же самым,

что и я – искали Фрэнки. Когда они пронеслись на машине мимо и не заметили меня, я чуть концы не отдал.

Барри Кинан так и не нашел Фрэнки.

Не нашли его и Синатра с агентом ФБР.

Фрэнки в безопасности

От названной Ирвином точки на Малхолланд-драйв до дома Нэнси ехать всего пятнадцать минут. Но эти минуты показались Фрэнку Синатре чуть ли не целым годом.

– Я ехал и плакал. Боже, я плакал всю дорогу, – позднее признавался Синатра другу. – Я проиграл. Как я не попал в аварию, просто поразительно – из-за слёз я ничего не видел и не соображал. Я заплатил, как велели эти уроды, а они загребли деньги и убили моего мальчика. Убили моего Фрэнки.

В дом бывшей жены Синатра входил через заднюю дверь. Нэнси, увидев, что сына с ним нет, чуть не потеряла сознание. Фрэнк без сил рухнул в кресло, откинул голову, уставился в потолок.

– Фрэнки не с тобой? – спросила Нэнси. Глаза у нее были огромные от ужаса. – Что случилось?

– Мама разрыдалась, я вслед за ней, – вспоминает Тина Синатра. – Всё пропало. Мы потеряли Фрэнки. Оставалось только плакать по нему.

– Подонки нас обманули, – произнес Фрэнк, не в силах взглянуть ни на бывшую жену, ни на дочь. Потом покачал головой, будто не веря, что всё происходит на самом деле. – Как вам это нравится? – спросил он, обращаясь к Джону Паркеру, агенту ФБР. – Деньги забрали, а сына не вернули. Я всё сделал, как было сказано. Я играл по их правилам. Теперь я обращусь к Сэму Джанкане, – добавил Фрэнк (по воспоминаниям Джона Паркера) и пояснил: – Если я хочу вернуть сына и поквитаться с похитителями, мне ничего другого не остается. Сэм – последняя надежда.

– Вы уверены, что это хорошая идея? – спросил Паркер.

– Нет, не уверен.

– Тогда предоставьте всё нам. Мы справимся.

Синатра с Паркером принялись обсуждать, стоит или не стоит просить о помощи Джанкану. В это время зазвенел дверной звонок. Открыл дежуривший в холле агент ФБР. Нэнси тоже вышла. На пороге стоял человек в форме патрульного полицейского. Лицо у него было белее простыни.

– Миссис Синатра, – произнес незнакомец, – ваш сын у меня в багажнике. Он цел и невредим.

Нэнси застыла на месте с открытым ртом.

В это время подоспел Фрэнк.

– Что такое? Что происходит?

– Мистер Синатра, я привез в багажнике вашего сына.

Фрэнк решил, что речь идет о мертвом теле.

– Достаньте его! Немедленно достаньте! – закричал он. – Сию же секунду!

Все бросились к машине, багажник был открыт, из него вылез Фрэнки. Нэнси окончательно перестала владеть собой.

Фрэнки обнял мать, принялся успокаивать:

– Не плачь, мам. Тише! Всё закончилось.

Затем он обернулся к отцу.

– Прости меня, папа.

– Простить? За что? Господи, Фрэнки, за что простить-то?

– За всё, – ответил Синатра-младший.

Фрэнк, весь в слезах, обнял сына, потом посторонился, уступив место бывшей жене.

Фрэнки стал рассказывать о своих злоключениях. Ирвин не сообщил ему, что за ним приедет отец. Просто высадил из машины на трассе. Фрэнки прошагал около двух миль до шоссе Роскомар-роуд. Завидев издали машину, Фрэнки нырял в кусты – боялся, что похитители передумали и вернулись за ним. В конце концов, его обнаружил патрульный полицейский Джордж Джонс. По его совету Фрэнки спрятался в багажнике. Джонс счел, что так юный Синатра сможет избегнуть внимания журналистов, оцепивших дом Нэнси.

– Я смотрел на родителей, и мне казалось, что оба они постарели как минимум на десять лет, – вспоминал Фрэнк Синатра-младший. – Я часто думал, оклемался папа после моего похищения или нет? Что касается мамы, она точно не оклемалась.

Телефон в семье, которая наконец-то счастливо воссоединилась, трезвонил целый день. К аппарату даже приставили человека, чтобы отвечал на вопросы. Но вот раздался особо важный звонок. Фрэнк взял трубку. Звонил Бобби Кеннеди, хотел из первых рук узнать, что всё завершилось благополучно. Фрэнк заверил Бобби, что сын вернулся, и долго благодарил за содействие.

– Я всегда буду помнить вашу доброту, – сказал Фрэнк.

В этот миг закончилась вражда с Бобби Кеннеди. Больше Фрэнк не позволял себе критических высказываний в адрес Бобби. До конца своих дней он испытывал глубокую благодарность за сочувствие к человеку, который всего пару недель назад похоронил родного брата, а также за людские и прочие ресурсы, выделенные Бобби для поисков Фрэнки.

Бобби пожелал лично поговорить и с Синатрой-младшим.

– Как ты, сынок? Всё в порядке?

Фрэнк сказал, что чувствует себя отлично. Тоже

поблагодарил за помощь. После этого Бобби попросил к телефону «кого-нибудь из моих ребят». Трубку взял Дин Элсон.

– Не расслабляйтесь там, – распорядился Бобби.

Это означало: теперь, когда Синатра-младший в безопасности, нужно поймать похитителей, да поживее.

Поимка похитителей

Следующие несколько дней прошли как в тумане. Телефон разрывался. Долли и Марти звонили беспрестанно, беспокоясь о здоровье обожаемого внука – не простудился ли мальчик, не отощал ли? Позвонил Сэм Джанкана, выразил радость по поводу благополучного исхода дела.

Фрэнки дал показания ФБР.

– Думаю, меня похитили какие-то недоумки. Это точно были не профессиональные киднепперы. Один – главный у них – показался мне знакомым. А еще один, самый старший из троих, сдрейфил и отпустил меня, пока главарь не видел.

На следующий день после доставки Фрэнки домой патрульный Джордж Джонс, явившись на работу, обнаружил записку. Его приглашали в дом Синатры. Прибыв туда, он получил конверт.

– Сам Синатра вышел из гостиной, чтобы пожать мне руку, – вспоминал Джонс. – Синатра сказал: «Прошу вас, возьмите этот скромный подарок. Счастливого Рождества».

Вернувшись на работу, Джонс вскрыл конверт. Внутри обнаружилось десять новеньких, хрустких стодолларовых купюр.

Через два дня, четырнадцатого декабря 1963 года, Фрэнку позвонил глава ФБР Эдгар Гувер. Киднепперов уже взяли. Джо Эмслера сдал родной брат, Джеймс, когда тот отсыпался дома. Уже через час Эмслер был арестован. Следом задержали Ирвина. Барри Кинана арестовали в доме родителей его подруги, в калифорнийском городе Ла-Канада. За ним прибыли целых пятнадцать агентов ФБР.

– В тот вечер, узнав, что все трое похитителей задержаны, мы открыли огромную, полуторалитровую бутылку шампанского, – вспоминает Нэнси Синатра. – Мама, которая вообще не употребляет алкоголь, выпила бóльшую часть. Она была счастлива. Наверное, поэтому шампанское, что называется, «хорошо пошло», и наутро у мамы даже голова не болела.

Незадолго до ареста Барри Кинан дал бывшей жене несколько тысяч долларов на новую мебель. Позднее Синатра, узнав об этом, попросил ФБР не изымать вещи, купленные на его деньги.

– Черт с ними, с диванами и креслами, – сказал Синатра. – Пускай пользуется. Похоже, эта женщина ничего плохого не сделала.

Дети Синатры взрослеют

Фрэнк Синатра-младший после похищения продолжал музыкальную карьеру, но его отношения с отцом практически не изменились.

– В семье у нас было всего двое мужчин – папа и Фрэнки. К сожалению, опасная ситуация, в которую угодил мой брат, не стала толчком для потепления, – говорит Тина Синатра. – Всё было не так, как в голливудском фильме.[10] Папа и Фрэнки по-прежнему почти не общались. Они любили друг друга, каждый из них отдавал себе в этом отчет. Угроза жизни Фрэнки их ненадолго сблизила. Но едва лишь всё утряслось, едва потускнели воспоминания – связь между отцом и сыном порвалась.

Итак, Фрэнки продолжал музыкальную карьеру. Ему не хватало харизматичности отца; у него не было знаменитой магии Синатры; однако Фрэнки обладал особой невозмутимостью и самоуверенностью. В 1971 году он выпустил альбом «Перчинка» (Spice) на студии «Дэйбрейк Рекордз», которая являлась дочерней компанией «Эр-си-эй». Альбом имеет несомненные достоинства, в числе которых – выдержанность, продуманность и собственный стиль. «Перчинка» продается по сей день.

Нэнси-младшая спокойно миновала трудный подростковый период. Она пользовалась популярностью в школе, хорошо училась, увлекалась музыкой и успевала бегать на свидания. Когда Фрэнк бросил семью ради Авы, Нэнси было уже восемь лет. Уход Фрэнка больно ранил девочку, но по крайней мере становление ее личности произошло еще при отце. То есть имелся фундамент, на котором можно было строить дальнейшие отношения. Как и ее брат, Нэнси приняла уход отца и сумела с ним смириться. В 1961 году она заключила контракт с «Репризой» как вокалистка. В 1963-м Фрэнк продал «Репризу» дочерней компании «Уорнер Бразерз» – «Севен Артс инкорпорейтед». Эта компания принадлежала Джеку Уорнеру и занималась кино. Продав ей «Репризу», Фрэнк Синатра, что называется, влил в компанию свежую кровь. Президент «Репризы», Мо Остин, возглавил лейбл, а Фрэнк начал получать по двадцать процентов от общей прибыли и стал вице-президентом и консультантом «Уорнер Бразерз Пикчерз корпорейшн».

В 1964 году Нэнси исполнилось двадцать четыре. Она уверенно делала сольную карьеру. Нэнси нашла свой стиль, а унаследованная от отца работоспособность позволяла ей не отвлекаться на всякую ерунду. Самой большой проблемой этой

одаренной и целеустремленной певицы стал разрыв с мужем, актером Томми Сэндзом.

Тине в 1964 году было шестнадцать. В отличие от брата и сестры девочка очень трудно переживала подростковый период. Как и многие подростки, Тина считала, что мир устроен неправильно, что всё в нем плохо. Тина посещала католическую школу в Мэримаунте. Порядки в этом учебном заведении царили строгие, каждый день к концу занятий девочка была готова взорваться. Монахини не знали, что с ней делать. Не знали этого и родители.

На день рождения Фрэнк подарил «младшенькой» нежно-голубой «Понтиак» с откидным верхом. Пожалуй, это был не самый удачный подарок для юной бунтарки. Тина очень расстроила отца, посреди ночи выскользнув из спальни и умчавшись вместе с компанией приятелей в клуб. Это случилось, когда Тина гостила в доме Фрэнка в Палм-Спрингз. Самым тяжелым наказанием для нее стало отцовское недовольство.

Нэнси-старшая проводила совсем иную воспитательную политику. Когда Тина уже в Лос-Анджелесе повторила свой «подвиг» с «Понтиаком», мать была вне себя от гнева и на несколько недель заперла Тину в доме.

Минуло два года. Тина по-прежнему вела себя так, будто злилась на весь белый свет, и Фрэнк с Нэнси решили побеседовать с дочерью по душам. Все трое уселись за обеденный стол. Родители пытались выяснить, что мучает Тину. Впрочем, они и так знали: всему виной их развод. Будучи самой младшей, Тина оказалась и самой уязвимой из детей Синатры. Она никак не могла пережить, что отец бросил семью. С родителями Тина об этом говорить отказывалась, не давая им возможности выработать стратегию.

– Когда папа нас бросил, я была совсем крошкой, – впоследствии объясняла Тина. – Я не успела привыкнуть, что в доме должен быть мужчина, отец, глава семьи. Боли от утраты я не чувствовала – я ведь не понимала, что именно потеряно. Наоборот, мне пришлось привыкать к тому, что время от времени – всегда по особым случаям – в доме появляется очень милый дядя. Но каждый праздник неминуемо заканчивается, и ты понимаешь – так будет всегда. Нас с сестрой и братом к приезду отца тщательно умывали, причесывали, наряжали. Это нервировало. Отец приезжал – и снова уезжал. И я не знала, где и как его найти, если бы он вдруг срочно понадобился. Понимаете? Он мог приехать, он знал, где мы находимся, – а мы этого про него не знали. По крайней мере я не знала. Что я чувствовала? Что при отце я должна становиться другой. А почему, зачем? Кто

он такой, чтобы ради него меняться? Перед встречами с отцом я всегда очень волновалась. Я даже боялась этих встреч.

Когда Тина отказалась говорить об истинной причине своего поведения – то есть об Аве, – Фрэнк вздохнул с облегчением. Может, оно и лучше, что девочка предпочитает справляться сама, в одиночку. Не по части Фрэнка было сортировать столь сложные эмоции, а уж делать это при бывшей жене ему и вовсе не улыбалось, ведь Нэнси до сих пор не смирилась ни с разводом, ни со своим разочарованием в муже. Она также не хотела обсуждать развод с несовершеннолетней дочерью.

На самом деле Нэнси всё еще жила надеждой на возвращение мужа. Периодически они с Нэнси-младшей мечтали об этом вслух. Нэнси даже культивировала в сознании матери эти фантазии. Тина не понимала, почему мать и сестра не видят истинной сути Фрэнка, как могут рассчитывать, что он вернется в семью. Конечно, беспочвенные разговоры на тему «А вот когда папа снова будет с нами» очень раздражали юную Тину.

– Я знала, что отец не вернется, и не могла уразуметь, почему мама цепляется за эту глупую надежду, – признавалась Тина. – Правда, мне было всего шестнадцать. В этом возрасте многим кажется, будто они способны решить все проблемы на свете.

Часть десятая
Эпоха Миа

Миа

Синатра познакомился с ней в сентябре 1964 года на съемках фильма «Экспресс Фон Райана», на студии «XX век Фокс». Миа тогда снималась в сериале «Пейтон-плейс» в паре с Райаном О'Нилом. Хрупкая блондинка показалась Фрэнку существом нездешним, неземным. Сама Миа, не переодевшись после сцены, в которой представала в прозрачной белоснежной ночной сорочке, так и мелькала перед Синатрой, то и дело поднимая на него взгляд огромных синих глаз. Тоненькая, как тростинка, белокожая, она выглядела одновременно по-детски невинной и обольстительной. Рост Миа был всего метр пятьдесят два сантиметра, вес – сорок четыре с половиной килограмма, фигурка – совсем мальчишеская. И всё же она обладала качеством, которое Синатра позднее назвал «разновидностью женской магии». Ему нестерпимо захотелось узнать эту девушку поближе. Он коснулся ее плечика и спросил:

– Тебе сколько лет, малютка?

– Такие вопросы не задают леди, – отвечала Миа. Затем тряхнула гривой золотистых волос и добавила: – Мне девятнадцать.

– Тут-то я и пропал, – вспоминал Синатра. – Всё дело в ее волосах. Я в них, фигурально выражаясь, запутался.

Мария де Лурдес Вилльерс Фэрроу, а попросту Миа, была третьей из семи детей в семье. Она родилась девятого февраля 1945 года в Беверли-Хиллз у актрисы Морин О'Салливан и режиссера Джона Фэрроу.

Детство и отрочество Миа и ее братьев и сестер протекало не так, как у большинства их сверстников. Все дети Фэрроу жили в отдельном доме, стоявшем поодаль от родительского дома; за ними присматривал целый взвод нянек, для них отдельно готовили пищу на отдельной кухне. Мать Миа, Морин О'Салливан, объясняла такое положение вещей очень просто и доходчиво: ее муж, режиссер, очень устает на работе, и дома ему требуются покой и тишина, которые, конечно, немыслимы при семи отпрысках. По воскресеньям, когда в доме собирались богатые и знаменитые гости из индустрии развлечений, детей Фэрроу наряжали и выводили поздороваться – а затем уводили обратно в их дом, где они и оставались в компании нянек.

Миа никогда не критиковала родителей. Вот как она вспоминает свое голливудское детство:

– В целом нам, детям, нравилось жить так, как мы жили. У нас был красивый отдельный дом, красивый сад. Даже наши

няньки были красиво одеты. Нам устраивали красивые дни рождения, мы носили красивую одежду. Все, кто нас окружал, красиво выражали свои красивые мысли. Чем не сказка?

В девять лет Миа заболела полиомиелитом. Ее отправили в лос-анджелесскую больницу «Ливанские кедры». Перед тем как уехать, девочка упаковала все свои игрушки в нарядные коробочки и попросила передать братьям и сестрам в качестве последних подарков. Едва ее увезли, как эти игрушки вместе с одеждой Миа и прочими личными вещами сожгла, боясь заразы, одна из нянек. Девочку спасли, напоминанием о страшной болезни осталась слабость в руке и плече.

Миа училась в католической школе-интернате в Лондоне, а также посещала школы в Мадриде и Беверли-Хиллз. Окончив колледж Мэримаунт, девушка уехала из Лос-Анджелеса. Путь ее лежал на восток, в Нью-Йорк, потому что Миа задумала стать актрисой. Очень быстро она получила роль в постановке экспериментального театра «Как важно быть серьезным», заменив Кэрри Най (впоследствии – миссис Дик Каветт). Миа подписала контракт с компанией «XX век Фокс» и вскоре появилась в фильме «Пушки при Батаси», заменив Бритт Экланд.

Начало шестидесятых знаменовалось для Миа семейными проблемами. Ее отец, Джон Фэрроу, всю жизнь не в меру увлекался женщинами и алкоголем и умер в 1963 году от инфаркта. Ему было всего пятьдесят три. Семья тяжело переживала потерю. Подавленная горем вдова согласилась совместно с Хью Даунсом вести программу «Сегодня». Морин О'Салливан пожалела о своем согласии почти сразу – работа в прямом эфире была не для нее. В конце концов она ушла из программы, уступив место Барбаре Уолтерс.

В августе 1964 начались съемки первого сезона телесериала «Пейтон-плейс», в котором нашлось место для девятнадцатилетней Миа. Ее героиня – задумчивая, всегда печальная Аллисон Маккензи, – сразу полюбилась зрителям. Миа была хорошей актрисой, особенно ей удавались полные драматизма сцены. Вдобавок Миа отлично смотрелась в любом ракурсе – ее, что называется, любила кинокамера. Однако на личном фронте у талантливой и опытной инженю всё было намного сложнее. Ни в школе, ни в колледже Миа не пользовалась популярностью у противоположного пола, на танцах подпирала стенку. Многие считали ее «не от мира сего» – людям казались странными и мечтательный взгляд девушки, и ее привычки в еде (Миа употребляла только органические продукты). Один интервьюер написал о ней: «Она – лань, всего на час превратившаяся в женщину; она – пришелица с другой

планеты, где по лугам гуляют дивные девы, едва касаясь цветов босыми ступнями».

На самом деле Миа не была ни простушкой из пасторали, ни беззащитной ланью. Не была она и наивной. Миа умела и соблазнять, и даже манипулировать. Ее переполняли амбиции. И она очень рано поняла, чего хочет от жизни. Миа решила стать знаменитой актрисой и ни минуты не сомневалась, что у нее всё получится.

Первые признаки влюбленности

Фрэнка сразу привлекла девушка с нездешним взглядом. Совсем юная и невинная, она обладала некой особой чувственностью, которой Синатра не мог противиться. Он подошел к Миа и предложил присесть и поговорить.

Миа согласилась. Но, садясь, уронила сумочку. Сумочка раскрылась, содержимое высыпалось прямо под Синатрин стул. Боже! Вот что, оказывается, носят в сумочках посланницы внеземных цивилизаций! Прогорклый пончик («Ой, мне так неловко!»), жестянку кошачьего корма («Вчера забыла выложить!»), гигиеническую помаду («Нет, только не это!») и даже приспособление для исправления прикуса – ретейнер («Кошмар!»). Фрэнк еле сдерживал смех, выслушивая извинения девушки, собиравшей свои вещички у него под стулом. К тому времени как Миа снова набила сумочку самыми неожиданными предметами, Фрэнк был совершенно очарован. Определенно Фрэнк запал на восхитительные волосы Миа – длинные, прямые, гладкие, как шелк. А этот смущенный взгляд снизу, эти огромные, ланьи, синие-пресиние глаза!.. В шестидесятые годы мир захлестнула мода на худышек, и Миа была в тренде.

Миа с Фрэнком поговорили несколько минут. Девушка объяснила, *что* она делает на съемочной площадке. («Играю в “Пейтон-плейс” – может, знаете?») Фрэнк слушал ее лепет, не сводя взгляда с бледненького личика. Когда их глаза встретились, Синатре стало ясно: произошло нечто серьезное, значительное. Фрэнк не сомневался: он только что влюбился в девушку, которая годится ему в дочери.

Позднее Миа со смехом вспоминала:

– Я подумала: надо уходить, пока не растеряла остатки достоинства. И вот я встаю со стула, а Синатра смотрит мне в глаза. У меня сердце замерло. Ну, вы знаете, как это бывает. Чувства нахлынули. Сознание перевернулось.

– Вот что я предлагаю, – заговорил Фрэнк, вставая вслед за Миа. – Завтра будут съемки моего собственного фильма «Только отважные» (None but the Brave). Я тебя приглашаю.

Миа колебалась. Отпугнула ли девушку огромная разница в возрасте? Ничего подобного. Миа с улыбкой кивнула.

– Я согласна. Спасибо.

На следующий вечер, на съемках, Фрэнк уже держал ее за руку. А после съемок пригласил к себе в Палм-Спрингз. Ему было плевать, что он торопит события. Фрэнк хотел отправиться с Миа в Палм-Спрингз немедленно.

– У меня собственный самолет, – убеждал он. – Мигом доберемся. Летим со мной! Через час будем у меня дома. Что скажешь, малютка?

У девушки голова кружилась. Этакая знаменитость, в два с лишним раза старше Миа, приглашает ее к себе домой на выходные! Как реагировать? Много лет спустя Миа Фэрроу вспоминала:

– У меня до Фрэнка не было мужчин. Я даже на свидание ни разу не ходила. А тут меня приглашают в Палм-Спрингз. Я не представляла, что делать. Синатра хотел, чтобы я летела с ним сию же секунду! А я не могла. Помню, я лепетала какой-то вздор: мол, у меня нет с собой нужных вещей – пижамы и зубной пасты. Да и кот некормленым останется!

Фрэнк не мог не рассмеяться:

– Нет, ты прелесть! Ладно, отправляйся домой, собери вещи, накорми кота. Завтра утром я пришлю за тобой машину. Тебя отвезут в Бербанк, в аэропорт. Там стоит мой самолет. Мой пилот доставит тебя в Палм-Спрингз. Я буду тебя ждать. Согласна?

Миа только кивнула.

– Вот и хорошо. Да смотри, не забудь ретейнер, – поддразнил Синатра. Подмигнул девушке и скрылся за углом.

Фрэнк и Миа в Палм-Спрингз

На следующее утро, как и было обещано, перед домом Миа Фэрроу остановился длинный черный лимузин. Только тогда она вспомнила, что не давала Синатре свой адрес. Как Синатра узнал, где она живет? Этим вопросом задавалась Миа по пути в аэропорт, каковой путь занял считанные минуты. В аэропорту ее ждал самолет. Еще несколько мгновений – и девушка садится в роскошное кожаное кресло. Она – единственная пассажирка. Стюард спрашивает, что она будет пить. Потягивая через соломинку кока-колу, Миа взлетает. Лететь всего час, и это время Миа тратит на размышления: она, случайно, не спит? Разве бывает так на самом деле? Но вот самолет идет на снижение, а на земле маячит знакомая фигура. Фрэнк Синатра в черном костюме, при галстуке, в мягкой фетровой шляпе, встречает Миа чуть ли не на посадочной полосе. А выглядит он… выглядит он точь-в-точь так, как и должен выглядеть Фрэнк Синатра в 1964 году. Шикарно, вот как.

Миа не принадлежала к числу его поклонниц. Конечно, она знала, кто такой Синатра, это все знали. Но ее родители не слушали песен Синатры, предпочитая григорианские хоралы. Самой Миа нравился популярный в то время рок-н-ролл. Поэтому-то она совершенно не разбиралась в творчестве Синатры, а о нем самом от случая к случаю черпала сведения из газетной светской хроники и теленовостей. Но Синатра совершенно обаял девушку за те два дня, что она провела с ним в Палм-Спрингз. Во-первых, с каким лоском он одевался; во-вторых, от него восхитительно пахло лавандой… И вообще с такой чувственностью юной Миа еще не приходилось сталкиваться. Синатра казался ей крайне уверенным, постоянно владеющим ситуацией. И дом произвел на девушку огромное впечатление. Конечно, она и сама выросла в большом и богатом доме, но всё там было устроено на старый манер. Драпировки, портьеры, ковры… Духота. Особняк Фрэнка сверкал стеклом и металлом, дразнил острыми углами. Словом, был до невозможности современным.

– Изначально бассейн располагался слишком близко к дому, – объяснял Фрэнк, проводя для Миа индивидуальную экскурсию. – И я его малость передвинул, – добавил он, махнув рукой куда-то вдаль.

«Передвинул бассейн? Что же это за человек такой, который бассейны передвигает?» – думала потрясенная девушка.

– Там у меня вертолетная площадка, – небрежно продолжал

Синатра. – А вот в этой комнате один раз ночевал сам Джон Кеннеди. Видишь, вот табличка.

Миа уставилась на золотую табличку на двери.

По ее воспоминаниям, первый вечер с Синатрой был просто волшебным. Они ужинали в патио, любуясь закатом. Только они вдвоем, да еще целый взвод прислуги, исполнявшей любой каприз и тотчас исчезавшей. После ужина Синатра на руках отнес Миа в спальню. Проснулась она почти влюбленной. А чем больше общалась с Фрэнком, тем сильнее становилось чувство.

Бродя по дому, Миа не могла не замечать многочисленных изображений совершенно потрясающей брюнетки. Кто это? Родственница? Может, сестра?

– Нет, не сестра, – сказал Фрэнк. – Это Ава.

И он открылся перед Миа, выложил всё или почти всё про Аву Гарднер, будто они с Миа были старыми друзьями. С каждым словом, шедшим из израненного Синатриного сердца, Миа проникалась к нему всё сильнее. Его откровенность была соблазнительнее любых комплиментов и широких жестов.

– Сам не понимаю, почему я тебе всё это рассказываю, – с хитрой улыбкой признался Фрэнк.

Ава. Имя казалось знакомым. Где-то Миа его уже слышала… И вдруг ее как током саданило. Конечно! С Авой Гарднер крутил роман ее отец еще в 1953-м, на съемках фильма «Скачи, Вакеро!» (Ride, Vaquero!). Этот роман стал одной из причин охлаждения отношений между родителями Миа.

А Фрэнк, между прочим, до сих пор официально состоит в браке с Авой.

Стоит ли сказать ему про отца и Аву? Миа решила не говорить. И так в последнее время слишком много событий; ей надо всё спокойно обдумать.

«Познаю тебя»

Фрэнк прозвал Миа Ангельским личиком. А она его – Чарли Брауном.[11]

После выходных в Палм-Спрингз Фрэнк и Миа стали встречаться. Миа отлично понимала, что именно привлекает ее в Синатре. В ее глазах он был воплощением девичьей мечты. Великолепный любовник. Потрясающий человек. Сильный. Уверенный в себе. Прямой. Таким должен быть отец? Ну и что с того? Миа, отнюдь не наивная, даром что юная, быстро разобралась в причинах своей привязанности к Фрэнку. Отец не баловал ее вниманием, а Фрэнк… Фрэнк весь принадлежал ей. По крайней мере пока. Всё понятно. Синатра компенсировал ей отсутствие отцовской заботы и любви.

Вдобавок у него были качества, которых катастрофически недоставало самой Миа. Фрэнк – сильный и дерзкий; Миа – слабая и ранимая. Фрэнк – влиятельный и решительный. А Миа хоть раз приняла правильное решение? Да, пожалуй – когда согласилась лететь в Палм-Спрингз. А еще Фрэнк искрил самоуверенностью – успехи в карьере избаловали его. Этого качества Миа опасалась. Большую часть времени с Фрэнком она чувствовала себя круглой дурой. Что? Войти в комнату, полную чужих людей? Об этом даже подумать страшно. А Фрэнку – раз плюнуть.

Что касается Фрэнка, чем больше он узнавал Миа, тем больше ценил тот факт, что у Миа нет никаких предубеждений на его счет. Этой девушке он мог открывать себя до бесконечности, встречая с ее стороны полное понимание. Например, Фрэнк признался, что у него отвратительный характер.

– Это итальянская кровь бурлит. Я характером пошел в мать. Могу, как и она, взорваться, если что не по мне.

Миа сказала вот что: взрывной характер обусловлен слишком напряженной работой в шоу-бизнесе. Фрэнк просто переутомляется, рассуждала Миа, отсюда и раздражительность.

– Ты – Фрэнк Синатра, тебя считают непобедимым. Но я-то вижу истину. Я вижу, что ты с трудом тащишь бремя популярности. Поэтому срываешься на окружающих. Я понимаю тебя лучше, чем тебе кажется.

Еще Фрэнк сказал Миа, что устал и хочет завершить карьеру.

– Ты лукавишь перед самим собой. Ты опасаешься не оправдать завышенные ожидания публики. Популярность – тяжкий гнет. По-моему, я тебя достаточно узнала, – подытожила Миа. – Я отлично понимаю, что твоя жизнь – это музыка и кино.

Без них ты пропадешь, зачахнешь.

Миа предложила не завершать карьеру, не отходить от дел совсем, а просто сократить собственную занятость и больше времени уделять личной жизни. Фрэнк опешил, не зная, как реагировать. Единственное, в чем он не сомневался – Миа не такая, как все. Разве обычная девятнадцатилетняя девушка могла бы рассуждать столь разумно, разве могла бы разобраться в его душе?

Со временем он начал понимать: для Миа Фэрроу жизнь очень проста. По ее мнению, у каждого человека в глубине души таится добро. Фрэнк же давно убедил себя, что у каждого человека в душе таится – а иногда и НЕ таится – всякая дрянь. В восприятии мира, которое демонстрировала его новая подруга, Фрэнк видел какую-то принципиально новую логику. После Авы, Мэрилин, Бетти и многих других женщин Миа была словно глоток свежего воздуха. Она увлекалась мистицизмом, практиковала йогу. Фрэнку это казалось эксцентричным – и в то же время очаровывало. Миа любила выкурить косячок, и этого Фрэнк не одобрял. Он вообще не выносил наркотиков, выступал против их распространения, которое как раз набирало обороты в США. Правда, Фрэнк очень много пил. Что ж, пусть Миа балуется травкой, не ему ее судить.

Его напрягала разница в возрасте. Было ясно: когда правда об их отношениях выйдет наружу, без скандала не обойдется. Несомненно, общественность решит, что Синатру постиг кризис среднего возраста. Пожалуй, на Миа ополчится Долли, да и остальные родственники. Впрочем, какая разница? Синатра влюблен (по крайней мере ему так кажется), и это главное.

– Что хорошо в любви с первого взгляда, – говаривал он, – так это большая экономия времени.

Фрэнк слишком долго был одинок душой; теперь, по его мнению, он получал компенсацию за безрадостные годы. Он решился начать заново с Миа. Только вот что из этого выйдет?

– Она говорит, что хочет узнать, каков я на самом деле, – поделился Фрэнк с Дином Мартином. – К чему бы это?

– Она тебе в дочери годится, – урезонивал Мартин, согласно его же воспоминаниям. – Ты не понимаешь, во что ввязываешься.

– Да поможет мне бог, – ответил Фрэнк. – Просто я устал от грусти. Устал чувствовать себя старым и выжатым. Мы подумываем о свадьбе.

– Эта девчонка не представляет, что ты за человек, – гнул свое Мартин.

– Она смотрит на меня под другим углом. Не так, как прочие. В общем, я хочу на ней жениться.

– Фрэнк, одумайся! – воскликнул Дин. – Да моему скотч-терьеру больше лет, чем ей!

Первые тревожные звоночки

– Как думаешь, у меня получится с Фрэнком? – спросила Миа свою мать, Морин О'Салливан. Они завтракали. Их обслуживал Джордж Джейкобс.

Морин приехала погостить по приглашению Синатры. Связь юной дочери внушала ей серьезные опасения.

– У Фрэнка кризис среднего возраста. Ты, Миа, нужна ему для самоутверждения, – объясняла Морин. – Я очень за тебя волнуюсь, доченька. Все нормальные мужчины в таких случаях делают себе пересадку волос и покупают спортивные машины. А этому, видишь, ты понадобилась.

Впрочем, погостив несколько дней у Фрэнка, Морин смягчилась. Синатра, когда хотел, мог вести себя как настоящий джентльмен. Ему удалось обаять и Морин О'Салливан. Например, был такой случай: зазвонил телефон, некий репортер просил Фрэнка об интервью. Фрэнк репортеров на дух не переносил. Этого он тоже послал куда подальше, швырнул трубку и вдруг заметил Морин. Она всё слышала. Тогда Фрэнк крайне учтиво извинился за крепкие выражения, которые использовал в разговоре с репортером. Морин умилилась. Сочла его жест высшим проявлением учтивости, но не перестала переживать из-за будущего дочери.

Морин было на тот момент пятьдесят три года. За плечами – несколько десятилетий работы в шоу-бизнесе. Таких, как Фрэнк, она насмотрелась достаточно. Понимала, что с подобными мужчинами рано или поздно возникают проблемы. И не надо торопиться связывать с Фрэнком судьбу.

– Мам, он мне нравится, – сказала Миа за завтраком. – Мне кажется, он классный.

– Мистер Синатра и есть классный, – вмешался в разговор Джордж Джейкобс.

– Конечно! – подхватила Морин и рассмеялась. – Он же не кто-нибудь, он – Синатра. Но это не значит, что он подходит моей девочке. Как бы он не разбил тебе сердце, Миа.

– В любом случае решать буду я, и никто больше, – заявила Миа.

– Да, родная, – вздохнула Морин. – К сожалению, так и есть.

Вспоминает Джордж Джейкобс:

– Миа выслушала мать, но не приняла к сведению ее опасений. Она серьезно увлеклась мистером Синатрой и не собиралась отступать. Миа была не из тех, кого легко отговорить.

Через пару недель безоблачного счастья возникли проблемы.

Даже по прошествии нескольких десятилетий Миа с содроганием вспоминает день, когда Фрэнк заявил:

– Я тут подумал – тебе надо бросить карьеру актрисы. Кому нужна твоя игра? Мы с тобой будем жить вместе, я буду о тебе заботиться, обеспечивать тебя. Так что давай, завязывай с кинематографом.

Миа не тратила время на размышления и колебания. Ее ответом стало категорическое «нет».

– Моя работа – единственный смысл жизни, – заявила Миа. – Бросать кинематограф я не намерена.

Фрэнк опешил. Он-то думал, Миа сразу согласится, тема будет закрыта.

– Фрэнк, мы собираемся жить вместе, – объяснила Миа. – Поэтому научись меня слушать.

И добавила: мол, мама говорит, отношения возможны только тогда, когда двое понимают друг друга. Джордж Джейкобс как раз подавал коктейли. Он очень старался не подслушивать, но это было невозможно.

– Полная фигня, – раздраженно бросил Фрэнк. – Эй, Джордж! Что ты так мало виски в коктейль налил? Ну-ка, добавь!

– Привыкай, Фрэнк, – продолжала Миа. – Учитывай, что у меня своя голова имеется. Ты мне не отец, я тебе не дочь. Не указывай, что мне делать и чего не делать.

Фрэнк аж рот разинул. А Миа вскочила и выбежала из комнаты.

Фрэнк обратился к Джейкобсу:

– Видал? Побежала в куклы играть.

Не в своей тарелке

Приближалось девятое февраля 1965 года – двадцатый день рождения Миа. Она заранее предупредила Фрэнка: никаких шумных празднований. СМИ и так смакуют их с Фрэнком разницу в возрасте; незачем напоминать им, что Миа нет еще двадцати одного года.

Фрэнк был не согласен. Ему хотелось устроить грандиозную вечеринку. А если кому не нравится возраст Миа, так это его проблемы.

– Всем покажу, какая у меня замечательная девушка, – заявил Фрэнк. – Что в этом плохого?

День рождения Миа отмечали в лос-анджелесском ресторане «Чейсен». Никого из друзей самой виновницы торжества не было – только друзья Фрэнка, многие из которых годились Миа не то что в родители – в дедушки и бабушки.

– Почему ты моих друзей не пригласил? – спросила Миа.

Синатра пожал плечами.

– Честно говоря, мне это в голову не пришло.

И вернулся к своим гостям!

Миа чувствовала себя как рыба, вытащенная из воды. Собственный день рождения обернулся одним из худших событий в ее пока такой короткой жизни.

– Послушай, детка, – заговорил Фрэнк, обнимая Миа (он обнаружил ее в одиночестве, в уголке). – Пойдем к гостям. Давай веселиться. Это же твой праздник, в конце концов.

Но Миа не могла веселиться.

– Не пойду. Мне неловко.

Ей казалось, все на нее смотрят, только и ждут какого-нибудь промаха, только и мечтают к чему-нибудь прицепиться. Например, лощеные гости наверняка заметят, что у Миа ногти обгрызены.

– Вот именно: это мой праздник, – обиженно сказала она. – Почему же мы не отмечаем его так, как хочется *МНЕ*?

Фрэнк разозлился. Он потратил на вечеринку кучу денег, он знаменитостей напригласил, а его подруга ведет себя как малое дитя!

Синатра попытался успокоить Миа, однако быстро растерял запас терпения, и без того скудный. Иными словами, понимания Миа не увидела.

– Мне твои ребячества надоели, – бросил Фрэнк, уходя к гостям. – Или развлекайся, или сиди тут одна и дуйся на весь свет. Тебе решать.

Обратная сторона Фрэнка

Весной 1964 года уже упоминавшийся нами Лейзер по кличке Свифти (Проныра) пригласил Фрэнка и Миа к себе домой в Беверли-Хиллз. Перед вечеринкой у Синатры была запись на телевидении, так что он собирался приехать к Лейзеру прямо со студии. А Миа приехала одна, из дома.

Снова она чувствовала себя не в своей тарелке. Очередная тусовка звезд, которых Миа видела в кино, о которых читала в прессе, но которых совершенно не знала. Всё те же, привыкшие к свету софитов, лица: Джуди Гарленд, Мики Руни, Дин Мартин, Сэмми Дэвис, Донна Рид. Всем Миа годится в дочери. Кое с кем дружны ее родители – но, конечно, в силу возраста не она сама. Среди гостей Миа заметила слишком уж примелькавшуюся женщину. Нет, не Аву Гарднер, а другую. У Синатры было полно фотографий с ней.

– Кто эта красавица? Вон там, видите? – спросила Миа.

– Это Бетти. Ее больше знают под именем Лорен Бэколл.

У Миа сердце екнуло: ей доводилось слышать, что Фрэнк был помолвлен с Лорен Бэколл, хотя она не знала, почему свадьба расстроилась. Наблюдая, как скользит среди гостей восхитительная Бетти, как уверенно она держится, Миа всё больше комплексовала. Вот подходящая пара для Фрэнка Синатры – взрослая, блистательная женщина, состоявшаяся актриса, по сравнению с которой Миа – жалкая, неловкая девчонка. По крайней мере такой она казалась себе в тот вечер.

Наконец появился Фрэнк, усталый и раздраженный. Синатра ненавидел телешоу, после них у него всегда было скверное настроение. Он даже не поцеловал Миа – только кивнул ей и сразу проследовал в бар. А в баре была Бетти.

Фрэнк подошел к ней и завел разговор. Бетти явно не обрадовалась – с тех пор как Фрэнк разорвал их помолвку, минуло шесть лет, за это время они словом не перемолвились. Понятно, что Бетти не знала, как реагировать на внимание Синатры.

О чем они говорили, никто не слышал. Сама Бетти утверждала, что речь шла «о том о сём». Только вдруг Синатра указал на Лейзера Проныру да как закричит:

– Это всё из-за тебя! Из-за тебя мы с Бетти поссорились и расстались!

Можно подумать, Синатра только что узнал, кто на самом деле проболтался злополучной репортерше Луэлле Парсонс! Можно подумать, Бетти ему раньше не говорила!

– Будь ты проклят, Проныра! Катись ко всем чертям! Ко всем чертям!

Фрэнк кипел от злости, кровь прихлынула к лицу. Он с силой дернул белоснежную скатерть. Дорогие закуски – омары, креветки, крабы во льду – взлетели в воздух и посыпались на головы опешивших гостей. Раздался звон фарфора и лязг столового серебра.

Миа забилась, по обыкновению, в уголок, смотрела оттуда огромными, испуганными глазами.

– Фрэнк! Фрэнк! Не надо! – воскликнула она.

Было поздно. Синатра разбушевался, обратил гостей в бегство. Началась суматоха. Миа не смела высунуться из своего укрытия.

– Поделом паскуднику, – сказал Фрэнк, беря Миа за локоть. – Пойдем отсюда, здесь воняет!

Он крепко, до боли, стиснул Миа локоть и потащил ее сквозь ошарашенную толпу.

Домой ехали в напряженном, зловещем молчании, которое Миа несколько раз безрезультатно пыталась нарушить.

Она-то, дурочка, воображала, будто знает Фрэнка Синатру! Уж конечно, тот Синатра, который жил в ее фантазиях, никогда не устроил бы подобную сцену. Выходит, Миа имеет дело совсем с другим человеком? Выходит, мама права? Миа вот-вот сделает катастрофическую ошибку?

В доме родителей никогда не произносились грубые слова. Никто не бранил детей, не устраивал разнос прислуге. Морин О'Салливан и Джон Фэрроу все проблемы решали цивилизованным путем, оберегая отпрысков от грязи. Пусть порой от родителей веяло холодком, зато дети Фэрроу не видели ни единого проявления вульгарности, ярости, дурного нрава.

На следующий день, после съемок в «Пейтон-плейс», Миа пристала с расспросами к Джорджу Джейкобсу. Пусть человек, многие годы прислуживающий Синатре, объяснит Миа истинные причины того, что случилось в доме Лейзера.

Надо сказать, Миа и Джордж Джейкобс сразу поладили и подружились. Джейкобс казался Миа прямым, откровенным человеком.

– Джордж, расскажи, что было между Фрэнком и Лорен Бэколл? – попросила Миа.

Джордж растерялся. Для начала уточнил, действительно ли Миа нужно это знать; может, лучше жить по принципу «меньше знаешь – крепче спишь»? Нет, не лучше, настаивала Миа. Теперь, после выходки с омарами, она должна иметь полную картину отношений Фрэнка и Бэколл. Короче, Миа загнала Джорджа

Джейкобса в угол, приперла к стенке. Не ему бы надо просвещать ее; если Фрэнк об этом пронюхает, он мигом уволит Джорджа, глазом не моргнет; а Джорджу его работа дорога.

– Я ничего не скажу Фрэнку. Честное слово! Клянусь, не скажу! – обещала Миа.

Минут через пятнадцать Джордж сдался и объяснил, пусть и неохотно, причины разрыва Фрэнка с Бетти. Фрэнк думал, будто Бетти разболтала о помолвке одной скандальной репортерше, а на самом деле разболтал Лейзер. Бетти не виновата.

– Ах ты, бедная деточка, – посочувствовал Джордж. – Вот, наверно, страху вчера натерпелась из-за мистера Синатры.

– Джордж, ты хочешь сказать, что Фрэнк разорвал помолвку из-за такой ерунды?

Миа ушам своим не верила. Про сцену в доме Лейзера она забыла; теперь ее занимало поведение Фрэнка с женщинами.

– Ну да, – подтвердил Джордж. – Бетти не раскололась, это Лейзер всё разболтал без ее ведома.

– Но почему Фрэнк не поговорил с Бетти? – недоумевала Миа.

– Ах, малютка, не в стиле мистера Синатры обсуждать, говорить, – спокойно пояснил Джордж. (Таким же тоном он мог бы сказать: «Дождь идет».) – Мистер Синатра не ждет, пока ему аргументы приведут и всякие там доказательства. Он просто уходит. Так-то, малютка. Нынче ты с ним, а завтра – до свидания. И ничего тут не поделаешь. Нынче ты с ним, – зачем-то повторил Джордж. – А завтра – до свидания.

– Я сама его спрошу, почему он людей не выслушивает, – решила Миа.

– Что ты! Что ты! И думать забудь! – испугался Джордж. – Не порти себе жизнь, малютка.

Миа окончательно запуталась. Она снова и снова прокручивала в уме скандал с Лейзером и разговор с Джорджем – и ничего не могла понять.

– Со мной Фрэнк так не поступит, – наконец объявила Миа.

Джордж как-то странно усмехнулся. И тогда в сердце юной женщины поселился страх: что, если она совсем не знает Фрэнка Синатру?

Слово Синатре поперек

Итак, Миа, несмотря на предупреждение Джорджда Джейкобса, твердо решила узнать о разрыве с Бетти у самого Фрэнка. Миа всё выяснит; Миа выслушает версию Синатры.

– Мне нужно тебя кое о чем спросить, – начала Миа во время ужина.

Джейкобс, как всегда, прислуживал за столом.

Миа не стала ходить вокруг да около.

– Говорят, ты порвал с Бетти Бэколл потому, что она якобы сболтнула одной журналистке насчет вашей помолвки. И ты, вместо того чтобы поговорить с Бетти, просто прекратил с ней отношения.

Слова текли сами собой, однако решимость постепенно оставляла Миа. Под конец фразы слышался только тихий лепет.

– А на днях ты узнал, что на самом деле проболтался Проныра Лейзер. И ты сорвал зло на нем. Это правда, Чарли Браун?

Фрэнк отложил вилку. Вперил в Миа мрачный взгляд. Потребовал признаться, от кого получены сведения; с кем Миа посмела обсуждать его поступки. Миа сказала «Ни с кем», но испуганно покосилась на Джорджа. Нет, нельзя его выдавать; она же поклялась! Фрэнк не поверил.

– Быть не может. Кто-то тебе рассказал. Кто? Кто, отвечай! – крикнул он, подозрительно глядя на Джорджа.

Бедняга Джордж скроил невинную мину. Миа солгала – сказала, что прочла об этом в колонке светских сплетен, которую ведет Шейла Грэм. Впрочем, добавила Миа, совершенно не важно, откуда она знает про Бэколл. Пусть Фрэнк сам скажет, правда это или нет.

– С тобой, Миа, я это обсуждать не стану, – отрезал Фрэнк.

– Но…

– Хватит! – рявкнул Синатра так громко, что Миа съежилась на стуле. Затем на столешницу обрушились оба Синатриных кулака. – Я уже сказал: с тобой я это обсуждать не стану!

Синатра пулей вылетел из комнаты, бледная Миа осталась дрожать за столом.

Развод Нэнси-младшей

Шел 1965 год – эпоха студии «Моутаун Рекордз»,[12] эпоха «Битлз». В моде были новые ритмы, молодежь слушала блюз и песни протеста таких исполнителей, как, например, Боб Дилан. Музыкальный бизнес претерпел серьезные изменения. Новое поколение знать не хотело Элвиса Пресли, не говоря уже о Фрэнке Синатре. Однако Фрэнк сумел сохранить свою аудиторию; особенно его любили в Вегасе. Шестьдесят четвертый год он завершил двухнедельным ангажементом в отеле «Сэндз», причем все две недели зал был полнехонек. Музыкальные критики захлебывались похвалами. Вместе с Фрэнком выступал оркестр Каунта Бэйси под управлением Куинси Джонса. Словом, Синатра по-прежнему оставался кумиром для слушателей старшего поколения. Поклонники, повзрослевшие вместе с ним, восторженно встречали все плоды его творчества – раскупали пластинки, ходили на фильмы и концерты. Синатра готовился отметить пятидесятилетний юбилей, но для верных поклонников он оставался артистом в расцвете таланта и жизненных сил.

Летом 1965 года стартовало турне под названием «Фрэнк Синатра и компания вместе с Каунтом Бэйси и его оркестром». Двадцать лет Синатра не ездил по стране с оркестром! Миа хотела сопровождать его, однако заболела и осталась дома. Турне вышло успешное, во всех шести городах артисты собирали полные залы. Когда турне закончилось, Фрэнк оставил отпечатки своих ладоней, а также свою подпись, на влажном цементе, на Аллее славы возле Китайского театра Граумана.

На этой церемонии присутствовали дочери Фрэнка. А тем временем кинокритики нахваливали фильм с его участием – «Только отважные». Вскоре вышел и другой фильм, «Брак раскалывается» (Marriage on the Rocks, второе название «Свадьба на скалах»), где вместе с Синатрой снялись Дебора Керр, Дин Мартин и Нэнси Синатра-младшая в роли дочери персонажа Фрэнка.

Несмотря на профессиональные успехи отца, для Нэнси-младшей 1965 год был далеко не самым счастливым. По иронии судьбы, пока она снималась в фильме «Брак раскалывается», раскололся ее собственный брак с кумиром девочек-подростков, Томми Сэндзом (Нэнси и Томми поженились в 1960 году). Теперь молодой супруг – поп-певец и актер – хотел развода. Для Нэнси это желание явилось неожиданностью – она считала свое замужество вполне удачным. Оказывается, Томми проходил курс лечения, и его врач решил, что пациенту следует развестись.

Мнения жены никто не спрашивал.

Нэнси вспоминает:

– Я валялась на маминой кровати, рыдала, жалела себя, думала, что настал конец света. Пришел папа, сел рядом и говорит: «Я знаю, Цыпленок, тебе сейчас грустно. Знаю, ты чувствуешь себя несчастной. Запомни, девочка: это пройдет. Всё пройдет. Ты не одна. У тебя есть я, есть мама, есть брат и сестра».

Фрэнк советовал любимой дочери не поддаваться унынию; в тот трудный период он чаще, чем обычно, называл Нэнси детским прозвищем – Цыпленок. «Держись, Цыпленок», – повторял Фрэнк. И Нэнси держалась.

Долли о Миа: «Нашел себе головную боль!»

К августу 1965 года Фрэнк изрядно вымотался на съемках фильма «Откинь гигантскую тень» с Кирком Дугласом (Cast a Giant Shadow). Съемки проходили в Израиле. Фрэнку требовалась разрядка. Он взял напрокат яхту длиной в сто семьдесят футов под названием «Южный бриз» и пригласил Миа, а заодно еще девятерых друзей, в их числе Розалинду Рассел и Клодетт Колбер вместе с мужьями, Фредди Бриссоном и Джоэлом Прессменом.

Миа и Фрэнк вместе отправились на самолете Фрэнка в Новую Англию, где находилась яхта. Тотчас же колонки светских новостей запестрели сообщением, что на самом деле Синатра и Фэрроу собираются пожениться – либо непосредственно на яхте, либо во время какой-нибудь стоянки по пути следования. «Нью-Йорк дейли ньюс» разразилась статьей под названием «Синатра и Миа держат курс на алтарь?». «Джорнал Американ» задавалась вопросом: «Женятся или не женятся?»

Вспоминает Миа Фэрроу:

– Не прошло и суток, как стало не видно океана из-за целой флотилии, набитой папарацци, и не слышно собственных мыслей из-за рева вертолетов. По всем каналам показывали только меня, упирая на преклонные года Синатры и на мой нежный возраст.

Фрэнк заранее распланировал остановки. Он любил блеснуть перед Миа, порадовать ее красивым видом, поведать о том или ином своем успехе. Например, он причалил в бухте города Хианнис-Порт, где находилась резиденция клана Кеннеди. Вообще-то Фрэнк не видел никого из Кеннеди со дня гибели Джона и слабо представлял, как его встретят. Бобби дома не оказалось, Джеки – тоже (она была в Нью-Йорке). Зато Тед распахнул для Фрэнка объятия. Обрадовались также сестры убитого президента – Джин, Юнис и Пэт. Их мать, Роза Кеннеди, была очень мила – отозвала в сторонку Юнис и с невинным видом спросила, чьей подругой является Миа – самого Фрэнка или кого-то из его детей?

Узнав, что Миа – возлюбленная Синатры, Роза Кеннеди немало удивилась.

– Должна признаться, я никогда не понимала до конца этого человека, – объявила Роза.

Затем весь клан собрался на яхте. Кеннеди угощались напитками и играли в шарады. Прежде чем уйти, Роза обняла Миа.

– Если вы, милочка, нашли человека, который намерен о вас заботиться, я могу вам посоветовать только одно: будьте готовы

за него бороться, – так в своей неподражаемой манере Роза Кеннеди напутствовала Миа Фэрроу. – И заботьтесь о нем.

Миа пообещала сделать всё от нее зависящее.

К сожалению, фантастический круиз закончился трагически – десятого августа один из членов команды, возвращаясь на яхту, перевернулся в шлюпке и утонул. Парню было всего двадцать три года. Безвременная смерть потрясла и Фрэнка, и Миа, и всех остальных.

Пресса, потерпевшая облом со свадьбой, принялась смаковать трагедию на «Южном бризе» – к неудовольствию Морин О'Салливан. Понятно, ей не нравилось, что имя ее дочери постоянно треплют газеты. Морин позвонила на яхту и велела Миа возвращаться домой. Было принято решение завершить круиз на реке Гудзон.

Гости Фрэнка провели вечер на Манхэттене, в ресторане «Эйген», откуда направились к Джилли, чтобы выпить на сон грядущий. Последним пунктом стала квартира Фрэнка в пентхаусе с видом на Гудзон.

«С тех времен, когда Клеопатра плыла по Нилу на встречу с Марком Антонием, ни за одним путешествием по воде не наблюдали столь пристально, как за круизом Фрэнка Синатры», – написали в «Таймс», поняв, что свадьбы пока не будет.

Морин О'Салливан дала в интервью свою версию событий:

– Миа оказалась в круизе лишь потому, что на съемках «Пейтон-плейс» повредила глаз и нуждалась в отдыхе. Вы спрашиваете, почему молодая девушка поехала без старшей родственницы или подруги? Сами подумайте – ведь все, кто также участвовал в круизе, являются моими друзьями. Они бы присмотрели за моей дочерью, если бы понадобилось.

Было ясно: Морин либо не знает, либо не хочет знать, что Фрэнка и Миа связывают интимные отношения. Что до старшей родственницы или подруги, в таковой Миа точно не нуждалась.

Долли Синатра тоже не теряла время даром – у нее было готово объяснение странной «дружбы» между Фрэнком и юной актрисой.

– Мой сын помогает Миа сделать карьеру. Сами знаете, сколько молодых дарований он открыл и продвинул. Вот и с Миа так же, – заявила Долли в интервью, добавив, что Фрэнк и в мыслях не имел жениться на девушке, ведь она моложе двоих его детей!

Фрэнку, разумеется, требовалось одобрение матери, и после круиза он повез Миа в Форт-Ли – знакомиться с родителями. Долли расстаралась – целых два дня готовила грандиозное пиршество в итальянском стиле. А Миа не притронулась ни к

одному кушанью! Мог ли быть грех страшнее? Напрасно Миа объясняла, что она – вегетарианка; Долли не оставляла попыток накормить ее хотя бы тефтельками, но потерпела фиаско.

– Сначала саму Аву Гарднер закадрил, а сейчас до кого опустился? – изливалась Долли камердинеру сына, верному Джорджу Джейкобсу.

Джейкобс молчал. Они с Долли были в кухне, откуда хорошо просматривался диван, на котором миловались Фрэнк и Миа. Понизив голос, Джордж похвалил новую подругу своего хозяина – Миа, дескать, славная девочка и хорошая партия. Нет, Долли он не убедил. У нее в голове не укладывалось, как, имея возможность заполучить любую из голливудских актрис – ярких, завитых и «с формами», ее сын остановил выбор на девушке, больше похожей на истощенную бродяжку?

– В каком, ты говоришь, сериале она снимается? – переспросила Долли.

– В «Пейтон-плейс», – отвечал Джордж.

– Первый раз слышу, – фыркнула Долли и добавила: – Женщина, которая хочет связать жизнь с Фрэнком, должна быть крепкой и сильной, иначе она просто не сдюжит этакой нагрузки. А на эту Миа дунь – она и завалится.

– Следи за ней, Джордж, – распорядилась Долли. – Надо убрать ее от Фрэнка, а то как бы чего не вышло.

– По крайней мере мистер Синатра счастлив, – возразил Джордж, косясь на влюбленную парочку на диване. – Я его таким сто лет не видел.

Долли пожала плечами.

– Вот попомни мои слова: Фрэнк себе головную боль нашел.

Незадолго до пятидесятилетия Синатры развернулась особая, юбилейная кампания по продвижению его творчества. В конце 1965 года «Реприза» выпустила альбом «Сентябрь моих лет» (September of My Years), завоевавший премию «Грэмми». Странно, что Фрэнк решился фокусировать внимание на своем возрасте в разгар отношений с юной Миа. Именно возраст стал главной темой нового альбома. В «Сентябрь моих лет» вошли композиции «Сентябрь», «В последний вечер нашей юности», «Привет вам, юные влюбленные» (September, Last Night When We Were Young и Hello, Young Lovers». Аранжировщиком выступил Гордон Дженкинс. Каждая композиция отличается вдохновенным, прочувствованным исполнением. Всякому понятно: когда Фрэнк поет песню «Сколько мне лет?» (How Old Am I?), в которой есть слова «Ты меня целуешь – значит я молод», он говорит об отношениях с Миа.

Как быть с Миа?

У Фрэнка и Миа всё шло отлично до декабря 1965 года. Серьезные проблемы начались, когда Нэнси-старшая затеяла подготовку к пятидесятилетнему юбилею Синатры. Ей помогали дочери. Было решено пригласить несколько сотен «ближайших» друзей, коллег, помощников и партнеров Фрэнка. По версии «Джорнал Американ», на юбилей собирались «исключительно сливки голливудского сообщества, люди категории “А” – но ни в коем случае не категории “Б”». Для званого ужина арендовали зал «Трианон» в отеле «Беверли». Двенадцатое декабря выпадало на воскресенье.

Нэнси-старшая не верила, что у Фрэнка с Миа всё серьезно. В конце концов, Миа такая юная; неужели Фрэнк задумал связать с ней жизнь? Как ни странно, Нэнси продолжала лелеять надежду, что Фрэнк «перебесится» и вернется к ней. Нелепые фантазии подпитывала в матери Нэнси-младшая. Обе женщины смотрели на Миа как на эпизод в бурной сексуальной биографии Фрэнка Синатры.

– Не представляю, что будет, если отец свяжется с этой девчонкой, – обронила Нэнси-младшая. – Может, я жестока, но поставьте-ка себя на мое место! Конечно, мисс Фэрроу очаровательна. Но она на пять лет моложе меня! Как я должна к ней относиться, а?

Несмотря на сопротивление обеих дочерей, Нэнси-старшая за три дня до юбилея предложила Фрэнку пригласить Миа. Фрэнк несказанно обрадовался. Миа – тоже. Влюбленные поехали в модный бутик в Беверли-Хиллз, где Фрэнк объявил:

– Моя девочка получит всё, что пожелает.

Миа не стеснялась, а специально для юбилея выбрала нежно-голубое шифоновое платье.

Перед вечеринкой она позвонила режиссеру «Пейтон-плейс», Джеффри Хейдену, и, ликуя, сообщила, что Фрэнк берет ее на свой юбилей, где, конечно же, будет очень весело.

Хейден напрягся.

– Миа, завтра съемки начинаются в восемь утра. Умоляю тебя, не задерживайся на вечеринке. Ты нужна нам ровно в восемь, не забудь! Обещай, что не опоздаешь!

Миа порхала по дому Синатры, наряжалась и прихорашивалась. Она сама сделала макияж и прическу, надела новое небесно-голубое платье и вышла на лестницу.

– Ну как я тебе, Фрэнк? Красиво?

Миа чуть крутнула пышным подолом, улыбнулась.

– Извини, детка, я передумал, – выдал Синатра. – Ты никуда не пойдешь.

– Почему?

Миа опешила, слезы брызнули из огромных синих глаз. Джордж Джейкобс метнулся за упаковкой одноразовых платочков. Он по опыту знал, что сейчас будет.

– Не пойдешь, и точка, – весьма доходчиво объяснил Фрэнк. – Мне звонил сын, он не хочет тебя видеть, мои дочери тоже против. Сделай одолжение, Миа, посиди дома, ладно?

– Ничего не понимаю! – произнесла Миа и разрыдалась.

– Послушай, Миа, – наставительно заговорил Фрэнк. – Ты не девочка, ты взрослая женщина. Изволь вести себя, как подобает взрослой женщине.

Миа пулей выскочила за дверь, села в машину и на предельной скорости помчалась к себе домой. Фрэнк тотчас раскаялся.

– Ну и болван же я! – воскликнул он и велел Джейкобсу ехать за Миа – просто чтобы убедиться, что она благополучно добралась до своей квартирки.

Юбилей удался на славу. С одним «но» – сам виновник торжества был в прескверном настроении. Пытался скрыть его – и не мог. Мысли Фрэнка занимала Миа. Вдобавок Фрэнк-младший вовсе не явился на торжество!

Какая разница, кто и что думает о Миа, задавался вопросом Синатра. А еще он представлял, как его девочка рыдает в своей квартирке совсем одна. Этим соображением Фрэнк поделился с другом, поэтому мы его здесь приводим.

Девчачий атрибут

На следующее утро, как читатель помнит, Миа ждали на студии к восьми часам. Однако она не появилась. Джеффри Хейден не на шутку разволновался.

– Господи, где ее носит? Она же никогда не опаздывает! Таких пунктуальных актрис еще поискать!

Миа приехала только в девять. Хейден набросился на нее:

– Нам сегодня нужно отснять десять страниц материала! Бегом в гримерку, Миа! Прекрати капризы! Ты ведешь себя как малое дитя! А ты актриса! Ты уже взрослая! Тебя семьдесят пять человек дожидаются. Не стыдно, а?

В общем, Хейден дал себе волю.

– Простите, – едва слышно пролепетала Миа.

Нетвердой походкой она проследовала в гримерку, села перед зеркалом. Нашарила ножницы, взглянула на своё отражение… и принялась за стрижку. Восхитительные золотистые волосы, гладкие, как шелк, прядь за прядью падали к Миа на колени. Те самые волосы, которые так нравились Фрэнку, в которых он, по его собственному выражению, «запутался». Ножницы щелкали быстро-быстро, и стрижка получалась далеко не дизайнерская. На головке Миа торчали рваные пучки волос. Сама она рассказывала позднее, что «обкорнала волосы до длины меньше чем в дюйм».

Вспоминает Джеффри Хейден:

– Минуты через полторы Миа выходит из гримерки и несет в руках свои остриженные волосы. Меня чуть удар не хватил. А она сует мне целую копну и говорит: «Вот, Джефф. Забирайте. Видите, я уже взрослая».

Джефф, конечно, не знал, что творилось в душе у Миа, да ему и дела до этого не было. Его волновали съемки.

– Миа! – закричал Хейден. – Как тебя теперь снимать, без волос? Как объяснить зрителям, почему вчера ты была с волосами, а сегодня… сегодня… – И Хейден схватился за сердце.

Миа пожала плечами.

– Я только хотела показать вам, Джефф, что я не дитя. Золотистые длинные волосы – девчачий атрибут. А я, как вы правильно заметили, уже взрослая.

С этим Миа пошла прочь.

Джефф Хейден бросился к телефону, набрал номер Пола Монаша, продюсера сериала. Монаш, кроме того, писал для «Пейтон-плейс» диалоги.

– Пол, что нам делать? – чуть ли не рыдал Джеффри. – Миа,

видно, с ума сошла – взяла и обрезала волосы! Почти что наголо! Как теперь продолжать съемки?

Монаш, конечно, удивился, но на грозные речи у него времени не было. Требовалось быстрое решение.

– Так, Джефф, слушай сюда. Пусть на площадке соорудят больничную палату. Поймай Миа, уложи на койку. Я буду через пятнадцать минут.

Хейден сделал, как было велено. На площадке поставили две белые ширмы, притащили узкую койку. Миа вернули, уложили.

– Всё, уже лежит, – сообщил Хейден продюсеру. – Что дальше?

– Забинтуйте ей голову, – распорядился Монаш. – Буду через пять минут.

– И вот мы забинтовали Миа голову и не успели закончить, как на студию ворвался Пол Монаш с новым диалогом, – смеясь, вспоминал Джеффри Хейден. – Он придумал, что Эллисон Маккензи (персонаж Миа) попала в аварию. Следующие несколько недель мы снимали Миа на больничной койке, всю в бинтах.

– Мне пришлось прослушать целый курс лекций об ответственности, – рассказывает Миа Фэрроу. – Я сто раз повторила «простите», однако сама себя виноватой не считала.

«Ботинки» и «Незнакомцы»

В феврале 1966 года Нэнси-младшая вышла на первое место в хит-парадах с песней «Эти ботинки сделаны для ходьбы» (These Boots Are Made for Walking). Уже пять лет Нэнси работала на студии «Репризa», но до сих пор не могла похвастаться ни одним хитом. Нэнси записала штук пятнадцать синглов – например, «Запонки и булавка для галстука» и «Так, как я» (Cufflinks and a Tie Clip и Like I Do). Успех пришел, только когда Нэнси стала работать с Ли Хейзелвудом, продюсером и автором текстов, и знаменовала этот успех как раз композиция с феминистским уклоном «Эти ботинки сделаны для ходьбы». Текст не содержит девчачьих охов-ахов, он совсем не про любовь-морковь. Позднее Нэнси признавалась, что ее тогдашний настрой отнюдь не соответствовал посылу песни.

– «Ботинки» – очень жесткая вещь. А я была вся такая мягкая, нежная. Эти «Ботинки» для начала прошлись по моей душе.

Хейзелвуд был другого мнения о Нэнси.

– Ты, Нэнси, не сопливая восторженная девчонка. Не невинное создание. Ты была замужем, перенесла развод. Ты взрослая женщина. И в тебе определенно есть нужная нам полезная злость, позитивная агрессия. Ну так покопайся, поищи их! Покажи их мне!

«Ботинки» держали первое место в хит-парадах в течение трех недель. Было продано четыре миллиона пластинок, песня трижды номинировалась на премию «Грэмми».

Кроме «Ботинок», Нэнси Синатра выпустила еще несколько хитов – «Как тебе это нравится, милый?» и «Сахарный город» (How Does That Grab You, Darlin'? и Sugar Town), а также два дуэта с Ли Хейзелвудом – «Летнее вино» и «Джексон» (Summer Wine и Jackson).

Голосок у Нэнси был слабенький, диапазончик узенький – но продюсерам удалось слепить из этих недостатков вполне узнаваемый стиль. Нэнси записала целый ряд альбомов, многие из которых стали классикой.

Сам Синатра в 1966 году провел ряд успешных концертов в «Сэндз» совместно с Каунтом Бэйси и Куинси Джонсом. Эти концерты были записаны и позднее появились в виде альбома «Синатра в “Сэндз”».

Одиннадцатого апреля 1966 года Фрэнк записал одну из самых знаменитых своих песен, «Незнакомцы в ночи» (Strangers in the Night), которая вошла в тройку хитов 1966 года, записанных на «Репризе», уступив композиции Дина Мартина «Каждый в кого-

нибудь влюблен» (Everybody Loves Somebody) и уже упомянутым «Ботинкам» Нэнси Синатры.

Записанные в ритме танго, «Незнакомцы в ночи» стали главным Синатриным всемирно известным хитом. Эта композиция даже потеснила битловского «Бульварного писателя» (Paperback Writer) в хит-параде от второго июля 1966 года. Фрэнк возглавил пятерку хитов, и достаточно взглянуть на названия, чтобы убедиться: он завоевал-таки молодую аудиторию. Вот эти названия: «Бульварный писатель», «Битлз»; «Красный воздушный шарик» (Red Rubber Ball), «Сёркл»; «Покрась это в черный цвет» (Paint It Black), «Роллинг Стоунз»; «Необязательно признаваться в любви» (You Don't Have to Say You Love Me), Дасти Спрингфилд.

Из «Незнакомцев в ночи» Фрэнк и Нельсон Риддл в два дня сделали альбом. Это весьма интересная коллекция песен, демонстрирующая способность Фрэнка слепить альбом из любых «ингредиентов». В данном случае мы имеем дело с попыткой заработать на волне успеха одного хита, ведь в альбом включены композиции, не связанные общей темой. Впрочем, это обстоятельство никак не влияет на очарование «Незнакомцев в ночи».

По версии журнала «Биллбоард», альбом «Незнакомцы в ночи» лидировал в хит-парадах целых семьдесят три недели. Сама песня принесла своим создателям две премии «Грэмми». Одна досталась Фрэнку – за исполнение, вторая – Эрни Фримену – за аранжировку.

Кроме «Незнакомцев в ночи», классикой стала композиция «Летний ветер» (Summer Wind, текст Джонни Мерсера). Музыкальные критики считают ее одной из жемчужин творчества Синатры, с ними солидарны поклонники артиста. Неторопливость, даже некоторая отрешенность исполнительской манеры и чувственный джаз оказались идеальным сочетанием. Композиция, хоть и не побила рекорд «Незнакомцев в ночи», стала коммерчески успешной. Эту же песню записали известный баритон Перри Комо и Уэйн Ньютон, однако исполнение Фрэнка Синатры по праву считается куда более впечатляющим.

Миа знакомится с семьей Фрэнка

Фрэнк не понимал, зачем Миа так скоропостижно постриглась. Может, чтобы отомстить за юбилей? Миа отрицала эту версию, но Фрэнка не оставляли подозрения. В конце концов Миа отлично знала, как ему, Фрэнку, нравятся ее волосы. Впрочем, что сделано, то сделано, стоит ли заострять на этом внимание? И Фрэнк обратил всё в шутку.

– Теперь ты можешь записаться в Малую бейсбольную лигу, как другие мальчики, – сказал Фрэнк.

Наступила весна шестьдесят шестого. Фрэнк и Миа встречались уже два года, а семья Фрэнка – то есть Нэнси-старшая и дети – до сих пор не познакомились с Миа. Она очень переживала по этому поводу, считая, что, если Фрэнк относится к ней серьезно, он должен хотя бы попытаться познакомить ее с первой женой и детьми. После долгой дискуссии Фрэнк был вынужден согласиться со своей возлюбленной.

Но как ловчее устроить знакомство? Обе Нэнси явно не придут в восторг, может получиться некрасивая сцена. Про Фрэнки-младшего даже говорить не приходится. Он точно не примет новую отцовскую пассию. Другое дело – Тина. «Младшенькая» пошла в отца – всегда отличалась практичностью, не питала романтических надежд, не была склонна идеализировать действительность. Фрэнк говорил о дочери: «Тина знает, что почем». Стало быть, решено: знакомство с Синатрами начнется с Тины.

И Фрэнк пригласил младшую дочь в дом, который снимал в Холмби-Хиллз. Тине было предложено сыграть партию в теннис. Фрэнк при этом знал, что должна прийти Миа.

– Если задержишься, Тина, сможешь познакомиться с Миа, – сказал Фрэнк.

Восемнадцатилетнюю Тину взяло любопытство. Миа действительно скоро появилась, произведя неизгладимое впечатление на дочь Синатры.

– Я подумала про нее – нет, ну что за прелесть! – вспоминает Тина.

Она и Миа сразу подружились. Миа обезоруживала прямотой и пытливым синим взглядом. При разнице в возрасте в три года девушки имели много общего. Фрэнк не ошибся насчет младшей дочери: Тина не подвела, Тина легко сошлась с Миа.

Позднее Тина признавалась: она никогда не верила, что у отца что-то получится с Миа. Но зачем мешать отцу? Наверное, Тина подготовила почву в семье – обе Нэнси, когда очередь

знакомиться с Миа дошла до них, проявили похвальное понимание. Фрэнк привез Миа в дом к Нэнси-старшей, и вот как об этом вспоминает Джордж Джейкобс:

– Сначала всем было ужасно неловко. Однако Большая Нэнси показала чудеса гостеприимства. Как она старалась усадить Миа поудобнее – просто орден за это заслужила, ей-богу! Миа нервничала, наверное, поэтому Большая Нэнси ее пожалела. Помню, она сказала: «Всё в порядке, Миа. Видишь? Мы – нормальные люди, такие же, как твоя семья». Миа засмеялась и говорит: «Надеюсь, это не так. Потому что моя семья далеко не нормальная!»

Нэнси-младшая держалась холодновато. Пусть Тина сколько угодно дружит с Миа – она, Нэнси, не отдаст отца какой-то девчонке. Правда, потом и Нэнси смягчилась, хотя поначалу приветливости в ней не было. Что касается Фрэнки, он вообще не пришел знакомиться с Миа.

– По дороге домой, в машине, Миа говорит мистеру Синатре: «Твой сын против меня! Он даже не хочет на меня взглянуть!» – рассказывал Джордж Джейкобс. – Мистер Синатра покосился в мою сторону, вздохнул этак из глубины души и отвечает: «Эх, Миа, тут дело не только и не столько в тебе!»

Фрэнк и Миа женятся

– Мама обидится, – сказала Миа. – Я должна ей сообщить!

– Пусть себе обижается на здоровье, – возразил Фрэнк. – А ты помалкивай.

Разговор происходил девятнадцатого июля 1966 года. По телефону. Миа была в Лос-Анджелесе. Фрэнк в Лондоне готовился завершить съемки фильма «Обнаженный беглец» (The Naked Runner) и вылететь в Лос-Анджелес.

– Я даже собственным детям ничего не буду говорить, – заявил он. – Даже Нэнси, первой жене! Никто не узнает, что мы с тобой женимся.

Синатра справедливо полагал, что семья не одобрит его матримониальные планы, и опасался вмешательства, которое могло расстроить свадьбу. Не последнюю роль в нежелании Фрэнка сообщать детям о свадьбе сыграл и тот факт, что Нэнси-младшая, Фрэнки и Тина фактически не пустили Миа к нему на юбилей. Синатра не хотел дополнительных проблем. Короче, он решил держать родных в неведении до конца.

Миа его резонов не понимала.

– Почему мы должны молчать, Фрэнк?

– Потому что я так сказал, – был исчерпывающий ответ.

Свадьба состоялась на следующий день в Лас-Вегасе. Миа надела белое шелковое платье с длинными, чуть расширенными книзу рукавами. Платье, которое подошло бы для повторного замужества – но никак не для первого. Волосы были пострижены «под мальчика». На Фрэнке красовался темный костюм с галстуком. Знаменитый комик Ред Скелтон был среди немногих гостей.

– Видишь того парня? – наклонился к Миа Фрэнк. – Его зовут Ред. Он недавно выстрелил в свою жену.

Миа вытаращила глаза. В какой мир она готовится войти? Что это за мир, где муж стреляет в жену – и отправляется на свадьбу к приятелю?

– Не волнуйся, – успокоил Фрэнк невесту. – Инцидент наверняка признают несчастным случаем. Скажут, жена сама в себя выстрелила. Дело житейское, – добавил он, подмигнув.

(Действительно, в это время Джорджия Скелтон находилась в больнице с огнестрельным ранением в грудную клетку. По версии Реда Скелтона, его жена сама в себя выстрелила, когда, протянув руку за пеньюаром, случайно задела заряженный пистолет. Как Фрэнк и предсказывал, ранение признали несчастным случаем.)

Через несколько часов новобрачные были уже в Палм-

Спрингз.

А тем временем в Лос-Анджелесе Дин Мартин имел разговор с Тиной.

– Просто хочу, чтоб ты знала, детка – твой папа женится на Миа.

– Что? Когда? – воскликнула Тина.

– В эту самую минуту, – ответил Мартин.

– Вы меня разыгрываете, да?

– Нет. Говорю тебе, они женятся, – заверил Дин, судя по воспоминаниям Тины. – Езжай-ка домой, расскажи маме, пока она из новостей не узнала.

Поблагодарив Мартина, Тина метнулась домой. Но опоздала – Нэнси уже проинформировали. Сделала это Дороти Мэннерс, сменившая Луэллу Парсон на почетном посту скандальной колумнистки. Едва добыв свадебные фотографии, Дороти позвонила Нэнси с целью получить комментарий. Нэнси страшно обиделась на Фрэнка. У нее в голове не укладывалось, как он мог жениться, ни слова не сказав ни ей, ни детям.

Примерно через час после Дороти позвонил сам Фрэнк, однако с ним Нэнси разговаривать не желала. Трубку взяла Тина. Фрэнк начал загадочным голосом: дескать, он хочет предупредить, случилось нечто грандиозное.

– Ты опоздал, – произнесла Тина. – Мы уже в курсе.

Последовало бурное объяснение отца с дочерью.

Недовольство Тины можно понять. Отец доверял ей достаточно, чтобы свести со своей возлюбленной, и Тина, между прочим, ни слова упрека ему не сказала. Она с самого начала была на стороне отца, если, конечно, такое выражение применимо к ситуации. Так почему о женитьбе Тина узнает от посторонних людей? А самое скверное – почему скандальная колумнистка застает Тинину маму врасплох?

– Я думал, ты будешь рада за меня, – сказал Фрэнк.

– Я слишком занята, – бросила Тина. – Я на тебя обижаюсь, на радость нет времени.

– Так нечестно, дочка. Я ведь радуюсь за тебя и Сэмми!

Тина тогда встречалась с Сэмми Хессом, который был на десять лет старше ее. Тине было восемнадцать, Сэмми – двадцать восемь. Хесс подарил своей девушке изумруд – после того как попросил у Фрэнка ее руки.

Синатра этот жест оценил. Он не противился отношениям дочери, даже несмотря на изрядную разницу в возрасте, и рассчитывал на аналогичную поддержку со стороны Тины. Тина обижалась вовсе не из-за разницы в возрасте между отцом и его новой женой; она обижалась из-за того, что отец не сказал ей о

свадьбе.

– А тебе понравилось бы, папа, если бы я сбежала с Сэмми и тайно вышла за него? – спросила Тина.

Фрэнк признал: он бы ужасно обиделся. (К слову, замуж за Сэмми Хесса младшая дочь Синатры так и не вышла. Она дважды разрывала помолвку непосредственно перед тем, как идти к алтарю. Много лет спустя Хесс начал ухаживать… за Миа Фэрроу!)

Обе Нэнси злились на Синатру не меньше, чем Тина. Но что было делать? Навсегда порвать с ним отношения, вычеркнуть его из своей жизни?.. Нэнси-младшая скоро сформулировала фразу для любопытных:

– Конечно, свадьба отца не стала для нас сюрпризом. Отец говорил, что собирается жениться на мисс Фэрроу. Вот и женился.

Злой Синатра

Весь шестьдесят шестой и шестьдесят седьмой год Миа старалась быть Фрэнку идеальной женой. Выходило у нее неважно. В доме то и дело появлялись гости – сплошь знаменитости, а Миа, неопытная хозяйка, допускала то одну, то другую оплошность. Гораздо больше, чем торчать в доме в Палм-Спрингз, каковой дом Миа окрестила «кладбищем», подавать коктейли персонажам вдвое, а то и втрое старше ее, Миа нравилось отрываться на «Фабрике» (так называлась одна голливудская дискотека) со своими ровесниками. Ее раздражало распоряжение Фрэнка, рефреном звучавшее на «сходках покойников и полупокойников»:

– Куколка, еще горячительного для всех!

Среди этих «всех» постоянно находились Билл и Эйди Готц (Эйди была старшей дочерью Луиса Майера, светской львицей и обладательницей коллекции произведений искусства стоимостью более пятидесяти миллионов); Джек Энтраттер (президент отеля «Сэндз») со своей женой Коринной; Розалинда Рассел с мужем; кинопродюсер Фредерик Бриссон. Все эти люди годились Миа в бабушки и дедушки.

– Она хотела просто быть миссис Фрэнк Синатра, – вспоминает подруга Миа. – Она очень, очень старалась.

Весной Миа отправилась в Европу на съемки фильма «Денди в желе» (A Dandy in Aspic). Фрэнк, не одобрявший стремления Миа сделать кинокарьеру, считал, что с его молодой жены вполне хватит одного фильма в год – просто чтоб публика не забывала. Сам он в это время давал концерты в Майами, параллельно снимаясь в фильме «Тони Роум» (Tony Rome). Работал он напряженно: днем – кинокамеры, вечером – живое выступление. Супруги общались по телефону – звонили друг другу три-четыре раза в день. Казалось, всё у них благополучно. Миа обещала Фрэнку, что в Лондоне пробудет десять дней, а в Берлине – три дня. Сказала, что вернется «скоро».

Как часто бывает в киноиндустрии, всплыли разного рода обстоятельства, и обещанные две недели отсутствия изрядно растянулись. Одним из таких совсем уж не предвиденных обстоятельств стала смерть одного из двух режиссеров, Энтони Манна. Потрясенная Миа позвонила Фрэнку, заплакала. Манн был хороший человек, джентльмен, и вот умер – а никто, даже его жена, кажется, нисколько не горюет. Все думают только о дальнейших съемках, говорила в телефон Миа. Им главное, чтобы шоу продолжалось! Они вместо патологоанатома вызвали…

обслуживание номеров! Заказали закуски в номер и давай обсуждать над бездыханным телом, что делать дальше, как завершить съемки. Миа сказала также, что ей лично одной этой зловещей сцены хватило. Она, наверно, не создана быть актрисой, вот.

Ни плачущий голос Миа, ни жуткая история, которую она поведала, не тронули Фрэнка. Он вообще не слушал – по крайней мере до тех пор, пока не прозвучала фраза: «Похоже, мне придется задержаться еще на неделю».

– Даже не думай, – отрезал Фрэнк.

Ему было плевать на расписание съемок и на смерть Энтони Манна. Он хотел, чтобы жена немедленно вернулась домой. Миа заплакала еще горше. Почему, когда у Фрэнка проблемы, она, Миа, про них целыми днями слушает? И вот теперь проблема у нее – а Фрэнку и дела нет? Так нечестно! Несправедливо! Не…

Фрэнк бросил трубку.

Вернувшись наконец в Штаты, Миа нашла Фрэнка сильно изменившимся. Он отдалился от молодой жены, стал с ней холоден и резок. Однажды Джордж Джейкобс обнаружил Миа плачущей у бассейна. Она выглядела такой несчастной, что у Джейкобса сердце защемило. Он прошел в патио, свернул для Миа косячок, прикурил, поднес ей. Надо сказать, что Джордж и сам был не прочь побаловаться травкой, но ни он, ни Миа никогда не курили косячков в доме, зная, что Фрэнк не выносит наркотики. Обычно Миа и Джейкобс уезжали к каньонам и там ловили кайф. Однако сейчас Миа явно было очень плохо, и вдобавок Фрэнк отсутствовал. Джордж решил, что Миа нуждается в поддержке. Она улыбнулась, беря косяк из его рук, глубоко затянулась. Джейкобс сел рядом, они стали затягиваться по очереди. Минут через двадцать Миа сделала последнюю затяжку, закрыла глаза, выпустила колечко дыма.

– Знаешь что, Джорджи-Порджи?[13] – со вздохом начала Миа. – Сейчас мне на Фрэнка Синатру наплевать. Даже дважды наплевать.

«Что-нибудь дурацкое»

Пятнадцатого апреля 1967 года Америка услышала дуэт Синатры и его дочери Нэнси. Композиция «Что-нибудь дурацкое» (Somethin' Stupid) была записана в феврале того же года для альбома «Фрэнсис Альберт Синатра и Антонио Карлос Жобим».

«Что-нибудь дурацкое» – единственный дуэт отца с дочерью, который поднялся до первых строчек хит-парадов. Ли Хейзелвуд нашел эту песню специально для Нэнси, впервые она была записана в начале шестидесятых фолк-исполнителем Карсоном Парксом и его женой Гэйл Фут. Прослушав запись, Фрэнк Синатра решил, что у них с Нэнси получится отличный дуэт. Ли Хейзелвуду он сказал: если не хочешь петь дуэтом с моей дочерью, я сам с ней спою. Действительно, идея была слишком хороша, чтобы отказываться от нее. В конце концов, продюсерами выступили Хейзелвуд и Джимми Боуэн. Сингл был записан всего с четырех попыток.

Кое-кто из руководства «Репризы» задавался вопросами: как воспримут любовную песню в исполнении отца и дочери? Не покажется ли это публике несколько странным? Подозрительным? Узнав о сомнениях своих коллег, Фрэнк только фыркнул:

– Ерунда. Эта песня станет хитом. Мы ее запишем, и точка.

Президент «Репризы» Мо Остин придерживался мнения, что песня провалится. Он даже поспорил с Фрэнком на целых два доллара. Стоит ли говорить, что Остин проиграл?

Песня четыре недели продержалась в первой строчке хит-парада, по версии журнала «Биллбоард». Для Фрэнка это был второй золотой сингл, для его дочери Нэнси – третий.

– И слышать не хочу, – отрезал Фрэнк.

Они с Миа завтракали, Джордж прислуживал за столом. Речь шла о сценарии фильма, в котором Миа предложили главную роль. Первую главную роль! А фильм назывался «Ребенок Розмари».

– Ты должна родить дьявола? Бред какой-то! – снова заговорил Фрэнк. – Попахивает вуду. Точнее, пованивает. Моя мать в обморок хлопнется, если узнает, что ты в этом участвуешь.

– Такая возможность раз в жизни выпадает, – горячо возражала Миа. – Режиссер – сам Роман Полански! А книга (автор – Айра Левин), по которой написали сценарий, – абсолютный бестселлер. И к тому же это «Парамаунт Пикчерз». Я очень, очень хочу сниматься!

– А как же наш фильм? – спросил Фрэнк, не глядя на Миа, но продолжая листать сценарий.

Действительно, Фрэнк и Миа решили снимать полицейский боевик по бестселлеру Родерика Торпа «Детектив» на студии «XX век Фокс». Съемки начинались шестнадцатого октября 1967 года.

– «Ребенок Розмари» займет всего три месяца, – убеждала Миа. – Съемки будут проходить здесь, в Лос-Анджелесе. Только на одну неделю придется слетать в Нью-Йорк. А потом я вернусь, и мы займемся нашим фильмом.

Фрэнк понял: Миа всерьез намерена вляпаться в «вудическое дерьмо». Еще бы – как-никак первая главная роль. Нельзя лишать Миа такой возможности.

– Ладно, – смягчился Фрэнк. – Только обещай, что на наш фильм твои съемки у Полански не повлияют.

Миа вскочила к мужу на колени и горячо расцеловала его.

Сниматься у Полански оказалось очень трудно. Миа вскоре убедилась как в нездешней эксцентричности режиссера, так и в его упрямстве. Например, он заставлял Миа есть печень, притом сырую, отлично зная, что Миа – вегетарианка. И Миа покорно ела, хотя ее тошнило от одного только запаха. Полански заставил хрупкую Миа похудеть – видите ли, для женщины, вынашивающей дьявольское отродье, Миа, весившая сорок четыре с половиной килограмма, была слишком здоровой на вид. Операторы делали по двадцать, а то и по тридцать дублей. Такая практика казалась Полански нормой, хотя выматывала и Миа, и ее партнера Джона Кассаветиса.

Почти сразу после начала съемок «Ребенка Розмари» Фрэнк стал работать над своим фильмом «Детектив». Съемки также

проходили в Лос-Анджелесе. Но когда Роман Полански со съемочной группой переместился в Нью-Йорк, всё пошло вкривь и вкось. Стало ясно, что в график не уложиться, понадобится дополнительный месяц. Следовательно, Миа не сможет работать в фильме «Детектив». Следовательно, Фрэнку придется искать ей замену.

Случилось так, что в это время Тина Синатра приехала в Нью-Йорк развеяться и поселилась в Ист-Сайде, в одной квартире с Миа. Поговаривали, что Синатра послал младшую дочь шпионить за молодой женой. Это была неправда. Просто две «сестрички» соскучились друг по дружке и решили повидаться.

Тина и Миа за эти дни еще больше сблизились. Объединяли их сходные любовные истории. Вдобавок они с энтузиазмом обсуждали свои отношения с родителями. Тина окончательно убедилась: в жизни Миа ее отец выполняет роль… отца. Такой расклад, по мнению Тины, отнюдь не означал длительный и прочный брак. А тут еще Миа обмолвилась: хочу, дескать, отказаться от участия в фильме Фрэнка. Теперь уж Тина почти не сомневалась: развод недалек. Ей оставалось только надеяться, что Фрэнк не раздует скандал. Она слишком хорошо знала своего отца, она понимала: Миа не поздоровится, если она действительно устроит такой облом с фильмом. И Тина предупредила подругу: Фрэнк не потерпит подобного поведения, она, Тина, насмотрелась, как он на отказы реагирует.

– Тебе этот номер даром не пройдет, – сказала Тина.

Да, но что делать, возразила Миа. Нельзя же бросить съемки в «Ребенке Розмари», это нечестно по отношению ко всей съемочной группе, к режиссеру и актерам, к студии. Да и жалко своего труда. Мама у Миа – актриса, папа – режиссер. Представления об актерской этике вошли в ее плоть и кровь. Нельзя подводить команду, оправданием могут служить только экстренные обстоятельства – болезнь, травма и тому подобное.

Тина сочувствовала подруге, однако твердила свое:

– Я знаю, каков бывает отец. Если не появишься у него на съемках – пожалеешь.

Миа ничего не понимала! Неужели Фрэнк – сам человек искусства – похвалит жену за столь скверный поступок по отношению к звездному режиссеру и целой команде талантливых актеров, не говоря уже об операторах, гримерах и так далее?

Тина терпеливо объясняла: нет, не похвалит. Но еще неприятнее ему будет жена, которая нарушила сделку с ним самим.

– Даже не знаю, что посоветовать, Миа. Тебе предстоит очень непростое решение. Хорошенько взвесь все «за» и «против», –

подытожила Тина.

Через пару дней Миа сделала телефонный звонок, который, как чуть позже выяснилось, изменил всю ее жизнь. Миа сообщила мужу, что не сможет появиться у него на съемочной площадке еще недели две.

– Ты ведь обещала! – возмутился Фрэнк. – Ты нужна здесь, причем немедленно!

– Я не виновата. Что мне делать?

– Пошли Полански ко всем чертям! – рявкнул в трубку Фрэнк.

– Нет, нельзя. Это непорядочно, – рассердилась теперь уже и Миа.

Почему «нельзя» и «непорядочно», Фрэнк не понимал. Сам он сто раз аналогичным образом поступал с режиссерами, актерами и киностудиями. Например, в пятьдесят шестом году продюсер и режиссер фильма «Гордость и страсть» замешкался со съемками в Испании. Фрэнк бросил проект, заявив:

– Всё, сыт по горло. Я ухожу. Засуди меня, попробуй!

В другой раз он выдрал из середины сценария изрядное количество страниц, с отвращением швырнул на пол и заявил режиссеру: «Вот, теперь мы, глядишь, и уложимся в срок. При таком раскладе я, так и быть, остаюсь».

– Послушай, Миа, – заговорил Фрэнк. – Тебе придется сделать выбор. Либо я, либо этот твой фильм. С меня довольно твоих закидонов. Выбирай!

– Но я не могу…

– Пошли Полански к черту, – повторил Фрэнк.

– Нет!

Фрэнк бросил трубку.

Затем он стал звонить продюсеру фильма «Ребенок Розмари», Уильяму Каслу. Вот что рассказывает Касл:

– Синатра начал очень вежливо, а потом спросил, когда Миа освободится. Я ему объяснил положение вещей – мы не укладываемся в сроки, и всё такое. Тогда Синатра говорит: «Я ваш фильм прикрою». (Он имел в виду: заставлю Миа уйти, и весь проект полетит в тартарары.) Я отвечаю: «Фрэнк, это же нелепо». А он: «Зато мне так хочется. Я и без того долго ждал».

После Касла настал черед Роберта Эванса, нового главы студии «Парамаунт Пикчерз». Так случилось, что Эванс имел и права на экранизацию «Детектива». Именно он продал эти права Синатре. Но «Парамаунт» также готовилась выпустить «Ребенка Розмари». Эванс оказался в крайне сложной ситуации. В разговоре с Синатрой он сообщил, что понимает его недовольство и постарается всё уладить. По мысли Эванса, Миа следовало бросить съемки у Полански, иначе на всех обрушится Синатрин

гнев.

– Пусть возьмут другую актрису. Что, у нас актрис мало, что ли? Уж этого-то добра… – так рассуждал Эванс.

Он был категорически не прав. Миа проделала огромную работу, и заменять ее другой актрисой в самом конце съемок не было ни возможности, ни смысла. Выслушав эту весть от Эванса, Синатра пришел в ярость.

– Никаких переговоров, – заявил, согласно Эвансу, Синатра. – Полная капитуляция.

Это означало, что Эванс – враг навеки.

Фрэнк мог сколько угодно пытаться прикрыть столь важный для Миа фильм, но это было не в его власти. И постепенно Синатра стал понимать: Миа не сдастся.

Со своей стороны Миа чувствовала: если она отступится сейчас – попадет в полную зависимость от Синатры. Нет, надо внушить Фрэнку, что она твердо решила стать большой актрисой и ради него своей карьерой не пожертвует. Никто до сих пор ею не манипулировал, не позволит она этого и мужу. Миа рассудила: если Фрэнк так дорожит собственной карьерой, значит, он ее поймет.

Развод в стиле Синатры

Через пару дней (накануне Дня благодарения) на съемочной площадке появился поверенный Фрэнка, Мики Рудин.

– Мне нужно поговорить с Миа по важному делу, – сказал Рудин и проследовал к ней, невзирая на протесты Романа Полански.

Рудин отвел Миа в уголок бутафорской кухни и вручил ей пухлый коричневый конверт.

– Это вам от Фрэнка, – сказал Рудин с равнодушным видом.

Миа вскрыла конверт. В нем оказались документы. Документы насчет развода! Сквозь слезы Миа читала их. Так, значит, это она, Миа, сама требует развода?!

– Я не хочу разводиться! Я не собираюсь разводиться! – воскликнула Миа. – Кто это всё насочинял?

Рудин вроде как удивился.

– То есть вы не подавали на развод?

– Нет, конечно!

– Ну… – Рудин тщательно подбирал слова. – Не знаю, что вам и сказать. – Он действительно растерялся. – Фрэнк велел мне отдать вам документы. Хотите добрый совет? Подпишите их, Миа. – Из кармана Мики Рудина явилась ручка, бумаги оказались аккуратно разложены на кухонном столе. – Так будет лучше для всех.

– Но… – Аргументы застряли у Миа в горле. – Я нужна Фрэнку!

– Подпишите бумаги, – повторил Рудин. Правда, теперь в его лице появились намеки на сочувствие. – Вам же лучше будет. За Фрэнка не беспокойтесь. Подписывайте.

Миа взяла ручку, проглотила слезы. Ничем больше не выдав своих чувств, она поставила несколько подписей.

– Здесь еще подпишите, – указывал Рудин. – И здесь. И здесь. И вот здесь.

Фрэнк и Миа не обсуждали развод, это слово вообще ни разу не мелькнуло в их разговорах. И вот Миа стоит и подписывает бумаги! Столь же несправедливо и жестоко Фрэнк обошелся с Бетти Бэколл. Мысль об этом отдавала настоящей мистикой. Миа отлично помнила, как, узнав о разрыве Фрэнка и Бетти, она заверила Джорджа Джейкобса: со мной, дескать, Фрэнк так дурно не поступит. Значит, она ошиблась.

Мики Рудин собрал документы, положил обратно в конверт и поспешно ушел.

– Нужно было продолжать съемки. Мы обыскались Миа, –

вспоминал Роман Полански. – Я постучался к ней в гримерку, ответа не последовало. Тогда я вошел. Миа рыдала. Она мне всё рассказала. Синатра послал к ней поверенного, чужими устами объявил, что их браку конец. Бедная девочка! Сердце разрывалось на нее смотреть. Но помочь ей было не в моих силах. Миа угодила в Синатрин мир, мир настолько жестокий, что выжить там мог только сам Фрэнк Синатра.

В тот же вечер представитель Фрэнка, Джим Махони, сделал официальное заявление:

«Сегодня Фрэнк Синатра объявил о том, что он и Миа Фэрроу, в браке с которой он прожил чуть больше года, приняли решение о раздельном проживании».

В течение следующих семи месяцев, пока ждали официального расторжения брака, Фрэнк и Миа встречались от случая к случаю.

Миа была совершенно разбита. Невозможно сосчитать, сколько она дала интервью, в каждом из них говоря о своей боли, о нежелании расторгать брак с Синатрой.

– Я бы на всё пошла, только бы спасти наш брак, – сказала Миа одному журналисту. – Я давала клятву быть хорошей женой. Я хочу, чтобы Фрэнк вернулся. Я хочу родить ему детей! Я умоляла его сжалиться! Умоляла, понимаете?

Миа даже просила у репортеров совета, как спасти брак, – это ли не показатель полного отчаяния?

Боль

Пытаясь разобраться в ситуации с Миа, Фрэнк Синатра отправился в Акапулько. Видит бог, ему необходимо отдохнуть!.. Под жарким солнцем его посетило откровение. Внезапно Фрэнк понял, что боль, начавшаяся много лет назад из-за Авы, повторяется. Только теперь жертва этой боли – не Фрэнк, а Миа. И Синатра вызвал к себе своих поверенных из компании «Гэнг, Тайр, Реймер и Браун».

В 1998 году один из них рассказывал об этой встрече в Акапулько.

– Фрэнк был подавлен. В белом купальном халате он сидел за столом, дымя сигарой. Он спросил Мики Руни: «Помнишь, как у меня было с Авой?» Мики отвечает: «Еще бы не помнить». «Нет, – говорит Фрэнк, – ты вспомни, чем всё кончилось. Я жить не хотел, вот чем. Вот до чего Ава меня довела! Я ее раз в десять сильнее любил, чем она меня, поэтому и страдал. А сейчас я поступаю с Миа так же, как Ава поступила со мной. Миа слишком молода для таких переживаний». Потом Фрэнк добавил: ему очень нравилось, что Миа такая покорная, но он с самого начала подозревал, что долго это не продлится. Под занавес он велел Рудину избавиться от Миа.

На следующее утро Мики Рудин и его помощник появились у дверей дома в Бель-Эйр, который снимал Синатра. На стук открыла Миа в пеньюаре. Вспоминает помощник Рудина:

– Мики сказал, что Фрэнк звонил ему из Акапулько. Не знаю, зачем он выдумал этот звонок, почему не сообщил, что виделся с Фрэнком лично. И продолжает: мол, я тут по распоряжению Фрэнка, а вам, Миа, велено убраться из дома. Можете поселиться где хотите, Фрэнк всё оплатит, но только чтоб к его возвращению и духу вашего здесь не было.

Далее помощник Рудина делает вывод, что Мики совсем не нравилась его роль. Кому приятно два раза подряд приносить дурные вести!

– Мне очень жаль, – сказал Рудин. – Я лишь выполняю распоряжение мистера Синатры.

– Я хочу остаться до приезда Фрэнка, – взмолилась Миа. – Разве нельзя? Я бы с ним поговорила.

– Даже не думайте.

– У нас не было возможности нормально поговорить, – настаивала Миа. – Я всё объясню, Фрэнк изменит свое решение.

– Увы, нельзя, – сказал Рудин.

– Куда же мне идти?

– Поселитесь в любом отеле, какой вам по вкусу. Фрэнк всё оплатит. Главное, чтобы к его возвращению вас тут не было. Это не обсуждается. Вы должны уйти, Миа.

Рудин с помощником дожидались ответа. Если бы на их месте был сам Синатра, он бы ответ получил. Его эмиссаров Миа удостоила только взглядом. И оба всё поняли по ее удивительным синим глазам. Миа развернулась, прошла в дом, стала собирать вещи. Она взяла лишь то, что уместилось в небольшом красном чемодане. С высоко поднятой головой Миа проследовала к выходу, неся свой единственный чемодан. Ни слова не сказав Рудину и его помощнику, она села в желтый «Тандерберд», подаренный Фрэнком, захлопнула дверцу и поехала прочь.

Кода

Итак, Фрэнк жестоко распорядился судьбой Миа. Однако жизнь продолжалась, и ее надо было чем-то заполнить. Миа решила изучать трансцендентальную медитацию у индийского гуру Махариши Махеша Йоги. У Махариши учились «Битлз»; это многими воспринималось как чудачество. Миа жаждала утешения, избавления от душевной боли. Ей надоело чувствовать себя потерянной и беспомощной. В поисках истины Миа предприняла путешествие в Гималаи.

В США она вернулась другим человеком. Забрала свои вещи, остававшиеся в Бель-Эйр, заявила, что от Фрэнка ей ничего не нужно, отказалась от алиментов. Она была намерена начать новую жизнь. Синатра через Мики Рудина передал Миа, что они всегда будут друзьями.

Официально их развели девятнадцатого августа 1968 года. Процедура состоялась в Мексике, в городе Хуарез.

– Кажется, большего удовольствия доставить Фрэнку я не могла, – сказала Миа в суде, куда ее сопровождал Мики.

Фрэнк в Мексику не полетел.

В это же время вышли два фильма – «Ребенок Розмари», сделавший Миа звездой, и «Детектив», показавший очень средние кассовые сборы.

По возвращении Миа из Мексики они с Морин О'Салливан решили «отметить освобождение» совместным обедом в отеле «Беверли-Хиллз». После обеда мать и дочь отправились к Миа в съемный дом, где разложили ситуацию по полочкам.

Выходило, что в течение четырех лет Миа жила в мире, ей совершенно чуждом. В мире, где не было места ее родным, друзьям, карьере… да и ей самой. Миа прилагала нечеловеческие усилия, чтобы «вписаться» – но не преуспела.

– Жизнь с Фрэнком Синатрой и в его окружении не отличалась легкостью, – подытожила Миа.

И тем не менее сказать «прощай» Фрэнку, а заодно и собственной мечте было непросто. Миа слишком идеализировала Синатру в начале их отношений, поэтому такую боль вызвало открытие: Синатра вовсе не такой, каким она его воображала. В конце концов они с Фрэнком и правда стали друзьями. Но это случилось лишь через несколько лет.

Часть одиннадцатая
Перемены

Время перемен

К концу шестидесятых из жизни Синатры исчезли несколько весьма ярких фигур; в частности, фигура мафиози Сэма Джанканы. Некогда близкие отношения разрушил инцидент с казино при отеле «Кол-Нива». После убийства Джона Кеннеди восходящие звезды мафиозного мира стали поговаривать о том, что Джанкане пора на покой. Сам Джанкана не хотел больше ничего общего иметь с Синатрой, называл его «позавчерашним днем». Неприязнь была взаимной.

Пятого июня 1968 года в Лос-Анджелесе в отеле «Амбассадор», где Бобби Кеннеди праздновал успех своей предвыборной кампании в штатах Южная Дакота и Калифорния, на него было совершено нападение. Бобби скончался через сутки. У Фрэнка, как читатель помнит, имелись проблемы с Бобби. Однако Бобби помог найти похитителей Фрэнка Синатры-младшего, и Фрэнк Синатра-старший за это всё ему простил. Убийство второго Кеннеди произвело на Фрэнка сильное впечатление. Он переживал; он всегда симпатизировал клану Кеннеди.

Еще когда Бобби был жив, Фрэнк решил поддержать в президентской гонке не его, а вице-президента США Хьюберта Хамфри. Известный своими либеральными взглядами, Хамфри тем не менее не получил поддержки большинства либералов потому, что при нем во Вьетнам были направлены американские войска. Фрэнк, убежденный демократ, с возрастом только укреплялся в своем консерватизме. По крайней мере так о нем говорили. Но следует отметить и другое: политические убеждения Фрэнка во многом зависели от его личных симпатий к той или иной политической фигуре. Например, Фрэнк считал, что из Бобби Кеннеди президента не выйдет, и своего мнения не скрывал. Ничего личного; просто одни люди годятся управлять страной, а другие не годятся, и Бобби Кеннеди – среди последних.

Что касается действующего президента, Линдона Джонсона, Синатра никогда ему не симпатизировал и не одобрял его политику. Джонсон, в свою очередь, считал Синатру этаким магнитом для всяческих проблем. По мнению Синатры, чем скорее Линдон Джонсон покинет Белый дом, тем лучше. Война во Вьетнаме объединила консерваторов с либералами; те и другие желали ее прекратить. Однако Хамфри, вице-президент при президенте Джонсоне, стойко ассоциировался у общественности с самим Джонсоном и так же, как Джонсон, не вызывал симпатий даже у либералов. Многие друзья Синатры, в частности Сэмми

Дэвис, Ширли Маклейн, Сэмми Кан, активно поддерживавшие Джона Кеннеди в президентской гонке, отказались поддерживать Хьюберта Хамфри. Фрэнк остался почти в одиночестве; правда, в кампании за Хамфри участвовал девичий музыкальный коллектив The Supremes, где на тот момент солировала Дайана Росс.

Синатра считал, что, став президентом, Хамфри прекратит войну во Вьетнаме.

В мае 1968 года Фрэнк отправился в Вашингтон на прием в честь Хьюберта Хамфри, устроенный колумнистом Дрю Пирсоном. Фрэнка сопровождал его друг Аллен Дорфмен, о связях которого с мафиози Джимми Хоффой было хорошо известно. После приема Фрэнк ужинал с женой Джимми Хоффы и с Гарольдом Гиббонсом, вице-президентом профсоюза дальнобойщиков под названием «Тимстеры». Разумеется, этих людей могли связывать обычные приятельские отношения, но со стороны каждого из них появиться в компании остальных было несколько недальновидно. У Фрэнка, как нетрудно догадаться, мигом возникли проблемы с прессой. Репортер «Вашингтон пост» заинтересовался связью между Дорфменом, Синатрой и Хьюбертом Хамфри. Уж не посулил ли Хамфри (если, конечно, станет президентом) «простить» мафиози Джимми Хоффу в обмен на поддержку Синатрой его предвыборной кампании?

В июле и августе 1968 года Фрэнк совершил турне в поддержку Хамфри, дал концерты в Кливленде, Балтиморе, Миннеаполисе, Детройте и Филадельфии. В то же самое время Николас Гейдж, репортер «Уолл-стрит джорнал», разразился язвительной статьей, в очередной раз связав имя Синатры с мафией, причем не с «шестерками», а с мафиозной «верхушкой». У Гейджа были контакты в ФБР и доступ к документам, чем он не преминул воспользоваться.

Фрэнк, разумеется, пришел в бешенство. Однако статья получила такой резонанс, что консультанты Хьюберта Хамфри настоятельно посоветовали политику откреститься от Синатры. Произошло ровно то же самое, что в начале шестидесятых, когда Бобби Кеннеди успешно дистанцировал от Фрэнка Синатры своего брата-президента.

Впрочем, на этот раз последствия оказались тяжелее. Вашингтонский юрист Джозеф Л. Неллис, член спецкомитета, основанного сенатором Кефовером (каковой комитет в 1951 году допрашивал Фрэнка о его связях с мафией), послал Хьюберту Хамфри письмо-предупреждение: мол, Синатра водится с мафиозными боссами.

«Мы понимаем, что Вы, мистер Хамфри, нуждаетесь в поддержке всех сегментов населения, – говорилось в письме. –

Однако согласитесь: поддержка мафиозного мира, с которым связан Фрэнк Синатра (в чем нет никаких сомнений), совершенно не нужна кандидату в президенты».

В ответ на это и ряд других аналогичных писем от заинтересованных политиков Хамфри заявил, что хотя он не может полностью отказаться от Синатры, будет отныне соблюдать осторожность.

Мартин Макнамара, бывший помощник федерального прокурора США, связался с Генри Петерсоном, главой департамента по борьбе с организованной преступностью при министерстве юстиции, и сообщил, что Фрэнк Синатра – должник Сэма Джанканы, Пола Д'Амато по кличке Тощий и других мафиози. А должен Фрэнк перечисленным персонажам потому, что несколькими годами ранее лишил их доходов от индустрии развлечений.

И сразу же, совсем как Джон Кеннеди, Хамфри перестал отвечать на звонки и письма Фрэнка. Фрэнку это, понятно, очень не понравилось. Снова его выбрасывают, попользовавшись! По Вашингтону распространились слухи, что связи с Синатрой губят политическую карьеру, а порой и самих политиков. Синатре удалось дозвониться до Хамфри, однако их отношения с тех пор были натянутыми. В конце концов, несмотря на усилия Фрэнка, Хамфри проиграл в президентской гонке, завершившейся пятого ноября 1968 года победой Никсона. Победы с таким незначительным разрывом еще не бывало в американской истории, однако победа есть победа: Ричард Никсон задвинул-таки и Хамфри, и третьего кандидата, сторонника сегрегации Джорджа Уоллеса. Фрэнк был очень огорчен.

– Как только политик избирает Синатру точкой опоры, он тут же падает, – острил сатирик Морт Саль.

«По-моему»

В ноябре 1968 года Фрэнк Синатра записал альбом «Циклы» (Cycles), пронизанный меланхолией и усталостью от жизни. Композиции из этого альбома считаются лучшими в творчестве Синатры. Вероятно, они трогают слушателя еще и потому, что являются во многом автобиографическими. Тексты открывают нам душу зрелого, опытного человека, убедившегося: в жизни всё повторяется, хорошие люди нередко попадают в беду, но всегда остается надежда. Сохранилась запись телевизионного исполнения Синатрой заглавной песни, «Циклы»: артист поет, сидя на барном табурете, в смокинге, с сигаретой в руке. Впечатление неизгладимое.

Другие композиции из этого альбома, например, «Думаю о тебе с нежностью» и «Когда я доеду до Финикса» (Gentle on My Mind и By the Time I Get to Phoenix) послабее, вероятно, потому, что были написаны не для Синатры. Композиции, прихваченные из начала шестидесятых, никогда не приносили ему большого успеха. Несмотря на хиты «Что-нибудь дурацкое» и «Незнакомцы в ночи», новое поколение продолжало считать Синатру «отжившим свое». Лучше всего Синатре удавались песни в той или иной степени автобиографические.

Конец 1968 года отмечен записью, пожалуй, самой известной песни Фрэнка Синатры, «По-моему» (My Way), каковая запись состоялась 30 декабря. Следует отметить, что и эта композиция изначально была создана не для Фрэнка. Автор текста – француз Жиль Тибо, музыку сочинили Клод Франсуа и Жак Рево. Написанная на французском языке, песня называлась Comme d'Habitude («Как обычно»). Пол Анка, бывший кумир подростков, популярный исполнитель, дозрел до того, чтобы писать тексты песен на английском языке. Если вкратце, песня «По-моему» открывает слушателям человека, умудренного опытом. Человек этот вспоминает свою жизнь и убеждается, что всегда всё делал так, как считал нужным, не считаясь с чужим мнением. Стоит ли говорить, что текст и посыл очень импонировали Синатре, тем более что и доживать отведенные судьбой годы он собирался тоже по-своему!

Пол Анка вспоминает:

– У меня тогда был контракт со студией «Виктор». Руководство изрядно рассердилось, что я отдал песню Синатре, не оставил для себя (точнее, для студии). А я отвечал: «Послушайте, мне всего двадцать восемь лет, а Синатре – за пятьдесят. У кого больше опыта? Кто успел показать себя как

хороший актер? Фрэнк Синатра. Он споет лучше меня. Мне эта песня пока не по зубам».

В итоге песня стала визитной карточкой Синатры. Правда, в горячую десятку она так и не попала, застряв на двадцать седьмом месте. Зато в Соединенном Королевстве «По-моему» имела больший успех, продержалась в хит-парадах целых сто двадцать две недели. Запись, на которую не возлагали особых надежд, получилась поистине легендарной. А самое главное – с годами ее ценность росла. Чем старше становился Синатра, тем больше подходила ему композиция «По-моему».

Марти Синатра: покойся с миром

1969 год принес Фрэнку горечь тяжелой утраты: скончался его отец, Марти Синатра. Марти давно уже был на пенсии (двадцать четыре года он прослужил в Хобокенской пожарной части). У него диагностировали аневризму аорты. Хроническая астма переродилась в эмфизему легких. Было ясно, что дни Марти сочтены. Фрэнк направил отца к доктору Майклу Дибейки, знаменитому кардиологу, пионеру в области исследований работы искусственного сердца. Фрэнк глубоко уважал Дибейки, заплатил не одну сотню тысяч долларов за операции на сердце, которые Дибейки делал его друзьям. Дибейки практиковал в Методистской больнице Хьюстона. Туда-то и поехали родители Фрэнка и он сам. Девятнадцатого января врач осмотрел Марти. Фрэнк еще пять дней, до кончины отца, оставался при нем в больнице.

Отец и сын давно уже были добрыми друзьями. Однако по достоинству Фрэнк оценил скромность, мудрость и здравый смысл отца, лишь когда ему самому перевалило за тридцать.

– Папа всегда знал, что и в какой момент сказать, – вспоминал Фрэнк. – Когда он умер, я словно опоры лишился.

Похоронная месса проходила в церкви Святой Девы в городе Форт-Ли. А похороны – в Джерси, на кладбище Святого Имени. Горожане валом валили на церемонию, будто на шоу. Образовалась транспортная пробка, потому что толпе непременно нужно было поглазеть на траурную процессию из двадцати пяти лимузинов.

– Фрэнк сердился на мать, – вспоминает Джои Д'Оразио. – Долли Синатра растрепала всем, кому могла, насчет деталей церемонии, наприглашала кучу постороннего народу. В итоге получилась кошмарная сцена – шум, гам, давка. Толпу с трудом сдерживали пожарные и копы. Честное слово, фарс какой-то. Понятно, что Фрэнк был вне себя от злости.

Долли, и без того склонная к драматизму и актерству, а теперь еще и обезумевшая от горя, падала на гроб, кричала:

– Нет, о нет! О нет! О нет! Этого не может быть!

Фрэнку и Джилли приходилось ее поднимать. Фрэнк даже попросил священника, отца Роберта Перреллу, «поторопиться с молитвами».

– Марти, Марти, не покидай меня! – рыдала Долли.

Священник спешил, как мог, почти тараторил молитвы под аккомпанемент разноголосых стенаний. Голосили как друзья Синатры, так и совершенно посторонние люди, которых «завела»

своим поведением безутешная вдова.

Пятнадцатого января 1971 года в Палм-Спрингз открылся Центр медицинского образования имени Мартина Энтони Синатры. Фрэнк лично выделил деньги на строительство. Во время торжественного открытия Синатра указал на свою голову и произнес:

– Мой отец пребывает здесь.

Затем он переместил руку на сердце и добавил:

– А также здесь. Посмотрите, друзья, что за великолепное здание. Отец назвал бы его мечтой, да и вы, наверное, тоже. Сейчас мне вспомнились слова из детской молитвы: «Пошли мне, господи, благословенных снов и дай им сбыться наяву».

Новые вопросы о связях с мафией

Семнадцатого февраля 1970 года пятидесятичетырехлетний Фрэнк Синатра давал показания под присягой. Примерно годом ранее он получил повестку от Комиссии по расследованию штата Нью-Джерси. Комиссию интересовали связи Фрэнка с преступным миром. Повестка была ему вручена во время круиза на яхте.

– Стоило причалить в порту Нью-Джерси, – вспоминает Мики Рудин, – как ушлый член Комиссии вручил Фрэнку бумажку и заставил расписаться в получении.

Фрэнку изрядно надоел этот неутихающий интерес.

– Как меня достало считаться авторитетом в мире организованной преступности! – жаловался Фрэнк.

Он явился в Федеральный суд, надеясь, что тогда не придется давать показания в Комиссии.

– Мне ничего не известно по поводу механизмов, управляющих организованной преступностью в штате Нью-Джерси, – сказал Фрэнк. – Мне не известно даже, существует ли в Нью-Джерси такая вещь, как организованная преступность.

После Федерального суда пришлось предстать перед Верховным судом США. Апелляция была отвергнута четырьмя голосами против трех. Однако Фрэнк отказался давать показания, за что ему пригрозили тюремным заключением. Это было в феврале 1970 года.

Адвокаты Синатры договорились позволить ему сессию в городе Трентон, причем тайную; сессия должна была состояться глубокой ночью. Адвокаты рассчитывали, что завеса секретности не даст СМИ превратить весь процесс в шоу. Фрэнк отвечал на вопросы чуть более часа, упорно и категорически отрицая наличие у себя связей в преступном мире. Например, Фрэнк присягнул, что понятия не имел о принадлежности Сэма Джанканы к организации коза ностра, к мафии в целом и к преступному миру вообще. От внимания Синатры якобы ускользнул и тот факт, что Чарльз Лучано по прозвищу Счастливчик является членом коза ностры. Примерно то же самое Фрэнк утверждал и о прочих своих знакомых мафиози. Завершилась ночная тайная сессия следующим диалогом:

Вопрос: Вы знаете кого-нибудь из членов мафии?

Ответ: Нет, сэр, не знаю.

В: Вы знаете кого-нибудь из членов каких-либо группировок, которые могут ассоциироваться с организованной преступностью?

О: Нет, сэр.

Понятно, почему Фрэнк чувствовал необходимость солгать.

Разумеется, ему было отлично известно, что за птица Джанкана, да и прочие. Но адвокаты предупредили Фрэнка: одно-единственное признание, один-единственный положительный ответ повлечет за собой новые вопросы, число которых будет расти в геометрической прогрессии. В то время как на «нет» и суда нет. И всё равно пресса пронюхала о сессии, и явно лживые заявления Синатры многих от него отвратили. Запирательства выглядели неубедительно.

– Как мне это надоело, – сказал потом Синатра. – Не успеет в криминальной хронике мелькнуть итальянская фамилия, как мне вручают повестку в суд. Прихожу. Отвечаю на дурацкие вопросы о персонажах, которых в глаза не видел, открещиваюсь от событий, которых никогда не случалось. Кто только распускает эти слухи? Почему мое имя опутано дурной славой?

Пора на покой?

Фрэнк отпраздновал пятьдесят пятый день рождения и задумался: сколько еще времени ему скандалить, зажигать, становиться сенсацией? Фрэнку казалось, что в скандалах виноват кто угодно, только не он сам. Просто проблемы так и сыплются на него – а на других почему-то не сыплются. Он боялся стареть, его мучила мысль о неминуемой потере популярности. Сначала полупустые залы – а там и абсолютное забвение? Нет, это невыносимо.

В 1969 году Фрэнк записал два малоизвестных ныне альбома, «Одинокий мужчина» (A Man Alone, автор текстов Род Маккуин) и «Уотертаун» (Watertown, автор текстов Боб Гаудио). По мнению поклонников, оба альбома демонстрируют диссонанс между личностью исполнителя и стилем композиций; едва ли Синатра может гордиться этой работой. Слишком очевидны были его попытки подстроиться под стиль, популярный в молодежной среде; и попытки эти, некрасивые изначально, провалились.

Впрочем, Синатра молодился не только в песнях. Его терзал ужас перед неизбежной старостью. Особенно Синатра был недоволен своими волосами. Накладки из искусственных волос он ненавидел, однако носил, чтобы скрыть залысины. Он даже согласился на пересадку волос; увы, трансплантат не прижился. Вдобавок всегда стройный, худощавый Синатра начал набирать вес. Виня во всем калорийные итальянские кушанья, он тем не менее категорически отказывался садиться на диету. А еще Синатра стал быстрее уставать. Прошли те времена, когда он мог ночь напролет пить и куролесить с приятелями, а наутро, свежий и бодрый, отправлялся на студию или на съемочную площадку. Подводил и знаменитый голос – многолетнее курение (Фрэнк предпочитал сигареты «Кэмел») пагубно сказывалось на голосовых связках. Когда-то давно ему поставили диагноз – маниакально-депрессивный синдром; теперь приступы депрессии посещали Фрэнка чаще и протекали тяжелее, а за время редких просветов он не успевал восстановиться.

Он по-своему боролся с надвигавшейся старостью – часто бывал на людях и встречался сразу с двумя молодыми актрисами. Одной из них, Кэрол Линли, было двадцать девять лет, второй, Пегги Липтон, двадцать пять. (К слову, Пегги Липтон снималась в сериале «Отряд “Стиляги”».) Обе девушки с радостью ответили на ухаживания Синатры, и какое-то время ему удавалось совмещать своих возлюбленных.

Потом возникла новая проблема. Правая рука Фрэнка, годами

сжимавшая микрофон, стала болеть. Он решил, что это артрит. Но это оказался синдром Дюпюитрена – сокращение ладонного сухожилия. Фрэнк жаловался на «адскую боль». В результате кисть как бы вывернулась. Понадобилось хирургическое вмешательство.

– Может, мне просто пора на покой? – всё чаще повторял Фрэнк. – Может, у меня всё в прошлом? Может, я своё отпел и отыграл?

Фрэнку было чем гордиться, у него хватало творческих удач. Говоря о «покое», он явно утрировал. Другое дело, что историей стал сам стиль, в котором работали Фрэнк и его друзья вроде Дина Мартина, Сэмми Дэвиса и Джои Бишопа. Новое поколение американцев (платежеспособная аудитория) предпочитало принципиально иную музыку. Последним бастионом «старой гвардии» во главе с Синатрой оставался Лас-Вегас. Только там артистов ждала проверенная временем публика. Но даже и в этом городе случались провалы.

– Папа говорил, это конец эпохи. И он был прав, – вспоминала Нэнси. – Действительно, эра Синатры в шоу-бизнесе завершилась.

В марте 1971 года Фрэнк немало удивил публику, объявив о своем уходе из шоу-бизнеса. Что касается родных и друзей, они таких обещаний достаточно наслушались. Фрэнк заранее подготовил речь: дескать, за тридцать лет поездок и гастролей он «редко имел возможность задуматься, почитать книгу, покопаться в себе», а ведь у каждого мыслящего человека есть нужда «полежать под паром, как пахотное поле», каждому необходима «длинная пауза для осознания перемен, что происходят в мире».

Близкие понимали: Синатра измотан годами гастролей, на самом деле ему не покой нужен, а перерыв в работе.

– Отец, по моему мнению, слишком бурно на всё реагировал, – вспоминает Фрэнк Синатра-младший. – Но он был не готов завершить карьеру. Не был готов поставить крест на музыке и пении. Это даже в его словах чувствовалось. Отец говорил, ему нужна «длинная пауза». А пауза – это перерыв, никак не конец.

По прошествии времени стало ясно, что концерт тринадцатого июня 1971 года в Лос-Анджелесе был заявлен как «прощальный» исключительно в рекламных целях. Уже через пять месяцев Фрэнк вновь вышел на сцену собирать деньги на Итало-американскую лигу гражданских прав. Тем не менее «прощальный» концерт, устроенный в пользу Фонда игрового кино и телевидения, собрал восемьсот тысяч долларов. На нем побывали такие крупные политические фигуры, как вице-

президент Спиро Агню с супругой, губернатор Калифорнии Рональд Рейган с супругой, советник президента Генри Киссинджер; а также звезды шоу-бизнеса, например, Кэри Грант, Джек Бенни, Дон Риклс, Розалинда Расселл.

Также присутствовала первая жена Фрэнка и все трое его детей. Фрэнк тщательно подобрал песни: в названном порядке звучали «Всё или ничего», «Ты вошла в мою плоть и кровь», «Я больше никогда не улыбнусь», «По-моему», «Это жизнь» (All or Nothing at All, I've Got You Under My Skin, I'll Never Smile Again, My Way и That's Life). Исполнив эти композиции, Фрэнк как бы вкратце поведал о своей жизни, тридцать лет которой были отданы музыке. Четырежды во время концерта Синатре устраивали овации. Весь зал вставал с мест, как один человек, взрывался аплодисментами. В статье для журнала «Лайф» Томми Томпсон писал: «Синатра, по его признанию, построил свою карьеру на песнях для баров и салунов. Сказав так, он тихо добавил: "И такой же песней я свою карьеру завершу". Затем, без перехода, Синатра запел "Глаза ангела" (Angel Eyes) – песню, идеально подходящую для финала. По распоряжению Синатры в зале и на сцене потушили свет, и лишь один луч был направлен на певца, выхватывал из темноты его силуэт, повернутый к залу в профиль. Посреди песни Синатра закурил сигарету, и его окутал дым. Прозвучала последняя строчка: "Простите меня, я исчезаю". И Синатра действительно исчез. Никогда – ни до ни после – я не видел на сцене ничего столь же впечатляющего».

– Пап, это не конец, – уже в гримерке заявил отцу двадцатисемилетний Фрэнк Синатра-младший.

– Нет, сынок, конец, – твердо сказал Синатра. – Это конец, Фрэнки. Я не вернусь на сцену.

Фрэнки покачал головой.

– Миру нужен Фрэнк Синатра, папа. Мир не даст тебе уйти, даже не рассчитывай.

Фрэнк мягко улыбнулся сыну, обнял Нэнси, свою первую жену.

– Видишь? Наш мальчик, похоже, всё знает.

– Так и есть, – сказала Нэнси. – Наш Фрэнки понимает, о чем говорит.

Часть двенадцатая
Жизнь с Барбарой

Барбара Маркс

Барбара Маркс, жена известного комика Зеппо Маркса (настоящее имя – Хьюберт), выступавшего в коллективе «Братья Маркс», вспоминает, что первое личное впечатление от Синатры получила, когда он пригласил супругов Маркс к себе на виллу «Маджио» в городе Пиньон-Крест. Собирались играть в шарады. Марксы имели дом по соседству с Фрэнком в Палм-Спрингз, Фрэнк давно дружил с Зеппо. Итак, гости собрались, разделились на две команды. Каждая команда выбрала табельщика из команды соперников. Фрэнк лично выбрал на эту роль Барбару, с которой был знаком лишь постольку, поскольку она являлась женой его приятеля. Барбаре были вручены массивные бронзовые часы.

По обычаю игра началась в четыре утра. Фрэнк очень старался, но его усилия изобразить надпись на пачке сигарет «Курение вредит вашему здоровью» разбивались о непонимание команды (включавшей комика Пэта Генри и бейсболиста Лео Дурочера).

– Время вышло! – торжествующим тоном объявила Барбара.

Фрэнк, ненавидевший проигрывать, метнул на нее гневный взгляд и спросил:

– Кому это взбрело назначить вас табельщиком?

– Вам и взбрело! – звонко ответила Барбара.

Фрэнк выхватил у нее из рук часы. На миг всем показалось, что сейчас этими часами Барбара получит по голове. Позднее она вспоминала, что она испугалась, однако сумела сохранить прямую осанку и встретить взгляд Фрэнка. Затем в обычной для себя манере Фрэнк метнул часы, они ударились о дверь и разлетелись на составляющие.

– Во все стороны брызнули пружинки, осколки стекла, винтики и шпунтики, – вспоминает Барбара.

Все застыли. Никто не знал, как реагировать. Наконец комик Пэт Генри воскликнул:

– Я догадался! Фраза была «Как быстро пролетело время»!

Фрэнк тряхнул головой, засмеялся – по словам Барбары, ко всеобщему облегчению.

– Опасность миновала. А я поняла: изрядная доля привлекательности Синатры приходится на чувство опасности, которое он внушает. Как с диким зверем, с ним нельзя расслабляться.

Барбара Энн Блейкли родилась в штате Миссури, в городе Босворте, шестнадцатого октября 1927 года. Когда ей было десять

лет, родители переехали в канзасский город Уичита, где их застала Великая депрессия. Барбара, высокая, тоненькая, после окончания школы сумела устроиться моделью, работала то в универмаге, то в автосалоне. Жила она с родителями и сестрой теперь уже в Калифорнии, в городе Лонг-Бич. До первого замужества, за Робертом Харрисоном Оливером, Барбара несколько раз побеждала в местных конкурсах красоты. В прессе Оливера называли одним из устроителей этих конкурсов, а также певцом, но на самом деле он был барменом, который в своем баре заодно и пел, отчаянно подражая исполнительской манере Фрэнка Синатры.

К двадцати одному году предприимчивая Барбара успела открыть школу моделей, родить сына Бобби и развестись с Робертом Оливером. Она влюбилась в певца по имени Джо Грейдон, также подражавшего Синатре. Грейдону предложили ангажемент в Лас-Вегасе, и Барбара последовала за ним, став участницей кордебалета в отеле «Ривьера». Несмотря на отношения с Грейдоном, Барбара лелеяла «тайную мечту». По ее же собственному признанию, она была худшей танцовщицей в истории Лас-Вегаса. Потом Джо Грейдон потерял работу, а их с Барбарой отношения утратили прелесть новизны. Барбара обратила внимание на Зеппо Маркса, который каждый вечер сидел в зале и смотрел, как она танцует. Марксу было на тот момент пятьдесят шесть; он ушел на покой, не выступал больше с «Братьями Маркс». Ему хотелось поближе познакомиться «с эффектной блондинкой, которая всегда на четверть такта отставала от остальных участниц кордебалета». Так начался их с Барбарой роман. Барбара была на двадцать шесть лет моложе своего избранника.

Барбара отличалась амбициозностью, но достичь хотела не карьерных успехов. Нет, ее целью было удачное замужество. Барбара стремилась найти состоятельного жениха, который полностью обеспечивал бы ее вместе с сыном. Чтобы не спугнуть Зеппо Маркса, Барбара ходила к нему на свидания в мехах и бриллиантах, которые заимствовала у калифорнийского дизайнера Ричарда Блекнелла, основавшего знаменитый список – «Десятка самых безвкусных женщин в мире». Блекнелл так отзывался о Барбаре:

– Никто лучше ее не знал истинной силы иллюзий, никто лучше ее не умел завлечь и удержать мужчину.

К слову, в пятьдесят девятом году Барбара была его ведущей моделью.

– Барбара твердо решила выйти замуж за человека со средствами, – продолжает Блекнелл. – В жертвы себе она

наметила Зеппо Маркса. Барбара намеревалась бороться до победного конца. Зеппо не представлял, что его ожидает.

Барбара, не уступавшая Блекнеллу в язвительности, говорила о нем так:

– Блекнелл презирал всех без исключения, а Спенсера, своего любовника – больше, чем кого бы то ни было.

Впрочем, в профессиональном плане Блекнелл был доволен Барбарой. По его словам, она впитывала наставления как губка и вдобавок обладала врожденным чутьем. Природа заложила в Барбару навыки, которым других девушек приходилось учить.

– Барбара искушала, оставаясь недоступной. Ослепительная улыбка, волнующая походка, аура «дорогой женщины» делали ее невыносимо желанной.

Что касается Зеппо Маркса, по словам Барбары, он был не лишен обаяния. Вдобавок он мог предложить молодой женщине принципиально иную жизнь, где нет места ранним вставаниями и строгой экономии, без которой не расплатишься в конце месяца по счетам.

Зеппо и Барбара поженились в 1959 году. Замужество дало Барбаре доступ в теннисный клуб города Палм-Спрингз, а также в клуб «Тамариск», который располагался неподалеку от дома Марксов, а значит, и от дома Синатры. У Барбары появились свободные деньги, положение в обществе, возможность играть в гольф со знаменитостями вроде Дины Шор, которая быстро стала ее лучшей подругой. Супруги Маркс отлично играли в теннис, поэтому, когда у Фрэнка гостил Спиро Агню, известный любитель тенниса, Барбару и Зеппо тоже приглашали. Таким образом, они и Синатра общались довольно тесно как в Палм-Спрингз, так и в отеле «Кол-Нива». Однажды Фрэнк позвонил Барбаре и спросил, нет ли у нее приятеля для парной игры в теннис.

– Найдется, – ответила Барбара. – А где будем играть?

– У меня, – сказал Фрэнк.

– Но ведь у вас, если не ошибаюсь, нет корта!

– Теперь есть. Ава должна приехать, поэтому я соорудил корт. Ава обожает теннис.

– Соорудили корт? – изумилась Барбара. – Сколько времени Ава намерена прогостить у вас?

– Пару дней, – спокойно ответил Фрэнк.

Через неделю Барбара и ее приятель, как было условлено, появились в усадьбе Фрэнка. Первой, кого увидела Барбара, была Рина Джордан, готовившая коктейль «Московский мул» (водка, имбирное пиво, лайм; подавать в медных кружках). И готовила Рина этот коктейль у барной стойки возле нового теннисного корта. Ава успела изрядно набраться. Она едва стояла на ногах –

какой уж тут теннис! Фрэнк взялся заигрывать с Барбарой с целью вызвать ревность Авы. Он прижал Барбару к изгороди, а сам поглядывал поверх ее плеча – смотрит Ава или нет.

– Аве было глубоко наплевать, – позднее со смехом вспоминала Барбара.

Наконец Барбаре всё это надоело, и она ушла. Оглянувшись напоследок, она увидела, что Ава кокетничает с приведенным ею для игры в теннис приятелем.

– Фрэнк всегда нравился мне как исполнитель, – сообщила Барбара в 1988 году. – Я методично покупала его пластинки, но не хотела знакомиться с ним ближе. Наверное, такое предубеждение возникло из-за журналистов, очень уж неприглядно они рисовали характер Фрэнка.

И всё же, несмотря на предубеждение, Барбара не смогла устоять. Однажды Фрэнк пригласил ее с Зеппо в гости. Была шумная, многолюдная вечеринка, играли, разбившись на пары, в джин-рамми. Внезапно взгляды Фрэнка и Барбары встретились. Фрэнк поманил ее за собой и пошел на кухню. Барбара последовала за ним.

– Стоило ему пустить в ход своё обаяние, как я сдалась. Это была полная, безоговорочная капитуляция. Фрэнк обнял меня, и я, сама того не ожидая, со страстью ответила на его поцелуй.

Фрэнк в то время встречался с актрисой Евой Габор. Именно у нее в гостях Синатра предложил Барбаре Маркс слетать с ним в Монако. Барбара согласилась. Принципиально важно было скрыть всё от Зеппо. Однако вскоре Барбара узнала, что ее муж весело проводит время на яхте с другой женщиной, – и перестала беречь его чувства. Она поняла: браку с Зеппо приходит конец. Власть Фрэнка над Барбарой крепла день ото дня.

– Мне кажется, обаяние Синатры распространялось в той или иной степени на каждого, кто был с ним знаком лично, – говорит Барбара. – Этот мужчина являлся живым воплощением флирта. Таким он родился на свет. Противиться ему не было никакой возможности. Абсолютно никакой.

Тина Синатра познакомилась с Барбарой именно во время судьбоносного путешествия в Монако. Новая подруга отца поставила Тину в тупик. Барбара, насколько знала Тина, была замужем за Зеппо Марксом. Едва ли отец сваляет такого дурака, едва ли свяжется с замужней женщиной, прикидывала Тина. И она быстро нашла выход: стала считать отца и Барбару просто добрыми друзьями. Правда, это потребовало определенных усилий. Тина инстинктивно не доверяла замужним женщинам, которые отправляются на другой конец света с богатыми холостяками.

– Я понимала, что переступаю черту, – позднее признавалась Барбара, говоря о том, как готовилась к путешествию с Фрэнком. – Я задавала себе вопрос: во что я ввязываюсь? Неужели позволю одному из величайших романтиков обольстить себя? Или, может, я это делаю, чтобы было что вспомнить? Может, я буду рассказывать о поездке в Монако своим внукам? Смогу ли я жить с этим?

Впрочем, прибыв в Монако, Барбара поняла: отлично сможет.

– Я думала: вот же повезло! – вспоминает Барбара о первых минутах этого путешествия. – Я говорила себе: запомни каждую мелочь. Мы с Фрэнком смотрели в окно номера в пентхаусе «Отель де Пари». Фрэнк нежно обнял меня, и мы, прижавшись друг к другу, наблюдали, как в оконные стекла сочится рассвет. Мы делали вид, что между нами ничего особенного нет. Поехали ужинать и сами не поняли, как вдруг оказались в самолете Фрэнка. Курс был на Афины. «Просто сегодня мне хочется отведать чего-нибудь греческого», – со смехом объяснил Фрэнк.

– Барбара идеально подходила для Фрэнка, – вспоминала Дина Шор за полтора года до своей смерти в феврале 1994 года. – Синатре не нужна была представительница шоу-бизнеса – а Барбара таковой и не являлась. Она из тех женщин, которые превыше всего ставят интересы мужа. Этим качеством Барбары я всегда восхищалась. Таких, как она, я называю командными игроками.

Барбара: попытки вписаться

Барбара Маркс, без сомнения, была персоной харизматичной, и тем не менее она полностью подстраивалась под Фрэнка, делала всё, чтобы ему угодить. Надо Фрэнку, чтобы она танцевала несколько вечеров подряд, – пожалуйста, Барбара будет танцевать. Надо куролесить с его друзьями ночь напролет, – рада стараться. Барбара даже соглашалась выпить больше алкоголя, чем было в ее правилах, если этого требовал Фрэнк.

Разъехавшись с мужем, Барбара осталась без жилья. Ей приглянулся домик в пустыне, принадлежавший третьей жене одного из членов группы «Братья Маркс». Домик как раз был выставлен на продажу. Барбара обмолвилась Фрэнку, что дом вряд ли ей по карману. На следующий день Фрэнк купил этот дом, заплатив наличными, и оформил бумаги на Барбару. Многие сочли Барбару манипуляторшей – дескать, одного упоминания про нехватку денег было достаточно, чтобы Фрэнк раскошелился. Барбара, впрочем, мало внимания обращала на чужое мнение. Каждый день она благодарила судьбу за Фрэнка; какое ей дело до косых взглядов и перешептываний?

Барбара отлично знала, что мать Фрэнка от нее не в восторге. С другой стороны, Долли едва выносила Джилли Риззо, называла его не иначе, как «задницей», – однако Риззо оставался другом Фрэнка. Значит, не так велико влияние Долли Синатры! Что касается других женщин из окружения Фрэнка – обеих Нэнси и Тины, – Барбара решила, подобно Миа, завоевать их симпатии.

Разница между Миа и Барбарой всякому бросалась в глаза. По мнению первой жены и дочерей Фрэнка, Миа не имела корыстных планов. Она просто нуждалась в человеке, который восполнил бы ей недостаток отцовского внимания, и таким человеком стал Фрэнк. Хиппи по убеждениям, Миа не интересовалась капиталами Фрэнка; она даже от алиментов отказалась. После развода обе дочери Синатры продолжали с ней дружить. Не то было с Барбарой. Нэнси-старшая, Нэнси-младшая и Тина навели справки. Получалось, что обоих мужей и всех возлюбленных Барбара выбирала, ориентируясь прежде всего на объемы их кошельков. Конечно, ее заподозрили в корыстных намерениях и в случае с Фрэнком. Напрасно Барбара пригласила первую жену и дочерей Фрэнка на коктейль, напрасно пыталась расколоть лед. Обе Нэнси и Тина были в курсе, что дом, где они пьют с Барбарой коктейли, куплен Фрэнком, в то время как Барбара продолжает оставаться замужней женщиной. Это было неправильно. Конечно, саму Барбару они изучить не успели, зато отлично знали характер

Фрэнка и отлично помнили, с какими женщинами он имел связи. Словом, Барбара оставалась под подозрением.

Двадцать седьмого декабря 1972 года, после тринадцати лет замужества, Барбара подала на развод. А вскоре после этого они с Фрэнком отправились на инаугурацию Ричарда Никсона.

Очень быстро Барбара поняла: чтобы встречаться с Фрэнком Синатрой, необходима высокая стрессоустойчивость. Особенную сложность представляли совместные трапезы. Однажды за ужином в доме Синатры Барбаре подали полусырую телятину. Барбара отослала блюдо обратно на кухню с вежливой просьбой довести мясо до готовности. Повар обиделся, принялся швырять на пол посуду. На грохот прибежал Фрэнк.

– У тебя пять секунд, чтобы вынести отсюда свой жирный зад, – рявкнул он. – Время пошло. Пять, четыре, три, два…

Перепуганный повар бросился вон из дома.

Барбара несколько напряглась. Она не догадывалась, что ждет ее через несколько дней в ресторане «Маттео»!

Фрэнк, как мы уже упоминали, любил, чтобы спагетти были сварены «на зубок». Это знали все шеф-повара всех итальянских ресторанов, в которых он ел. И однако в лос-анджелесском ресторане «Маттео» ему подали переваренные по его вкусу спагетти. Синатра метнулся в кухню.

– Куда подевались итальянцы? – закричал Фрэнк, увидев, что у плиты орудуют сплошь выходцы с Филиппин.

Рестораном владел давний, еще хобокенский приятель Фрэнка, Мэтти Джордан; уж от него-то Фрэнк никак не ожидал такого.

– Ты рехнулся, Мэтти! – воскликнул он.

Возвратился за столик, схватил тарелку со спагетти и шарахнул об стену. Во все стороны брызнул томатный соус.

– Пойдем отсюда, – распорядился Фрэнк, беря Барбару за руку.

Барбара поспешно собрала вещи в сумочку и последовала за Фрэнком, но в дверях он неожиданно развернулся, сказал «Погоди-ка минутку», шагнул к стене, с которой медленно стекала томатно-макаронная абстракция, обмакнул палец в еще не застывший соус и написал под «шедевром»: ПИКАССО.

Назавтра Мэтти Джордан заключил «художество» Фрэнка в раму, и еще не один год оно украшало обеденный зал.

В июне 1973 года Фрэнк Синатра вновь оказался на студии звукозаписи в компании продюсера и аранжировщика Дона Косты и аранжировщика Гордона Дженкинса. В четыре приема они записали одиннадцать композиций, в том числе прелестную «Ты будешь моей мелодией» (You Will Be My Music). Позднее Фрэнк

признался Барбаре, что эта история про них двоих, ведь Барбара присутствовала на записи. Тогда же была записана композиция «Дай мне попробовать снова» (Let Me Try Again). Эта композиция по праву считается одной из самых «долгоиграющих» баллад Синатры. Недаром она вошла в альбом «Мистер Голубые Глаза возвращается» (Ol' Blue Eyes Is Back), «на ура» принятый как публикой, так и музыкальными критиками. По Фрэнку определенно скучали. В конце концов, равных-то ему не было. Новый альбом явил полного сил певца, артиста с безупречным музыкальным вкусом. Действительно, то было хорошее время в жизни Синатры. Карьера уверенно движется вверх, личная жизнь обретает новый смысл – ведь теперь рядом Барбара.

По ЕЁ велению

Шли месяцы. Тринадцатого октября 1974 года в «Мэдисон-Сквер-Гарден» состоялся концерт-возвращение. Его транслировали по телевидению, он удостоился множества похвал. Фрэнк Синатра пел, стоя на боксерском ринге, а вместо конферансье у него был спортивный комментатор Говард Коуселл. Сам концерт анонсировали как «Главное событие». Запись купили многие телеканалы по всему миру, а вскоре вышел и одноименный альбом (The Main Event). Фрэнк нервничал – он сильно недолюбливал телевизионные передачи; опорой ему в тот период стала Барбара, ибо открыла в себе дар успокаивать Синатру. Так, как Барбара, никто никогда не справлялся с его буйным нравом. Впрочем, данное обстоятельство отнюдь не означает, что путь влюбленных был усыпан розами. В конце концов, речь шла о Фрэнке Синатре. Фрэнк Синатра мог предстать и грубым, и жестоким, и необъективным. А Барбара Маркс подчас оказывалась мишенью для его гнева.

Одна некрасивая сцена разыгралась в Нью-Йорке. Ее наблюдал Джилли Риззо, о чем позднее поведал Тине Синатре. К тому времени Фрэнк и Барбара жили вместе, хотя их отношения едва ли кто-нибудь назвал бы безоблачными. Итак, Фрэнк, Барбара, Джилли и еще группа друзей ужинали в ресторане. Разговор шел о политике. Барбара высказала мнение, ошибочное с точки зрения всех присутствующих. Фрэнк, успевший выпить несколько коктейлей, набросился на нее:

– Раз не смыслишь ни бельмеса, так помалкивай! Сиди и слушай, что умные люди говорят. Когда твое мнение понадобится, тебя спросят, а пока прикуси язык!

Барбара повиновалась! Тина слушала Джилли и ушам своим не верила. Нет, насчет Фрэнка она не сомневалась – отец действительно мог нагрубить, да еще и не так. Тина не понимала, как подобное обращение терпит красавица вроде Барбары. Вместо того чтобы проникнуться к Барбаре симпатией, Тина лишь укрепилась в подозрениях насчет ее корыстных планов. И впрямь, не потому ли Барбара изображает покорность, что рассчитывает на миллионы Синатры? Но здесь Тина ошибалась. Просто Барбара хорошо понимала, когда спорить, а когда подчиняться. Понимала, что порой поражение – только шаг к окончательной победе.

Лаура Круз, много лет работавшая у Синатры горничной, вспоминает, как нелегко достался Барбаре авторитет среди прислуги.

– Хотя у Барбары было свое жилье, большую часть времени

она проводила в доме мистера Синатры и неофициально считалась хозяйкой. Барбара ежедневно требовала в каждую комнату свежие цветы, у нее была особая диета. Она привыкла к комфорту и хотела обеспечить комфорт мистеру Синатре. Например, приведу такой случай. Мистер Синатра всегда предпочитал итальянскую кухню, причем любил плотно поесть на ночь. Миссис Маркс беспокоилась о его здоровье и требовала, чтобы повар готовил менее жирную и калорийную пищу.

Однажды Барбара крупно повздорила с поваром из-за говяжьего фарша, который неизменно добавлялся в соус для спагетти.

– По-моему, мистер Синатра и так употребляет более чем достаточно красного мяса! – заявила Барбара, войдя в кухню. – Зачем добавлять говяжий фарш еще и в соус для спагетти?

– Затем, что мистер Синатра любит именно этот соус, – парировал повар.

– Ну и как такое называется? – возмутилась Барбара.

– Такое, миссис МАРКС, называется спагетти болоньезе, – с издевкой произнес повар. – Бо-ло-нье-зе!

Барбара оскорбилась.

– Я здесь поселилась недавно, – сказала она. – Зато – надолго. Даже не пытайтесь меня задвинуть.

С этими словами Барбара взяла кастрюлю, в которой был мясной соус для спагетти, и вывалила содержимое в раковину.

– Полагаю, у вас других аргументов не осталось.

Затем Барбара заглянула в прочие кастрюли, чтобы убедиться – соуса больше нет. Правда, изрядное его количество она пролила на стол и на плиту.

– У меня отличная идея – уберите это безобразие! – воскликнула Барбара, метнув в повара рулон бумажных полотенец.

После инцидента Барбара накрыла в гостиной стол, запаслась печеньем и сконами, заварила чай и позвала всех слуг – горничных, повара, садовников, прачек – всего двенадцать человек. Сам Синатра не практиковал подобное общение с домашним персоналом.

– От каждого из вас я жду понимания и уважения, – начала Барбара. – Обещаю платить вам той же монетой. Уважение – так уважение, презрение – так презрение. Ну что, договорились?

Все закивали.

– А теперь, прошу вас, выпейте еще по чашечке чаю, – сказала Барбара и лично обнесла всех слуг чаем и сладостями.

– После чаепития преданность ей была обеспечена, – рассказывает Лаура Круз. – Я тогда подумала: бывают же такие

славные и мудрые женщины! Наш управляющий, Вайн Жубер, с тех пор ей в рот смотрел.

– Миссис Маркс стала в доме настоящей хозяйкой и упорядочила жизнь мистера Синатры, – продолжает Лаура Круз. – Например, она следила, чтобы мистер Синатра достаточно отдыхал. Однажды ни свет ни заря явился мистер Риззо, так миссис Маркс его не пустила, сказала, что мистер Синатра еще спит. Мистер Синатра проснулся часа в три дня, узнал, что мистер Риззо приходил, и очень рассердился. Я всю сцену поневоле лично наблюдала. Они ссорились в гостиной, мне оттуда некуда было деться. Мистер Синатра кричал: «Слышишь ты, кукла! Не твое дело решать, с кем мне видеться, а с кем не видеться!» Миссис Маркс ответила: «Я и не беру на себя такую ответственность. Просто ты слишком мало спишь, потому что в доме вечно толчется народ. Не дом, а вокзал, честное слово!» Мистер Синатра опять кричит: «Эти люди – мои старые друзья. Если выбирать между ними и тобой, я выберу их!»

Дальше было вот что. Барбара пулей выскочила из комнаты, чуть не плача, пробормотала:

– Я только хотела, как лучше!

Фрэнк повернулся к Лауре Круз и сказал:

– Извиняюсь.

Потом налил себе виски и высказался о Барбаре:

– Если она теперь со мной помирится, значит, она еще дурней меня.

Часа через два Барбара обнаружила на дверце холодильника записку:

«Моей девочке. Я передумал. Я ВЫБИРАЮ ТЕБЯ».

Вместо подписи стояла нарисованная Фрэнком улыбающаяся мордашка в галстуке-бабочке. Еще через двадцать минут Фрэнк и Барбара лежали в патио, потягивали коктейли, любовались закатом и ворковали, будто ничего не произошло.

Фрэнк обручается с Барбарой

Шел март 1976 года. Фрэнк и Барбара были вместе уже в течение четырех лет. Барбаре надоело жить в его доме на птичьих правах. По ее мнению, отношения следовало перевести в новую фазу – или прекратить вовсе. Барбара поставила вопрос ребром, Фрэнк отреагировал на ультиматум в своей обычной манере. В результате Барбара собрала вещи и ушла от него.

Она была уверена, что с Синатрой всё кончено. Да, Барбара любила Фрэнка и скучала по нему, но не сомневалась: у нее хватит сил справиться с потрясением. Фрэнк же погрузился в глубокую депрессию, вновь сблизился с семьей, к вящей радости обеих Нэнси и Тины. Дочери хотели видеть отца счастливым, а кандидатуру Барбары не одобряли. Барбара – неподходящая женщина для Фрэнка, и доказательство тому – его нерешительность насчет женитьбы. Словом, Нэнси-младшая и Тина были крайне довольны, что отец порвал с Барбарой. Впрочем, разрыв длился недолго.

Уже в мае 1976 года Фрэнк позвонил Барбаре в Лас-Вегас, где она коротала время, и сказал:

– На чем мы остановились? Давай-ка продолжим с того же самого места.

Барбаре было известно, что Фрэнк периодически звонит Аве, ее это обижало.

– Не волнуйся, дорогая, мое сердце больше не с Авой, – заверил Фрэнк. – Мое сердце с тобой.

Вторично привороженная Фрэнком, Барбара решила ехать к нему в Чикаго. Одно «но»: вдруг Фрэнк снова продолжит ходить вокруг да около?.. Нет, всё получилось иначе. Не успела Барбара прилететь в Чикаго, как Фрэнк подарил ей грушевидный бриллиант в двадцать два карата. Таких огромных камней Барбара и не видывала. Кроме того, Фрэнк подарил ей еще и изумруд, также без оправы, и сказал, что Барбара может оправить камни по своему вкусу и усмотрению, сделать из них любое украшение – брошь, браслет, кулон. Барбара крепко расцеловала Фрэнка. Понятно, что два камня, пусть и огромных и красивых – это всё-таки не вожделенное кольцо. Но у Барбары уже созрел план.

Она отправилась к ювелиру и попросила сделать с этими камнями кольцо, очень надеясь, что именно на кольцо намекал Фрэнк при дарении. Когда работа была выполнена, Барбара не поехала за кольцом сама, а послала Фрэнка. Колечко в целом потянуло на триста шестьдесят тысяч долларов. Барбара

намеревалась заставить Фрэнка лично надеть это кольцо ей на палец. А не получится – значит, прости-прощай, Фрэнк Синатра!

Ужиная с Фрэнком, Барбара заметила: на дне ее бокала, в шампанском, что-то блестит. Это оказалось кольцо. Барбара выудила его, однако не надела, а протянула Фрэнку, держа салфетку с кольцом обеими руками.

– Сам надень его. На любой палец, – так сказала Барбара.

Фрэнк засмеялся и надел кольцо ей на безымянный палец. Правда, не сказал при этом ни слова. И всё же Барбара отныне чувствовала, что у них с Фрэнком есть некое общее будущее.

Через пару недель Барбара и Фрэнк отдыхали у бассейна. Разнеженный солнцем, умиротворенный пустыней, Фрэнк вкрадчиво произнес:

– Дорогая, наверное, нам пора назначить дату?

Вот и всё предложение руки и сердца!.. Большего добиться от Фрэнка не представлялось возможным.

– Во всем остальном он был предельно романтичен, – вспоминает Барбара. – Но почему-то не мог заставить себя произнести простую фразу: «Будь моей женой».

По мнению Барбары, виной тому были три неудачных брака Синатры. Или, может, он считал, что сделал достаточно, надев Барбаре на безымянный палец кольцо? Так или иначе, Барбара решила не заострять внимания на словах. Она знала, что Фрэнк ее любит, и отвечала ему взаимностью.

О помолвке она немедленно рассказала своим родителям и сыну, а Фрэнк, так же как в случае с Миа, решил ничего не говорить Нэнси и детям. Впрочем, Тина непостижимым образом всегда узнавала, с кем встречается отец и как далеко зашли отношения. Узнала Тина и на этот раз.

– Сестра сказала мне, что у папы и его подруги, Барбары Маркс, всё серьезно, и, пожалуй, они даже обручились, – вспоминает Нэнси Синатра. – Я не поверила. Мне казалось, Барбара не в папином вкусе.

Удивительно, как Нэнси-младшей удавалось отрицать очевидную вещь, как она за целых четыре года не поняла, насколько Фрэнк привязался к Барбаре Маркс. По мнению Нэнси, у ее матери оставался шанс вернуть отца. Нэнси-младшей почему-то мерещилась пресловутая «химия» между давно разведенными родителями; Нэнси продолжала верить, что они созданы друг для друга. Видимо, такова сила мечты, особенно той мечты, которую лелеешь всю сознательную жизнь. В мире, нарисованном Нэнси Синатрой, Барбары Маркс просто не существовало. В отличие от мира реального.

В июне 1976 года Фрэнк появился на семейном торжестве в

доме первой жены вместе с Барбарой. Барбара выглядела ослепительно. Кое-кто решил, что она даже сделала «пластику». Тина, например, говорила о «новеньком актуальном профиле». Все заметили у Барбары на безымянном пальце кольцо с бриллиантом и изумрудом и догадались насчет помолвки. Догадка никого из семьи Фрэнка не обрадовала. Удивила? Да. Возмутила? Пожалуй. И вообще, почему Фрэнк ОПЯТЬ им ничего не сказал?

В случае с Миа это еще было объяснимо. Разница в возрасте, споры, приглашать или не приглашать Миа на юбилей Синатры… Понятно, что он боялся, как бы ему не сорвали свадьбу.

Но против Барбары никто открыто не выступал, разве что Долли Синатра, которая, как было известно ее сыну, не приняла бы ни одну претендентку. Впрочем, Фрэнк не вчера на свет родился. Он успел изучить характеры обеих Нэнси, Тины и Фрэнка-младшего. Мнение детей и первой жены о Барбаре не являлось для Фрэнка секретом, тем более что они частенько высказывали это мнение, пусть и не ему самому в лицо. Фрэнк не хотел спорить, не хотел устраивать скандал. А объясняться с матерью ему и вовсе претило. Вестником к Долли был заслан Мики Рудин. Потом он признавался: его уши несколько дней горели – такого пришлось наслушаться от Долли, которая выражений не выбирала.

Как читатель уже успел заметить, в постановочных драмах Фрэнку равных не было. В случае с Барбарой он себе не изменил: исчез из дома первой жены, оставив Барбару с недовольными женщинами. Сказал, будто у него запись на студии или еще что-то в этом роде. Пришлось Барбаре выяснять отношения с обеими Нэнси и Тиной. Тут надо отдать должное первой жене и дочерям Фрэнка: его исчезновение им не понравилось, они проникли к Барбаре и постарались явить максимум приветливости.

Вскоре Фрэнк и Барбара официально объявили, что свадьба состоится десятого октября 1976 года в доме Кирка Дугласа. На самом деле они планировали пожениться уже в июле – тайно.

Брачный контракт: не ждали?

«Тайная» свадьба состоялась одиннадцатого июля 1976 года в «Санниленд» – усадьбе площадью в тысячу акров, принадлежавшей Уолтеру Анненбергу, бывшему послу при Королевском дворе Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, публицисту и филантропу. Несмотря на старания Фрэнка соблюсти секретность, пресса странным образом пронюхала насчет свадьбы. Правда, ни один репортер не был допущен на церемонию. Им всем пришлось ждать за воротами, а жара в тот день, между прочим, была сорок шесть градусов!

Шафером Фрэнк выбрал Фримена Госдена, звезду радиопрограммы «Амос и Энди». Беа Коршак, жена адвоката Сидни Коршака, была посаженой матерью. Один из репортеров «Нью-Йорк таймс», оглядев вооруженную до зубов охрану, написал затем: «Безопасность, обеспеченная свадебной церемонии, сделала бы честь устроителям какой-нибудь международной встречи на высшем уровне».

Барбара прихорашивалась в отведенной ей комнате, когда в дверь постучали. Пришел Мики Рудин. К тому времени все, кто принадлежал к миру Синатры, знали: просто так Рудин не появляется. Его приход обязательно связан с какой-нибудь неприятной новостью. И вот Мики Рудин стоит перед полуодетой невестой, а за спиной у него маячит Сидни Коршак.

Коршак в юридической среде имел репутацию человека, специализирующегося на устройстве разного рода сомнительных дел. В частности, он обслуживал бизнесменов, имевших связи с чикагской мафией. Начинал еще с Аль Капоне. ФБР считало Коршака одним из самых могущественных и влиятельных поверенных в мире. А еще Коршак ходил в приятелях у Барбары Маркс и был лучшим другом ее бывшего мужа, Зеппо Маркса. По странному совпадению в конце пятидесятых годов он недолгое время ухаживал за разведенной женой Фрэнка, Нэнси Синатрой, а поухаживав, женился на Беа.

Барбара открыла дверь как была, в бигуди. Рудин с Коршаком вошли в комнату. Все трое уселись за стол. Мики, не выпуская изо рта сигары, достал пухлый коричневый конверт, в котором оказались документы.

– Вам нужно подписать эти бумаги до бракосочетания, – сквозь зубы (чтобы не выронить сигару) произнес Рудин, подвигая Барбаре стопку листов. По крайней мере так об этом впоследствии рассказывала сама Барбара.

– А что это такое? – спросила счастливая невеста.

– Брачный контракт.

Барбара изрядно удивилась. Насколько она помнила, брачный контракт не фигурировал в ее разговорах с Фрэнком.

– А Фрэнк знает? – на всякий случай спросила Барбара.

– Конечно, знает, – отвечал Мики.

Барбара принялась листать бумаги. Попыталась вчитаться, но написано было таким мудреным языком, с таким количеством юридических терминов, что Барбара быстро оставила попытки хоть что-нибудь понять. Тогда-то она и почувствовала себя несправедливо обиженной. Это что же, Фрэнк на нее давление оказывает? Может, даже угрожает?

– Нет, я это подписывать не буду, – решила Барбара и вернула документы Рудину. – Слышите? Не буду!

– Тогда свадьба отменяется, – спокойно сказал Рудин.

– Но…

Хорошенькое дело! Собрались уже почти все гости (было приглашено сто двадцать человек), прилетели на личных самолетах в Палм-Спрингз и вот-вот прибудут в «Санниленд» из аэропорта. В числе прочих – супруги Рейган, отвлекшиеся на время от президентской кампании; Спиро Агню; Сэмми Дэвис-младший; Грегори Пек; Джимми Ван Хэйсен; Лео Дурочер; доктор Майкл Дибейки (знаменитый хирург, лечивший Марти Синатру). Ждали еще Долли, а также обеих дочерей Синатры. Фрэнк Синатра-младший очень вовремя получил ангажемент на Восточном побережье и на свадьбе отца присутствовать не мог. И как теперь отменять свадьбу?

– Сидни, а ты это видел? – обратилась Барбара к Коршаку.

– Не видел и не читал. Но советую подписать. Тебе же лучше будет.

Барбара соображала с максимальной скоростью, под пристальными взглядами Рудина и Коршака.

– Это неправильно, но, так и быть, я подпишу, – решила Барбара. – Кажется, у меня нет выбора.

Она взяла из рук Мики Рудина черную шариковую ручку и поставила подписи везде, где требовалось, после чего вернула ручку Мики. Рудин передал ручку Коршаку, а тот спрятал в жилетный карман.

Довольный Рудин положил бумаги обратно в конверт.

– А сейчас, если у вас больше ничего для меня нет, покиньте помещение и дайте мне одеться. Как-никак я сегодня замуж выхожу, – сказала Барбара.

Занятная история, правда? Но вот насколько она соответствует действительности?

Версию Барбары несколько компрометирует письмо. Автор –

Мики Рудин, адресат – Сидни Коршак, дата – седьмое июля 1976 года, то есть письмо было написано за три дня до свадьбы. Рудин заверяет Коршака, что брачный контракт у него на столе и что он, Рудин, уже посоветовал Барбаре поискать надежного юриста для разъяснений, и Барбара выбрала Коршака. Понятно, что Коршак должен выступать от лица Барбары и действовать в ее интересах, даже не будучи лицензирован в Калифорнии. Документ подписали Рудин, Коршак и сама Барбара. Получается, что Барбара заранее знала о контракте. Другое дело – обсуждала ли она контракт с Фрэнком; заходил ли у них об этом разговор? Очень возможно, что нет. Вполне в стиле Фрэнка – принять важное решение касательно близкого человека, ни слова не сказав этому человеку. Впрочем, близкие Фрэнка Синатры редко рисковали ему возражать и противиться его важным решениям.

Пока скажем только одно: брачный контракт с Барбарой всплывет еще не раз.

Фрэнк и Барбара женятся

Барбара, сорокашестилетняя невеста, выглядела ослепительно. На ней было платье от кутюрье Роя Холстона – бледно-бежевое, из нежнейшего шифона, с впечатляющей брошью в уголке асимметричного выреза. Держалась Барбара с уверенностью, достойной королевской особы. К алтарю ее вел отец. Шестидесятилетний жених был в костюме из смеси шелка и льна, также бежевом, в тон невестиного платья. На шее красовался бежевый шелковый галстук, в нагрудном кармане – шоколадно-бежевый носовой платок.

Нэнси и Тина выглядели довольно жалко. Нэнси позднее призналась, что проплакала всю предсвадебную неделю. Некоторых ее реакция приводила в замешательство. Просто эти люди не знали про особую связь между Фрэнком и его старшей дочерью; не знали, что Нэнси «чувствует» отца даже на расстоянии, что она в курсе всех его мыслей и ощущений.

– Мы не просто любящие отец и дочь. Нет, мы с папой – как сиамские близнецы, – хвасталась Нэнси. – Мы читаем в душах друг друга, как в открытых книгах. Даже расстояние – не помеха нашей особой связи.

Итак, Нэнси чувствовала сомнения отца относительно свадьбы с Барбарой, а начала она эти сомнения чувствовать ровно с той минуты, как узнала о помолвке. Разумеется, Нэнси не могла игнорировать столь тревожные сигналы. Что-то подсказывало ей: добра от этого брака ждать не стоит. Королевская осанка Барбары, властность, сквозившая в каждом ее жесте, изрядно обескураживали Нэнси. Называйте это интуицией, чутьем – всё равно. Нэнси тревожилась не на шутку. Даже сравнивала себя с подушечкой для иголок и булавок – мол, так вот и в нее стрелы сомнений вонзаются!

Барбару смущала явная тревога Нэнси и Тины.

– Неужели всё дело в том, что они – избалованные дочки богатого и влиятельного отца? – спросила Барбара одного из гостей. – Даже если так, могли бы хоть притвориться веселыми!

Услышав в ответ, что Синатры не привыкли притворяться для чужого удовольствия, Барбара кивнула и улыбнулась.

– Да, я успела заметить.

Барбаре было известно, что в свое время обеих дочерей Фрэнка совершенно очаровала Ава Гарднер, а также что они дружат с Миа Фэрроу. Ее взяла досада. Кстати, прелестный портрет Миа до сих пор висел у Фрэнка в спальне. Барбара не говорила Фрэнку, что ее это раздражает, – знала, что лишь

разозлит его; она решила выжить портрет своим способом. И в один прекрасный день рядом с портретом Миа появилась огромная, помещенная в раму фотография Зеппо Маркса.

– Что этот тип здесь делает? – возмутился Фрэнк.

– Я думала, эта комната отведена для воспоминаний, – пояснила Барбара, указывая на портрет Миа.

Фрэнк ничего не сказал, но на следующий день портрет Миа исчез – заодно с фотографией Зеппо.

Буквально за пять минут до начала церемонии Фрэнк отвел в сторонку обеих своих дочерей.

– Я всё очень хорошо обдумал. Вы знаете, я всегда буду любить вашу маму. Было бы замечательно, если бы мы могли жить одной семьей, но у нас не сложилось. Сейчас мне нужен брак с Барбарой. Очень-очень нужен.

Нэнси и Тине только и оставалось, что пожелать отцу счастья. Все трое обнялись, причем Нэнси и Тина обильно смочили объятие слезами.

Началась церемония. На вопрос судьи Джеймса Уолсворта «Клянешься ли ты, Барбара, хранить верность Фрэнку в богатстве и в бедности?» Фрэнк довольно громко с усмешкой произнес:

– В богатстве, в богатстве!

После того, как всех обнесли шампанским, гости погрузились в кондиционированные автобусы и отправились в дом Фрэнка, расположенный всего в нескольких кварталах от места церемонии. Там, у дома, уже стояли подарки новобрачных друг другу. Фрэнк подарил Барбаре ярко-синий «Роллс-Ройс», Барбара подарила Фрэнку серый «Ягуар XJS». Медовый месяц чета Синатра провела вместе с тремя другими супружескими парами – четой Мортон Дауни, четой Билл Грин и четой Пол Мэннос.

Хотя Нэнси и Тина изо всех сил старались делать веселые лица, получалось у них неважно. Слишком велика была тревога, слишком велико было недовольство новой мачехой. Произнося тост, Нэнси, по выражению Фрэнка, «отличилась».

– Надеюсь, папа, из-за Барбары ты не будешь страдать, как из-за прочих, – выдала Нэнси, подняв бокал с шампанским.

Все стали чокаться, не очень понимая, что конкретно Нэнси имела в виду. Голос у нее дрогнул, тост прозвучал зловеще.

Долли, как мы уже упоминали, была категорически против Барбары. Главным образом потому, что Барбара ей с самого начала «не глянулась» (весомый аргумент!). Правда, позднее Барбаре удалось несколько умаслить будущую свекровь. Барбара очень мудро решила перейти в католицизм. Не будучи религиозной, она сочла, что жена должна иметь одну веру с мужем, и заранее подсуетилась. Конечно, Барбару тотчас

обвинили в попытках втереться в доверие к близким Фрэнка. Впрочем, в случае с Нэнси-старшей не стоило и пытаться – в глазах первой жены Фрэнка ни одна из его женщин «не тянула». Тут уж втирайся не втирайся – толку не будет. То же самое можно сказать о дочерях Фрэнка, которые сделали исключение для безобидной Миа, но не собирались делать его для подходящей Фрэнку по возрасту, уверенной, опытной женщины вроде Барбары Маркс.

Итак, Барбара надумала принять католическую веру; но с кем она решила проходить катехизацию, кого выбрала себе в наставники? Долли Синатру, вот кого!

Поначалу Долли насторожилась, ее подозрительность усилилась. Правда, она дала согласие наставлять Барбару в катехизисе. Таким образом, будущие свекровь и невестка сблизились, нашли точки соприкосновения. Пусть Долли по-прежнему не хвалила Барбару, по крайней мере она перестала о ней злословить.

Тина, подобно сестре, полная подозрений, применила свойственный ей практический подход к делу. Конечно, папа допускает чудовищную ошибку; но, дайте срок, он сам это поймет, и тогда держись, Барбара Маркс! В один прекрасный день перед тобой возникнет Черный Вестник – Мики Рудин, вручит тебе соглашение на развод, которое ты подпишешь, как миленькая! Так рассуждала Тина, вспоминая прецедент с Миа. В день свадьбы Тина, как могла, утешала старшую сестру. Однако тревога и тоска Нэнси оказались заразны, под конец праздника Тина и сама скисла. Она вышла в патио подышать воздухом, с ней заговорил Кирк Дуглас, несколько развеяв печаль. И тут за спиной Тины послышался голос:

– Тина, у меня для вас есть сувенирчик.

С этими словами Сидни Коршак извлек из кармана черную шариковую ручку.

– Вот, держите.

– Ну и что это такое? – спросила Тина.

– Не далее как сегодня утром этой самой ручкой Барбара подписала брачный контракт, – с улыбкой объяснил Коршак. – И поверьте мне, Тина, эта неказистая ручка сберегла для вас, вашей сестры, мамы и брата чертову кучу денег.

Гибель Долли

После смерти мужа Долли Синатра чувствовала себя очень одинокой. Окрепло ее всегдашнее желание как можно активнее участвовать в жизни сына и внуков.

– Мама считает, что она теперь крута донельзя, – признавался Синатра в интервью. – Она живет в Палм-Спрингз, по соседству со мной. Будь она сейчас здесь, в этой комнате, она обращалась бы ко мне не иначе как «Фрэнк Синатра», даром что я ее сын и сижу с ней рядом. Зачем? А затем, чтоб ни у кого не возникало сомнений и разночтений.

Несмотря на любовь Фрэнка к матери, порой в его жизни действительно было «слишком много Долли». Случалось, он намеренно избегал мать, задействуя хитрость и сноровку. Попробуйте избегать человека, который живет в соседнем доме!

В августе 1976 года семидесятидевятилетняя Долли сказала своей внучке Нэнси, что скоро умрет – дескать, такое у нее предчувствие. Нэнси не придала значения словам бабушки. В целом Долли на здоровье не жаловалась. Правда, у нее отекали ноги – но ведь надо же и почтенный возраст учитывать! В общем, Нэнси решила, бабушке просто хочется большего внимания со стороны родных. Что до методов получения этого внимания, они у Долли не менялись годами. Надо пожаловаться, поныть, покряхтеть – сработает «на ура».

В декабре 1976 года Долли отпраздновала восьмидесятилетие, а шестого января 1977 года у Фрэнка намечался концерт в Лас-Вегасе. Долли обожала Лас-Вегас – главным образом за жужжанье игорного барабана. Ей ужасно хотелось присутствовать на концерте. (Страсть Долли к азартным играм была так велика, что Фрэнк подарил ей игровой автомат. «Когда мама проигрывает, – объяснял Фрэнк, – она не волнуется, а просто берет отвертку».)

Итак, в пять часов вечера шестого января 1977 года Долли и ее подруга из Нью-Джерси, вдова Анна Карбоне, погрузились в самолет, нанятый Фрэнком, и отправились в Лас-Вегас. Из аэропорта Палм-Спрингз до Лас-Вегаса было всего минут двадцать лету. Долли намеревалась высадиться непосредственно в аэропорту комплекса «Сизарс-Пэлас», где и должен был проходить концерт. Но в это время в долине Коачелья разыгралась непогода, видимость была плохая. Пожалуй, все полеты вообще следовало запретить в тот день. Едва самолет с Долли на борту поднялся в воздух, как видимость стала нулевой. Пилоту пришлось полагаться исключительно на радары. Через

пару минут самолет стал невидим для наземных служб.

Мики Рудин сказал по телефону Нэнси-старшей:

– Только что мне звонили из компании «Джет-Авиа». Они опасаются, что самолет с Долли потерпел крушение в районе горы Сан-Горгонио.

Информация не укладывалась в голове у Нэнси. Она позвонила старшей дочери в Лос-Анджелес. Вместе они стали молиться, в глубине души понимая: чудо вряд ли произойдет. Потом пришлось звонить Фрэнку. Ужас парализовал его. Едва владея собой, Фрэнк сообщил обо всём Барбаре.

– Я уверена, что с твоей мамой всё будет в порядке, – оптимистично заявила Барбара, после чего упала на колени и тоже начала молиться.

– Конечно, мы с Долли враждовали, но вражда осталась в прошлом, – вспоминает Барбара. – Мы столько времени проводили вместе, что в итоге подружились. Гибель Долли, страшная и неожиданная, определенно стала бы шоком для Фрэнка. Я даже думать боялась о последствиях.

Минуло три часа. Фрэнк, взявший себя в руки, срывал овации на шоу.

– Он не отменил концерт, он вышел к публике ради бабушки, – вспоминает Нэнси-младшая.

Фрэнк имел в тот вечер небывалый успех. Никто даже не догадывался, чего ему стоит петь, зная, что самолет с его матерью на борту скорее всего разбился в горах.

На следующее утро, в пятницу, в Палм-Спрингз прибыли Нэнси, Хью и Тина, которая к тому моменту разошлась со своим мужем, Уэсом Фэррелом. Фрэнк Синатра-младший рвался искать бабушку на вертолете; мешала непогода.

В субботу кошмар, имя которому – неизвестность, продолжился. Фрэнк мысленно уже похоронил мать. В своей скорби он не желал ни с кем говорить, даже с Барбарой.

– Я то и дело заходила к нему, ловила его взгляд, улыбалась… Он никак не реагировал, смотрел сквозь меня, – вспоминает Барбара.

Близкие Фрэнка объяснили ей, что он всегда так переживает горе. Так было после гибели Джона Кеннеди и Мэрилин Монро, и особенно – после кончины отца. В случае с Долли Фрэнк лично стал участвовать в ее поисках. На поисковом самолете, пилотируемом Доном Лэнделлсом, Фрэнк отправился к заснеженным отрогам гор. Однако никаких следов крушения они не обнаружили.

На третий день, в воскресенье, отчаяние охватило всех членов семьи Синатра, всех близких и друзей. Каждый пытался на свой

лад осознать утрату и смириться с ней. Дочери Фрэнка, желая принести хоть какую-то пользу, отвлечься хоть на какое-то дело, стали звонить прославленному психиатру, Питеру Харкосу, голландцу по происхождению. Харкос пообещал профессиональную помощь.

Наконец, в половине двенадцатого ночи, в доме Синатры раздался телефонный звонок. Самолет, в котором летела Долли, на скорости триста семьдесят пять миль в час врубился в скалу высотой три с половиной тысячи метров. (Позднее эта же самая скала стала причиной гибели сына Дина Мартина – Дина Пола.) Выживших, разумеется, не было и быть не могло. Причиной крушения назвали противоречивые указания наземных служб и плохие погодные условия.

Вся семья собралась в гостиной. Мысль о последних минутах восьмидесятилетней Долли, парализованной ужасом, была невыносима всем, и особенно Фрэнку.

– С папой я хотя бы попрощался, – плакал он. – А маме ни слова не успел сказать!

Мики Рудин утверждал, что Долли обнаружили пристегнутой ремнем безопасности. В это слабо верилось, и всё же Синатры старались поверить. А потом встал вопрос: кто поедет в морг на опознание? Мики Рудин согласился, но вскоре понял, что сил у него не хватит. Тогда миссию возложили на Джилли, однако и он не нашел в себе достаточно мужества. В конце концов, вызвалась Барбара. По ее мнению, большей услуги своему мужу она не смогла бы оказать. И Фрэнк по достоинству оценил ее жест.

Похоронная месса прошла двенадцатого января 1977 года в церкви Святого Луиса в городе Кафедрал-Сити, что расположен неподалеку от Палм-Спрингз. Долли Синатра покоится на кладбище «Дезерт-Мемориал-Парк», рядом с мужем (по ее настоянию тело Марти было перевезено из Нью-Джерси в Палм-Спрингз).

Близкие Фрэнка почти не сомневались: он никогда не оправится после столь неожиданной, столь трагической потери.

– Папа был в отчаянии, – рассказывает Фрэнк Синатра-младший. – Худшего периода в его жизни я и не припомню. Он часами молчал. А самое ужасное – мы ничем не могли утешить его. Непосредственно после похорон на папу было жалко смотреть. Я подумал, нельзя его одного оставлять. Я несколько часов просидел с папой, глядя, как по его окаменевшему лицу струятся слезы.

«Кто она такая, чтоб распоряжаться бабушкиным добром?»

Уже несколько лет Барбара терпела неприязнь дочерей Фрэнка Синатры. В открытые перепалки они не вступали, но Барбара каждой клеточкой чувствовала неприязнь, которую питали к ней Нэнси и Тина. Сблизиться с ними не представлялось возможным; подозрения в корыстолюбии не развеял даже брачный контракт. Близкая подруга сообщила Тине, что Барбара в ее присутствии обмолвилась: дескать, на сей раз я вышла замуж по расчету. И Тина тотчас поверила.

Итак, с дочерьми Синатры всё было ясно; а что же его сын, как он относился к Барбаре? Фрэнк Синатра-младший с родными не особенно ладил и, по мнению Барбары, едва ли мог «дружить против нее» с Нэнси и Тиной. Завоевать же симпатии Нэнси-старшей Барбара даже цель себе не ставила, сразу сообразив, что первая жена по определению не может питать теплые чувства к жене теперешней. Впрочем, в такой дружбе Барбара и не нуждалась. У нее хватало приятелей, вдобавок Синатры со временем научились ей улыбаться, чего еще ждать? Многому научилась и сама Барбара – например, не забивать голову тем, что падчерицы ее недолюбливают. Быть женой Фрэнка Синатры нелегко, так зачем же осложнять себе жизнь мыслями о том, что она, Барбара, кому-то не по нраву? Пусть подозрения Нэнси и Тины будут проблемой Нэнси и Тины, а Барбара и без того занята по двадцать четыре часа в сутки и по семь дней в неделю!

Итак, открытой вражды с дочерьми Фрэнка Барбара не хотела. Но она была женщина властная и волевая и требовала по крайней мере уважения к себе. Не хотят – пусть не любят; но считаться-то должны – так рассуждала Барбара. Однако примерно так же рассуждали и Нэнси с Тиной. Иными словами, переход конфликта в горячую фазу был лишь вопросом времени. По иронии судьбы ситуация взорвалась сразу после гибели Долли Синатры.

На следующий после похорон день Барбара пошла к Долли в дом, собрала более или менее ценные вещи – драгоценности, меха, всё, что было связано с карьерой Фрэнка, а также фарфоровую и серебряную посуду, и заперла добро в массивный шкаф у себя в спальне. Барбаре казалось, она поступила разумно. В конце концов, в доме всегда полно людей, причем со многими Барбара даже не знакома. Вечно вокруг Фрэнка толкутся сомнительные приятели – музыканты, представители шоу-бизнеса

и вообще бог знает кто; алкоголь льется рекой. Попробуй, уследи за всеми! Да Фрэнк и не привык следить – не его это стиль. Значит, позаботиться о вещах Долли должна Барбара. Долли и сама бы это одобрила. Потом, когда Синатры оправятся от утраты, у них будет доступ к вещам покойной бабушки. А пока лучше эти вещи спрятать понадежнее. Разве Барбара не взяла на себя тяжелую миссию опознания? Она не состоит с Долли в родстве, она не убита горем, как остальные, – значит, ей и заботиться о сохранности ценностей!

Увы, Нэнси-младшая и Тина были другого мнения.

Нэнси первой обнаружила, что все ценные вещи бабушки куда-то делись. Она сразу позвонила Тине. Сестры провели собственное расследование и очень скоро узнали от прислуги, что вещи забрала Барбара.

– Да кто она вообще такая, чтобы распоряжаться бабушкиным добром? – в сердцах воскликнула Нэнси.

– Бабушка ей такого права не давала! – подхватила Тина.

Следующие две недели сестры старались не давать воли возмущению. Ситуация была щекотливая. Посовещавшись, Нэнси и Тина решили: нельзя спускать всё на тормозах.

Тридцатисемилетняя Нэнси упрямством пошла в отца. Разубедить ее не представлялось возможным, смирить ее гнев – тоже. Как и Фрэнк Синатра, его старшая дочь привыкла говорить, что думает (свойство не всегда конструктивное). В данном случае Нэнси капитулировать не собиралась. Чтобы они с сестрой проглотили такую обиду?!

Двадцатидевятилетняя Тина порой уступала сестре в решительности. Вот и сейчас она сомневалась – а действительно ли Барбара совершила преступление? Может, и правда, надо просто подождать, пока зарубцуется рана? Ни за что, возражала Нэнси. Барбара много на себя взяла, нужно поставить ее на место, а то она вообще на шею сядет. Под влиянием сестры Тина позвонила отцу.

– Ты что, шутишь? – не поверил Фрэнк.

Тина убедила его, что ей вовсе не до шуток.

– Ладно, Горлинка, я разберусь, – пообещал Фрэнк. – Не волнуйся.

Фрэнк поднял тему с Барбарой, и Барбара не стала ходить вокруг да около.

– Ты – наследник своей матери, – сказала она. – Я только защищала твои интересы!

– От кого? – поинтересовался Фрэнк.

– У нас не дом, а какой-то вокзал, – объяснила Барбара. – Я считала, что поступаю правильно. Наверняка сама бабушка ждала

от меня именно этого. У меня и так дел невпроворот, а я еще за ее вещами приглядываю! Я думала, ты мне спасибо скажешь.

– Допустим, ты права, но ты огорчила моих дочерей, – заметил Фрэнк.

Он не рискнул принять сторону Нэнси и Тины, однако и не выступил в защиту Барбары.

– Я этого не ожидала, – призналась Барбара своей подруге Эйлин Фейт за коктейлем в ресторане. – Мне казалось, Фрэнк за меня заступится.

Барбара клялась, что преследовала самые благородные цели. Зачем ей настраивать против себя дочерей Синатры? Или они думают, что у нее недостаточно мехов, драгоценностей и прочего? Да Синатра ее буквально завалил дорогими подарками! Даже предполагать нелепо, что она польстилась на свекровино добро.

– Значит, вам надо собраться втроем и всё спокойно обсудить. Без Фрэнка, – предложила Эйлин Фейт.

Барбара возразила: едва ли это хорошее решение. Фрэнк своих дочерей лучше знает, он ничего подобного не предлагал, и Барбара будет следовать его советам.

Эйлин гнула свое: Барбара – взрослая женщина, пусть ей интуиция подскажет, как уладить дело. Что касается Фрэнка, когда ему удавалось конфликты разрешать? Вот создавать конфликты – это да, это по его части.

В ходе очередного разговора Фрэнк заявил: не стоит заострять внимание на инциденте и тем более – впутывать новых людей. Может, если Барбара просто вернет вещи Долли в ее дом, буря утихнет сама собой. По крайней мере он, Фрэнк, на это надеется. Пусть Нэнси с Тиной спокойно выберут дорогие для них реликвии. Барбара возразила: кто же против-то? Пусть выбирают, когда немного оправятся после похорон, для этого она, Барбара, и спрятала всё добро!

В итоге она вернула вещи туда, откуда взяла. Нэнси и Тина, добравшись до бабушкиного наследства, заявили, что недосчитались изрядного количества драгоценностей, мехов и прочего. Понятно, что сестры теперь были почти уверены: отец просто-напросто разрешил своей жене оставить наиболее приглянувшиеся вещички.

– Она, значит, папины интересы защищала, – годы спустя возмущалась Тина. – А вот от кого? Ответ напрашивается сам собой. Барбара пыталась оградить папу от своих самых серьезных соперников – от нас, его детей.

Усыновление нового Синатры?

Барбаре Маркс довольно долго не верилось, что она стала законной женой Фрэнка Синатры.

– Я чуть ли не каждый день щипала себя, чтобы убедиться: это не сон. Я, Барбара Энн Блейкли, тощая девчонка с косичками с миссурийского полустанка, действительно стала миссис Фрэнсис Альберт Синатрой. Неужели я вышла замуж за певца, легендарный голос которого впервые услышала в пятнадцать лет?

Впрочем, осознав до конца эту мысль, Барбара решила: большего счастья и быть не может. Она очень надеялась, что и Фрэнк так же счастлив. А теперь, внимание, вопрос: хотела ли Барбара включить в семью Синатра и своего сына, Бобби? Именно этим вопросом задалась Тина Синатра весной 1977 года, поговорив по телефону с Мики Рудином.

– Они что-то затевают, – предупредил Мики, а через секунду уточнил: – Фрэнк, того и гляди, усыновит Бобби Маркса.

– Бобби не ребенок! Ему двадцать пять лет! – воскликнула Тина. – Где это видано – усыновлять взрослых людей?

– Факт остается фактом, – произнес Мики. – Если вам это не по нраву, поторопитесь.

Тине нужно было время на обдумывание.

Откуда о грядущем усыновлении узнала Нэнси-младшая – непонятно. Велика вероятность, что от того же Мики Рудина. В отличие от сестры Нэнси время на раздумья не требовалось. Она сразу позвонила отцу, излив на него весь свой праведный гнев.

Детям Фрэнка Синатры определенно не стоило беспокоиться о своем будущем. По завещанию им полагались права на все записи отца, в то время как Барбаре отходила большая часть имущества. Усыновление Бобби Маркса ни на что не влияло. Но не из-за денег Нэнси-младшая устроила скандал.

– Я считаю, сделать Бобби Маркса Бобби Синатрой – фатальная ошибка. Это плохо как для нас, так и для него. Сначала общественность долго будет строить догадки, кто же на самом деле отец Бобби. А что потом? Кто-нибудь подумал о Бобби? Кто-нибудь представляет, каково быть отпрыском Фрэнка Синатры? Ты всё время под прицелом, ты шагу без репортеров не ступишь, – говорила Нэнси-младшая. – За внимание, деньги, положение в обществе надо платить. Я вот всю жизнь плачу́. Проблемы бывают у каждого, но на некоторых они прямо-таки сыплются. Нет, еще один Синатра никому не нужен – ни нам, уже имеющимся Синатрам, ни миру.

Новый конфликт тлел много месяцев, однако дочери Синатры

не вступали в открытую конфронтацию ни с Барбарой, ни тем более с Бобби. Фрэнк снова утверждал, что совместное обсуждение проблемы между Нэнси, Тиной и Барбарой только усугубит ситуацию. В итоге Нэнси и Тина направили свое негодование на отца.

Нэнси и слышать не хотела о возможности усыновления Бобби Маркса. Тина в отличие от сестры такую возможность рассматривала. В конце концов Бобби – единственный сын Барбары; сколько же времени он будет исключен из семьи? Не пора ли его официально приблизить? До сих пор Синатры с такой проблемой не сталкивались, ведь ни у Авы, ни у Миа детей не было.

Тина успела отлично изучить своего отца, давно поняла – чем больше ему возражаешь, тем тверже он стоит на своем. Лучший способ заставить Фрэнка Синатру что-либо сделать – денно и нощно его от этого поступка отговаривать. Волновалась она главным образом из-за брата. Действительно, если папе так уж приспичило установить тесные отношения со взрослым мужчиной, почему бы не выбрать для этой цели тридцатитрехлетнего сына, родного и единственного? Впрочем, сам Фрэнк Синатра-младший решил не ввязываться. Как всегда, он был занят личной жизнью, работой, друзьями, как всегда, не участвовал в интригах сестер. А уж воевать против усыновления Бобби Маркса – нет, увольте!

– Ты, папа, наверное, с ума сошел! – все-таки крикнула как-то раз Тина в телефон. – Ни в коем случае! Нельзя, и точка!

Глупо было со стороны Тины диктовать отцу, что можно, а что нельзя. Фрэнк сам говорил: «Не вздумайте мне приказывать». Его друг Дэвид Теббетт утверждает:

– Чем активнее пытались давить на Фрэнка, тем активнее он сопротивлялся.

Короче, Тина выбрала неправильный подход к отцу. Известно было: чем чаще говоришь Фрэнку «нельзя», тем тверже его намерение доказать: кому-то, конечно, нельзя, а Синатре – можно. Теперь он окончательно решил: усыновление состоится.

– Не понимаю, из-за чего такой сыр-бор? – спросил однажды Фрэнк своих поверенных.

– Видите ли, мистер Синатра, ваши дети будут крайне недовольны, – подал голос один поверенный.

– Почему? Им-то что за дело? – разбушевался Фрэнк. – Они ничего не теряют! Пускай заткнутся! Это касается только Бобби. Я сделаю его Синатрой. А завещание останется прежним. Мои родные дети ни цента не лишатся. Ничего не изменится!

Едва ли Фрэнк сам верил в то, что говорил. Разумеется, и

завещание, и обстановка в семье должны были измениться. Но в своей горячности он не подумал, что на Барбару, которую и так подозревали чуть ли не во всех смертных грехах, обрушится новое обвинение: это она настаивает на усыновлении Бобби, пытается таким способом закрепиться в финансовой империи Синатры.

– Я тут ни при чем, – клялась Барбара. – Фрэнк сам додумался до усыновления.

Позднее Барбара рассказывала: они с Фрэнком летели в его самолете, их разделял проход. И вдруг, словно школьник, Фрэнк передал Барбаре записку. Она ее развернула и прочла: «Собираюсь усыновить Бобби». Также Фрэнк писал, что любит Бобби, хочет считать его своим сыном. Бобби, дескать, заслуживает быть «частью большой семьи». В первый момент Барбара подумала, что Фрэнк шутит, настолько нелепой показалась ей затея. Потом они принялись обсуждать «за» и «против». Фрэнк позвал Мики Рудина, который сидел в хвосте самолета. Мики изо всех сил пытался разубедить Фрэнка. Но тот, похоже, решил твердо. Мики было сказано: «Давай, берись за дело!»

Вернувшись в Лос-Анджелес, Барбара позвонила сыну и поведала о планах Фрэнка. Бобби воспротивился. По словам Барбары, он сказал так:

– Мама, я в усыновлении не нуждаюсь! Фрэнк собирается сделать широкий жест, спасибо ему, но я совсем не хочу, чтобы меня официально усыновляли!

– Я передала слова сына Фрэнку, – вспоминает Барбара. – Увы, мой муж, упрямый, как все итальянцы, уже всё решил.

А теперь попробуем принять сторону Фрэнка. Известно, что он действительно любил Бобби. У них были прекрасные отношения, установившиеся задолго до того, как Фрэнк женился на Барбаре. Еще в начале шестидесятых, когда Барбара была замужем за Зеппо Марксом и жила по соседству с Фрэнком, Фрэнк по ее просьбе познакомил подростка-Бобби с Мэрилин Монро, которой мальчик восхищался. Повзрослев, Бобби стал менеджером Фрэнка – в его обязанности входило сопровождать Фрэнка в турне, следить за гардеробом, инвентарем, дорожными расходами и тому подобным. Пожалуй, нет ничего удивительного в желании Фрэнка усыновить Бобби. В конце концов, другие представители шоу-бизнеса тоже усыновляли отпрысков своих жен. Например, Дин Мартин удочерил Сашу, дочь своей третьей жены, Кэтрин Мэй Хоун. (Правда, Саша была маленькой девочкой, а Бобби – взрослым парнем.)

Версия Барбары не вызывает доверия у тех, кому известна другая история усыновления. Дело в том, что Бобби (рожденного

в первом браке Барбары) уже пытался усыновить Зеппо Маркс – причем отнюдь не питая к мальчику теплых чувств. Барбаре пришлось даже отправить сына в военное училище, потому что он раздражал Маркса. Женившись на Барбаре, Зеппо Маркс пристроил к своему дому в Палм-Спрингз отдельное крыло, чтобы как можно реже видеть пасынка. И однако были начаты приготовления к усыновлению. Оно не состоялось, поскольку родной отец Бобби, Роберт Оливер, не дал своего согласия. Тем не менее Бобби всё равно взял фамилию «Маркс».

По мнению Фрэнка, проблемы с усыновлением возникли не по его вине и не по вине Барбары. Проблемы возникли из-за Мики Рудина. Именно Рудин по собственной инициативе, во-первых, проинформировал о планах Синатры его дочерей, а во-вторых, внушил им, что усыновление Бобби Маркса скажется на них неблагоприятным образом.

Сотрудник фирмы «Рудин, Ричмен и Эппел», пожелавший остаться неназванным, сообщает: крайне раздосадованный Фрэнк пришел в офис и приступил к Рудину с вопросом – кто его уполномочил раскрывать перед Тиной и Нэнси намерения Фрэнка? До сих пор Рудин себе таких вольностей не позволял. Всегда первым узнавая о планах Синатры, он прилежно держал язык за зубами. Но в этот раз, по мнению Рудина, ситуация была совсем иная. Во-первых, Фрэнк не предупредил насчет секретности плана, иначе Рудин помалкивал бы. А может, и нет. Действительно, как реагировать? Если взрослый мужчина вливается в богатую семью, семья должна по крайней мере быть в курсе. Когда по замыслу Фрэнка они должны были узнать? Во время чтения завещания? И вообще Мики Рудин нисколько не сожалеет о своем поступке. Если Фрэнк недоволен и хочет отказаться от услуг Мики – пожалуйста. Если Фрэнк больше с ним разговаривать не будет – его право. Мики поступил так, как считал нужным.

Синатра, кажется, кое-что понял. Зря, конечно, Мики рот раскрывал; но, если ситуация такова, что Мики согласен даже карьеру под удар поставить, тут стоит задуматься. В конце концов, Фрэнка с Рудином связывали тридцать лет сотрудничества. Рудин, пожалуй, имел право на собственную точку зрения.

И вот Рудин сделал то, с чего следовало начать. Он позвонил Нэнси-старшей.

– Фрэнк решился твердо, его не разубедишь. Процесс пошел. Если вы намерены что-то предпринять, лучше вам поторопиться, миссис Синатра.

– Да, намерена, – отвечала Нэнси-старшая.

Попрощавшись с Рудином, она набрала номер Фрэнка.

– Я буду тебе очень признательна, Фрэнк, если ты забудешь о своих планах насчет усыновления Бобби Маркса, – сказала Нэнси. – Ради меня. Ради детей.

Вот и всё, что требовалось сделать. Об усыновлении больше речь не заходила.

Определенно Нэнси имела огромное влияние на Фрэнка. Она редко обращалась к нему с просьбами, – возможно, именно поэтому каждой просьбе Фрэнк уделял столько внимания. Как правило, своей первой жене он не отказывал. Вот и теперь ей удалось в корне решить вопрос насчет Бобби. Правда, сами тайные приготовления к усыновлению внесли раскол в семью. Синатрам еще предстояло столкнуться с последствиями скоропалительного решения Фрэнка.

Тайное аннулирование брака

– Барбара хочет венчаться, – объявил Фрэнк Синатра. – Как это устроить?

Стоял январь 1978 года. Фрэнк находился у себя дома вместе с Мики Рудином, святым отцом Томом Руни и еще двумя священниками, которые пожелали остаться неназванными поименно ввиду того, что до сих пор служат Католической церкви.

– Желание похвальное, – прокомментировал отец Руни. – Но неосуществимое.

– Это еще почему?

– Потому что Церковь считает вас, сын мой, законным мужем Нэнси, – объяснил отец Руни.

Фрэнк искренне удивился. С Нэнси он оформил развод целых двадцать шесть лет назад, еще в 1951 году!

– Я же с ней развелся, черт возьми! Ой, простите, святой отец… Я с тех пор два раза был женат!

Отца Руни разобрал смех. Успокоившись, отец Руни продолжил экскурс в католицизм: браки с Авой и Миа являлись светскими, Церковью не освященными. А значит, недействительными. В то время как с Нэнси Фрэнк венчался в церкви Богоматери Всех Скорбящих, и брак этот действителен по сей день и будет действителен до смерти либо Фрэнка, либо Нэнси, ведь Католическая церковь не приемлет разводов. Правда, решение проблемы всё же есть. Брак с Нэнси можно аннулировать.

– Этот номер не пройдет, – сразу сказал Мики Рудин. – Нэнси не даст согласия. В католической вере она тверже самого Папы Римского. Даже спрашивать не стоит.

Фрэнк задумался.

– Нет, мы ее спросим. Вдруг получится?

– Не шутите так, мистер Синатра. В памяти Нэнси еще свежа история с усыновлением, – возразил Мики, заметно изменившись в лице.

– А вы что скажете, отче? – поинтересовался Фрэнк, игнорируя испуг Рудина.

Священник ответил уклончиво. Он-де не имеет права советовать. Пусть его сын во Христе примет решение, даст указания – а он, отец Руни, постарается их выполнить.

– Начнем с Нэнси. За спрос не бьют в нос, – заключил Фрэнк. Взгляд его стал отсутствующим. Он добавил, что в детали вникать не намерен. Его интересует результат. Вот пусть

подготовят документы, предъявят их Нэнси и убедят ее поставить подпись. При этом Фрэнк кивнул на двоих безымянных для читателя персонажей. Один был священник, второй – официальный представитель церкви, не принадлежавший к церковной братии.

Мики только головой покачал.

– Это невозможно, говорю вам!

– У тебя проблемы? – набросился на него Фрэнк. – Ну, чем ты недоволен? Может, ты против моего венчания с Барбарой?!

– Вы думаете, у вас *сейчас* проблемы с детьми? Они вам пустяками покажутся, когда ваши дети узнают об *этом*, – предупредил Мики.

Ему достался гневный взгляд.

– У меня нет проблем с детьми, – заявил Синатра. – Мои дети в полном порядке. Если что, я сам разберусь. Проблемы могут возникнуть у тебя, Мики.

Несколько секунд Синатра и Рудин сверлили друг друга глазами. Первым сдался Синатра.

– Извини, Мики, погорячился. Я знаю, ты искренне печешься об интересах моей семьи. Но сейчас просто окажи мне услугу, ладно?

Мики кивнул.

– Ну, друзья, совещание окончено, – объявил Фрэнк. – Вас, отче, я попрошу задержаться. Буквально на два слова.

Расскажем немного об отце Руни.

Отца Руни отличала ненависть к разного рода препонам. Подобно Фрэнку Синатре, отец Руни был человеком дела. Поэтому Фрэнк его и уважал. Первая встреча артиста и священника состоялась в 1975 году, познакомил их певец Мортон Дауни. Отец Руни, например, причащал в больнице тяжело заболевшую Долли.

А начинал Том Руни как нефтяник, пытался сделать карьеру в нефтеперерабатывающем бизнесе. В 1956 году тридцатидвухлетний Руни услыхал Глас, повелевший ему отправиться в так называемую Черную Африку, что Руни и сделал, вступив в орден Святого Духа. В 1967 году епископ Донал Мюррей отправил отца Руни миссионерствовать в Нигерию, собирать деньги на строительство больницы в городе Макурди. В 1973 году отец Руни основал существующий на частные пожертвования Всемирный Фонд Милосердия (управление – из вирджинского города Александрия). Первый взнос (миллион долларов) поступил от знаменитого владельца отелей, Конрада Хилтона. Вскоре Фрэнк вместе с Сэмми Дэвисом дал концерт, сборы от которого также пошли в Фонд. За пять лет стараниями

Тома Руни в Африке были построены четыре больницы. В 1978 году Фонд содержал сто десять медсестер и столько же волонтеров в одиннадцати странах Третьего мира.

– Он спокойный, рассудительный человек, – говорил Фрэнк об отце Руни. – Любому способен дать утешение.

Барбара была с этим вполне согласна.

– Отец Руни не витает в облаках, видит нужды обычных людей. С ним можно на любые темы говорить, потому что он не оторван от реальности.

После трагической гибели матери Фрэнк обратился за утешением именно к Тому Руни, хотя вообще-то ни сам Фрэнк, ни его родители никогда религиозностью не отличались.

– Помню, в тридцатые и сороковые, когда Синатры жили в Хобокене, их даже католиками никто всерьез не считал, – признается Джои Д'Оразио. – Правда, Первое причастие у Фрэнка было. Но лишь потому, что Долли хотелось устроить большой праздник, и Причастие явилось удобным поводом. Вообще итальянцы – народ богобоязненный, даром что к мессе далеко не каждое воскресенье ходят. Что касается Фрэнка, он регулярно посещал церковь только в один период жизни – когда ждал «Оскара» за роль в фильме «Отныне и во веки веков». За месяц до церемонии Фрэнк начал каждый день ходить в церковь Святого Пастыря в Беверли-Хиллз. Он молился об «Оскаре» – и получил вожделенную статуэтку. В остальное время в мире Синатры был только один бог – сам Синатра.

– Долли по молодости тоже в церкви не появлялась, – продолжает Джои Д'Оразио. – Она стала ходить на мессы, лишь когда состарилась. Один раз я спросил об этом Фрэнка, и он воскликнул: «Господи! Да если мама явится в церковь, она из всех душу вытрясет! Заставит и молитвы другие читать, и псалмы по-другому петь. Пусть бога благодарят, что Долли Синатра до них не добралась!» Лично мне известно, что Долли ударилась в религию, когда ей было уже за шестьдесят. Тогда же она стала активно жертвовать на церковные нужды.

Подруга Долли, Дорис Севанто, вспоминает:

– Долли как-то рассказала мне свой сон. Ей снилось, будто она вместе с Фрэнки и Марти стоит у запертых Райских Врат. Долли трясла Врата, стучалась, пока на шум не вышел сам Господь. Он спросил: «Кого там нелегкая принесла?», а Долли ответила: «Это мы, господи! Мы – Синатры из Хобокена». Господь ответил: «Никогда про таких не слыхал. Убирайтесь отсюда!» И вернулся к своим делам. Вот после этого сна Долли и начала ходить в церковь. Она лет двадцать убеждала Фрэнка следовать ее примеру, но он приобщился к религии, лишь когда Долли

погибла.

Нежданная, трагическая смерть матери заставила Фрэнка вспомнить дорогу в церковь. Он обратился к религии, ибо пытался подвести под трагедию некие сверхъестественные причины. Формально воспитанный католиком, Фрэнк десятилетиями игнорировал бога. Только личное горе вернуло его в лоно Церкви.

Справиться с отчаянием Фрэнку помог отец Руни, за что стал регулярно получать щедрые пожертвования в свой фонд. В частности, Фрэнк дал концерт в «Карнеги-холле», сборы от которого пошли на благотворительность. Четыреста человек выложили по тысяче долларов за особые места в зале и последовавший ужин с Фрэнком и Барбарой. Всего в тот вечер было собрано шестьсот сорок тысяч долларов. Фрэнк также участвовал материально в строительстве часовни в Дакаре (сто пятьдесят тысяч долларов). Правда, кое-кто, включая Тину Синатру, относился к дружбе Фрэнка с отцом Руни несколько цинично. Например, Тина говорила:

– Отец Руни играет на папе, как Страдивари на своей скрипке!

Словом, теперь понятно, почему Фрэнк обратился именно к отцу Руни в деликатном деле – венчании с Барбарой. Барбара мечтала обвенчаться по католическому обряду с того самого дня, как приняла религию Фрэнка. По ее словам, она идею аннулирования брака не поддерживала. Можно ли в это верить? Можно ли всерьез считать, что Барбара, женщина далеко не глупая и вдобавок дружившая со священником, не понимала: без аннулирования брака с Нэнси не состоится ее венчание? Но, как в случае с усыновлением Бобби, Барбара утверждала, будто на венчании настаивал сам Фрэнк.

– С аннулированием могли возникнуть проблемы, – впоследствии вспоминала она, – а я не хотела ввязываться. Я достаточно пожила с Фрэнком и научилась не лезть в его дела. В конце концов, он сам всё уладил.

– Мы с мистером Рудином имели беседу с миссис (Барбарой) Синатрой, – говорит один из двоих пожелавших остаться неназванными персонажей. – Миссис Синатра сказала мистеру Рудину: «Это не мое решение, это решение Фрэнка. Я не стану вмешиваться. Если мистер Синатра решит сообщить семье – пусть сообщает. Если не захочет сообщать – я его и в этом поддержу».

Несмотря на эти слова, Рудин почувствовал: Барбара имеет влияние на ситуацию.

– С чего вы взяли, будто у меня власть над Фрэнком Синатрой? – возмутилась Барбара. – Вы с ним уже тридцать лет

работаете, а на его решения никак не влияете. Фрэнк Синатра делает только то, что сам хочет. Никто не может ему указывать, даже я.

– У меня сложилось впечатление, – продолжает наш аноним, – что Барбара давно обговорила с мистером Синатрой и аннулирование брака, и венчание, и оставила ему право решать и озвучивать свое решение.

Барбара мнила себя практичной женщиной, из тех, с которыми считаются; да так оно и было. Она не раз говорила: ее волнует только мнение Фрэнка, а на прочих ей плевать. Не оставляя стороннему наблюдателю ничего другого, кроме как заподозрить ее в желании уязвить близких Синатры, сама Барбара упорно отрицала такие обвинения. Она-де замужем за Фрэнком, а не за его бывшей женой с дочерьми. За некоторое время до истории с аннулированием Барбара сказала Нэнси-младшей:

– Тот факт, что мы теперь родня, совсем не значит, что мы должны дружить.

Нэнси оскорбилась.

– Тут Барбара была права, тем более мы с ней не по крови родня. Но каково заявление! Мало ли кто что думает – озвучивать-то зачем? Ей бы в уличных боях участвовать – всех бы порвала. Слава богу, мы хоть не обязаны часто видеться!

По замыслу Фрэнка к Нэнси с бумагами должен был отправиться один из наших анонимов. Но отец Руни великодушно взял эту деликатную миссию на себя. Неизвестно, как проходила его встреча с Нэнси (об этом нет никаких свидетельств, ни письменных, ни устных), да только отец Руни вернулся к Фрэнку с вестью, что Нэнси категорически отказывается подписывать бумаги.

– Я же говорил – нельзя аннулировать брак, заключенный сорок лет назад и произведший на свет троих уже взрослых детей, – заявил Мики.

– Если нельзя, но позарез надо – значит, можно, – парировал Фрэнк.

Фрэнк навел справки, выяснил, что Нэнси в шоке от посещения отца Руни, глубоко оскорблена предложением и думать не желает об аннулировании. Нэнси вопреки ожиданиям не стала звонить Фрэнку и спрашивать, как это ему такое в голову взбрело. Фрэнк, по обыкновению, также не стал обсуждать это с Нэнси лично. Он решил просто обойтись без ее согласия. Выход был найден в результате совместных усилий Фрэнка и отца Руни. Брак непостижимым образом аннулировали. Видимо, отец Руни задействовал какие-то свои особые связи.

Этот секрет Фрэнк Синатра унес с собой в могилу. Памятуя

об утечке информации в случае с усыновлением, на сей раз Фрэнк строго-настрого запретил Рудину предупреждать Нэнси, Тину и вообще кого бы то ни было.

– Синатра ясно сказал: информация конфиденциальная, всем молчать. И Мики всё понял, – свидетельствует коллега Рудина. – Насколько мне помнится, Мики вообще толком не знал про аннулирование – в смысле, не знал, что процесс идет. Потом уже его, как и остальных, поставили перед фактом.

Синатра часто принимал решения в одностороннем порядке, нимало не заботясь о чувствах близких людей. Эта привычка стала пагубно отражаться на отношениях с Мики Рудином. Деловые связи Синатры и Рудина продлились еще десять лет, но о приятельстве речи уже не шло. Мики был предан не только Фрэнку, но и его первой жене и детям. Утаивать от них что бы то ни было Рудину претило. С другой стороны, Синатра являлся его клиентом, и Мики приходилось совершать неэтичные поступки.

– Мики страдал от этого, – вспоминает его коллега.

Фрэнк и Барбара обвенчались тайно (по мнению Барбары, это было похоже на бегство влюбленных) в Палм-Бич, во Флориде, весной 1978 года.

– Всё было ужасно романтично. Казалось, наша любовь только начинается, – вспоминала Барбара годы спустя. – С того дня Фрэнк называл меня не иначе как невестой, и я каждый раз чувствовала себя невестой, такой, как была тогда – в прелестном платье и с тропическими цветами в прическе.

За венчанием последовало романтическое путешествие. Чету Синатра пригласил в гости Тед Кеннеди. Предполагалось, что они сыграют партию в теннис. В последний раз Синатра был в родовом гнезде Кеннеди еще с Миа, в 1965 году. Тедди Кеннеди не ходил у Фрэнка в ближайших друзьях, но их связывал давно покойный Джон Кеннеди; о прошлом оба вспоминали с теплотой и друг другу симпатизировали. (Нужно отметить, что сам Кеннеди также аннулировал свой долгий брак с Джоан, в котором родилось трое детей; правда, Джоан дала согласие на аннулирование.)

Визит к Кеннеди не обошелся без сюрпризов – помимо теннисного корта, Фрэнк и Барбара посетили мессу, имевшую место в комнате матери Тедди, Джона и Бобби Кеннеди – Розы Кеннеди. Семидесятитрехлетняя Роза перенесла инфаркт и ослепла на один глаз. На незрячем глазу она носила повязку. Барбара вспоминала: в спальне, превращенной в часовню, ее сверлил этот единственный глаз. Тедди, заметив, что Барбаре неуютно, предложил ей пересесть поближе к нему. Но и там Барбара чувствовала тяжелый взгляд одинокого глаза. Уж

конечно, Нэнси или Тина, если бы пронюхали про глаз, сказали бы: Барбару совесть мучает; знает, дескать, кошка, чье мясо съела.

Через несколько месяцев после тайного венчания во Флориде состоялось венчание повторное, явное – в Нью-Йорке, в соборе Святого Патрика.

С тех пор более года ничто не омрачало брака Фрэнка и Барбары.

– Не касайся этой темы, – говорил Фрэнк всякий раз, когда Рудин пытался напомнить ему об аннулировании без согласия Нэнси.

Фрэнк и Барбара жили, очень довольные друг другом; афишировали то, что считали нужным, и скрывали остальное. Так продолжалось до девятого октября 1979 года. В этот день Фрэнка сфотографировали причащающимся в соборе Святого Патрика. Также была сделана фотография Фрэнка с закрытыми глазами и сложенными в молитве руками – после принятия Святых Даров. Фрэнк не смог бы получить причастие, не аннулировав брак с Нэнси и не обвенчавшись с Барбарой. Дочери Фрэнка быстро подобрали детальки пазла; полная картина заставила их содрогнуться.

– Нэнси-младшая и Тина были вне себя от гнева, – вспоминает источник из их окружения. – На сей раз Синатра перешел границы дозволенного.

Тина позвонила отцу и высказала всё, что о нем думает: брак аннулирован обманным путем, мать в отчаянии. И что теперь будет с ней, Тиной; что будет с Нэнси и Фрэнки? Они незаконнорожденными считаются, да? То есть не имеют права на наследство?

На карту была поставлена не только репутация семьи, честь Нэнси-старшей, но и миллионы долларов.

Фрэнк, припертый, образно выражаясь, к стенке, признался: да, он это сделал. Он аннулировал брак с Нэнси, он обвенчался с Барбарой, притом дважды – в Палм-Бич и в Нью-Йорке, и он не пригласил на церемонию своих детей. Но пусть Тина не волнуется – Фрэнк совсем не имел в виду, что брак с ее матерью не существовал. Тина в ответ воскликнула:

– Папа, это ан-ну-ли-ро-ва-ни-е! От слова «нуль»! О чем тут можно говорить?!

«Трилогия»

В шестьдесят с лишним лет Синатра был активнее, чем иные певцы вдвое моложе его. Например, в январе 1980 года у Фрэнка начался годовой ангажемент в «Сизар-Пэлас», в Лас-Вегасе. (Контракт был заключен на десять лет, каждое выступление собирало полный зал и завершалось овацией.) Ангажемент включал и турне в Бразилию. Синатра дал четыре концерта в Рио-де-Жанейро, в зале «Рио-Пэлас», после чего собрал на футбольном стадионе «Макарена» сто семьдесят пять тысяч человек. После успеха в Бразилии он вернулся в Штаты и начал предвыборную кампанию за Рональда Рейгана. С ним в команде выступал Дин Мартин. А в марте Синатра приступил к съемкам фильма «Первый смертный грех», где его партнершей была Фэй Данауэй.

Несмотря на солидный возраст, Фрэнк и не думал сокращать количество выступлений или время съемок. Казалось, чем больше он делает, тем больше ему хочется сделать, изведать, испытать.

Весь 1980 год он выступал в больницах, исследовательских центрах, дал концерт в Монако для Грейс Келли, в Невадском университете, в детском приюте «Ранчо Святого Иуды», в Красном Кресте. А еще успел побить рекорд в «Карнеги-холле» – там у Фрэнка намечался двухнедельный ангажемент, и все билеты были проданы за один день. Такого «Карнеги-Холл» не видывал девяносто лет. В декабре 1980 года Лайза Миннелли не смогла выступить в Лас-Вегасе, в отеле «Ривьера», и Фрэнк с готовностью заменил звезду. На шестидесятипятилетие Барбара приготовила мужу сюрприз – устроила тематическую вечеринку-вестерн с двумя с половиной сотнями гостей.

В том же 1980 году Фрэнк выпустил первый с 1973 года студийный альбом из трех пластинок под названием «Трилогия» (Trilogy), в котором распределил композиции по трем категориям – прошлое, настоящее, будущее. Первую пластинку составляют «Избранные песни ранних лет» «Collectibles of the Early Years) – заново записанные любимые композиции Синатры, например, «Песня – это ты» и «Это должна быть ты» (The Song Is You и It Had to Be You) в аранжировке Билли Мэя. Вторая пластинка – «Несколько счастливых лет» (Some Very Good Years) – посвящена актуальным на тот момент песням, среди которых «Песня в грусти» (Song Sung Blue, первоначальный исполнитель Нейл Даймонд) и битловская композиция «Что-то» (Something). Наконец, третья пластинка «Размышления о будущем» (Reflections on the Future in Three Tenses), представляет композиции, аранжированные Гордоном Дженкинсом. Руководил процессом

тогдашний директор «Репризы», Сонни Берк, в записях было задействовано пятьсот музыкантов.

Вторая пластинка из альбома знаменита версией композиции «Нью-Йорк, Нью-Йорк» (New York, New York) в аранжировке Дона Косты. Первоначально песня была написана для одноименного мюзикла Мартина Скорсезе и исполнялась Лайзой Миннелли; она по праву считается хитом этой звезды. Фрэнк впервые спел «Нью-Йорк, Нью-Йорк» на концерте в 1978 году – этой песней он открыл шоу в «Радио-сити-мюзик-холл». В течение следующих месяцев Фрэнк отточил манеру исполнения, добавил драматизма. На пластинке песня появилась девятнадцатого сентября 1979 года, Фрэнк спел ее в сопровождении духового оркестра. Аранжировщиком выступил Дон Коста.

За «Трилогией» в 1981 году последовал альбом «Она меня прикончила» (She Shot Me Down).

«Кто сделал этот снимок?»

В апреле 1976 года Фрэнк появился в театре «Премьер» города Тэрритаун, что в штате Нью-Йорк. За этот ангажемент ему заплатили восемьсот тысяч долларов – самую крупную сумму в его исполнительской карьере за выступление в зале сопоставимого размера. Сразу же поползли слухи: дескать, всё финансировала мафия, а точнее, ее босс, Карло Гамбино – глава могущественного и влиятельного преступного клана Гамбино, «державшего» Нью-Йорк. Гамбино, рассчитывая на выступления Синатры, будто бы вложил сто тысяч долларов в строительство театра. Сам Фрэнк утверждал: если это и правда, действия Гамбино его, Фрэнка, не касаются. Он получает гонорар за свою работу, а откуда деньги, ему неинтересно.

После концерта (11 апреля 1976 года) в гримерку Синатры привалили мафиози в полном составе, возглавляемые Карло Гамбино. Были там Грег Депалма, Джимми Фратьянно, Пол Кастеллано, Джозеф Гамбино, Ричард Фуско. Фрэнк охотно сфотографировался со всей компанией. Защитники Фрэнка могут привести следующие аргументы: у Синатры не было выбора; невежливо отказываться от фото с поклонниками, даже если они мафиози, тем более что Карло Гамбино привел на концерт свою внучку по имени Филлис Синатра Гамбино. С другой стороны, персонаж вроде Синатры, в штате которого хватало телохранителей, помощников и прочих сотрудников, чья задача – контролировать «доступ к телу», уж конечно, мог бы при желании отвертеться от мафиозной фотосессии (и даже должен был отвертеться, учитывая слухи о строительстве театра).

К несчастью для имиджа Фрэнка, фотография всплыла летом 1978 года, когда кое-кого из названных персонажей обвинили в злостном мошенничестве, связанном с театром «Премьер». Театр собрал в общей сложности пять целых три десятых миллиона долларов; как он мог обанкротиться? А вот как. Доходы уходили налево – весьма вероятно, оседали в карманах мафиози. Об участии в этом скандале Фрэнка Синатры сразу заговорили в голос. Синатра якобы тоже имел долю.

На сей раз Фрэнка в суд не вызвали, хотя пресса настойчиво проводила мысль о его связи с Гамбино и прочими персонажами, запечатленными на общем фото. Показания давать пришлось Джимми Фратьянно; он утверждал, будто Фрэнк причастен к мошенничеству и действительно «снимал сливки». Однако известно, что Фратьянно был информатором, за дачу показаний правительство его простило; вряд ли его свидетельства можно

считать правдивыми. В итоге ничего доказано не было, дело закрыли. Позднее отдельных фигурантов удалось прищучить и отправить в тюрьму, а на репутации Синатры появились свежие пятна.

– Фотографии попали в лапы к журналистам, – рассказывал Мики Рудин. – И вскоре были прикреплены к делу. Одна из них в январе 1979 года появилась на развороте «Лайф». Кому такое понравится?

– Кто сделал этот снимок? – возмущался Синатра. – Шутников развелось – плюнуть некуда! Надо было нам на месте это дело пресечь.

Даже Рональд Рейган, считавшийся другом Синатры, не мог сказать ничего внятного о его связях с мафией. На соответствующий вопрос Рейган ответил:

– Подобные слухи циркулируют много лет. Нам остается надеяться, что они не имеют под собой оснований.

Можно подумать, у нее был выбор!

К 1982 году участились ссоры Фрэнка с женой. Предметом недовольства Барбары было пристрастие Фрэнка к алкоголю. Фрэнк давно привык выпивать пятую часть литровой бутылки виски «Джек Дэниэлс». Как-то раз он сообщил о своей привычке одному врачу. Врач в изумлении воскликнул:

– Святые небеса! Как же вы после этого чувствуете себя по утрам?

– Черт меня подери, если я знаю, – отвечал Фрэнк. – Я просыпаюсь после полудня.

Во время возлияний он и его приятели становились непредсказуемы, а потому опасны. Например, во время празднования Дня независимости США (4 июля), в Монако, Фрэнк, Джилли, Бобби Маркс и еще несколько персонажей перебрали шампанского и начали швырять так называемые вишневые бомбы (фейерверки красного цвета) на пирс, к которому примыкал новый ночной клуб. Гости клуба разбежались, одна только Барбара продолжала сидеть за столиком, сжимая в руке бокал мартини и молясь, чтобы всё поскорее закончилось. За годы жизни с Синатрой она привыкла к подобным выходкам и знала: Фрэнк наиграется, они пойдут спать и постараются забыть о случившемся. Но в тот вечер на празднике присутствовала Элен Роша, бывший генеральный директор дома моды «Роша», каковой дом благодаря ее мудрому руководству превратился в многомиллионный бизнес. Одна из вишневых бомб разорвалась непосредственно под стулом Элен Роша, практически доведя бизнес-леди до апоплексического удара. Ее спутник, французский аристократ Ким Д'Эстанвилль, метнул во Фрэнка и компанию бутылку из-под водки. К несчастью, бутылка угодила Барбаре в голову, до крови рассекла висок. Барбара, правда, осталась в сознании, но ее сын, Бобби, не стерпел обиды и набросился на Д'Эстанвилля. На подмогу Бобби поспешил Джилли Риззо. Скоро образовалась целая свалка. В рукопашной участвовали Фрэнк и К°, а также все, у кого на тот момент кулаки чесались. Было поломано немало стульев и разбито немало посуды. На следующее утро к Синатре в номер явилась полиция. Искали Джилли.

– Давно свалил, – сказал Фрэнк. – Наверно, этот дурик уже в Штатах.

Джилли в это время прятался за портьерой, из-под которой виднелись мысы его огромных ботинок.

В другой раз вопрос о пагубном пристрастии Фрэнка возник

во время его турне по Японии. Всё началось с недоразумения при заселении в отель. Фрэнку не давали номер, который он хотел получить, потому что предыдущие гости не успели забрать оттуда вещи, а персоналу еще предстояло сделать уборку. Синатру направили в другой номер, ничуть не хуже первого. Однако Синатра непременно хотел жить по соседству со своей ассистенткой, Дороти Улеманн. Всю предыдущую ночь они с Джилли предавались возлияниям, и Фрэнк был в дурном расположении духа. Джилли, также похмельный, отправился в номер, который Фрэнк требовал для Дороти, и вежливо попросил постояльца переместиться – мол, Синатра компенсирует все издержки. Постоялец оказался человеком упрямым и горячим – дверь захлопнулась перед носом Джилли.

Джилли пустил в ход кулаки. Он стучался в номер и вопил:

– Вон! Немедленно вон!

Фрэнк, утомленный криками, посоветовал:

– Возьми лом, Джилли, и сделай то, что должен сделать.

Через десять минут Джилли с ломом в руках вновь появился у двери вожделенного номера, принялся ковырять замок, работать кулаками и кричать: «Фигня какая-то! Ничего не выходит!»

Гость, теперь уже изрядно разозлившийся, вызвал по телефону управляющего, который опять же по телефону сообщил Фрэнку: либо он довольствуется предоставленным номером, либо пусть ищет себе другой отель. Фрэнк, по обыкновению, запустил телефонным аппаратом в окно. Увы, особое, небьющееся стекло осталось целехонько, а телефон срикошетил Фрэнку в лоб.

– Что за чертова ночлежка! – завопил Синатра, обращаясь к Барбаре. – Даже телефон, так его и этак, в окно не выкинешь!

Разумеется, Барбара давно привыкла к подобным вспышкам – они по большей части случались именно во время или после возлияний. Было бы преувеличением сказать, что Барбара обижалась. Заключая брак с Фрэнком, она знала, на что шла. Будь она тонкокожим, трепетным созданием вроде Миа, она бы и пяти минут не продержалась в мире Синатры. И всё же Барбаре не могло нравиться такое поведение мужа; с годами оно стало ее утомлять.

В начале 1982 года, перед серией шоу в «Сизар-Пэлас» (участие принимала также Нэнси-младшая), Барбара серьезно говорила с мужем насчет алкоголя, здоровья и прочего. Фрэнк только головой мотал. В Вегасе на каждом шагу казино, а ему нравится играть ночи напролет – ну и пить при этом, конечно. В свои шестьдесят пять Фрэнк нисколько не перебесился, не желал учитывать свой возраст, продолжал всячески молодиться, в том

числе и посредством образа жизни. Барбаре казалось, Фрэнк гробит не только свое здоровье, но и свой знаменитый драгоценный голос. Вдобавок пьяные дебоши, по ее мнению, всем давно надоели и уж точно не являлись средством создать впечатление, будто Фрэнк по-прежнему молод. Своими проблемами Барбара поделилась с подругой, Эйлин Фейт, которая также приехала в Вегас.

– Его дети почему-то считают, что он теперь пьет гораздо меньше, – начала Барбара, поглядывая на Фрэнка, веселившегося в компании приятелей, – Видимо, им так жить легче. Если бы они наблюдали папочку двадцать четыре часа в сутки, как я, у них бы уверенности поубавилось. А у меня ощущение, будто я включилась в игру на девятом иннинге и пытаюсь спасти ситуацию. Ясно же – ничего не выйдет. У Фрэнка привычки давным-давно сформировались. Он же Синатра!.. Чтобы Синатра да не пил – это неслыханно.

– А ты – его жена, – заметила Эйлин Фейт. – Ты должна вмешаться, Барбара.

Барбара возразила: она давно усвоила, что с Фрэнком лучше не спорить. Надо принимать его таким, какой он есть. Тем более споры и ссоры неуместны сейчас, когда рядом торчит Нэнси-младшая, которая мечтает найти хоть одно доказательство несчастливости их брака. Зачем доставлять ей такое удовольствие?

– Нэнси спит и видит, как бы к чему-нибудь прицепиться. Ей любая мелочь сойдет, – невесело улыбнулась Барбара. – Она крепкий орешек. Я против нее слабачка.

Далее Барбара добавила: они с Нэнси на самом деле очень похожи характерами, отсюда все их разногласия и взаимная неприязнь.

– Нэнси – моя точная копия. Будь я старшей дочкой популярного певца и очень богатого человека, а Нэнси – наоборот, его четвертой женой, она бы вела себя так же, как я, если даже не покруче.

По мнению Эйлин, Барбаре следовало воспользоваться присутствием Нэнси и попытаться сблизиться с ней. Барбара думала иначе. Ведь если они с Нэнси поссорятся (а они наверняка поссорятся) и у Нэнси возникнут проблемы на сцене, Фрэнк всё свалит на Барбару. Нет, надо держать дистанцию.

– Пару раз можно вместе поужинать, а в остальное время следует ограничиваться приветственными кивками в холле, – сказала Барбара. – По крайней мере пока Нэнси и Фрэнк вместе дают концерты. Уверена, что и Нэнси не желает со мной более тесных отношений.

В этот момент к Барбаре приблизился Джилли Риззо, приобнял ее, получил улыбку.

– Фрэнк перебрал, – сообщил Джилли.

Барбара покосилась на мужа. Что, по мнению Джилли, она должна сделать?

– Даже не знаю, – раздумчиво проговорил Джилли. – Может, увести его в номер? Да, пожалуй. Фрэнки пора баиньки.

С этим Джилли стиснул Барбаре руку и удалился.

– «Пора баиньки»! – усмехнулась Барбара, собирая вещи в сумочку и настраиваясь на разговор с мужем. – Когда он хватит лишнего, мне остается только искать надежное укрытие. Особенно если Фрэнк налегал на джин. В таких случаях я запираюсь в своей комнате.

Подруги рассмеялись.

– Не кисни, Барбара! Наверняка очень многим женщинам приходится тяжелее, чем супруге Фрэнка Синатры, – поддразнила Эйлин.

Барбара хихикнула.

– Знаешь, я люблю его таким, какой он есть…

Итак, Барбара пошла уговаривать Фрэнка.

– Отстань, Барбара, – отмахнулся он от жены.

В тот вечер ему не везло за игорным столом, алкоголь же только ухудшал настроение. Барбара использовала веский аргумент: мол, если они сейчас же лягут спать, они утром встанут достаточно рано, чтобы успеть позавтракать вместе с Нэнси. Фрэнк и слышать не хотел. Он хотел играть.

– Ладно, как только мне попрет, я пойду спать, – пообещал он. – Ступай в номер, отдыхай.

– Я сделала всё, что могла, – сказала Барбара, обращаясь к Джилли. – И я действительно устала. Пойду-ка лучше лягу. Желаю удачи.

С этим Барбара пошла спать.

Через четыре часа в ее номере раздался телефонный звонок. На проводе был Джилли. Он сообщил тревожную весть: Фрэнк в ресторане и вот-вот ввяжется в драку с репортером. Джилли не рискнет вмешиваться, да и Вся Итальянская Рать не рискнула бы. Джилли хочет лечь в постель; именно в постель, а не на больничную койку.

– Барбара, ты нужна здесь, – молил Джилли. – Спустись, пожалуйста!

Барбара оделась и поспешила в ресторан. Еще в холле до нее донесся голос Фрэнка: муж втолковывал фотокорреспонденту, что снимать в казино и на прилегающих территориях запрещено. Если фотокор не послушается, Фрэнк ему доступ сюда вообще

закроет!

Барбара вошла в ресторан, Фрэнк мрачно взглянул на нее.

– В чем дело?

– Пора в постель, – сказала Барбара.

– Вот только с этим фраером разберусь. Пускай отдаст мне фотоаппарат, тогда, может, я не стану его бить.

Фотокорреспондент попятился, однако заявил, что с оборудованием не расстанется. К нему приступил Джилли.

– У тебя есть тридцать секунд. Не одумаешься – я тебе этот фотоаппарат в зад затолкаю. А потом мы все дружно пойдем баиньки.

– Никто ничего никому никуда заталкивать не будет, – твердо сказала Барбара.

– Не лезь не в свое дело, – рявкнул Фрэнк.

– Я буду тебе очень признательна, милый, если ты сейчас ляжешь со мной в постель, – ровным тоном произнесла Барбара.

Фрэнк залпом допил содержимое своего бокала.

– Уговорила. Что ж, если женщина хочет в постель – надо идти в постель.

Он швырнул на барную стойку несколько купюр, испепелил фотокора взглядом и послушно пошел вслед за Барбарой.

Джилли уже вызвал лифт. Когда все трое шагнули в кабину, Джилли незаметно для Фрэнка показал Барбаре оба поднятых вверх больших пальца – дескать, молодчина!

Часть тринадцатая
Это жизнь

Фрэнк и Барбара расстаются

Год 1984-й был для Синатры насыщенным – концерты, вручения премий, многочасовые телемарафоны, поездки за границу и прочее. В апреле и мае Фрэнк записал альбом «Л. А. – моя любовь»[14] (L. A. Is My Lady). Продюсером выступил Куинси Джонс. Правда, сам Фрэнк эту свою работу невысоко ставил – считал, что песни подбирались наобум. Альбом раскупили лишь потому, что на нем было написано «Синатра». В конце года Фрэнк вместе с Барбарой по приглашению Рейгана присутствовал на ужине в Белом доме.

В начале 1985 года Фрэнк и Барбара производили впечатление семейной пары, которой нужно пересмотреть свои отношения. Между супругами почти не утихали конфликты. Многие близкие к Синатре люди хорошо помнят скандал, разразившийся в Лас-Вегасе, в отеле «Бэллиз». Фрэнк пил, сидя за игорным столом вместе с Джилли и другими приятелями; Барбара с тоской наблюдала, как он раз за разом проигрывает огромные суммы. Фрэнк поистине являл собой довольно неприглядное зрелище: сгорбленный над грудой фишек, с сигаретой, прилипшей к губе. Время от времени он вынимал сигарету, чтобы глотнуть водки с содовой.

– Тебе не кажется, что ты уже достаточно выпил? – спросила Барбара, приблизившись к мужу.

Фрэнк закатил глаза.

– Послушай, Барбара, я работаю как проклятый. Надо же мне как-то расслабляться.

– Если бы ты не проигрывал столько денег в казино, тебе не приходилось бы и столько работать, – резонно заметила Барбара.

Супруги постоянно ссорились из-за огромных трат Фрэнка. Он спускал деньги едва ли не быстрее, чем зарабатывал. Кроме того, Барбару раздражало, что Фрэнк продолжает делать своим детям подарки стоимостью в тысячи долларов. Барбара считала, что Нэнси, Тина и Фрэнки давно переросли такое родительское внимание. Им должно быть совестно!.. Синатры-младшие придерживались другого мнения, а именно: Барбара пытается контролировать финансы их отца.

– Папа всегда заваливал нас дорогущими подарками, и вдруг всё прекратилось, – вспоминает Нэнси Синатра. – Подарки отныне полагались только его жене. По-моему, она вела себя эгоистично. Дело ведь не в стоимости подарка, а во внимании дарителя. Мы не из-за вещей переживали, а из-за того, что папа перестал обращать на нас внимание. Он всегда выражал свою

любовь через материальные ценности. Так что мы должны были думать, когда поток даров иссяк?

Женившись на Барбаре, Фрэнк буквально завалил ее ювелирными украшениями. Надарил золотых цепочек, браслетов, бриллиантовых серег и колье. Всё это добро хранилось в стальном сейфе в два фута длиной, один фут шириной и восемь дюймов глубиной.

– Как-то миссис Синатра попросила меня и нашу экономку вынести сейф из дома – хотела переместить свои драгоценности в банк на хранение, – рассказывает Билл Стейпли, дворецкий. – Мы насилу подняли эту тяжесть. Честное слово, сейф весил не меньше тонны.

Однако вернемся к скандалу в лас-вегасском отеле.

– А ты почему его подначиваешь? – напустилась Барбара на Джилли Риззо.

Джилли боялись многие, но только не Барбара.

– Тебе бы надо следить, чтобы Фрэнк не пил, – продолжала Барбара. – Хорош друг!

– Уж получше некоторых, – парировал Фрэнк.

Сам Джилли молчал. Толпа затаила дыхание.

– Знаешь что? Проваливай отсюда, – вдруг крикнул Фрэнк, злобно взглянув на жену. – Собирай свое барахло, да смотри, тряпку какую-нибудь не забудь. Чтоб через два часа тебя в номере не было. У нас с тобой всё кончено, Барбара. Всё кончено, слышишь? Кончено!

Фрэнк стоял без движения, только грудная клетка ходила ходуном да сверкали от гнева глаза.

– Черт подери! – воскликнул он, сжимая кулаки. – Начистить бы тебе вывеску. Прямо-таки руки чешутся!

Барбара не растерялась, не втянула голову в плечи.

– Руки чешутся? – Она шагнула к Фрэнку, выпрямилась. Голубые глаза сверкали холодно, как сталь. – Ну так валяй, отправь меня в нокаут. Чего ты ждешь? Ударь меня!

– А что ты сделаешь, если я тебя ударю? – спросил Фрэнк. – Богом клянусь, я могу так садануть, что ты через весь зал пролетишь.

– Что я сделаю? – эхом отозвалась Барбара. – Я уйду от тебя. Ты никогда больше меня не увидишь. Ну, давай же, Фрэнк, бей! Или кишка тонка?

Фрэнк уронил руки.

Барбара спокойно отвернулась и пошла к лифту, высоко неся голову. А Фрэнк, как ни в чем не бывало, вернулся к игре.

Барбара открыла дверь номера, собрала вещи («не забыв ни одной тряпки»), вызвала такси и улетела на личном самолете

Фрэнка на ранчо «Мираж».

– Фрэнк появился через два дня, – вспоминает Билл Стейпли. – В следующие две недели в доме было как на Северном полюсе. Супруги ни словечком не обменялись. А потом Барбара упаковала вещи и покинула дом. Фрэнк сказал мне: «С моим браком покончено. Я рад, что избавился от этой бабы. Она мне на нервы действовала».

Фрэнк не сомневался: возврата к прошлому с Барбарой не будет. Они расстались, и точка. Многие считали, что Барбара вбила клин между Фрэнком и его семьей; всё это подспудно действовало на Фрэнка, потому он и пил, и играл, и скандалил. Действительно, он был вспыльчив, раздражителен, иррационален – но разве можно усмотреть в его поведении что-то принципиально новое? На сообщение о разрыве с Барбарой дочери Фрэнка отреагировали соболезнованиями, хотя на самом деле были крайне довольны. Тина, например, утверждала:

– Я веселилась не меньше, чем какой-нибудь жевун, увидевший, как на Злую Ведьму падает дом.[15]

Итак, Фрэнк в своей горячности решил развестись. Увы, годы брали свое. Раньше он, не задумываясь, оборвал бы любые отношения. Так было со всеми его женщинами, кроме Авы. Тогда, действительно серьезно влюбленный, Фрэнк долго тянул с официальным разводом. Другие вроде Бетти Бэколл и Миа Фэрроу мигом получали ощутимый пинок. Теперь Фрэнку исполнилось семьдесят, и к нему уже начал подкрадываться страх одиночества. Конечно, утешением в старости оставались дочери, но между ними и Фрэнком в последние годы было столько конфликтов, непонимания, недомолвок, что на налаживание отношений требовалось время. Вдобавок Фрэнк смертельно обидел свою первую жену и больше не мог рассчитывать на ее безоговорочную поддержку. Если еще и Барбара уйдет, кто же с ним останется?

К страху одиночества примешивался страх расстаться с изрядной долей имущества. В отличие от Миа Барбара уж точно потребует алиментов.

А Барбара тем временем озадачила Артура Кроули, поверенного по бракоразводным делам. Не прошло и недели после скандала в Лас-Вегасе, как были готовы все документы. О нет, Барбара не растворится в пространстве, как сделала кроткая Миа. Барбара затаскает по судам и отсудит-таки себе деньжат! Понимая всё это, Фрэнк тем не менее велел Мики Рудину готовить бумаги на развод.

Следует назвать один крайне важный в этом деле фактор. Фрэнк действительно любил Барбару. По-своему, конечно – но

любил. Его чувства не остыли с годами, он не мыслил жизни без Барбары. И вот Фрэнк обратился за советом к отцу Руни. Том Руни сразу сказал: в его глазах, да и в глазах Церкви, брак – это священный союз. Фрэнк ведь венчался с Барбарой, притом дважды! Значит, нужно бороться за сохранение брака. Это нелегко, но стоит усилий.

К тому времени как Барбара вернулась в Штаты (примерно через месяц), Фрэнк успел одуматься. Теперь он хотел помириться с женой. Однако Барбара не собиралась давать ему прощение – по крайней мере до тех пор, пока Фрэнк о прощении не попросит. В этом-то и состояла загвоздка. От Фрэнка можно было добиться денег и подарков, но чтобы он прощения просил – нет уж, увольте.

Были времена, когда слово «прости» слишком часто слетало с его уст. Фрэнк извинялся перед Авой – но только перед ней. Следующие его женщины такой чести не удостаивались.

– Он признавался: надоело извиняться, после Авы никто от меня это слово не услышит, – вспоминает Джои Д'Оразио. – И правда, он не просил прощения. По крайней мере мне об этом неизвестно.

– Фрэнк Синатра никогда ни у кого не просил прощения, – подтверждает и Барбара. – Даже у меня. Говорил: «Есть две вещи, которых я не делаю ни при каких обстоятельствах. Я, во-первых, не зеваю в присутствии любимой женщины, а во-вторых, не извиняюсь перед ней». Особенно дорожил он вторым правилом. Извиниться – значит признать, что был не прав. Однако я дала понять: останусь только в том случае, если услышу: «Прости, Барбара».

– Прощение и примирение – важнейшие главы в Святом Писании, – убеждал Фрэнка отец Руни. Душеспасительная беседа происходила в доме Фрэнка, присутствовали многие из его друзей. – Когда вам говорят «Прощаю», это значит, что вы можете и сами себя простить, и жить дальше. Ничего нет зазорного в том, чтобы просить прощение.

Фрэнк считал иначе. Казалось, не было способов переубедить его.

– После многочисленных наставлений Фрэнк, наконец, выдавил: «Я не хотел тебя обидеть», – вспоминает Барбара. – Извинение получилось половинчатое, но на другое и рассчитывать не стоило.

– Я идиот, – констатировал Фрэнк. – Порой поступаю по-идиотски. Я такой с рождения, и тебе это давно известно, Барбара.

Потом он нежно поцеловал Барбару, полностью восстановив

мир в семье.

Удручен своей биографией в исполнении Китти Келли

В декабре 1985 года Синатре исполнилось семьдесят. Вот как написал об этом событии Боб Грин, колумнист газеты «Чикаго трибьюн»:

«Семидесятилетний юбилей Фрэнка Синатры, который мы празднуем на этой неделе, очень многих заставил остановиться и задуматься. Фрэнку Синатре – семьдесят. Поистине, серьезная дата. Если семьдесят стукнуло Синатре, то что тогда случилось с нами?»

Действительно, казалось, раз старел Синатра, раз он осознавал свою бренность на этой земле, то задуматься о бренности тем более стоило его поклонникам. Слишком долго Фрэнк органично входил в жизнь многих американцев – поэтому так тяжело и даже больно было видеть его дряхлеющим. Дряхлость знаменитого певца лишний раз напоминала: все люди тленны.

В тот период Фрэнка изрядно беспокоила писательница Китти Келли, взявшаяся за его биографию. Эта Келли всюду совала свой нос последние два года, и добытая ею информация, по мнению Фрэнка, не годилась для обнародования. Келли написала весьма едкую книгу под названием «По его хотению» (His Way). Книга была опубликована в октябре 1986 года и оказалась еще хуже, чем боялся Фрэнк. В частности, Келли не скрыла ни единого мутного пятна в биографии Долли, и отныне каждый мог, сколько влезет, трепать имя матери Фрэнка.

Да, со многим в книге Китти Келли хотелось поспорить. С другой стороны, Фрэнк отлично понимал: он расплачивается за славу, популярность, богатство. Синатрам еще предстояло высказаться в свою защиту в книге, написанной Нэнси-младшей «Фрэнк Синатра: Американская легенда» и снабженной не одной сотней фотографий. В 1994 году за книгой последовал телесериал, продюсером которого выступила Тина Синатра.

Однако вернемся к Китти Келли. Самую тяжелую рану она нанесла Фрэнку, подробно рассказав о «медицинской» деятельности его матери и назвав Долли «матерью-убийцей».

– Фрэнк неоднократно высказывал желание как следует проучить Китти Келли, похоже, имея в виду физическую расправу, – свидетельствовал в 2013 году певец Пол Анка.

Не только Фрэнк, все Синатры были морально уничтожены пронырой Келли. Словно черная туча опустилась на его

семейство, когда двенадцатого октября 1986 года книга Китти Келли заняла первую строчку в списке бестселлеров по версии «Нью-Йорк таймс». Включив телевизор, Фрэнк угодил прямо на ток-шоу, в котором Келли подробно рассказывала об аресте его матери! С Фрэнком чуть инфаркт не случился, близкие боялись, что придется вызывать «Скорую».

Билл Стейпли вспоминает вечер, когда Фрэнк чуть-чуть не поговорил с Келли в прямом эфире.

– Я хлопотал по дому и вдруг услышал голос Фрэнка. «У меня к ней только один вопрос, – говорил кому-то Фрэнк. – Только один. У нее-то у самой есть мать? Кто-то же произвел на свет этакую досужую бабенку? Так вот. Если у нее есть мать, как она могла писать подобное о моей матери? Как у нее рука поднялась?» Выяснилось, что Фрэнк дозвонился в телешоу. Продюсер, видимо, заинтригованный предстоящей перепалкой, просил его оставаться на линии. Пока Фрэнк ждал, вошла Барбара и спрашивает: «Что ты делаешь?» «Собираюсь поговорить с этой помоечной крысой, Китти Келли. Спрошу, как она посмела писать всякие гадости о моей матери». Барбара вскинула брови: «Боже! Фрэнк, нельзя этого делать!» И хлопнула телефонную трубку обратно на рычаг. «Кто такая эта Келли, чтобы ей звонил сам Фрэнк Синатра? Да еще на телевидение, в прямой эфир! Возьми себя в руки, Фрэнк. Не пиарь ее!»

– По-моему, папа заболел из-за этой проклятой биографии, – утверждала Тина Синатра. – Я думаю, папины годы сократила мерзавка Келли. Нет и не будет ей прощения!

Действительно, Фрэнк на неделю, с девятого по шестнадцатое ноября, угодил в больницу – медцентр Эйзенхауэра в Палм-Спрингз – через месяц после публикации злополучной биографии. Заболевание – острый дивертикулит, или воспаление кишечника, – было скорее всего вызвано долговременной невоздержанностью в пище и питье. Фрэнк почувствовал резкую боль, когда пел в казино «Голден наггет» в Атлантик-Сити.

По словам лечащего врача Алана Алтмена, Синатре удалили двенадцать футов кишечника. Операция длилась семь с половиной часов. Фрэнк был крайне удручен самим фактом хирургического вмешательства, расценил его как очередной признак надвигающейся дряхлости. Билл Стейпли рассказывает о том, как навещал Синатру в больнице.

– Прихожу – а он плачет. Никогда прежде я не видел, чтобы Фрэнк плакал.

Заметив, что в палате находится его дворецкий, Фрэнк зарылся лицом в подушку. Билл Стейпли подошел к нему, сжал ему руку. Фрэнк дернулся и рявкнул:

– Отстань от меня. Проваливай. Я хочу быть один.

Билл не ушел, он оставался с Синатрой до тех пор, пока тот не уснул.

«Папа был бы доволен»?

Конечно, болезнь Фрэнка очень беспокоила его дочерей и первую жену. Ситуация усугублялась неприязнью обеих Нэнси и Тины к Барбаре, которая платила им той же монетой. Барбара всячески ограничивала посещения Фрэнка дочерьми и Нэнси-старшей. Ни одна встреча Барбары с ними не обходилась без скандала, но во время болезни Фрэнка, а тем более в больничных стенах скандалы были Барбаре совершенно не нужны. Со своей стороны дочери Синатры и его первая жена тоже не хотели некрасивых сцен. Итак, четыре женщины старательно сдерживали взаимную ненависть. Таким образом, больничные стены сделали Барбару недосягаемой для желчи Синатр. Что касается обеих Нэнси и Тины, они впервые осознали: Фрэнк смертен, как и все люди. По их мнению, Барбаре следовало больше им сочувствовать. Тина и Нэнси даже требовали от Барбары этого сочувствия вслух, возмущенно спрашивали, почему она не пускает их к отцу.

– Как вам обеим известно, ваш отец не любит выставлять напоказ свои страдания, – вежливо объясняла Барбара. – Посторонние не должны видеть его слабым и беспомощным.

– Мы – не посторонние! – кричали сестры Синатра.

– Я этого и не говорила, – сухо отвечала Барбара. – Я имела в виду, что ваш отец был бы доволен тем, как я справляюсь с наплывом посетителей.

Дочерей Синатры Барбара не убедила. Они пребывали в уверенности, что Барбара много на себя берет, однако решили не досаждать своими жалобами больному отцу.

– Мне так живот исполосовали, что просто жуть, – вспоминал об операции сам Фрэнк. – Оказалось, у меня там инфекция; и вот она пошла гулять по кишкам и прочему. Еще немного, и я бы концы отдал. Если бы концерт продолжился, меня бы из зала вперед ногами вынесли. Оркестру пришлось бы вспомнить похоронный марш. И цветы бы даром не пропали – на могилу бы легли.

После операции Фрэнк должен был в течение месяца носить калоприемник.

– Нет слов передать, как его это терзало, – вспоминает Пол Анка. – После выступления он показал мне набор этих жутких сосудов. Фрэнк чувствовал себя униженным и боялся очередной, уже третьей, операции.

Врачи велели шесть недель возиться с калоприемниками; они, верно, с ума посходили. Кто такое выдержит, а? Фрэнк

промучился две недели, а потом заявил: делайте операцию, я так больше не могу. Чтоб я этих мешков с дерьмом не видел. Ложась на третью операцию, Фрэнк попросил Билла Стейпли проследить за действиями врачей.

– Если они не избавят меня от мешков, возьми пушку и пристрели их, – распорядился Фрэнк.

Придя в сознание после операции, он увидел в палате Билла Стейпли.

– Ну что, чертовы эскулапы пока живы? – спросил Фрэнк.

Хозяин и дворецкий перемигнулись, и Фрэнк, всё еще находившийся под действием наркоза, снова заснул. К сожалению, понадобилась еще одна операция: Фрэнк не выдержал положенного срока с калоприемником, принудил врачей к хирургическому вмешательству, что, конечно, не могло хорошо закончиться. В ходе четвертой операции врачи исправляли погрешности операции третьей, а потом Синатре пришлось-таки выдержать шесть недель с калоприемником. Синатра был вне себя от унижения, гнева и тоски, а его друзья и близкие чуть ли не во всем винили Китти Келли. Им хотелось публично опровергнуть многие пассажи ее книги, но Синатра строго-настрого запретил вступать в полемику с ненавистной писательницей. Теперь он понимал: не начни он сам судебный процесс против Келли, внимания к ее опусу было бы куда меньше. Синатра лично спровоцировал и дополнительный пиар скандальной биографии, и нажил болезнь себе.

– Папа заставил нас всех дать подписку, что мы не будем комментировать биографию, написанную Китти Келли, – вспоминает Нэнси Синатра. – И мы страдали молча.

По иронии судьбы биография, написанная Китти Келли, в очередной раз показала: Синатра даже в семьдесят один год остается очень популярной фигурой. Сам же он ушел в работу, попытался забыть о книге. Наверняка именно этого ждала бы от него мать, будь она жива.

К 1987 году Фрэнк и Барбара приобрели новый дом на Футхилл-роуд, в Беверли-Хиллз. Дом в Палм-Спрингз остался у них, но теперь они по большей части жили в Лос-Анджелесе.

Восемьдесят седьмой год памятен еще и полным прекращением отношений между Фрэнком и Мики Рудином. Нередки были случаи, когда Синатра в одночасье рвал многолетнюю связь; так случилось и с Мики. Они повздорили, единственная ссора разрушила и сотрудничество, и дружбу.

– Это трудно объяснить, – годы спустя вспоминал Рудин. – Да я и не стану объяснять, предавать тем самым долголетнюю дружбу. Скажу только, что до определенного момента всё у нас с

Фрэнком шло хорошо. А потом изменились его отношения с семьей. Мы оба нервничали по этому поводу, в какой-то момент перестали сдерживаться, погорячились – и вот результат. Кончилась дружба, которой я дорожил более всего в жизни. Я очень страдал. Я любил и Фрэнка, и его детей – они выросли на моих глазах. Но довольно об этом, я не хочу превращаться в сплетника.

Нелегко было и Фрэнку – за десятилетия он привык к Мики, привык полагаться на него и советоваться с ним. Переживали и члены семьи Синатра, верившие, что их интересы Мики ставил едва ли не выше собственных. Без Мики Рудина будущее казалось не сулящим ничего хорошего.

Крысиная стая возвращается?

В общественном сознании имена Фрэнка Синатры, Дина Мартина и Сэмми Дэвиса были тесно связаны вот уже двадцать пять лет подряд. К 1987 году постаревшие артисты продолжали работать, несмотря на проблемы с близкими и со здоровьем. В октябре 1986 года тройка собралась на концерт-бенефис в Детском центре при клинике Эйзенхауэра, основанном Барбарой, женой Фрэнка. Тут-то Сэмми Дэвис и предложил: а давайте снова работать вместе! Действительно, эти трое как бы усиливали магнетизм друг друга, выступая одновременно, даром что за двадцать пять лет были периоды, когда они вовсе не виделись. Почему бы не начать всё заново?

Фрэнку исполнился семьдесят один год, Сэмми – шестьдесят один, Дину – шестьдесят девять. Сэмми предложил дать совместный концерт в отеле «Бэллиз», в Лас-Вегасе, где у всех троих был ангажемент. Фрэнк внес контрпредложение – отправиться в полноценное турне. Сэмми, любивший выступать с Фрэнком, моментально согласился. Иная ситуация была с Дином Мартином.

К этому времени Дин стал другим человеком. К октябрю 1987-го не прошло еще и шести месяцев с момента гибели его сына, Дина Пола, которому было всего тридцать пять. Личный самолет Дина Пола на скорости пятьсот миль в час врезался в гору Сан-Горгонио, ставшую роковой для матери Фрэнка. Со смертью сына свет померк для Мартина. Убитый горем отец погрузился в пучину депрессии. Правда, он еще пытался выступать – всего через восемь дней после похорон Дин Мартин давал концерт в отеле «Бэллиз», – однако воля к жизни оставила его. Здоровье стремительно ухудшалось – как из-за тоски, так и из-за алкоголя, который теперь потреблялся Мартином в непомерных количествах. Все друзья беспокоились о нем, а больше всех – Фрэнк и Сэмми.

– Хоть бы он поговорил о своем горе, – сетовал Сэмми. – Так нет, молчит. Замкнулся в себе.

Через два дня после озвучивания идеи насчет совместного тура Фрэнк позвонил Сэмми.

– Ну что, дружище, ты готов? – бодро начал Фрэнк. – Работа предстоит изрядная, но Дину это может пойти на пользу. Надеюсь, он встряхнется. Ради одного этого стоит попробовать.

Через несколько недель трио вновь собралось в доме Фрэнка. Фрэнк сообщил: придется отказаться от путешествия на поезде, ведь их команда – восемьдесят один человек, и кормить этакую

ораву целую неделю, размещать на ночлег и нести прочие дорожные расходы будет накладно. Нет, они все полетят на самолете.

– Мы трое соберем в общей сложности двадцать тысяч зрителей, – добавил Фрэнк.

Несколько лет спустя, в ресторане «Ла Фамилиа» в Беверли-Хиллз, Дин Мартин говорил:

– При слове «самолет» у меня всякое желание пропало. Я понял: это турне не для меня. Мое время ушло. Конечно, я выступал кое-где, кое-когда, но лишь для того, чтобы окончательно не пасть духом. Турне было мне не по силам, ведь оно требовало энергии, которой я лишился. Тем более с некоторых пор я не выношу самолетов… Но разве я мог отказаться? Разве мог подвести Фрэнка и Сэмми? Не мог, хотя и знал: турне будет самой крупной ошибкой моей жизни.

В декабре 1987 года Фрэнк, Сэмми и Дин давали пресс-конференцию в ресторане «Чейсенз» в Беверли-Хиллз, в ходе которой анонсировали свое турне. Все трое встретились заранее у Фрэнка, обсудили, что будут говорить, погрузились в черный длинный лимузин и покатили в «Чейсенз». Их встречала целая армия репортеров, взбудораженных вестью о воссоединении Крысиной стаи. Узнать об этом событии из первых рук жаждали представители радио, прессы, телевидения и даже иностранные корреспонденты. Турне спонсировала компания «Американ Экспресс», право освещать турне получил кабельный канал «Эйч-би-оу». Трое виновников шумихи поднялись на подиум.

– Леди и джентльмены, мы благодарим вас всех за то, что пришли сегодня в этот зал, – начал Сэмми, а Дин перебил:

– Может, еще не поздно дать задний ход?

Реплика вызвала смех, однако Дин вовсе не шутил (как позднее сам признавался).

Пресс-конференция прошла успешно. Фрэнк, Сэмми и Дин подшучивали друг над другом, как в шестидесятые годы. Было ясно, они не утратили своеобразного чувства юмора. На вопрос репортера, станут ли такие интервью ежегодным событием, Фрэнк ответил:

– Сэмми стукнуло шестьдесят два, он у нас самый молодой. Мне семьдесят два, Дину – семьдесят. В наши годы можно только на одно ежегодное событие надеяться – на собственный день рождения.

Другого репортера, заговорившего о воссоединении Крысиной стаи, Фрэнк оборвал, сказав, что «Крысиная стая» – неудачное прозвище, которое изжило себя. Нет, турне назовут иначе: «Снова вместе».

Во всех двадцати девяти городах билеты были раскуплены задолго до назначенных дат. Фрэнк радовался. Развеялись его опасения насчет того, что они с Сэмми и Дином не сделают сборов. Довольный, Фрэнк позвонил Сэмми.

– Бухгалтеры утверждают, мы получим на троих от шести до восьми лимонов, – сообщил Фрэнк.

Сумма внушительная. Новое начало или по крайней мере мощный финал – вот что думал каждый из троих.

Репетиции начались в «Рен-Мар студиоз» через несколько недель после пресс-конференции. Фрэнк, Сэмми и Дин приступали к работе с оптимизмом. Был собран оркестр из сорока нью-йоркских музыкантов под управлением дирижера Морти Стивенса.

Вспоминает Джозеф Уилсон, ответственный за качество звука:

– На первых репетициях Фрэнк был бесподобен. Пел так, словно уже вышел в огромный зал. Я сам обожаю его песни, для меня было наслаждением слушать. А как он выглядел! Черный атласный укороченный пиджак, бейсболка… Казалось, он в оркестре вообще не нуждается. Потом Сэмми исполнил «Ну не дурак ли я?» и «Сахарный человек» (What Kind of Fool Am I? и Candy Man). Сэмми недавно перенес операцию на шейке бедра, однако выглядел всё равно отлично. И пел отлично, будто ему не шестьдесят с хвостом, а тридцать. Пожалуй, он был лучшим из троих. А потом вышел Дин с песней «Volare» (в переводе с итальянского название означает «Летать»). Жалкое получилось зрелище. Дин не помнил слов. У нас имелась бегущая строка, но Дин на подсказку даже не смотрел. Сидел на табурете, бубнил себе под нос. Я глянул на Фрэнка, а у него на лице написано: «Вот черт! Этак мы все провалимся!» Дин еще пару песен пробубнил, в частности «Это любовь» (That's Amore) – и вдруг посреди песни встал и пошел за кулисы. А там плюхнулся на стул и закурил. Фрэнк к нему подходит, хлопает по спине. «Какая тебя муха укусила, Дин? Я никогда такого скверного исполнения не слышал». Он произнес эту фразу так, будто они с Дином были на сцене и трунили друг над другом. Но Дин всё понял. Понял, что Фрэнк страшно недоволен. Он сказал: «И не услышишь». Фрэнк ему, уже серьезно: «У нас теперь есть телесуфлер. Необязательно помнить слова». А Дин: «Да, но надо уметь читать». На сей раз Дин бросил реплику словно бы для зала.

Фрэнк только головой покачал и пошел к Сэмми. Они начали шептаться.

После репетиции Джозеф Уилсон спросил Сэмми:

– Что такое с Дином Мартином? Вид у него неважный.

Сэмми вздохнул.

– Никак не оправится после гибели сына. Не в наших силах помочь ему. Почему судьба так несправедлива? Почему его сын погиб в расцвете лет?

– Думаете, Дин продержится весь тур?

– Весь тур? Я сильно удивлюсь, если он продержится до конца репетиции.

Тут Уилсон вручил Сэмми шелковый пиджак с надписью на спине Michael Jackson – Bad Tour.[16] Сэмми надел этот пиджак и сказал:

– Буду молиться, чтобы Дин оклемался.

Проблемы с Дином

Первый концерт Фрэнк, Сэмми и Дин давали в оклендском театре «Колизеум» тринадцатого марта 1988 года. Разлад между друзьями наметился уже в аэропорту, где Фрэнк и Сэмми, сопровождаемые телохранителями, уселись в длинный черный «Линкольн», а Дин проследовал к длинному бежевому «Кадиллаку».

Дин позднее вспоминал:

– Фрэнк держался как-то холодно, мне рядом с ним было неуютно. Казалось, он вот-вот меня отругает. А Сэм вообще всегда принимал сторону Фрэнка, за меня он бы не заступился. Вдобавок мне не нравилось, что Фрэнк ведет себя как главный из нас троих. Он явно собирался нас «строить». А я ему не мальчик, я взрослый человек. И на дворе – не шестидесятый год.

Дрогнувшим голосом Дин продолжил:

– Вы же знаете, Фрэнк всё любит делать по-своему. Если ты с ним, ты поедешь на той скорости, какая нравится ему; будешь есть те блюда, которым он отдает предпочтение, ну и так далее. У меня нет таких замашек и никогда не было.

Билеты распродали все до единого (шестнадцать тысяч мест), шоу имело большой успех. Каждый из артистов сначала пел соло, затем все трое вместе вышли на сцену и исполнили несколько старых хитов. Дин держался молодцом. Оказывается, его скромное обаяние никуда не делось, непосредственная манера по-прежнему трогала зрительские сердца. Дин спокойно, несколько отрешенно исполнял свои проверенные временем композиции – однако с другими словами, например, «Пенни с Небес» (Pennies from Heaven): «Когда идет дождь – знай, с неба льется коньяк», «Когда ты улыбаешься» (When You're Smiling): «Когда ты пьешь, ты начинаешь вонять, и над тобой смеется весь мир». Казалось, замена слов и смыслов получается у Дина спонтанно. До сих пор он никогда не менял слова в этих хитах.

Публика любила одну из его старых шуток: Дин бросал на пол окурок своей неизменной сигареты, втягивал голову в плечи и зажимал пальцами уши, словно готовясь услышать взрыв. Как правило, шутка вызывала общий хохот. Но на сей раз Дин швырнул окурок не на сцену, а в зрительный зал – и заткнул уши. Послышались смешки, однако многие зрители испугались, как бы горящий окурок кого-нибудь не обжег или не испортил одежду. Шоу, правда, закончилось под овации зала.

А вот после шоу Фрэнк дал волю гневу. Вспоминает один из членов команды:

– Фрэнк схватил Дина за руку и поволок в гримерку, приговаривая: «Иди-иди». Сэмми следовал за ними.

– Ты что себе позволяешь? – рычал Фрэнк.

– А что я себе позволяю? – Дин прикинулся непонимающим, хотя, конечно, знал: речь идет об окурке.

– Какого черта ты бычками швыряешься? – бушевал Фрэнк. – Совсем рехнулся, да? Не знаешь, что можно, а чего нельзя? Зрителя не ценишь? Да что с тобой такое, Дин?

– Успокойся, Фрэнк, – устало сказал Дин. – Всё нормально. Я устал. Дай отдохнуть.

– Ребята, а давайте… – начал было Сэмми, желая разрядить обстановку. – Давайте все втроем…

– Ничего не будем делать, – докончил за него Фрэнк.

Годы спустя Дин сознался:

– Я был идиотом, вел себя недопустимо. Окурок мог обжечь кого-нибудь, и тогда бы на нас, чего доброго, в суд подали. Фрэнк правильно меня ругал. Я сам так испугался, что едва штаны не намочил.

После выступления в Окленде Фрэнку хотелось пойти куда-нибудь выпить и, может, даже «снять девочек» – как в старые добрые времена. Но Дин устал. Его единственным желанием было лечь на диван и включить телевизор.

– Когда ты успел так состариться? – пристал к нему Фрэнк. – Давай, встряхнись! А то я тоже начинаю чувствовать себя стариком.

– Ты и есть старик, – сказал Дин.

– Да что с тобой случилось? – взорвался Фрэнк. – Вали отсюда, не испытывай мое терпение!

Дин выскочил из комнаты.

Второе шоу состоялось в Ванкувере, в театре «Пасифик Колизеум»; третье – в Сиэттле, в театре «Сиэттл-Сентер Колизеум». О выступлении Дина Мартина критик «Сиэттл таймс», Патрик Макдональд, писал так: «Поразительно, как артист решается выходить на сцену в нетрезвом виде. Дин Мартин был настолько пьян, что не мог держаться прямо – всё время пошатывался. Стыд и позор!»

Следующим на очереди был город Чикаго, где предстояло выступать с восемнадцатого по двадцатое марта. Несмотря на ссоры между артистами, шоу имело успех. Рик Коган из «Чикаго трибьюн» назвал его «одним из самых впечатляющих событий, что когда-либо имели место в “Чикаго-театер”». Про Дина Мартина было сказано: «Слухи подтверждаются, он действительно пьет перед выходом на сцену. Правда, манера исполнения от этого не страдает. И всё же Мартин мог бы поменьше дурачиться и

побольше петь».

После Чикаго Фрэнк посетовал Морту Винеру: дескать, Дин «не тянет». Винер передал его слова Мартину, и тот объявил:

– Всё, я выхожу из проекта.

Тогда Винер забронировал чартер для себя и Мартина. Они собирались лететь обратно в Лос-Анджелес, оставив Фрэнка и Сэмми выступать дуэтом. Дин зашел к Фрэнку попрощаться.

– Фрэнк, мне лучше покинуть тебя и Сэмми, – произнес Дин, по его собственным воспоминаниям.

Фрэнк сделал удивленное лицо.

– Ах ты, сукин сын! Если не хотел работать, так бы сразу и сказал! А теперь что нам прикажешь делать?

У Дина не было ответа на этот вопрос. Он молча смотрел на Фрэнка.

Позднее Фрэнк признался одному репортеру, что чувствовал к Дину отвращение. Впрочем, нужно учитывать: настрой у артистов меняется быстро. Скорее всего так произошло и с «отвращением» Фрэнка.

Его чувство правильнее назвать разочарованием. Причем не только в Дине. Мартин заставил Фрэнка осознать, что лучшее в жизни уже прошло, что дни славы позади – однако жить, точнее, доживать, придется, поскольку «смерть – тот еще геморрой».

– Фрэнк обнял меня, – вспоминал Дин Мартин, – и поцеловал в щеку. А потом говорит: «Катись отсюда ко всем чертям. Убирайся». И я убрался. Все.

Фрэнку, Сэмми и их исполнительному продюсеру, Элиоту Уайсмену, пришлось собраться на совет и решать, что делать дальше, без Дина, кем его заменить. Последовательно были отметены кандидатуры Ширли Маклейн, Стива Лоуренса, Эйди Горме. Вот если бы Лайза Миннелли согласилась присоединиться к ним!.. Сэмми почему-то продолжал надеяться, что Дин вернется. Синатра подобных иллюзий не питал.

– Этому сукину сыну хорошо бы лечь в больницу. Если он по второму разу попытается испортить нам шоу, я его голыми руками задушу, – сказал Фрэнк.

Правда, увидев, какое неприятное впечатление произвели его слова на Сэмми, Фрэнк смягчился.

– Хотя, конечно, зря мы вообще его взяли. Я мог бы и сам сообразить, что Дин не оправился после смерти сына. Да и никогда не оправится. Такое горе бесследно не проходит. Дин не виноват.

Тут Сэмми не выдержал – разрыдался.

– Стресс был слишком сильный, – позднее вспоминал он. – Мы все были на грани. Смотреть на Дина сердце разрывалось. Во

время этого злополучного турне умерла часть меня самого.

Дин Мартин действительно обратился за врачебной помощью. В медицинском центре «Синайские кедры» у него обнаружили заболевание почек.

Двадцать второго марта 1988 года Фрэнк и Сэмми впервые вышли на сцену без Дина Мартина. Это было в городе Блумингтоне штата Миннесота.

– Мы только что звонили в «Цианистые кедры», – сообщил Сэмми, ненамеренно исказив название больницы. – Врач говорит, что состояние мистера Мартина удовлетворительное. Ему надо сдать еще кое-какие анализы, тогда поставят диагноз. А мы с Фрэнком будем выступать, потому что таковы наши традиции. Так положено в нашем деле. Этого ждет от нас наш друг. Сегодняшнее шоу мы посвящаем Дину Мартину.

Затем Сэмми исполнил песню «Здесь я останусь» (Here I'll Stay).

Вместе с уходом Дина Мартина изменилась вся тема турне. Однако шоу должно было продолжаться. В апреле 1988 года место Дина заняла Лайза Миннелли, и турне переименовали – отныне оно называлось «Кульминация». Трио имело колоссальный успех во всех без исключения городах.

Дочери Синатры протестуют

Ко времени так называемого возвращения Крысиной стаи Нэнси и Тина успели свести к минимуму контакты с Барбарой.

Летом 1988 года Нэнси было сорок восемь лет, Тине – сорок. Сестры уже неоднократно пытались выяснять отношения с мачехой, но результаты получались не просто неудовлетворительные – нулевые. Любая встреча с Барбарой заканчивалась скандалом с последующим бойкотом. Неудивительно, что Барбара не слишком радушно принимала падчериц у себя в доме. Даже когда она, переступая через себя, делала шаг навстречу, сестры Синатра лишь обвиняли ее в лицемерии. Постепенно они пришли к решению вовсе исключить поездки к отцу. Отныне общение с Фрэнком проходило по телефону. Довольно с нас Барбары, говорили Нэнси с Тиной, будто не понимая, что, по сути, они бросают отца. Фрэнк Синатра-младший, узнав о поведении сестер, удивился, однако вмешиваться не стал.

– Они не девочки, а взрослые женщины, сами могут решать, – объяснял Фрэнки. – Хотя в данном случае, по-моему, ничего глупее они придумать не могли. Наверное, им нужна сенсация.

Нэнси-старшая, как и прежде, общалась с Фрэнком по телефону. Конечно, после того как дочери объявили бессрочный бойкот Барбаре, Нэнси-старшая также забыла дорогу в дом Фрэнка. Правда, в отличие от своего сына она постоянно просила Нэнси и Тину помириться с Барбарой, поддерживать хотя бы видимость семейных отношений. Тщетно: дочери пошли характерами в отца, переубедить их было невозможно.

Барбара давно привыкла к закидонам своих падчериц. Вполне в стиле Синатра совершить какой-нибудь шокирующий поступок и дожидаться реакции – Барбаре ли этого не знать! Поистине, выдержка этой женщины впечатляет! Но дело не только в выдержке. Барбара отлично понимала: любая размолвка между ней и Фрэнком даст его дочерям новую надежду на полный разрыв, – поэтому и не позволяла себе опрометчивых поступков. Если сестрам Синатра охота кукситься – пускай себе куксятся на здоровье. Кампанию против жены Фрэнка Синатры им не выиграть.

– Не пойми меня неправильно, я очень огорчена, – призналась Барбара близкой подруге. – Только, к сожалению, на Нэнси с Тиной я влиять не могу – как и на их отца. Пусть сами разбираются. Я в их дела не полезу.

Фрэнк сначала не принял решение дочерей всерьез. Но потом

переменил мнение.

– Похоже, теперь-то и выяснились их истинные чувства к моей жене, – заметил Фрэнк, узнав, что отныне дочери не переступят порог его дома.

Фрэнк, хоть и удрученный их решением, держал сторону жены. Десять лет назад он, может, и нашел бы способ умаслить Нэнси и Тину. Однако в последние годы количество близких всё сокращалось, будто скукоживался сам мир Синатры. Ничто более не было прежним. И тот факт, что родные, любимые дочери не идут к нему в дом, служил только очередным свидетельством надвигающегося упадка. До определенной степени решение дочерей показывало их принадлежность к семье Синатра. Девочки выросли такими же упрямыми и независимыми, как их отец.

– Наверное, я повел бы себя так же на их месте, – признался Фрэнк в разговоре с Тони Оппедисано. – Я всё понимаю. Не одобряю, но понимаю. Они – Синатры. Они по определению не могут быть другими.

Бойкот длился несколько лет и имел, в числе прочих, одно особо существенное последствие. А именно: дочери Фрэнка сами лишили себя возможности следить за здоровьем отца. Между тем стареющий Синатра принимал изрядное количество антидепрессантов и седативных препаратов, от которых становился вялым и ко всему безразличным. Казалось, он медленно погружается в бездну. Нэнси и Тина всё-таки встречались с отцом «на нейтральной территории». Его здоровье внушало им серьезные опасения. Фрэнк не мог сосредоточиться, не мог вспомнить недавние события и вообще разваливался на глазах. Он даже слова своих песен позабыл. На него навалилась апатия, равнодушие ко всему происходящему затмевало разум. Фрэнку было на тот момент семьдесят три года. Неужели пугающие изменения можно назвать возрастными? Или так действуют лекарственные препараты?.. Исключив себя из жизни Фрэнка, Нэнси и Тина стали вслух сомневаться: а правильно ли Барбара заботится об их отце?

Позиции Барбары, наоборот, укрепились до такой степени, что она пожелала пересмотреть брачный контракт. Заявив о его недействительности (якобы Барбару вынудили поставить подпись, не посоветовавшись с юристом), четвертая жена Синатры взялась за дело. Артур Кроули служил у нее поверенным с тех самых пор, как Барбара чуть было не развелась с Фрэнком. Теперь именно Кроули составил документ под названием «Соглашение об аннулировании брачного контракта». Того самого, который, по словам Сидни Коршака, сберег Синатрам «чертову кучу денег». По его условиям доходы Фрэнка Синатры считались его

собственностью, так же как и имущество, нажитое до брака с Барбарой. Барбаре полагалась шестизначная сумма в качестве годового содержания. По условиям нового контракта, все деньги, заработанные Фрэнком за годы брака с Барбарой (а также будущие дивиденды, могущие из них произойти), считались совместной собственностью и делились между супругами поровну.

Узнав об этих изменениях, семья Синатры сочла, что на этот раз сам Фрэнк поставил подпись наобум, без присутствия своего поверенного, хотя пункт «F» гласил: «Муж и жена свидетельствуют, что каждого из них представлял независимый консультант и что они полностью понимают условия контракта и соглашаются их принять».

Правда же была в другом: Фрэнк совсем не противился новому контракту. Дочери практически самоустранились из его жизни, и это событие стало для Фрэнка катастрофой. Когда-то он страшно боялся потерять Аву – считал, что не сможет без нее жить. Потом те же страхи Фрэнк испытывал по поводу своих дочерей. И вот свершилось – Нэнси с Тиной почти потеряны. Однако Фрэнк – живехонек. Странным образом, он испытывал даже облегчение.

В свое время свет клином сошелся для Фрэнка на Аве; теперь – на Барбаре. Фрэнку казалось, что Барбара – единственная женщина в его жизни. Он даже брал шире: Барбара – единственное *существо*, на которое можно полностью положиться. Вот, пожалуйста – дочки отвернулись, сын никогда дружелюбия не выказывал, а Барбара по-прежнему рядом. Барбара не уйдет, не бросит его. Раз ей хочется изменить брачный контракт – Фрэнк готов, Фрэнк – к ее услугам.

Ава: «Мне всегда казалось, что у нас еще будет… время»

Двадцать пятого января 1990 года Фрэнк получил печальное известие: скончалась Ава Гарднер. Смерть наступила днем ранее, в Лондоне. Шестидесятисемилетняя Ава умерла от пневмонии.

Неизбежная старость всегда была Авиным ночным кошмаром. Боясь растерять красоту, она тем не менее злоупотребляла алкоголем, каковое обстоятельство, конечно, лишь ускорило процесс старения и усугубило последствия для внешности. Пострадали и фигура, и лицо, по которому в последние годы можно было, как по книге, изучать полную перипетий Авину жизнь. Уже к шестидесяти годам в Аве едва ли кто узнал бы прежнюю несравненную красавицу. Впрочем, вслух Ава заявляла, что ей плевать на эти изменения. Она-де достаточно долго была красивой.

Принято считать, что в последние годы Ава жила на средства Фрэнка Синатры. Тем не менее вот что говорит Джесс Морган, управлявшая ее финансами:

– Фрэнк поддерживал контакты с Авой и беспокоился о ней, но не содержал ее. У Авы хватало денег, она не нуждалась ни в чьей финансовой поддержке. Конечно, она не была миллионершей, но вполне могла сама о себе заботиться.

Далее Джесс Морган вспоминает:

– Ава заболела пневмонией в январе 1988 года. Уильям Смит, врач, которому она доверяла (и который пользовал также и меня), жил в Лос-Анджелесе. Я организовала для Авы частный самолет, потому что путешествия в компании других пассажиров она бы не перенесла. Позвонил Мики Рудин, сказал, что Синатра хочет помочь. Как итальянец и как джентльмен, он не мог оставаться в стороне. Я ответила: «Пусть помогает». Позвонила Аве, сообщила, что Фрэнк даст денег на оплату медицинских расходов и перелета.

– Ава проснулась утром – а над ней стоит Фрэнк, улыбается, – вспоминала Люси Уэллман. – Они приятно поговорили – по крайней мере так Ава мне рассказывала. Фрэнк сказал, что их с Авой развод заставил его посмотреть на себя со стороны и стать лучше. Ава ему на это заметила: «Фрэнсис, ты как был дерьмом, так и остался». Оба засмеялись.

В больнице Святого Иоанна пожилую кинодиву постиг инфаркт.

– После инфаркта наши телефонные разговоры

прекратились, – говорит Люси Уэллман. – Лично я встречалась с Авой за полгода до смерти. Ава держала в спальне фотографию – она и Фрэнк целуются. Больше никаких напоминаний о голливудском периоде ее жизни не было. Аву мучило одиночество. Она тосковала по прошлому.

Мики Рудин позвонил Фрэнку, который в то время находился в Нью-Йорке, и сообщил ему о смерти Авы. Поскольку Мики и Фрэнк уже несколько лет вообще не разговаривали, со стороны Мики это был широкий жест, и Фрэнк его оценил. Вспоминает один из ассистентов Синатры:

– У Фрэнка слезы по лицу покатились. Он сидел и повторял, ни к кому конкретно не обращаясь: «Я должен был повидаться с ней напоследок. Я должен был повидаться с ней…»

Вспоминает Люси Уэллман:

– При нашей последней встрече Ава сказала: «Такое ощущение, что я только вчера скандалила с Фрэнсисом. Черт возьми, я ведь его любила. Куда уходит время, а?» Потом глаза ее затуманились, и она добавила: «Не знаю почему, только мне всегда казалось, что у нас еще будет… время».

Сэмми: покойся с миром

Последнее десятилетие жизни Фрэнка Синатры можно назвать полным драм. Несмотря на то что в декабре 1989 года ему исполнилось семьдесят четыре, замашки остались прежними. Фрэнк не смирился ни со своим возрастом, ни с состоянием здоровья. Не желал сбавлять бешеный темп. Он проявлял поразительную работоспособность; в период между 1991 и 1994 годами график Фрэнка был очень плотным. Чуть ли не каждую неделю Фрэнк давал концерт, много ездил, в том числе и за границу, собирая полные залы верных поклонников. Разумеется, он делал это не ради заработка. (В 1991 году «Форбс» оценил состояние Синатры в двадцать шесть миллионов долларов; цифра явно занижена.) Понятно, что такой образ жизни тяжел для человека преклонных лет.

Но Фрэнку легче было работать, чем ждать смерти. Казалось, он бегает от безносой старухи с косой, путает следы: нынче Фрэнк в одном, а завтра – в другом городе, а то и в другой стране.

– Если остановлюсь, она меня настигнет. Я стану следующим, – говаривал Фрэнк.

Неизменно теплый прием, который оказывали Синатре поклонники, был для старого артиста словно тоник. Фрэнк остро нуждался если не во всеобщей любви, то по крайней мере в коллективном подтверждении: он нужен, он не зря жил и не зря пел. Казалось, на получение этого подтверждения и направлены теперь все усилия Синатры. Он чувствовал себя особенным. Еще бы: Дин болен, Ава умерла, а он не только живет, но и поет!

А потом Судьба в очередной раз бросила кости – и Сэмми Дэвис выбыл из игры.

Весь 1989 год у Сэмми были проблемы с горлом, а летом, во время турне по Европе, дискомфорт перешел в сильную боль. Вернувшись в Штаты, Сэмми обратился к врачу. Диагноз звучал убийственно – рак гортани.

В это не верилось друзьям, и меньше всех – Фрэнку. Врачи предлагали удалить опухоль хирургическим путем, но тогда бы Сэмми больше не смог петь. Выяснилось, что для него это неприемлемо. Сэмми выбрал облучение – медленную, мучительную смерть.

Битва с онкологическим заболеванием завершилась через восемь месяцев. Шестнадцатого мая 1990 года шестидесятичетырехлетний Сэмми скончался. Для Фрэнка, еще горевавшего по Аве, это был слишком сильный удар. Более сорока лет он дружил и работал с Сэмми; они были близки, как родные

братья. Во время похоронной мессы Фрэнк сидел на передней скамье, вместе с Барбарой и Дином Мартином.

Отношения отца и сына улучшаются

Известие о том, что сорокашестилетний Фрэнк Синатра-младший будет дирижировать оркестром на концертах своего прославленного отца, конечно, подхлестнуло интерес поклонников. Однако что такое полные залы, овации и деньги по сравнению с шансом наладить отношения между двумя близкими людьми?!

Фрэнк Синатра-младший готовился выйти на сцену в Атлантик-Сити, когда раздался телефонный звонок. Звонил его отец.

– Хочу, чтобы ты дирижировал моим оркестром, – прямо сказал Синатра-старший.

– После того как приятели откачали меня посредством нюхательной соли, я воскликнул: «Папа, ты серьезно?» – так любит шутить Синатра-младший.

На вопрос сына, почему выбор пал именно на него, отец ответил:

– Потому что один певец всегда поймет, что пытается сделать другой певец.

Ничего не скажешь – и веский аргумент, и щедрый комплимент!

Читатель помнит, что отец и сын Синатры не ладили.

– Папа старался быть хорошим отцом, но у него не слишком получалось, – говорил Фрэнк-младший.

Четвертый брак Фрэнка почти не повлиял на его отношения с сыном. В то время как дочери открыто враждовали с Барбарой, Фрэнки держал нейтралитет, ненадолго приняв сторону Нэнси и Тины лишь в период, когда его отец подумывал усыновить Бобби Маркса.

Синатра-старший очень ценил выдержку сына, его нежелание лезть в некрасивые дрязги. Фрэнки, конечно, сестер своих любил, но бойкотировать вместе с ними Барбару – нет, увольте. Уж наверное, отец, женясь на ней, знал, что делал. И если ему понадобится поддержка сына, он сам об этом попросит – так рассуждал Фрэнки.

Постаревший Фрэнк, рассорившийся с дочерьми, всё больше нуждался в сыне. Да, он был не самым хорошим отцом – потому и затеял дело с дирижерством. Фрэнк хотел максимально сблизиться с сыном, поручив ему действительно трудную работу. Больше всего на свете Фрэнки любил музыку – так же, как его отец; уж конечно, часы и дни, проведенные с ним в турне, станут для Фрэнки бесценными.

Синатра-старший не просчитался: для сына как раз настал момент вступить в его мир. В глубине души Фрэнк Синатра-младший понял: для того чтобы полностью принять отца, сначала нужно пройти трудный путь противостояния ему во всем. С течением времени обнаруживая в себе всё больше отцовских черт, Фрэнк-младший дозрел до полного примирения.

Едва ли он догадывался, что отец вовсе не винит его в многолетнем упрямом противостоянии.

– Мой мальчик выдержал, – говорил о сыне Фрэнк Синатра. – Стерпел всё дерьмо, что ему от меня досталось. Он стойкий, такой же, как я. Допустим, мой отец так бы со мной обращался, терпел бы я это? Не знаю, не знаю. Мы с отцом ого-го как скандалили!

«Бриллиантовый юбилейный концертный тур Фрэнка Синатры в компании Стива Лоуренса и Эйди Горме» стартовал одиннадцатого декабря 1990 года. Первой концертной площадкой стала «Медоуленд-Арена» в городе Ист-Рутерфорде штата Нью-Джерси. Каждое новое шоу давалось Синатре-старшему тяжелее, чем предыдущее. Память изменяла ему, порой он не мог вспомнить фамилию Эйди Горме, а на следующий вечер забывал ее имя.

Большинство близких Синатры сходятся во мнении, что, если бы не его сын, ему пришлось бы завершить карьеру еще в конце восьмидесятых годов. Фрэнки немало сил тратил на новые аранжировки отцовских песен, которые Синатра-старший просто в силу возраста уже не мог «вытянуть».

– Чертовски трудная работа. Словно идешь по канату между двумя восьмидесятиэтажными зданиями, да тебе еще и пендаля то и дело дают, – вспоминал Фрэнки.

Что верно, то верно – Синатра был очень требователен к сыну. Но стоило ли ожидать иного? Фрэнк знал, что может положиться на своего мальчика, только это и имело значение.

– Именно в те последние семь лет наши отношения стали настоящими, – вспоминает Синатра-младший. – Для меня ничего важнее не было и быть не могло. Каждый сын, пока мал, нуждается в отце, так жизнь устроена. Но теперь мой отец во мне нуждался. Мое сердце окончательно растаяло.

Помимо адаптирования песен под слабеющий Синатрин голос, Фрэнки оказывал отцу мощную моральную поддержку.

– Я ему говорил: «Пап, ты здесь слишком давно, чтобы сходить с дистанции. Ты слишком долго бежал, глупо сейчас бросать. Не бросай до тех пор, пока сам не почувствуешь: пора. А пока не позволяй внешним силам влиять на тебя. Ты слишком стар, чтобы выходить из игры. Давай, соберись, борись!» По

вечерам, когда папу одолевала усталость, я ему кулак показывал и повторял: «Встряхнись! Выходи на сцену! Пой!»

По выражению одного из друзей Фрэнки поддерживал отца «не только, когда паруса были спущены, но и когда ветер их вовсе уносил». Он выполнял поистине титаническую работу, однако в иные вечера Синатра-старший не мог справиться даже с песнями, подвергшимися профессиональным аранжировкам его сына. Синатра-младший очень переживал, когда однажды отцовский голос, слабый, прокуренный, дрогнул на нетрудной для исполнения композиции «Незнакомцы в ночи».

Расскажем немного о личной жизни Фрэнка Синатры-младшего. Убежденный холостяк (по мнению близких), он в 1998 году женился на Синтии Макмюррей, с которой через два года развелся. У Фрэнка уже был внебрачный сын по имени Майкл, родившийся первого марта 1987 года. Периодически то одна, то другая женщина заявляла, что воспитывает ребенка Фрэнки, но Синатры признавали только Майкла.

– Ему скоро исполнится двадцать шесть, – рассказывал в 2012 году Фрэнки о своем сыне. – Мой Майкл живет в Японии, преподает в колледже. В Штаты приезжает хорошо если раз в году. Мы обязательно встречаемся, вместе ужинаем – только он и я. Но и в остальное время держим связь. Хочу, чтобы мой сын получал всё, чего не было у меня.

Итак, в последние семь лет жизни своего отца Фрэнк Синатра-младший имел одну заботу – следить, чтобы отец по-прежнему мог выступать.

– Семь лет пролетели, как семь дней, – признавался Фрэнки. – Семь лучших дней моей жизни.

Возвращение блудных дочерей

Прошло два года с тех пор, как Нэнси и Тина стали бойкотировать Барбару. Держа телефонную связь с отцом и встречаясь с ним изредка на нейтральной территории, сестры Синатра тем не менее очень страдали из-за недостатка общения. А главное, это был их собственный выбор! Ну и кого они наказали? Точно не ненавистную мачеху!

– Тоска по отцу, раскаяние терзали их, – вспоминает близкая подруга. – Тина просто мучилась, а Нэнси мучилась ужасно! У нее всегда были особые отношения с отцом, она чувствовала не только свою боль, но и боль отца. И знала: это она, Нэнси, причиняет отцу такие страдания. Умерли один за другим Ава, Сэмми, Джилли… и тут Нэнси и Тина поняли: жизнь слишком коротка, отец их уже стар, а они сами у себя крадут драгоценные минуты, которых осталось всего ничего. В общем, Нэнси и Тина решили переступить через свои обиды и свою гордость. Брат их поддержал.

Пока дочери Фрэнка фактически отсутствовали в его жизни, Барбара не дремала. Общаясь с отцом только по телефону, почти невозможно было отслеживать действия мачехи, тем более после того, как Фрэнк отказался от услуг и дружбы Мики Рудина. У Барбары сформировалась собственная команда. Артур Кроули – поверенный, Маршалл Джелфенд – управляющий финансами; были и другие. Барбара, женщина сильная и аккуратная, не жалела времени на заботу о своем будущем. Например, ее команда пыталась заставить Фрэнка не платить больше алименты Нэнси-старшей из общих фондов. А ведь Фрэнк помогал первой жене материально уже целых сорок лет. Мало того, поверенные Барбары хотели, чтобы Нэнси вернула деньги, полученные ею за последние годы!

Конечно, целая армия юристов имелась и у Синатр. Мики Рудина заменил Элиот Уайсмен. Но как же вся эта борьба, а точнее, грызня, изматывала старого и слабого Фрэнка!

Он был рад, что дочери снова с ним, однако по свидетельствам близких остро чувствовал: священные узы нарушены глупым и эгоистичным бойкотом и восстановлению не подлежат. Где гарантии, что Нэнси с Тиной еще на что-нибудь не обидятся и не возобновят бойкот? Поэтому тайный уголок сердца Фрэнка Синатры на всякий случай оставался закрытым для его дочерей.

Альбом «Дуэты»

В 1993 году Фрэнк Синатра вновь обнаружил свое имя в верхних строчках хит-парадов – благодаря первому за десять лет студийному альбому под названием «Дуэты». Продюсером выступил Фил Рамон, сопродюсером – Хэнк Каттанео. В альбом вошли тринадцать самых популярных песен Синатры; каждую он пел дуэтом с той или иной поп-звездой современности. В частности, песню «Я мир на ниточке держу» (I've Got the World on a String) Синатра исполнил с Лайзой Миннелли, песню «Нью-Йорк, Нью-Йорк» – с Тони Беннетом, «Колдовство» (Witchcraft) – с Анитой Бейкер, «Одержимость тобой» (I've Got a Crush on You) – с Барброй Стрейзанд.

Голос Синатры звучал не по возрасту мощно. Один музыкальный критик так писал о нем:

«Можно ли сейчас говорить, будто от Синатры-певца осталась половина против периода с сорок второго по пятьдесят шестой год? Нет, не половина. Пожалуй, три пятых. Но даже с тремя пятыми своего прежнего голоса Синатра вдвое превосходит каждого из всех прочих певцов».

Альбом был рассчитан на широкую аудиторию, однако возымел странное действие. Во-первых, армия поклонников пополнилась людьми моложе тридцати лет; во-вторых, в ядре этой армии произошел раскол. Люди стали задаваться вопросом: а можно ли вообще приписывать этот альбом Синатре? Ведь Синатра – о чем широко сообщалось – даже не встречался со своими соисполнителями в студии. Они либо записывали свои партии дуэтов отдельно от Синатры, либо их старые записи хитрым, разработанным Джорджем Лукасом способом компоновались с записями Синатры. Это открытие не добавило поклонникам впечатлений от прослушивания. Действительно, как-то странно звучало имя Фрэнк посреди песни из уст Ареты Франклин («Что стало с моей любовью», What Now My Love) и Барбры Стрейзанд («Одержимость тобой»). Ведь слушатель знал: певица в полутемной студии одна, голос Синатры доносится до нее из наушников.

Впрочем, были распроданы миллионы пластинок, «Биллбоард» поместил «Дуэты» в первую строчку чарта. Более успешного альбома Синатра еще не выпускал. Идея «скомпоновать» Синатру с более молодыми популярными исполнителями превзошла все ожидания.

Через год за «Дуэтами» последовали «Дуэты II». Альбом делался с применением тех же технологий, в него вошли песни

«Моя притягательная» (Embraceable You) с Линой Хорн, «Где или когда» (Where or When) со Стивом Лоуренсом и Эйди Горме и «Пусть мне повезет» (Luck Be a Lady) с Крисси Хайдн. По мнению большинства, этот альбом сильно уступал своему предшественнику. Покупать его стоило разве только из-за дуэта Фрэнка Синатры и его сына Фрэнки. Отец и сын исполнили вместе композицию «Мой город» (My Kind of Town). Особенно глубокое впечатление песня производит на тех, кому известна история взаимоотношений Синатры с сыном.

Как и альбом «Дуэты», «Дуэты II» удостоился положительных отзывов и разошелся миллионным тиражом.

Напоследок

В 1994 году Фрэнк Синатра получил специальную премию «Грэмми» – «За жизненные достижения». Вручение проходило в Нью-Йорке. Премию вручал Боно, лидер поп-группы «U2» (спевший для альбома «Дуэты» песню «Ты вошла в мою плоть и кровь» (I've Got You Under My Skin) и появившийся с Фрэнком в видео этой песни).

Зал поднялся, чтобы приветствовать своего кумира – Фрэнка Синатру. Фрэнк долго всматривался в публику, словно вел счет молодым лицам. Затем он стал говорить – о ньюйоркцах, о своей любви к Барбаре; пересказал изрядное количество закулисных баек, посетовал на то, что его редко приглашают петь. Фрэнк перескакивал с одной мысли на другую, путался и в основном порол чушь. Но это же был особенный вечер; Фрэнка переполняли эмоции, главным образом – благодарность за высокую награду. Так прошло минуты три; и вдруг кто-то – считается, что это была Сьюзен Рейнольдс, агент Фрэнка по связям с прессой – решила, что пора с этим покончить.

Пьер Коссетт, исполнительный продюсер, позднее рассказывал:

– Команда Синатры гудела: «Уберите его со сцены! Прекратите это безобразие! Он заговаривается!»

И вот, без предупреждения грянул оркестр, заставив Синатру замолчать. Понятно, что таким жестоким способом Сьюзен Рейнольдс пыталась сберечь имидж своего босса: дескать, незачем лишний раз напоминать зрителям о его старости. Однако сами зрители решили, что Рейнольдс поступила бестактно, проявила неуважение к маэстро.

Что за хамство – прерывать на полуслове самого Синатру!

А ведь еще совсем недавно никто – и тем более люди, которым Синатра платил из своего кармана, – не смел без его позволения рта раскрыть, все перед ним трепетали!.. И после инцидента на вручении премии «Грэмми» Фрэнк Синатра «дозрел» до ухода. Вспоминает один из его помощников:

– Он был достаточно умен. Не мог не понимать, что здорово опростоволосился. Сказал так: «Уйду, пока можно уйти красиво». Только решил дотянуть до конца турне.

Тина к тому времени перестала ходить на концерты отца. От прежнего Синатры осталась половина, если не четверть, и видеть отца таким Тине было слишком больно. После каждого концерта она по нескольку дней была сама не своя.

Через неделю после злополучной «Грэмми», шестого марта, в

штате Вирджиния, в Ричмонде, произошел шокирующий инцидент. Фрэнк довольно вяло пел «По-моему» («My Way»), и вдруг у него закружилась голова. Он обернулся, ища глазами сына – хотел попросить принести стул. Затем заметил табурет позади себя и попытался сесть. Однако это Фрэнку не удалось – чуть коснувшись табурета, он медленно сполз на пол, выронил микрофон, издавший при падении резкий, пугающий звук. Весь зал, все три тысячи семьсот человек, затаили дыхание. Фрэнк провел в таком странном состоянии около десяти минут. Уже когда ассистенты собирались унести его, он пришел в себя. Откуда-то взялось инвалидное кресло, Фрэнк в него уселся. Когда его увозили, он махал публике и посылал воздушные поцелуи, чтобы показать: с ним всё в порядке.

Фрэнк провел в больнице три часа. Врачи хотели положить его на обследование, но он отказался и улетел в Палм-Спрингз на личном самолете. По мнению врачей, причиной обморока могли стать перегрев и обезвоживание – мол, Фрэнк во время выступлений всегда сильно потел. Барбара расстроилась – зря она не поехала с Фрэнком в турне, она явно была ему необходима.

Не прошло и двух недель, как Фрэнк вернулся на сцену. Однако теперь всё изменилось кардинальным образом. Музыканты, да и зрители, боялись, что вирджинский случай повторится вновь, притом с куда более серьезными последствиями, страх ощущался физически.

У Фрэнка были ангажементы на целый год, он намеревался исполнить свои обязательства – и уйти. Совсем.

– Пожалуй, больше мы с вами не встретимся, – сообщил Фрэнк аудитории в пять тысяч человек в «Радио-сити-мьюзик-холл». Стоял апрель 1994 года. Однако Фрэнк продолжал выступать до конца года, до своего семидесятидевятилетия. А двадцать пятого февраля 1995 года, в субботу, он пел на частной вечеринке в отеле «Мариотт-Дезерт-Спрингз». Присутствовали тысяча двести человек. Это шоу оказалось последним в жизни Синатры и было дано в последний день турнира по гольфу «Дезерт Классик».

Фрэнк исполнил пять песен. Начал с «Я мир на ниточке держу», затем спел «Возьми меня с собой на Луну» (Fly Me to the Moon). Третьим номером шла песня «Где или когда». Вот что писал про ее исполнение Джонатан Шварц: «Кажется, Синатре не больше сорока пяти лет. Эта мелодия, как ни одна другая, раскрывает все грани его дарования. В ней есть темп, есть ритм, есть стержень. Есть мощный взрывной финал. Последняя строка, “где или когда”, тянется в тональности ми-бемоль – в то время как гораздо легче было бы повторить ее два раза».

За «Где или когда» последовала песня «Мой город», и Фрэнк вновь явил мощь поразительно молодого голоса. Ему аплодировали стоя. Когда овации стихли, Синатра, смеясь, сказал:

– Да, понимаю: вы намекали, что пора бы мне и домой.

Фрэнка стали вызывать на бис, и он, что символично, выбрал композицию «Лучшее – впереди». Тони Оппедисано вспоминает:

– Это был восхитительный вечер, триумф музыки, пиршество для слуха. Фрэнку всё удавалось. Он брал любые ноты, удерживал их, сколько хотел. Поистине, феноменальное шоу. Фрэнк своим голосом всех критиков в пух и прах разнес.

– Когда только ты научишься петь свинг? – в шутку спросила Барбара. Супруги уселись в лимузин, который мигом доставил их домой, в Палм-Спрингз.

Шоу подняло дух Фрэнка до небывалых высот. Его натура, требовательная, неугомонная, жаждавшая всегда большего, большего, большего, теперь жаждала… еще большего. По реакции зала Фрэнк делал вывод, что ему отпущено минимум еще два года на сцене – а в его возрасте это немало.

– Чтоб я ушел? Не дождутся! – воскликнул Фрэнк. – Вот только передохну – и продолжу.

Родные не стали ему возражать. Фрэнк Синатра-младший вслух согласился: да, после короткого отдыха они с отцом снова выйдут на сцену и «кое-кому носы утрут». Впрочем, все знали: этого не будет.

Карьера Фрэнка Синатры завершилась.

Барбара: «Восьмидесятый день рождения Фрэнк отметит по-моему!»

– Живите до ста лет, и пусть последним голосом, который вы услышите, будет мой голос! – Такими словами Фрэнк с некоторых пор заканчивал свои выступления.

Двенадцатого декабря 1995 года ему исполнилось восемьдесят лет. Наконец он смирился с мыслью, что уже не может, да и не должен выходить на сцену.

– Я больше никогда не стану петь на публике, – сказал Фрэнк Ларри Кингу. – Мое время прошло. Но я очень, очень счастлив.

Примерно за месяц до юбилея было записано телешоу под названием «Синатра: 80 лет я шел своим путем». Запись проходила в Лос-Анджелесе; идея принадлежала Барбаре и Джорджу Шлэттеру, другу семьи и продюсеру. По замыслу этих двоих, доходы следовало направить на борьбу со СПИДом, а также в Детский центр, основанный Барбарой. Фрэнк не желал иметь с этим ничего общего. Один раз он побывал на аналогичном шоу в честь Сэмми Дэвиса и тогда же сказал Элиоту Уайсмену:

– Не вздумайте и для меня такую же фигню устроить.

Но не так-то просто ускользнуть от Барбары! Если уж она задумала мероприятие, Фрэнк будет присутствовать, хотя бы его единственным желанием было нализаться в компании друзей. Дети Фрэнка также не хотели участвовать. По словам Тины, отец звонил ей и просил избавить его от «этой показухи». Тина пообещала помочь, но не сумела – столкнулась со слишком серьезным противодействием.

Горничная, служившая у Синатры, вспоминает:

– Мистер и миссис Синатра часто ссорились из-за этого шоу. Мистер Синатра не хотел участвовать. Говорил, что это будет неловко, напыщенно и так далее. Однажды он так рассердился, что запустил тарелкой в стену. Тарелка, конечно, сразу вдребезги, а мистер Синатра кричит: «Черт возьми, Барбара! Никуда я не пойду, когда ты это уразумеешь! Ты же знаешь, я терпеть не могу телевидение! Хочешь – иди, я тебе не запрещаю. Развлекайся на здоровье. Только без меня. Скажешь, что я всех благодарю, но плохо себя чувствую». А потом велел повару открыть для него банку свинины с бобами.

Вечером накануне записи Барбара уговорила Фрэнка поужинать с Брюсом Спрингстином и Бобом Диланом, которые намеревались принять участие в шоу «Синатра: 80 лет я шел

своим путем». Оба исполнителя провели в доме Синатры около двух часов. Барбара прикидывала так: Фрэнк увидит, до какой степени молодые певцы им восхищаются, и захочет принять участие в своем юбилейном шоу. Кроме Спрингстина и Дилана, присутствовали Стив Лоуренс и Эйди Горме. Вечер удался. Фрэнк, Брюс и Боб изрядно перебрали виски. Фрэнк был крайне доволен. После десерта (чизкейк с малиной) все собрались вокруг пианино и стали петь «Всё или ничего», «Это должна быть ты», а Синатра слушал, и глаза его то и дело увлажнялись.

– Что за славные ребята, – сказал он про Спрингстина и Дилана. – Надо их почаще в гости звать.

Однако его решение насчет участия в шоу не изменилось. Если бы не Стив Лоуренс, не Эйди Горме, не Вик Деймон и не Тони Беннетт, шоу вообще провалилось бы. Фрэнк поднялся на сцену лишь в самом конце (он сидел в зале) и спел последние строчки песни «Нью-Йорк, Нью-Йорк» вместе с весьма разношерснтым хором, включавшим профессиональных исполнителей поп- и рок-музыки, а также людей, от пения далеких.

Часть четырнадцатая «И вот уже близок финал…» [17]

И вот уже близок финал…

Семейные распри накануне восьмидесятилетия

Очередная баталия между дочерьми Синатры и его женой произошла в середине декабря 1995 года. Спровоцировала ее Барбара, приняв в день рождения Фрэнка приглашение на ужин от Джорджа Шлэттера. Двенадцатого декабря Фрэнк и Барбара отправились домой к Шлэттеру. Присутствовали также Кирк Дуглас и Грегори Пек с женами. Фрэнк еще раньше сказал Барбаре, что не хочет помпезного дня рождения. Поэтому Шлэттер и его жена Джолин не стали собирать много народу.

Проблема заключалась в том, что дети Фрэнка, а также его первая жена оказались исключены из празднования такой серьезной даты, как восьмидесятилетний юбилей. Они-то планировали устроить тихий семейный ужин либо у Фрэнка, либо у Нэнси, либо в ресторане. Только для своих: Фрэнк-младший, Тина, Нэнси-младшая с двумя дочками. Тина вспоминала: она договорилась об этом с Барбарой еще в июле, за полгода до юбилея; не обсудили только место встречи. И вдруг Барбара принимает приглашение Шлэттеров! Неслыханно!

Вероятно, Барбара обиделась на падчериц за то, что они не стали уламывать отца принять участие в злополучном телешоу, и придумала такую изощренную месть. Но дело еще и в другом: к тому моменту усилились разногласия Синатр относительно релизов некоторых песен Фрэнка.

Нэнси-младшая и Тина ранее приняли решение переиздать записи отцовских песен на студиях «Коламбия», «Кэпитол» и «Реприза». Иногда сестры Синатра соглашались, пусть и неохотно, на переиздания, хоть были категорически против релиза альтернативных записей. В том же 1995 году «Кэпитол» выпустила альбом «Живой концерт» (Live in Concert) – коллекцию лучших песен Фрэнка, таких как «По-моему» и «Нью-Йорк, Нью-Йорк». Альбом разошелся тиражом триста тысяч. Дети Синатры имели по условиям завещания все права на оригинальные записи; Фрэнк обещал не перезаписывать свои песни. Теперь Фрэнк сам допустил выход в свет версий, записанных с помощью разных технических новинок, чем обидел своих детей, лишив их доходов от этого альбома. Мало того он посвятил альбом «любви всей своей жизни» – то есть Барбаре! Сестры Синатра (а возможно, и их брат, хотя свидетельств этого не существует) взялись советоваться с поверенным, Робертом Финкельстайном: не возбудить ли иск против «Кэпитол», а заодно и против Фрэнка?

– Мы защищали свои интересы, как всегда, но не только. Мы защищали оригинальность записей отца, – признавалась Тина. – Да, мы поставили папу в известность об этом. В конце концов, он артист и должен помнить о своих обязательствах, тем более когда они нотариально заверены.

Впрочем, маловероятно, что дети Синатры решили судиться с родным отцом. Есть мнение, будто их недовольство было направлено на Барбару, ведь от перезаписей деньги полагались уже ей. Однако сам факт, что Нэнси и Тина «поставили папу в известность», говорит о многом.

В планы непосредственно на двенадцатое декабря Тину посвятила секретарша отца, Дороти Улеманн. По словам Дороти, Барбара сказала: раз Тина и Нэнси молчат, она, Барбара, принимает приглашение на ужин от Шлэттеров.

– А вы приезжайте к ним назавтра – тринадцатого числа, – бодро закончила Дороти, явно желая поскорее отделаться от дочери своего босса.

У Тины информация в голове не укладывалась. Во-первых, они же договорились с Барбарой; во-вторых, Джордж Шлэттер и его жена, Джолин, считаются друзьями Тины, Нэнси и Фрэнка-младшего. Как могли Шлэттеры позвать в гости Фрэнка – и не позвать его детей? Вероятно, их об этом очень настоятельно попросили. Зато вместо дочерей и сына юбиляра на ужине должны были присутствовать юрист Элиот Уайсмен и его жена Мария.

Без сомнения, Джордж Шлэттер и его жена, бывшая актриса, отлично знали, как перетасовываются люди в мире Фрэнка Синатры и как важно не попасть «на линию огня». Не зря же их дружба с Фрэнком насчитывала несколько десятилетий!

– Во-первых, ни в коем случае нельзя было принимать ничью сторону, – в 1999 году поделился стратегией выживания в мире Синатры Джордж Шлэттер. – Целые толпы народу не просто жаждали внимания Фрэнка – нет, каждый метил в ЛУЧШИЕ ДРУЗЬЯ, то бишь в фавориты. Иногда человек вылетал из окружения Синатры по нелепой случайности, иногда – совсем не случайно. Нередко происходили схватки между «друзьями», не утихала подковерная грызня, о которой сам Фрэнк порой даже не догадывался. А когда узнавал что-нибудь – бывало слишком поздно менять картину. Порой Фрэнк сам удалял от себя людей, тут уж спорить с ним никто не решался. Я лично избрал своим кредо безоговорочную преданность Фрэнку, не вмешивался в его отношения с другими. Не впутывался в интриги. И никогда не стал бы интриговать против семьи.

Растерянная Тина позвонила отцу и всё ему выложила. Она-

де много лет терпит от Барбары, она столько раз пыталась наводить мосты – но с нее хватит. Чаша терпения переполнилась. Не пригласить на восьмидесятилетие ни ее, ни Нэнси, ни Фрэнки, ни маму – явный перебор.

– Это переходит все границы, папа, – сердито сказала Тина. – С меня довольно. Слышишь? Я не шучу.

Вероятно, семейная распря, длившаяся почти двадцать лет, вконец вымотала Тину. Сил для дальнейшей борьбы у нее не осталось.

– Как это вас не пригласили? – удивился Фрэнк. – В первый раз слышу!

Тина объяснила: у Барбары свои планы, приглашены разные люди – например, Элиот Уайсмен с женой, – но не родные дети Фрэнка. Фрэнк пообещал разобраться. Впрочем, по его голосу Тина поняла: усилия, если и будут предприняты, успехом не увенчаются. Она же сказала: с нее довольно. Отныне никаких телефонных звонков и тем более никаких визитов. Всё кончено.

Тина словно вернулась в детство, только теперь Барбара, а не Ава, отнимала у нее обожаемого отца. И Барбаре это удалось гораздо лучше, чем Аве. Барбара победила. Тина вынуждена отступить.

Вся в слезах, Тина повесила трубку. Впрочем, к горю примешивалось и своеобразное чувство облегчения. Если Тина чему-нибудь научилась у отца, так это беречь нервы (свои, разумеется). Ей надоели подачки отцовского внимания (виной которым был брак с Барбарой); Тина хотела полного «развода». С сестрой она говорила уверенным тоном – непоколебимая женщина, надумавшая сжечь все мосты.

Барбара же, отлично понимая, как больно ранит Фрэнка решение Тины, отнюдь не собиралась идти на уступки.

– Если честно, – говорила она близкой подруге, – у меня нет сил собачиться с Тиной. Только не сейчас! Тина, наверное, этого не понимает.

Подруга тоже не поняла, переспросила. Барбара принялась объяснять:

– Знаешь, каково быть опорой Фрэнку во всем? Это ужасно изматывает, доложу я тебе! Все силы забирает.

Далее Барбара продолжила: она устала, меньше всего она сейчас готова иметь дело с дочерьми Фрэнка, с их инфантильными обидами. У нее, у Барбары, есть дела поважнее. На первом месте – здоровье Фрэнка. Ему чуть ли не каждый день новое лекарство выписывают, он постоянно ездит по врачам, он расстроен, подавлен, Барбара за него боится. На Нэнси и Тину эмоций у нее не остается.

Конечно, можно возразить: забота о здоровье Фрэнка – не повод не звать его детей на такое важное событие, как восьмидесятилетие. Неужели Барбара и впрямь не понимала, какие последствия вызовет ее решение? Или не хотела понимать?

Со своей стороны, Фрэнк до странного быстро примирился с выбором младшей дочери. В конце концов, нечто подобное он уже «проходил». Почву для нынешнего бойкота подготовил бойкот давнишний, касавшийся, правда, только посещений дома, но не телефонных звонков. С тех пор, даже когда дочери сменили гнев на милость, Фрэнк уже не допускал их в свое сердце. И получается, правильно не допускал! В то же время чувства Тины были ему понятны. Тина хочет защитить себя – точно так же, как и он, Фрэнк!

Разумеется, фактическое отречение Тины спровоцировало ссору между Фрэнком и Барбарой. Барбара стояла на своем. Обсуждения ей надоели.

– Если твои дети хотели устроить нечто особенное – кто им мешал? Пусть бы устраивали, – заявила Барбара, по свидетельству одной из горничных. – Но они помалкивали, а почему? Потому что ничего не предпринимали! Вот я и сказала Джорджу с Джолин, что мы хотим поужинать в узком кругу. С детьми можешь отмечать день рождения тринадцатого числа. Да хоть весь следующий год! Не понимаю, в чем проблема!

– Если моих детей не будет на чертовом ужине, – шумел Фрэнк, – там не будет и меня. Старый я уже для этих распрей.

– Можно подумать, ты один старый! – запальчиво возразила Барбара. – Я тоже не девочка! Я тоже устала! (Барбаре исполнилось шестьдесят восемь.)

– Как можно праздновать день рождения без детей? – воскликнул Фрэнк.

– Мы не будем праздновать день рождения, – заметила Барбара. – Мы будем ужинать в тесном кругу. Хозяйка торжества – не я, а Джолин. Все вопросы по списку приглашенных – к ней. А ты пойдешь на ужин как миленький.

И Фрэнк действительно пошел на злополучный ужин.

«Прощай, папа»

Дин Мартин скончался рождественским утром 1995 года в возрасте семидесяти восьми лет. Причиной смерти назвали дыхательную недостаточность, спровоцированную эмфиземой легких.

Фрэнк, потерявший уже Аву, Сэмми Дэвиса, Джилли Риззо, Сэмми Кана, теперь, после смерти Дина, погрузился в глубокую депрессию.

– Я буду следующим, – говорил он друзьям в ресторане «Маттео» в Беверли-Хиллз. – Но мне не страшно. Чего бояться? Все, кого я знал и любил, уже ТАМ.

Хотя отношения с Дином испортились после неудавшегося турне, Фрэнк продолжал с ним видеться; в частности, седьмого июня 1995 года был на его дне рождения.

В том же 1995 году Фрэнк и Барбара продали за четыре миллиона девятьсот тысяч долларов особняк в Палм-Спрингз, которым Фрэнк владел с 1954 года. Решив вести «более скромную жизнь», супруги оставили себе дом в Беверли-Хиллз (четыре спальни, шесть ванных, стоимость пять миллионов двести тысяч) и «пляжный дом» в Малибу (стоимость шесть миллионов).

Фрэнку невыразимо трудно было продавать дом, где прошли почти пятьдесят лет его жизни. Однако здоровье требовало постоянного наблюдения врачей, которое невозможно обеспечить посреди пустыни, вдали от больниц. Нэнси, Тина и Фрэнк-младший также выступили за продажу дома, руководствуясь еще и тем соображением, что в Беверли-Хиллз отец будет к ним ближе. Фрэнку же расставание с домом далось крайне тяжело, в новом доме он долго не мог прийти в себя.

По решению Барбары продали с аукциона «Кристиз» и многие ценные вещи – Барбара считала, лучше выручить денег, чем пытаться набить реликвиями оставшиеся у них с Фрэнком два дома. В результате «Ягуар XJS», свадебный подарок Фрэнку, был куплен престарелым агентом по недвижимости за семьдесят девять с половиной тысяч и отправился в Делавэр; черный рояль Фрэнка марки «Бёзендорфер» спустили за пятьдесят одну тысячу семьсот пятьдесят долларов, почтовый ящик из стекла и бронзы – за тринадцать тысяч восемьсот долларов. Сине-белый гольф-кар, оснащенный стереосистемой, где на сиденье водителя имелась надпись «Мистер Голубые Глаза», а на пассажирском сиденье – «Леди Голубые Глаза», ушел за двадцать тысяч семьсот долларов. Статуэтка «короля вестерна» Джона Уэйна, подаренная Фрэнку им самим, была продана за семь тысяч четыреста семьдесят пять

долларов.

Грустная получилась распродажа. Тина и Нэнси прямо физически чувствовали, как частями расходится по чужим рукам жизнь отца. Фрэнк то и дело отзывал Тони Оппедисано в сторонку и шептал:

– Вот золотые запонки – передай их Тине. А эту зажигалку – Фрэнки.

Тони понимающе кивал.

– Не беспокойся, дружище, будет сделано.

Всего Барбара и Фрэнк выручили два миллиона долларов.

По мере того как уходили близкие люди, Фрэнк всё больше ностальгировал по прошлому.

За полгода до смерти, в ресторане «Ла Фамилиа», Дин признавался:

– Фрэнк звонит мне, мы болтаем о том о сём. Ну, вы понимаете – как двое давних приятелей. Фрэнк всё время сворачивает на былое. Я понимаю, ему хочется говорить о старых добрых временах. Только я-то ничего доброго не помню – ни старого, ни даже нового.

Дочь Дина Мартина, Дина, вспоминает: отец пригласил в итальянский ресторан «Да Винчи» Фрэнка, Тони Оппедисано и Морта Винера. Фрэнк тогда уже носил слуховой аппарат. Весь вечер он пытался рассказать Дину какой-то анекдот про Дона Риклса. Попытки были тщетны: Фрэнк сидел слева от Дина, который давно уже оглох именно на левое ухо. Потеряв терпение, Фрэнк снял слуховой аппарат и вручил Тони со словами:

– Нацепи на Дина эту штуку!

Тони повиновался. Фрэнк повторил рассказ.

– Ты чего кричишь? – возмутился Дин. – Я не глухой!

А Фрэнк ответил:

– Что-что? Повтори, не слышу!

По старой привычке друзья продолжали хохмить сами для себя.

После этого ужина Фрэнк лишь раз говорил с Дином – в Сочельник, за несколько часов до его смерти. По свидетельству Тони Оппедисано Фрэнк завершил разговор в своей обычной манере – сказав «Прощай, папа».

Дина Мартина похоронили на кладбище «Уэствуд-Вилледж». Фрэнк хотел присутствовать на прощании, стал одеваться – но тут у него сдали нервы.

– Прости, Дин, – всхлипнул Фрэнк. – Я не могу проводить тебя в последний путь.

Родные решили, что ему лучше остаться дома.

– Фрэнк два дня в постели пролежал, – вспоминала Барбара.

Она присутствовала на похоронах, и Нэнси-младшая тоже. Тина, сама себя «загнавшая в бутылку» бойкотом, на похороны не пошла и словами утешения отца не поддержала. Плача по любимому «дядюшке Дину», младшая дочь Синатры узнала о подробностях похоронной мессы и погребения из телефонного разговора сестры с отцом.

Фрэнк, похоже, заранее заготовил фразу:

– Слишком часто меня просят сказать что-нибудь о том или ином умершем друге. Но именно сейчас мне тяжелее всего. Дин был мне братом – не по крови, по душе. Наша дружба прошла множество дорог, но не износилась. В моем сердце всегда оставался уголок для Дина. Ох, Дин! Он был словно воздух – неуловимый и необходимый.

Четвертая свадебная церемония

Через шесть месяцев Фрэнк и Барбара в четвертый раз обменялись клятвами перед алтарем. Церемония состоялась в Малибу, в церкви Святой Марии, в двадцатую годовщину их супружеской жизни – одиннадцатого июля 1996 года. Фрэнку исполнился восемьдесят один год, Барбаре – шестьдесят девять.

Как читатель помнит, первая свадебная церемония Фрэнка и Барбары имела место в Палм-Спрингз, вторая и третья – в Палм-Бич и Нью-Йорке соответственно – после того, как Фрэнк аннулировал брак с Нэнси.

Что касается Барбары, Фрэнк испытывал к ней не только любовь, но и благодарность за годы заботы о нем. Сколько бессонных ночей провела Барбара, сколько слёз пролила, сколько настрадалась из-за него! Понимал ли Фрэнк полный масштаб жертв, принесенных на алтарь брака четвертой женой? Конечно, понимал. Преданность (разумеется, ему, Фрэнку Синатре!) в системе ценностей Фрэнка Синатры занимала первое место, а Барбара за двадцать лет вполне доказала: надежнее и вернее жены не сыщешь. Да, но чего это стоило Фрэнку? Тина его бойкотирует, Нэнси замкнулась, разговаривает с отцом от случая к случаю. С сыном Фрэнк никогда близок не был; правда, теперь в свете отношений с дочерьми вечная холодность сына кажется почти дружелюбием.

– Мы стали встречаться двадцать четыре года назад, и мы до сих пор вместе и до сих пор любим друг друга, – произнесла Барбара на церемонии. – Мы всё преодолели; потеряли кучу денег, играя в рулетку с людьми, достаточно глупыми, чтобы соперничать с Синатрой. Мы не расставались больше чем на несколько месяцев. Нас пытались разлучить, но мы были выше всяких козней. Наша любовь крепка и глубока, исполнена доверия и преданности. Можно ли назвать наши отношения безоблачными? Нет, порой у нас в доме штормит. Можно ли назвать нашу любовь спокойной? Едва ли. Счастливы ли мы? О да! Тысячу раз да!

Тина и Нэнси на церемонии не присутствовали в отличие от Фрэнка-младшего и Бобби Маркса.

– Я пришел тебя поздравить, папа, – сказал пятидесятидвухлетний Фрэнк-младший. Отец и сын пожали друг другу руки, и Фрэнки с улыбкой добавил: – Умеешь ты, папа, устроить переполох в курятнике!

Отец хлопнул его по спине.

– Что да, то да, сынок! У меня по этой части богатый опыт.

Окруженный любовью

Подходил к концу 1996 год. Приближался восемьдесят первый день рождения Фрэнсиса Альберта Синатры.

Долли и Марти умерли.

Сэмми, Дин, Питер – умерли.

Не было в живых троих Кеннеди. Джон и Бобби трагически погибли, Джеки скончалась от рака.

Сэм Джанкана почил с миром.

Умерли Лана, Ава, Мэрилин.

И Джилли Риззо.

А те, кто остался, безнадежно постарели.

– С каждой очередной смертью друга мой отец теряет частицу души, – сокрушалась Тина Синатра.

– В последнее время мы с папой толком не общались, – признавался Фрэнк-младший. – Очень уж он был подавлен смертью Дина Мартина. Но дело не только в этом. Проблема гораздо глубже. У папы настоящая депрессия оттого, что он с каждым днем всё острее осознает факт собственной дряхлости. Он выдохся эмоционально. Он тоскует. Его угнетает смерть друзей.

Как и многие люди, пережившие близких, Фрэнк постоянно предавался воспоминаниям. Эмоции его при этом были крайне противоречивыми. Порой Фрэнку казалось, что всякий, кто вступал в его мир, знал, на что идет, что конкретно меняет на честь находиться рядом с ним, Фрэнком Синатрой, и какое наказание следует за «шаг влево, шаг вправо». А порой Фрэнка мучили угрызения совести. Например, он очень раскаивался, что бросил ради Авы жену и детей. Впрочем, переживания по этому поводу никогда не оставляли его. Что касается Питера Лоуфорда, Фрэнк полностью пересмотрел свои отношения с ним, признал себя виновным в ссоре, а Питера – незаслуженно обиженным.

– Нельзя было так поступать с Питером, – сказал Фрэнк по телефону своему хобокенскому приятелю Джои Д'Оразио (тот звонил поздравить Фрэнка с четвертой брачной церемонией).

– Молодые были, глупые, – принялся утешать Джои. – Не кори себя. Дело прошлое.

Фрэнк настаивал: вот бы всё вернуть, он вел бы себя иначе. Не горячился бы.

– Какой же ты тогда был бы Фрэнк Синатра? – возразил Джои.

– И то правда, – согласился Фрэнк. – Какой же я тогда был бы Фрэнк Синатра?

В 1993 году Тина говорила:

– Мы, конечно, переживали, что папа так много работает. С другой стороны, мы знали: работа его спасает. Дает ему жизненные силы. Уход со сцены мог его убить.

Фрэнк чувствовал то же самое. И вот случилось то, чего все так боялись. Фрэнк перестал петь, и душа его увядала с каждым днем. Казалось, он совсем лишился воли к жизни. Вслед за душой стремительно стало разрушаться тело. Еще совсем недавно Фрэнк сам себе казался молодым человеком, заключенным в тело старика; к концу 1996 года он стал просто… стариком. И всё же Фрэнк не сдавался. На вопрос Нэнси-младшей, какой подарок ему хочется ко дню рождения, Фрэнк ответил: «Еще один день рождения». Утомляла, изматывала его и вражда между Барбарой и дочерьми, о чем он и поведал Нэнси. Постаревшие дочери Синатры уже и сами подумывали помириться с мачехой.

Всё решили обстоятельства. В ноябре 1996 года с Фрэнком случился инфаркт, его срочно доставили в больницу «Синайские кедры». Едва состояние Фрэнка стабилизировалось, у него обнаружилась левосторонняя пневмония.

Узнав по телефону о болезни отца, Тина мигом забыла про бойкот и бросилась в больницу. Им с Фрэнком хватило нескольких произнесенных шепотом слов, чтобы, образно выражаясь, стереть с доски всё написанное ранее. Тина снова стала папочкиной Горлинкой.

Врачи считали, что Фрэнку крупно повезло – не всякий выживает после инфаркта. В случае же с Фрэнком инфаркт растопил лед, двадцать лет копившийся в сердцах его близких. Жена и дети Фрэнка вдруг осознали: его годы, а может, и дни – сочтены, нельзя отравлять ему остаток жизни распрями и дрязгами. Да и о себе не мешает подумать. Глупо разбрасываться роднёй.

Фрэнк провел в больнице восемь суток. В день, когда его выписывали, Барбара поманила детей Фрэнка из палаты в больничный коридор, где протянула обе руки младшей падчерице. Тина, не задумываясь, взяла ее руки в свои.

– Я просто хочу, чтобы вы знали, – заговорила Барбара, – навещайте отца, когда вздумается, я не только не стану препятствовать, но и с радостью приму вас в нашем доме.

Барбаре было шестьдесят девять, и она выглядела вполне на свой возраст – по крайней мере в тот день. Обычно собранная, подтянутая, Барбара казалась чуть менее элегантной, чуть более неряшливой. Правда, и неделя выдалась тяжелая.

Не только неделя – целый год.

В январе 1996-го Барбара упала с лестницы, сломала грудной позвонок и чуть ли не все кости в ступне. Об этом почти никто не

знал. Барбара не хотела волновать Фрэнка, поэтому помалкивала о своем состоянии. Она носила гипс до колена и особый корсет. Каким-то странным образом ей удавалось целых три месяца скрывать свои травмы под просторными платьями и блузами с высоким воротом. По утверждению Барбары, Фрэнк ничего не замечал. На наш взгляд, это сомнительно.

– В любое время, днем и ночью, я буду счастлива видеть вас всех в нашем доме, – продолжала Барбара и, кажется, не лукавила.

– Господи, Барбара, я этих слов который год жду! – воскликнула Тина.

– Мы все заблуждались; мы вели себя неправильно, – произнесла Барбара, обращаясь к сестрам Синатра. Они закивали. Тогда Барбара их обняла.

Многим казалось, что Фрэнк Синатра не выкарабкается; особо досужие репортеры уже и некрологи состряпали и только ждали официального объявления о смерти. Но Фрэнк выкарабкался. В тот же день, когда его выписали из больницы, он, вернувшись домой, выкурил сигарету и с наслаждением, смакуя каждый глоток, выпил стакан любимого виски «Джек Дэниэлс».

Всю жизнь он руководствовался принципом «всё или ничего». Похоже, принцип обернулся другой стороной – вслед за инфарктом на Фрэнка навалились самые тяжелые недуги. Рак. Мочекаменная болезнь, сопровождавшаяся ужасными болями. Мини-инсульты. И даже зачатки старческого слабоумия.

Фрэнк хранил информацию о своем здоровье в строжайшей тайне. Хотел, чтобы его помнили молодым и полным сил, а не дряхлым и несчастным. Жизнь его можно с полным правом назвать уникальной, но смерть надвигалась самая банальная, безобразная – как у большинства людей.

– Хочешь не хочешь, а жизнь надо любить, – говаривал Фрэнк. – Хотя бы потому, что смерть – тот еще геморрой.

Теперь эти слова стали особенно актуальными.

Фрэнка часто забирали в больницу, причем каждый раз шли тщательные приготовления, имевшие целью скрыть от папарацци истинное состояние Синатры. И следила за этими приготовлениями Барбара. Синатру выносили, завешенного простынями, а окна кареты «Скорой помощи» тщательно заклеивались фольгой. По распоряжению Фрэнка Барбара просила не включать сирену; «Скорая помощь» стояла на светофоре, как обычные автомобили, теряя драгоценное время. В больнице Фрэнка анонимности ради регистрировали либо под именем «Чарли Нит» [«Чарли Здоровый»], либо под именем «Альберт Фрэнсис».

– Фрэнк боролся за свою жизнь, – вспоминала Барбара. – А я боролась за его честь.

Следующие полтора года сами Синатры называли затишьем или перемирием. Тина, Нэнси и Фрэнки проводили в доме отца больше времени, чем когда бы то ни было. Барбара встречала их с распростертыми объятиями. Конечно, семейные проблемы никуда не делись, просто поднимать их всем казалось неуместным. Каждый хотел по максимуму использовать отпущенное судьбой время.

Врачи прогнозировали Фрэнку еще пару лет жизни. Семья воспрянула, услышав эту цифру. В то же время все понимали: быть может, завтра они проснутся – а Фрэнка уже не будет в живых. Обещать что-либо наверняка в таких случаях бессмысленно. Оставалось только держаться вместе, по возможности скрашивать существование Фрэнка и накапливать добрые воспоминания.

Двенадцатого декабря 1996 года Фрэнк отметил свой восемьдесят первый день рождения в кругу семьи. На сей раз обошлось без конфликтов по поводу «программы праздника».

Через месяц, в январе 1997 года, Синатра снова попал в больницу с зашкаливающим кровяным давлением и аритмией. И снова выкарабкался. Однако последствия были еще тяжелее; вся семья со дня на день ждала худшего.

В конце апреля Конгресс принял решение наградить Фрэнка Синатру Золотой медалью. Спонсором выступил нью-йоркский представитель демократов Хосе Серрано, инициировал голосование сенатор от республиканцев Альфонс Д'Амато. Серрано впервые услышал пение Фрэнка, еще будучи двухлетним малышом и живя в Пуэрто-Рико. Расскажем немного о Золотой медали Конгресса США. Одна из старейших государственных наград (она предшествует даже конституции!), Золотая медаль была учреждена для Джорджа Вашингтона в 1776 году. До Фрэнка ее получили триста двадцать выдающихся деятелей, в том числе поэт Роберт Фрост, артист Боб Хоуп, изобретатель Томас Эдисон, «король вестерна» Джон Уэйн, писатель Луис Ламур, военачальник Норман Шварцкопф, госсекретарь Колин Пауэлл.

– Это было не просто признание страной папиных заслуг, – говорит Нэнси-младшая. – Правительство словно бы сказало: «Фрэнк, мы знаем правду, и мы тебя любим».

Время для награды было выбрано удачно – в США остро ощущалась ностальгия по уходящей эпохе Фрэнка Синатры.

Правда, оставался открытым вопрос о том, сможет ли Фрэнк лично получить высокую награду из рук президента Билла Клинтона. Всё лето 1997 года Фрэнк чувствовал себя прескверно.

– Папа всё бы отдал, лишь бы помолодеть лет на двадцать, – вспоминает Нэнси. – Хотя то же самое можно сказать и обо мне, да и, наверное, о каждом человеке. Не знаю, продал ли бы папа душу дьяволу, появись у него такая возможность, но он бы этот вариант точно рассмотрел. Ему действительно было очень плохо.

Здоровье не позволило Фрэнку лично получить медаль.

Двадцать седьмого ноября, в День благодарения, за ужином собрались близкие Фрэнка – Барбара; Нэнси-старшая; Нэнси-младшая и ее дочери, Аманда и Эй-Джи (сокращение от двойного имени Анджела Дженнифер); Тина; Фрэнки и Бобби Маркс. Словом, всё было так, как должно быть в дружной семье. Эти люди прошли через взаимную неприязнь и сплотились ради больного и старого Синатры. И вот он сам появился за столом – в инвалидной коляске, с ярким пледом на коленях. Как странно было видеть его таким!.. Медсестра подкатила коляску к столу, зафиксировала колеса.

– Всем привет, – сказал Фрэнк, окидывая взглядом родных.

Никогда еще не казался он таким слабым и жалким, таким измученным несколькими годами тяжелых болезней. И всё же знаменитые голубые глаза смотрели почти по-прежнему, загорались любовью, когда взгляд падал на дорогих людей. Нэнси-старшая сияла, ловя эти взгляды. Сколько она пережила с Фрэнком – и без Фрэнка, но в надежде снова его обрести! Было и хорошее, и плохое – не было лишь того, что стоило бы забыть. Нэнси, определенно очень сильная женщина, выстояла, и теперь, в восемьдесят лет, казалась спокойной и довольной. Преклонный возраст почти не отразился на ее внешности, она не нажила старческих болезней, была подвижна, активна, сохраняла здравый рассудок.

Фрэнк-младший поднялся и объявил:

– У меня есть тост. Давайте выпьем за папу. Папа, мы все тебя очень любим. Хотя ты, наверное, уже и сам догадался.

– Я тоже вас очень люблю, – произнес Фрэнк, слабо улыбнувшись. – Всех вместе и каждого в отдельности.

Он поднял бокал с вином, и всем бросилось в глаза, как трясется его рука.

Зазвенели бокалы, засветились улыбки. Момент был незабываемый. По сути, от прежнего Фрэнка Синатры ничего не осталось. Однако близкие радовались и тому, что было.

Фрэнк лишь пригубил вино, посмаковал во рту. Поставил бокал на стол.

– Итальянское. Барбера. Хорошее, доброе вино, – похвалил он, кивнув в подтверждение своих слов.

Финал

Всё произошло очень быстро. Четырнадцатого мая 1998 года Фрэнк был помещен в больницу «Синайские кедры», где почти сразу умер. Лечащий врач, Рекс Кеннамер, позвонил Тине домой в двенадцатом часу ночи и сказал только три слова: «Мы его потеряли». Три слова, изменившие абсолютно всё для семьи и очень многое изменившие для мира. У Тины были к врачу вопросы, но она не стала задавать их по телефону. Она быстро оделась, села в машину и помчалась в «Синайские кедры», позвонив Нэнси и прихватив ее по дороге. Заплаканные сестры Синатра нашли отца уже на каталке, с закрытыми глазами и сложенными на груди руками. Барбара, окаменевшая от горя, сидела в уголке.

А вышло так. День протекал спокойно, и вечером Барбара собралась поужинать в ресторане «Мортонз». Фрэнку как раз выписали новое сердечное, он к нему адаптировался. Был, как обычно, вял, слаб и подавлен. Назавтра Барбара намеревалась встретиться с врачом – у нее возникло подозрение, что лекарство дозировано неправильно. Фрэнк лежал в постели, телевизор работал на полную мощность (у Фрэнка ухудшился слух). Барбара зашла пожелать мужу спокойной ночи, убавила звук в телевизоре, поцеловала Фрэнка в лоб.

– Спи спокойно, милый, – сказала Барбара. – Телефон ресторана есть у медсестры. Если что, она сразу позвонит. Ну, пока.

С этим Барбара уехала в ресторан. Она пробыла там совсем недолго. Вдруг к ее столику приблизился официант и сказал, что ей звонят из дома.

Встревоженная Барбара бросилась к телефону.

– Вам лучше приехать, – сказала медсестра. – Я вызвала «Скорую». Мистера Синатра сейчас заберут в больницу.

А ведь Барбара покинула дом всего час назад! Неужели за столь короткое время могли произойти столь фатальные изменения?

– Пульс не прощупывается, – продолжала медсестра.

На бешеной скорости Барбару доставили в больницу. Как она бежала, задыхаясь, по бесконечным коридорам!.. И вот муж перед ней, окруженный врачами. Барбара бросилась к Фрэнку, сжала его руку. Он выглядел слабым, как никогда. Смерть уже нависла над ним.

– Ты должен бороться, мой милый, – произнесла Барбара. – Ты столько раз одерживал верх! Пожалуйста, не сдавайся. Борись!

Фрэнк взглянул на жену. Голубые глаза, почти не замутненные болью, лучились по-прежнему. Бескровные губы зашевелились, и едва слышно Фрэнк прошептал:

– Я больше не могу.

И умер.

Послесловие. Итоговые размышления

На похороны Синатры я попал без приглашения. Сейчас всё объясню.

Фрэнк Синатра скончался через полгода после выхода первого издания настоящей книги. Рекламная кампания была в разгаре, когда не стало главного героя. Я освещал похороны по заданию кабельного канала «Эн-би-си». Была среда, двадцатое мая 1998 года, похоронную мессу служили в церкви Доброго Пастыря в Беверли-Хиллз. Впрочем, о том, чтобы проникнуть в церковь, я и не помышлял – требовалось приглашение от родных и близких покойного, какового приглашения я, конечно, не имел.

И вот я стою со своим бейджиком на церковном крыльце, и подходит ко мне Дебби Рейнольдс в черной шляпке-таблетке и бриллиантовых серьгах.

– Вы ведь идете на мессу, правда? – спрашивает.

Объясняю, что у меня нет приглашения.

– Я вас умоляю! – усмехается Дебби. – Вы написали целую книгу про Фрэнка. Сами знаете: не было такого места, куда он не решался войти, если ему хотелось. Валяйте, заходите в церковь. А если кто-нибудь из Синатр выставит вас вон – значит, так тому и быть. По крайней мере будете для себя знать, что попытались. Событие-то историческое, а вы историк. Дерзайте.

Я отнекивался – мол, не хочу, чтобы убитые горем Синатры уничтожили отснятый материал.

– Ну, как знаете, – раздраженно ответила Дебби. – Эх вы, трус!

И вроде собралась уйти, но незаметно для окружающих что-то сунула мне в руку. Это оказалось приглашение на мессу – по глянцевому белому полю слова: «Похоронная месса по Фрэнсису Альберту Синатре» – дата, время, адрес церкви.

– А вы как пройдете, Дебби? – спросил я.

– Я вас умоляю! – воскликнула Дебби.

Мог ли я воспользоваться чужим пригласительным? А что мне оставалось делать? Я собрался с духом, шагнул на ступень, предъявил приглашение охране и проскользнул в церковь за чьей-то спиной. Всё произошло так быстро, что я сам не верил в свою дерзость. И вот я в церкви, а значит, нужно пройти, сесть на скамью и притворяться близким другом покойного.

Я огляделся. Кругом были знакомые лица: Пол Анка, Софи Лорен, Роберт Вагнер, Джек Леммон, Кирк Дуглас, Вик Деймон,

Ларри Кинг, Эд Макмахон, Сидни Пуатье, Джек Николсон, Тони Кёртис, Джои Бишоп, Лайза Миннелли, Стив Лоуренс, Эйди Горме, Энтони Куинн, Нэнси Рейган. Закрытый гроб стоял возле алтаря под пышными кипами белоснежных гардений. Рядом, на подставке, помещался портрет Фрэнка Синатры. В первом ряду сидели безутешные дети покойного – пятидесятисемилетняя Нэнси, пятидесятичетырехлетний Фрэнки, сорокадевятилетняя Тина. Рядом – вдова, Барбара. Нэнси-старшая села во втором ряду. Хор исполнил «Аве, Мария», слово взял Кирк Дуглас (он заметил, что рай не будет прежним, ведь теперь там оказался Фрэнк). Следом за Дугласом выступали Грегори Пек, Роберт Вагнер и Фрэнк Синатра-младший.

– Вся жизнь моего отца была аномалией, – начал Фрэнк. – Прежде всего его появление на свет. Роды проходили настолько тяжело, что удивительно, как папа вообще выжил. Однако он не просто выжил – он стал певцом. Великим певцом и великим киноактером, и это тоже – аномалии… А возьмите тот факт, что папа дожил до столь преклонных лет. Почему? Уж точно не потому, что он заботился о своем здоровье. Видите? Опять аномалия, притом самая потрясающая.

Закончил Фрэнки теми же словами, какие его отец произнес на похоронах Гарри Джеймса в 1983 году.

– Спасибо за всё. Прощай – и береги себя.

Церемония завершалась. Под церковные своды взмыл бархатный голос Фрэнка Синатры, усиленный колонками: «Отложи мечты до иных времен/ Я займу их место в сердце твоем…»

Тут уж никто не мог сдержать эмоций, и я в том числе. Пусть сам Фрэнк умер – его знаменитый голос жив и будет жить.

После мессы Дон Риклс, Стив Лоуренс, Тони Оппедисано, Бобби Маркс и Фрэнк Синатра-младший взвалили на плечи гроб и медленно понесли прочь из церкви. За гробом, держась по-королевски, следовала Барбара, рядом с ней шел кардинал. Барбара выглядела смертельно усталой, измученной горем. Она несла несколько распятий, специально изготовленных для похорон. Барбара намеревалась раздать их на память друзьям Фрэнка. За Барбарой шла Нэнси Барбато, за ней – Нэнси-младшая и Тина, следом – остальные. Фрэнк-младший, видимо, выплакался накануне похорон. Лицо его было темно, глаза тоже потемнели. Перед тем как сесть в лимузин, Нэнси и Тина (элегантные, несмотря ни на что), в едином порыве обняли своего брата.

– Бедняга, – шепнул про него Вик Деймон, ни к кому конкретно не обращаясь. – Такого отца потерять!.. По крайней

мере у парня есть любящие сестры.

Гроб повезли на кладбище «Дезерт-Мемориал-парк», где покоились Долли и Марти Синатра.

Во время похорон я всё ждал признаков того, что Нэнси, Тина и Барбара наконец-то сблизились. Я этих признаков не дождался. Если они и были, дочери Синатры и его вдова решили скрыть чувства от посторонних глаз. Фотограф неуместно громко попросил их стать покучнее, чтобы можно было сделать снимок. Тина едва не испепелила его взглядом. Уж конечно, время для снимков фотограф выбрал неподходящее.

На следующий день поверенных Фрэнка Синатры ждало некоторое замешательство. Оказалось, что, помимо завещания, составленного в 1991 году и зачитанного наследникам тридцать первого октября того же года, имеется и более позднее завещание. Первый вариант устраивал всех. Объявление о втором варианте, составленном лишь четырьмя днями позже первого, вызвало переполох. Впрочем, условия почти не разнились, только Барбара получала дополнительные три с половиной миллиона долларов.

– Это следовало сделать, – пояснил Элиот Уайсмен.

Синатры ему не возражали – убитые горем, они не имели ни сил, ни желания оспаривать последнюю волю отца.

По условиям завещания Барбаре отходила вся недвижимость (дом в Беверли-Хиллз, дом в Малибу, два дома в городе Ранчо-Мираж, дом в городе Кафедрал-Сити). Также Барбара наследовала все права на «Трилогию» и большую часть движимого имущества, включая столовое серебро, книги, картины и два автомобиля – «Мерседес» и «Роллс-Ройс». А еще – право контролировать использование имени «Синатра». Полагались ей и двадцать пять процентов гонораров компании «Шеффилд энтерпрайзерс», основанной Фрэнком. Нэнси-младшую Синатра назначил генеральным директором этой компании. Нэнси, Фрэнк-младший и Тина получили по двести тысяч наличными плюс ценные бумаги. Их мать, первая жена Синатры, получила двести пятьдесят тысяч наличными. Фрэнку Синатре-младшему достались права на ноты музыкальных произведений отца. Роберт Маркс получил сто тысяч долларов. Также родные дети Синатры отныне обладали правами на большую часть музыкальных каталогов отца, что сулило изрядный доход.

Может показаться, что Синатра обделил своих детей, но это не так. Большая часть чистого капитала Синатры (каковой капитал оценивали в сумму от двухсот до шестисот миллионов долларов) была помещена Фрэнком в доверительный фонд. В отличие от завещания, которое должно утверждаться в суде и

потому является публичным документом, суммы, хранящиеся в доверительном фонде, не подлежат разглашению. Никто не знает, сколько именно там денег. Поэтому нельзя упрекать Фрэнка Синатру в несправедливом распределении своих сбережений среди детей. Синатра отлично позаботился обо всех троих. По словам его поверенного, Харви Силберта, в фонде хранятся очень серьезные суммы. (Добавим от себя малоизвестный факт: в течение жизни Фрэнк Синатра пожертвовал различным благотворительным организациям более миллиарда долларов. Информация об этом есть на официальном сайте, www.Sinatra.com).

Учитывая, сколько после смерти Синатры было выпущено его альбомов – как удачно составленных, так и очень средних, – доходы Фрэнка-младшего, Нэнси и Тины поистине можно назвать поражающими воображение.

В октябре 2013 года компания «Фрэнк Синатра энтертейнмент» (которой наряду с «Уорнер мьюзик груп» руководили члены семьи Синатра) сделала официальное заявление: «Юниверсал мьюзик груп» получает классические записи Фрэнка, сделанные в пятидесятые годы на студии «Кэпитол» и в шестидесятые – на студии «Репризa», для дальнейшей компоновки в угодном ей порядке. На «Кэпитол Рекордз» появился новый логотип – «Подпись Синатры» (Sinatra Signature).

– Приближается столетие со дня рождения нашего отца, и мы рады возможности представить его творчество поклонникам по всему миру – как новым, так и проверенным временем, – заявили Нэнси, Фрэнк и Тина Синатра.

Первый релиз назывался «Синатра: Лучшее из лучшего» (Sinatra: Best of the Best). В него вошли классические, еще на «Кэпитол» записанные композиции: «Я мир на ниточке держу», «Любовь и брак» (Love and Marriage), вместе с хитами, записанными на «Репризе»: «Незнакомцы в ночи» и «Это жизнь». Для искушенного, «проверенного временем поклонника» этот альбом – не слишком удачный сборник похожих песен; для обычного фаната – возможность прослушать любовную биографию Синатры, упиться его живым страстным дыханием.

В 2013 году Нэнси, которой исполнилось семьдесят три, выпустила на своей студии «Бутс энтерпрайзерс инкорпорейтед» новый альбом – «Переключая скорости» (Shifting Gears). В него вошли исполненные дочерью Синатры лучшие хиты семидесятых, например, «Святость» (Holly Holly) Нейла Даймонда и «Парк Макартур» (MacArthur Park) Джимми Уэбба. Наряду с серьезными

композициями в альбоме содержатся песни легкомысленные, например, «Мой нелепый оптимизм» (A Cockeyed Optimist) из мюзикла «Тихоокеанская история» в восхитительной аранжировке Билли Мэя. Словом, сборник продуманный и достойный внимания.

Минуло семнадцать лет с тех пор, как я незваным гостем проник на похороны Фрэнка Синатры. Теперь я рад, что дерзнул. Дебби Рейнольдс не зря взяла меня «на слабо»: бывают *исторические* моменты, упускать их нельзя. Уж конечно, Фрэнк Синатра ни одного важного момента в своей жизни не упустил. Успел ухватить каждый такой момент и выжать из него максимум. В знаковой песне «По-моему» Фрэнк говорит о сожалениях, которые «не стоит поминать».

Церемония завершилась, я шагнул в яркий полдень из церковного сумрака. Пространство перед церковью отделяла от остального мира желтая полицейская лента, за ней толпились бесчисленные поклонники Фрэнка с плакатами и флажками, на которых были трогательные надписи вроде «Мы будем скучать по Голубым Глазам» или «Покойся с миром, Фрэнк». Несмотря на размеры, толпа вела себя очень тихо. Люди были пришиблены горем. Всюду суетились репортеры, и я вспомнил, что целых два часа отлынивал от работы.

Поодаль сверкал на солнце длинный ряд лимузинов, в которых прибыли проститься с Фрэнком особо важные гости. Вдруг я заметил, что несколько человек запрокинули головы и с улыбками смотрят в небо. Я тоже посмотрел. Там, в чистейшей вышине, крохотный самолетик чертил ослепительно белые инициалы: «F» и «S». И мне вспомнилось любимое высказывание Фрэнка: «Я – не один из этих замороченных, закомплексованных типов. Я не пытаюсь познать тайны жизни. Я просто живу день за днем и принимаю то, что дает жизнь».

Инициалы Фрэнка таяли в синеве, а я острее, чем когда-либо, ощущал быстротечность жизни. Поистине нельзя медлить, нужно стремиться изведать всё, что она предложит. Синатра так и поступал. Он ошибался, был скор на суждения и осуждения, не в меру горяч – но он знал радость и страсть, а еще у него была музыка. Подобных Фрэнку Синатре не рождалось на свет – и не родится по крайней мере в обозримом будущем. Он был из особого теста, таких изготавливают в единственном экземпляре. И его, без сомнения, это устраивало.

Мои источники для издания 2015 года

Как уже было сказано, для первого издания настоящей книги я обращался к оригинальным записям интервью с людьми, знавшими Фрэнка. Исправленный вариант содержит дополнительные материалы. Кроме интервью, я использовал данные, добытые мною для других моих биографий, в частности, «Джеки, Этель, Джоан – леди нового Камелота», «Жили-были принцесса Грейс и принц Ренье: По ту сторону сказки», «Элизабет» и «После Камелота: История семьи Кеннеди с 1968 года по настоящее время».

В первое издание не вошли интервью с Джорджем Джейкобсом, камердинером Синатры, прослужившим у него много лет. Мы встречались трижды в январе 1999 года. Интервью имели место уже после выхода первого варианта биографии Синатры, в настоящей книге они публикуются впервые. Также я брал информацию из книги Джорджа Джейкобса, «Мистер С.: Моя жизнь с Фрэнком Синатрой», увидевшей свет в 2009 году. К сожалению, в декабре 2013 Джордж Джейкобс скончался на восемьдесят седьмом году жизни. Он был «классическим» камердинером, сейчас таких уже нет. Кроме того, я брал дополнительные интервью у персон, уже мною опрошенных, а именно: у Теда Хечтмена, Томаса Дибеллы, Джимми Сильвани, Дика Морана и Люси Уэллман. Предполагалось, что их откровения войдут в особое издание в бумажной обложке. Однако запланированная книга так и не была опубликована, и в настоящем издании интервью появятся впервые. Для этого же, несостоявшегося издания, были взяты интервью у Джеффри Хэйдена и Аллана Б. Эккера (об отношениях Фрэнка с Миа Фэрроу), а также у Джорджа Шлэттера.

После первой публикации биографии Фрэнка Синатры его дочери и вдова успели сами подробно написать о своей вражде. Я использовал их откровения для второго издания.

В 1985 году появилась книга Нэнси Синатры «Фрэнк Синатра, мой отец». После смерти Фрэнка в 1998 году Тина опубликовала труд «Папина дочка: Мемуары». Барбара тоже взялась за перо, и в 2012 году вышла ее книга «Леди Голубые Глаза».

Подробности о свадьбе Фрэнка и Авы Гарднер взяты мною из статьи в газете «Филадельфия Дейли Ньюс» от 18 мая 1998 года. Статья называлась «Фрэнк и Ава: Незабываемый день». Автор – Роза Девулф – опиралась на воспоминания Эдриенн Эллис,

дочери Лестера Сакса.

После выхода в свет первого варианта настоящей биографии, где имелось интервью с Барри Кинаном, в обществе возник огромный интерес к похищению сына Фрэнка Синатры. Через полгода после появления книги Кинан дал интервью репортеру Питеру Гилстрепу. Статью «Похищение Синатры» напечатали в журнале «Нью Таймс Лос-Анджелес». Вскорости история была предложена Голливуду в качестве сюжета для фильма и продана кабельному каналу «Шоутайм». Одноименный фильм вышел в 2003 году. Барри Кинана сыграл Дэвид Аркетт, Фрэнка Синатру – Джеймс Руссо, его сына – Томас Иэн Николас. Уильям Х. Мэйси за роль Джона Ирвина был номинирован на премию «Эмми».

Помимо уже названных лиц, я брал интервью у Тома Джанетти (30 января 2014), Эйлин Фейт (14 и 16 марта 2014), Дорис Севанто (17 марта 2014) и Тины Донато (18 марта 2014).

Джои Д'Оразио, которого я активно цитировал в первом варианте биографии, скончался в 2006 году. Я поговорил с его сыном, Тони (18 марта 2014), чтобы уточнить кое-какие детали. Также я брал интервью у Анджелы Вентури, (12 июня 2014) для корректировки сведений, сообщенных ее матерью, Нэнси Вентури.

Благодарности

Поскольку о Фрэнке Синатре я готов говорить бесконечно, настоящая биография подарила мне огромное количество блаженных минут. Благодарю издателя Джейми Рааба за то, что, подобно доброму пастырю, он с самого начала пестовал этот проект. Благодарю моего редактора Гретхен Янг за титанический труд, за который она мужественно взялась после работы над моей же книгой «Хилтоны: Прошлое и настоящее американской династии» (ее Гретхен курировала с первых страниц и до публикации). Выражаю признательность всем, кто помогал мне, особенно – Деб Уитни, ассистентке Джейми Рааба.

Последние шестнадцать лет я с гордостью называю издательство «Гранд Сентрал» родным домом. Это стало возможно благодаря Джейми Раабу, сумевшему создать особую, теплую атмосферу. Как всегда, говорю искреннее «спасибо» редактору Бобу Кастилльо за его неоценимый вклад, Энн Туми – за восхитительную обложку, Клэр Браун – за оформление, Саре Уайсс – за верстку, Тому Уэтли и Жиро Лорберу – за выпуск книги. Спасибо выпускающему редактору Роланду Оттуэллу. Сердечная благодарность Джону Пилоси и всей команде «Пилоси Вулф Эффрон & Спейтс» за анонсирование, с которым эти люди справились блестяще.

Не могу не упомянуть моего агента Митча Дугласа, который представляет меня в США вот уже шестнадцать лет. А бесподобная Дори Симмондс, имеющая собственное агентство в Лондоне, работает со мной ни много ни мало – двадцать лет!

Мне крупно повезло – более двадцати лет я работаю с главным научным консультантом и исследователем Кэти Гриффин. Я в большом долгу перед ней. Вклад Кэти в настоящую биографию просто бесценен. Спасибо моему персональному редактору Джеймсу Пинкстону, который еще в девяностые годы много часов посвятил «Фрэнку Синатре».

Я рад выразить благодарность Мэриэнн Рид за помощь в организации интервью и за выдачу мне распечаток записей, крайне важных в моей работе.

Большое спасибо Джонатану Хану, моему личному публицисту и доброму другу.

Благодарю всех сотрудников «Тим Джи-ар-ти». Спасибо поверенному Джеймсу М. Леонарду, бухгалтеру Майклу Хоровитцу, сотрудникам «Сазерн Калифорния Инкорпорейтед» МакМахону и Зейрему, Фелинде де Янг и всем остальным.

Спасибо Энди Стейнлену, Джорджу Соломону, Джеффу

Хэйру, Энди Хиршу, Сэмюэлю Мьюнозу, Брюсу Рейнсу и Дон Уэстлейк; Ричарду Тайлеру Джордану и моим друзьям. Перечислить их всех здесь просто не представляется возможным!

Моя чудесная семья – истинное благословение Господне – всегда меня поддерживала. Розлин и Билл Барнетт, Джессика и Закари, Рокко и Розмари Тараборрелли; Рокко, Винсент и Арнольд Тараборрелли! Я вас всех очень люблю! Спасибо вам, дорогие мои! Особая благодарность моему отцу, Рокко. И конечно, милому Спенсеру.

Фотографии

Фрэнсис Альберт Синатра в 1938 г., в возрасте 23 лет (mptvimages.com)

Фрэнк Синатра с Бенни Гудманом в студии CBS в «Шоу Фрэнка Синатры» в 1940 г. (mptvimages.com)

Молодая жена Фрэнка Нэнси Барбато в 1940 г., беременная

их первым ребенком, Нэнси-младшей. Фрэнк и Нэнси поженились 4 февраля 1939 г. (The Christaldi Collection / mptvimages.com)

Синатра в 1943 г. «Думаю, просто время было такое, – говаривал Синатра о своем тогдашнем успехе у девушек-подростков. – Людям во время войны был нужен кто-то рядом, за кого можно было бы переживать. В их глазах я был кем-то вроде приятного соседского парня» (mptvimages.com)

Фрэнк со своим первым ребенком, дочерью Нэнси, ок. 1944 г. (The Christaldi Collection / mptvimages.com)

Фрэнк и Нэнси в ночном клубе «Трокадеро», в Голливуде, 1945 г. «Если уж он любил, то до конца, – говорит об отце дочь Синатры, Нэнси. – Он любил всей душой, беззаветно и неизменно» (mptvimages.com)

Фрэнк в 1945 г. (mptvimages.com)

Гордые за своего сына Долли и Марти Синатра вместе с Фрэнком на церемонии в его честь «День Фрэнка Синатры» в Хобокене, Нью-Джерси, 30 октября 1947 г. (mptvimages.com)

Фрэнк и Нэнси с дочерью Тиной, родившейся в 1948 г. (© Mel Traxel / mptvimages.com)

Фрэнк в фильме On the Town («Увольнение в город») студии MGM, 1949 г. (mptvimages.com)

Фрэнк и Ава Гарднер в день свадьбы, 7 ноября 1951 г. Это был третий брак Авы и второй – Фрэнка. Остроумие Авы всегда нравилось Фрэнку. «Часть меня не сомневалась – я стану кинозвездой, – говаривала она. – Но глубоко внутри я все-таки слишком поверхностна» (mptvimages.com)

Страстный – и взрывоопасный – брак Фрэнка и Авы стал настоящей легендой Голливуда. Здесь они на гала-премьере фильма «Снега Килиманджаро» по рассказу Хемингуэя, состоявшейся 18 сентября 1952 г. в кинотеатре «Риволи» в Нью-Йорке. Ава сыграла одну из главных ролей в фильме (The Christaldi Collection / mptvimages.com)

Фрэнк с коллегами-актерами Монтгомери Клифтом *(слева)* и Бёртом Ланкастером в перерыве между съемками фильма From Here to Eternity («Отныне и во веки веков»). Фильм принес Синатре «Оскар» в 1953 г. за лучшую роль второго плана. (mptvimages.com)

Синатра во время записи на студии Capitol Records в 1954 г. «Я люблю записываться поздно вечером, почти ночью, – как-то сказал он. – Чем позже, тем лучше. День – неподходящее время для моего голоса» (© Sid Avery / mptvimages.com)

Классический Фрэнк Синатра образца 1954 года «Каждая его сессия, каждая запись сопровождались невероятным ажиотажем. Уровень ожиданий был высочайшим…» – вспоминал его сын Фрэнк Синатра-младший (© Sid Avery / mptvimages.com)

Фрэнк и его лучший друг из «Крысиной стаи» Сэмми Дэвис-младший в ночном клубе «Киро» в Голливуде, 1 августа 1955 г. На заднем плане – актриса Лорен Бэколл (© David Sutton / mptvimages.com)

Разорвав помолвку с Лорен Бэколл в 1957 году, Синатра разбил ей сердце. «Но Фрэнк сделал мне большое одолжение, – говорила она. – Он спас меня от той ужасной катастрофы, которой обернулся бы наш брак». Здесь Фрэнк с Лорен на вечеринке после вручения премий «Оскар» 30 марта 1955 г. (mptvimages.com)

Фрэнк со своим лучшим другом Дином Мартином в 1958 г. на студии Capitol Records в Голливуде записываются для альбома Мартина Sleep Warm (Photo by Ken Veeder / © Capitol Records / mptvimages.com)

Фрэнк в 1959 г., во время записи альбома Come Dance with Me на студии Capitol Records (© Sid Avery / mptvimages.com)

Легендарная «Крысиная стая» во время съемок фильма

Ocean’s Eleven («Одиннадцать друзей Оушена»), 1960 г.: *слева направо* – Синатра, Дин Мартин, Питер Лоуфорд, Сэмми Дэвис-младший (mptvimages.com)

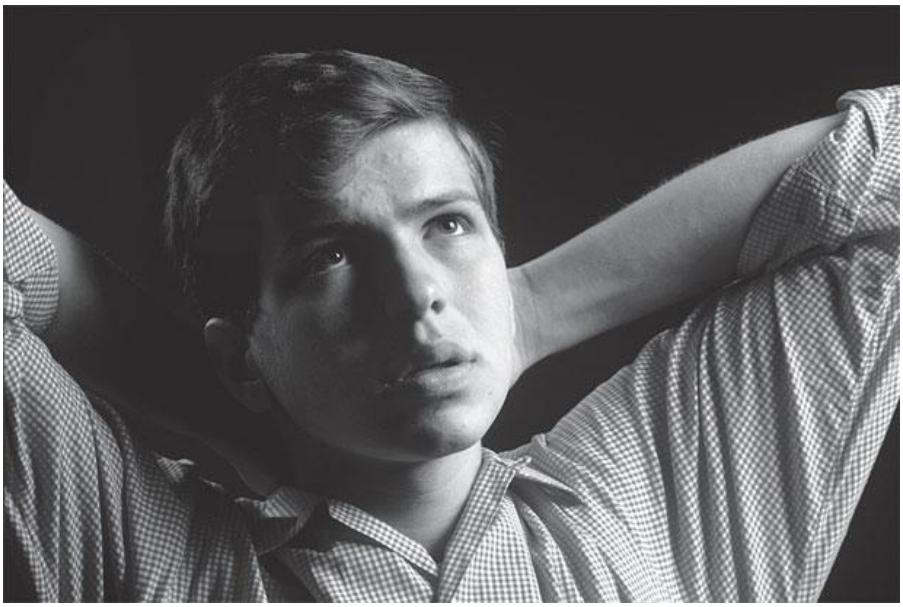
Сэмми, Дин, Фрэнк и Джои Бишоп дурачатся, 1960 г. (© Sid Avery / mptvimages.com)

Фрэнк *(в центре)* в бане в отеле «Сэндс», 1960 г. Рядом – Питер Лоуфорд, Эл Харт (банкир Синатры) и Сэмми Дэвис-младший (© Bob Willoughby / mptvimages.com)

Фрэнк со своим другом – президентом Джоном Ф. Кеннеди на благотворительном ужине в рамках кампании Демократической партии по сбору средств в отеле «Беверли Хилтон» 10 июля 1960 г. Синатра поддерживал президентскую кампанию Кеннеди в 1960 г. и исполнял песню High Hopes («Большие надежды») с новыми словами, ставшую гимном этой кампании (mptvimages.com)

Фрэнк сопровождает Первую леди Джеки Кеннеди к ее ложе во время церемонии инаугурации в 1961 г. (mptvimages.com)

Непринужденная сценка в доме Питера и Пэт Лоуфорд в Санта-Монике, 1961 г.: *слева направо* – Питер Лоуфорд, Пэт Кеннеди Лоуфорд, Фрэнк Синатра и его случайная любовь Мэрилин Монро, Мэй Бритт (замужем за Сэмми Дэвисом-младшим) и Ширли Маклейн (© Bernie Abramson / mptvimages.com)



Фрэнк Синатра-младший в возрасте 17 лет, 1961 г. (© Gene Trindl / mptvimages.com)

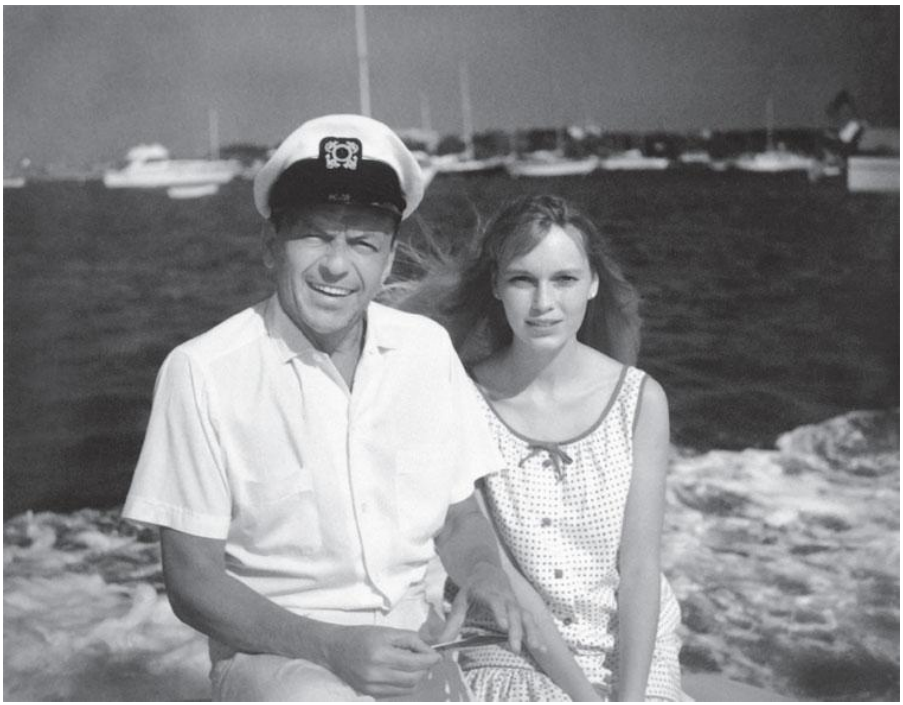
Восемнадцатилетний Фрэнк-младший выступает в Диснейленде, 1962 г. (© Ted Allan / mptvimages.com)

Фрэнк, его дочь Нэнси-мл. и первая жена Нэнси в восторге от первого выступления Фрэнка-младшего в отеле «Фламинго» в 1963 г. (The Christaldi Collection / mptvimages.com)

Фрэнк в своей гримерке (с другом Джилли Риззо) в отеле «Сэндс» в Лас-Вегасе, 1964 г. (© Ted Allan / mptvimages.com)

Семья Синатры: Тина, Нэнси-ст., Нэнси-мл., Фрэнк-мл. Ок. 1965 г. (© John Enstead / mptvimages.com)

Семнадцатилетняя Тина и двадцатипятилетняя Нэнси-мл. сопровождают Фрэнка в отеле «Беверли-Хиллс» на празднование его 50-летнего юбилея. Хозяйками вечеринки были первая жена Фрэнка Нэнси и его дочери (The Christaldi Collection / mptvimages.com)



Фрэнк и Миа Фэрроу в 1965 г. Вторая жена Фрэнка, Ава, будучи много старше, говорила Миа: «Ты, дорогуша, – ребенок, которого у нас с Фрэнком так и не случилось» (© Ted Allan / mptvimages.com)

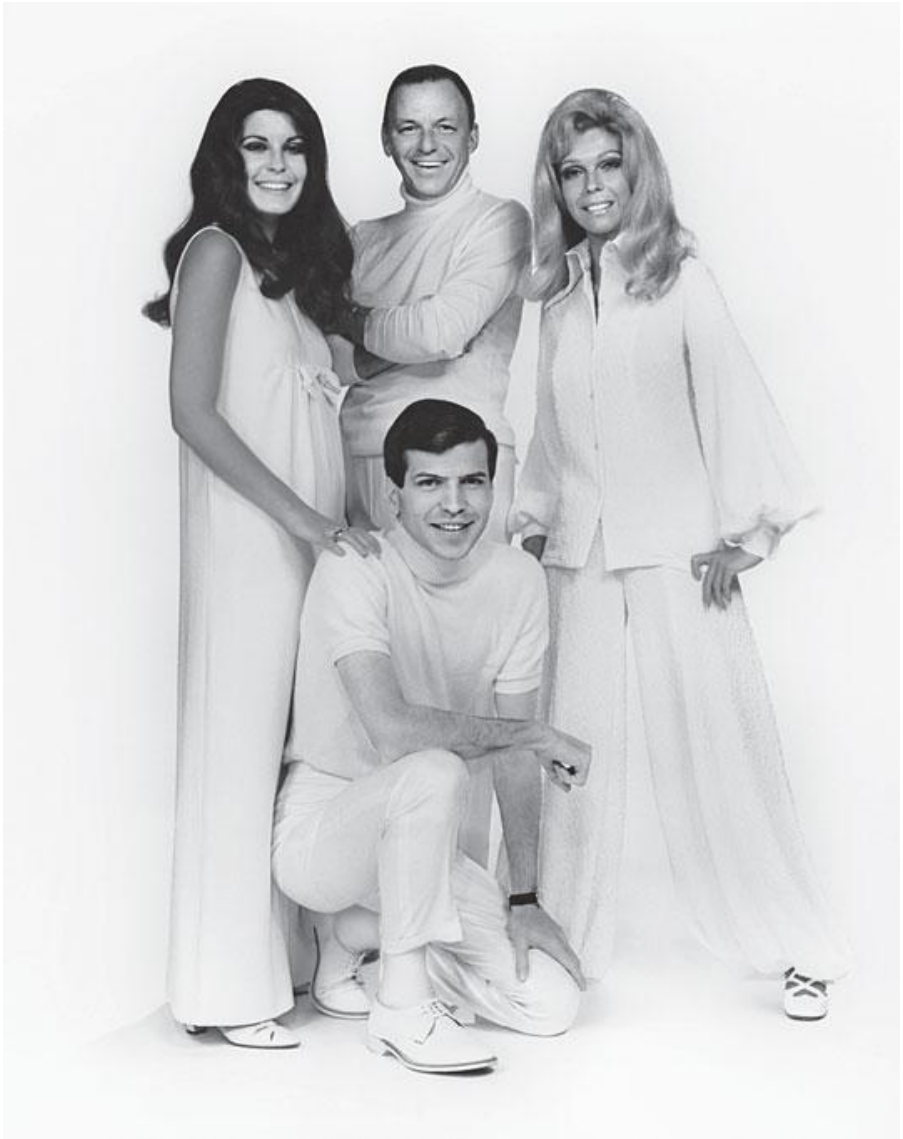
Пятидесятидвухлетний Фрэнк женится в третий раз – на Миа, которой едва исполнился двадцать один год, 19 июля 1966 г. в отеле «Сэндс» в Лас-Вегасе. Этот брак протянул всего два года – но очень бурных два года (© Ted Allan / mptvimages.com)

Миа в день свадьбы. Она говорила, что этот брак в каком-то смысле был, «скорее удочерением» (© Ted Allan / mptvimages.com)

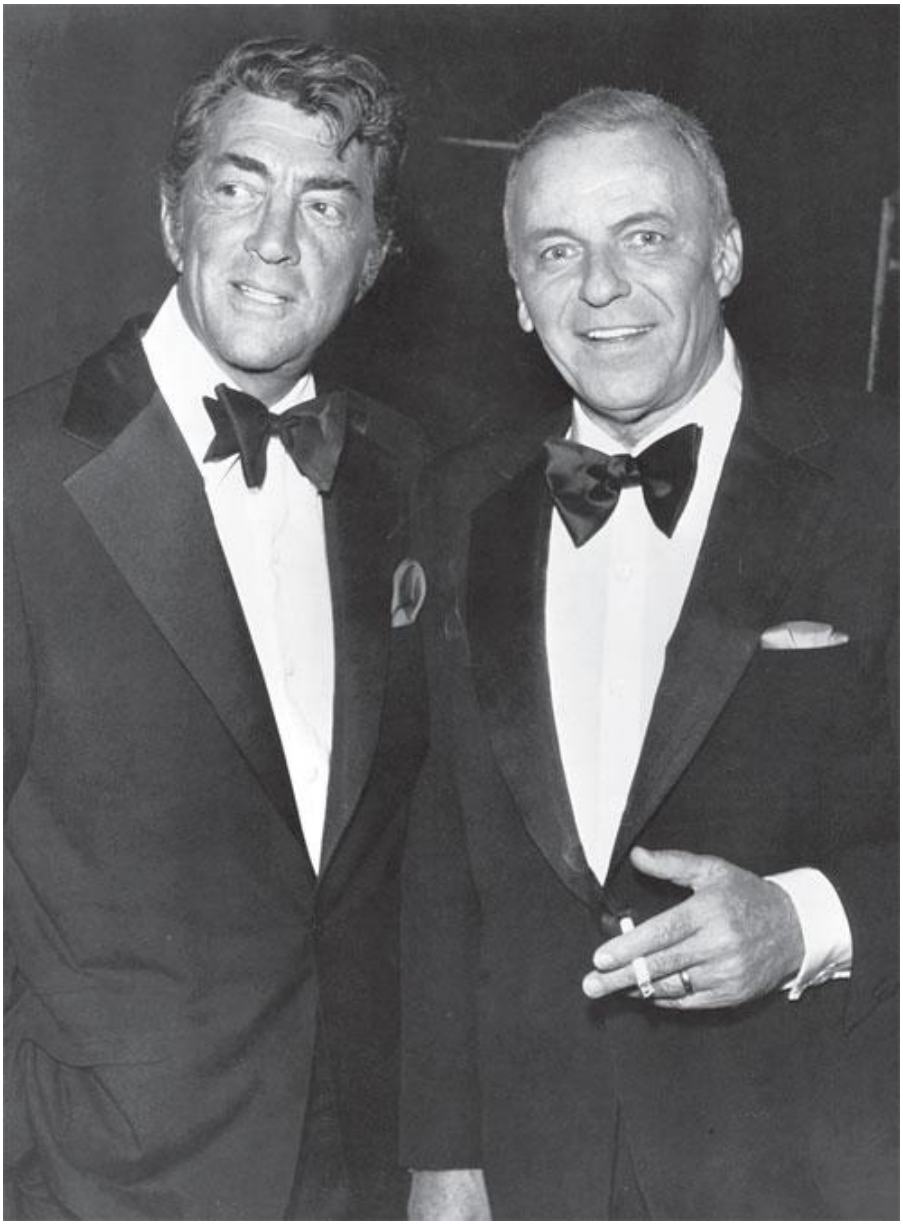
Несмотря на то что отношения отца и сына были далеко не безоблачными, их объединяла настоящая, непреходящая любовь. Старший и младший Синатра на записи «Шоу Дина Мартина», 1967 г. (© Martin Mills / mptvimages.com)

Нэнси и Фрэнк Синатра записывают свой хит Something Stupid, март 1967 г. (© Ed Trasher / mptvimages.com)

Нэнси всегда могла заставить отца улыбнуться (© Ed Trasher / mptvimages.com)

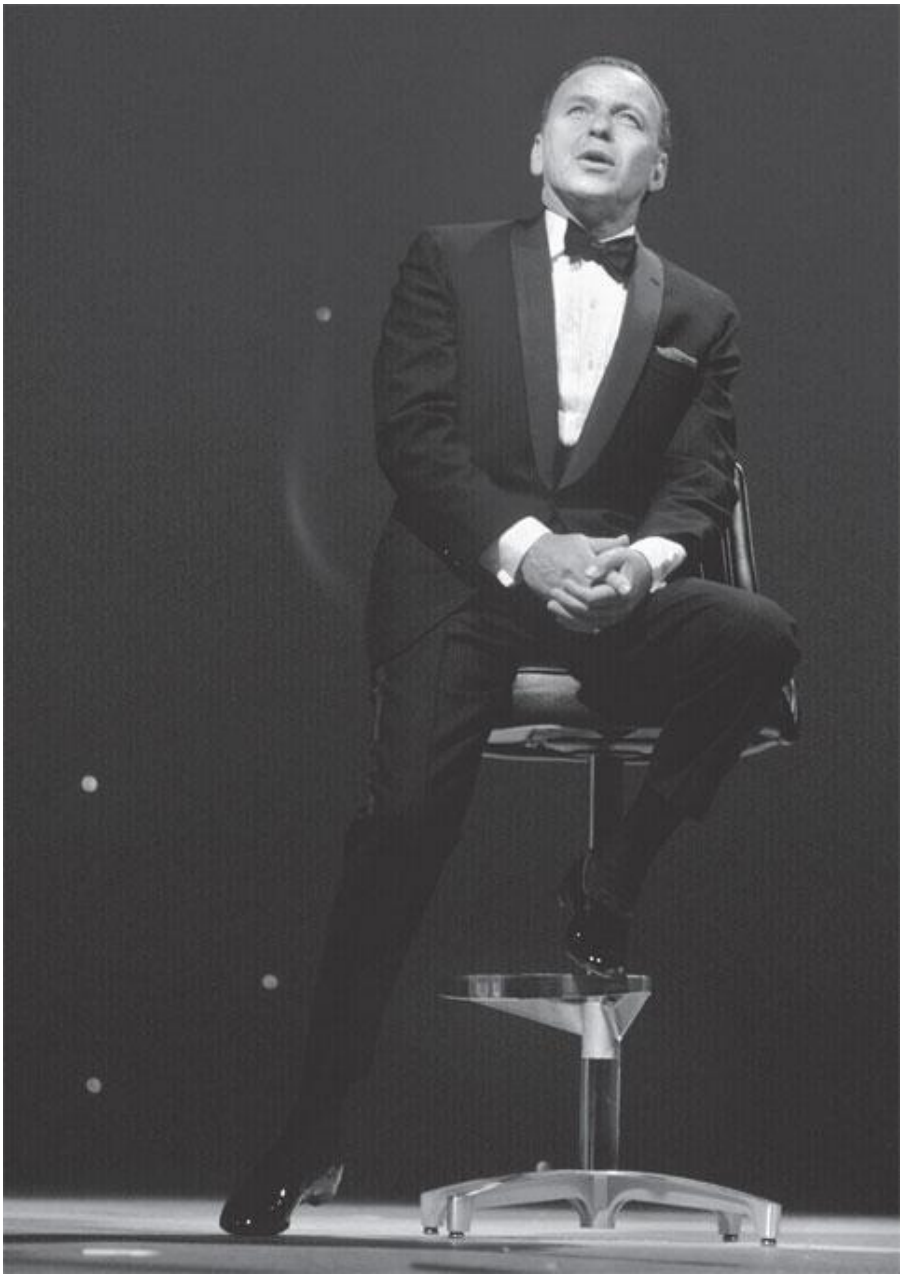


Позируют для обложки рождественского альбома 1968 года, T e Sinatra Family Wish You a Merry Christmas: *слева направо*: Тина, Фрэнк, Нэнси, Фрэнк-младший (© Ed Trasher / mptvimages.com)



Приятели Фрэнк и Дин в конце 70-х (T e Christaldi Collection / mptvimages.com)

Фотосессия для альбома My Way, 1969 г. «Я думаю, мы все убедились в том, насколько вне времени находится музыка, – заметила дочь Фрэнка, Нэнси. – Его песни, надеюсь, составят настоящую славу Америки и будут жить вечно» (© Ed Trasher / mptvimages.com)



Фрэнка Синатру никогда нельзя было представить отдельно от его песен (© Martin Mills / mptvimages.com)

Фрэнк со своей четвертой супругой, Барбарой Макс, в день свадьбы, 11 июля 1976 г., в доме Уолтера Анненберга, бывшего посла США в Великобритании (© David Sutton / mptvimages.com)

Фрэнк со своей матерью на церемонии вручения долгожданного Scopus Award от Еврейского университета Лос-Анджелеса, 14 ноября 1976 г. К сожалению, через неполных два месяца Долли погибла в авиакатастрофе по пути из Палм-Спрингс в Лас-Вегас, направляясь на очередное выступление сына. (© David Sutton / mptvimages.com)

Барбара так и не смогла найти общего языка с дочерями Фрэнка, Нэнси и Тиной, но, похоже, сделала его жизнь счастливой. Их брак продолжался двадцать два года (© David

Sutton / mptvimages.com)

Фрэнк оставался на сцене до февраля 1995 года. Это фотография его выступления на «Лонг-Бич Арена», в Калифорнии. «Живите сто лет, – обратился Фрэнк к зрителям, уходя, – И пусть последнее, что вы услышите, будет мой голос» (mptvimages.com)

notes

Примечания

1

Кронкайт-мл., Уолтер Лиланд (1916–2009) – американский журналист и телеведущий, человек, которому в 70–80 гг., согласно опросам, американцы доверяли больше всех. Побывав во Вьетнаме во время войны, выступил за ее прекращение, чем заставил президента Линдона Джонсона отказаться от выдвижения своей кандидатуры на второй срок. – Здесь и далее примечания переводчика.

2

Пивной ресторан (*нем.*).

3

Братья Маркс – популярный комедийный квинтет. Специализировались на «комедии абсурда» с набором стандартных гэгов – пощечин, метания тортов и т. п.

4

Настоящее имя Сюзанна Жоржетта Шарпантье (1907–1996).

5

Условно освобожденный из тюрьмы за сотрудничество с правительством в 1946 г., Лучано был выслан из США на историческую родину, в Италию, но тайно прибыл на Кубу, вновь получив контроль над операциями американской мафии.

6

Национальный легион приличия (The National Legion of Decency) – организация по борьбе с греховными произведениями кинематографического искусства. Учрежден в 1933 г. Преемником организации является Служба конференции католических епископов США по делам кино и вещания.

Имеется в виду Центр реабилитации алкоголиков и наркоманов, основанный Бетти Форд, супругой Джеральда Форда, вице-президента США (1974–1977), которая сама страдала алкоголизмом.

8

Перечислены небелые артисты.

9

«Something’s Gotta Give». Фильм не был завершен. Через год его пересняли с участием Дорис Дэй и под названием «Я вернулась, дорогой». Оригинальное название – это строчка из песни. Вышедший в 2003 году в США одноименный фильм в российском прокате получил название «Любовь по правилам и без».

10

Имеется в виду фильм «Похищение Синатры» (2003, Stealing Sinatra). Режиссер Рон Андервуд.

11

Персонаж комиксов «Мелочь пузатая» (Peanuts), хозяин знаменитой собаки Снупи.

12

Первый лейбл звукозаписи, созданный афроамериканцем. Компания специализировалась на продвижении чернокожих исполнителей, в шестидесятые здесь было разработано особое музыкальное направление – «ритм-энд-блюз».

13

Герой детских стишков и потешек из книги «Сказки Матушки Гусыни».

14

Л.А. расшифровывается как Лос-Анджелес.

15

Эпизод из сказки Л. Ф. Баума «Удивительный волшебник из Страны Оз».

16

Седьмой студийный альбом Майкла Джексона, выпущенный в 1987 году, назывался «Bad» («Плохой»). В его поддержку было предпринято беспрецедентно большое турне, извесное как Bad Tour.

17

Строка из песни «По-моему» (My Way), англ.: «And now the end is near…»